

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
УЧЕНЫХЪ ПУТЕШЕСТВІЙ
ПО РОССИИ,

ИЗДАВАЕМОЕ ИМПЕРАТОРСКОЮ
АКАДЕМІЕЮ НАУКЪ,
ПО ПРЕДЛОЖЕНІЮ ЕЯ ПРЕЗИДЕНТА.

СЪ ПРИМЪЧАНІЯМИ, ИЗЪЯСНЕНІЯМИ, И
ДОПОЛНЕНІЯМИ.

ТОМЪ ВТОРЫЙ.

ОПИСАНІЕ КАМЧАТКИ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ
1819.

О П И С А Н І Е

З Е М Л И

К А М Ч А Т К И,

сочиненное

СТЕПАНОМЪ КРАШЕНИННИКОВЫМЪ,

АКАДЕМИИ НАУКЪ ПРОФЕССОРОМЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ И ЧЕТВЕРТАЯ.

Сканирование и обработка

Bewerr

У В Ъ Д О М Л Е Н І Е .

Симъ впорымъ помомъ оканчивае­ся Крашенинникова Описаніе Камчап­ки ; въ дополнительномъ помѣ со­общены будущъ въ свое время новѣй­шія извѣстія, касающіяся до тамошня­го края , которыя Академія надѣется получить ошъ своихъ Корреспонден­товъ въ продолженіи изданія путеше­ствій. Апласъ къ сему полному собра­нію ученыхъ путешествій по Россіи будетъ издаваться по шепрадамъ , по мѣрѣ выходящихъ помовъ. Нынѣ вмѣ­стѣ съ симъ помомъ издаеся онаго первая шепрадь , содержащая въ себѣ одну карту , два плана и девять изо­браженій.

Часть Четвертая.

О покореніи Камчатки, о бывшихъ въ разныя времена бунтахъ и измѣнахъ, и о нынѣшнемъ состояніи Россійскихъ остроговъ.

Стран.

- Глава I. О первомъ извѣстіи про Камчатку, о походахъ Камчатскихъ и о заведеніи въ той странѣ Россійскаго поселенія - - - - 325.
- II. О бунтѣ Камчатскихъ козаковъ, о убійствѣ трехъ прикащиковъ, о бывшемъ по тому дѣлу слѣдствіи, и объ отправленіи служивыхъ для провѣдыванія острововъ и Японскаго Государства, для заслуженія винъ своихъ - - - - 340.
- III. О прикащикахъ бывшихъ послѣ Василья Колесова до главнаго Камчатскаго бунта, что при которомъ достойнаго примѣчанія сдѣлалось; о приключеніяхъ при вывозѣ ясачной казны съ Камчатки, и о провѣданіи пуши изъ Охотска на Камчатку чрезъ Пенжинское море - - - - 359.
- IV. О измѣнѣ Камчадаловъ, о сожженіи Нижняго Камчатскаго острога, о покореніи ихъ, и о бывшемъ по тому дѣлу слѣдствіи и розыскѣ - - - - 375.

Х О Г Л А В Л Е Н І Е

	Стран,
Глава V, О нынѣшнемъ состояніи Камчатскихъ остроговъ, о ихъ преимуществѣ и недоспапкахъ въ сравненіи между собою - -	391.
VI. О житіи тамошнихъ козаковъ, о изобрѣшеніи правянаго и ягоднаго вина, о куреніи, о прежней винной продажѣ, и о доходахъ козачьихъ - - -	402.
VII. О подчиненныхъ каждому Россійскому острогу Камчатскихъ и Коряцкихъ острожкахъ, о посылаемыхъ къ нимъ сборщикахъ, и о другихъ казенныхъ Камчатскихъ доходахъ - -	410.
VIII. О купечествѣ - - -	422.
IX, О разныхъ дорогахъ, которыми изъ Якутска на Камчатку ѣздятъ - - - - -	431.
Прибавленіе	467.

Продолженія описанія Камчатки.

Часть Третья.

О Камчатскихъ народахъ.

	Стран.
Глава I. О Камчатскихъ народахъ вообще	1.
II. О произхожденіи названія Камча- далъ и Камчатскаго народа по однимъ шокмо догадкамъ - - -	13.
III. О прежнемъ состояніи Камчат- скаго народа - - - - -	22.
IV. О Камчатскихъ острожкахъ -	37.
V. О домовой посудѣ и о другихъ нуж- ныхъ въ житіи потребностяхъ -	45.
VI. О мужской и женской работѣ -	55.
VII. О Камчатскомъ платьѣ - -	61.
VIII. О пищѣ и питіи Камчатскаго народа, и о приготовленіи оныхъ	70.
IX. О ѣздѣ на собакахъ, и разныхъ къ оной принадлежащихъ при- борахъ - - - - -	77.
X. О военномъ Камчатскомъ ополче- ніи - - - - -	83.
XI. О Богѣ, о сотвореніи земли и о догматахъ Камчатской вѣры -	100.
XII. О шаманахъ Камчатскихъ -	114.
XIII. О праздникахъ и наблюдаемыхъ при томъ обрядахъ - - -	118.
XIV. О играхъ и забавахъ Камчат- скихъ - - - - -	147.

	Стран.
Глава XV. О сведеніи дружбы и о частномъ подчиваніи гостей - - -	159.
XVI. О сватаньѣ и свадьбахъ - -	164.
XVII. О рожденіи и воспитаніи дѣ- тей - - - - -	171.
XVIII. О болѣзняхъ и лѣкарствахъ	177.
XIX. О погребеніи умершихъ - -	184.
XX. О различныхъ нарѣчійхъ Кам- чатскаго народа - - -	187.
XXI. О Коряцкомъ народѣ - -	195.
Собраніе словъ различныхъ Ко- ряцкихъ нарѣчій - - -	229.
Прибавленіе къ предъидущей гла- вѣ - - - - -	244.
XXII. О Курильскомъ народѣ - -	257.
Собраніе словъ Курильскаго языка - - - - -	267.
XXIII. О Сѣверозападныхъ Американ- цахъ и о жителяхъ острововъ, лежащихъ между Сѣверово- сточною Азією и Сѣверозапад- ною Америкою - - - -	273.
Прибавленіе къ предъидущей главѣ: О Алеусахъ - - -	281.
О народахъ обитающихъ сѣвер- нѣ Аляксы и въ Нортоновой губѣ - - - - -	296.
О Коиягахъ - - - - -	299.
О Чугачахъ и Кенайцахъ - -	315.
О Колюжахъ и Угалахмюсахъ -	318.

ОПИСАНІЕ КАМЧАТКИ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

О КАМЧАТСКИХЪ НАРОДАХЪ

Г Л А В А I.

О Камчатскихъ народахъ вообще.

Камчатка, сколь дикое мѣсто по своему состоянію, столь и дикими народами обитаема. Иные изъ нихъ живутъ какъ Лопари, переходя съ мѣста на мѣсто съ оленьими табунами своими; другіе по рѣкамъ въ Восточное и Пенжинское море текущимъ, не перемѣняя жилищъ своихъ, и имѣя отъ ловли рыбной или морскихъ звѣрей пропитаніе; а иные по островамъ лежащимъ около Курильской лопатки, питаются морскими звѣрями, рыбою и всякими извергаемыми изъ моря, и распускаемыми около береговъ вещами, какъ на примѣръ рѣпною морскою, капустою, раками и прочая. Первые живутъ въ юртахъ изъ оленьихъ кожъ,

а прочіе въ землянкахъ. Всѣ вообще житіемъ гнусны, нравами грубы, язычники не знающіе Бога, и не имѣющіе никакихъ письменъ (1).

Природныхъ тамошнихъ жителей считается три народа, Камчадалы, Коряки, и Курилы. Камчадалы живутъ въ южной части Камчатскаго мыса, отъ устья рѣки Уки до Курильской лопатки, и на первомъ Курильскомъ островѣ, называемомъ Шоумшчу. Коряки въ сѣверныхъ мѣстахъ, вокругъ Пенжинскаго моря до рѣки Нукчана, и вокругъ Воспчнаго Океана почти до Анадыря; а Курилы на второмъ Курильскомъ островѣ

(1) Камчадалы уже съ давняго времени обращены въ Христіанскую вѣру, и теперь не осталось между ними ни малѣйшихъ слѣдовъ язычества, и ихъ прежнихъ обычаевъ, кромѣ одной только пляски. Они нынѣ почти совершенно обрусѣли; не оставяя своего языка, говорятъ всѣ по Руски, Сибирскимъ нарѣчіемъ, только протяжно. Впрочемъ столь же лѣнны и не опрятны какъ и прежде; весьма гостепріимны, лихи, раболѣпны, до крайности лукавы, пристрастны къ водкѣ и нюхательному табаку, очень слабы, и когда пьяны, говорливы. Воровство очень рѣдко между ими случается, а тѣмъ рѣже еще смертоубійство. Въмѣсто землянокъ спроятъ нынѣ Рускія избы, лѣшомъ же живутъ, по прежнему, въ балаганахъ. В.

и на другихъ до Японскаго владѣнія. И такъ Камчадалы съ южной стороны имѣютъ въ сосѣдствѣ Куриловъ, а съ сѣверной Коряковъ. Коряки смежны съ Чукчами, Юкагирами и Ламушками, а Курилы съ Камчадалами и Японцами.

Камчадаловъ, по разности языка, можно раздѣлить на два народа, на сѣверной и южной. Сѣверный народъ, который имѣетъ свои жилища по рѣкѣ Камчаткѣ съ вершины до устья, и по берегу Восточнаго Океана отъ устья Уки рѣки на югъ до устья Налачевой, за сполповой по справедливости почестся можетъ, ибо оный и поступками въ разсужденіи другихъ лучше, и нравами не столь суровъ, и въ языкѣ ни гдѣ почти никакой не имѣетъ опмѣны. Напротивъ того у прочихъ въ каждомъ оспрогѣ особое нарѣчіе примѣчается. Южной народъ по Восточному мѣрю отъ Налачевой до Курильской лопапки, а по Пенжинскому отъ Лопанки на сѣверъ до рѣки Харіузовой имѣетъ свои жилища.

Коряки раздѣляются просто на два же народа, на Оленныхъ, и сидячихъ. Оленные съ шабунами своими съ мѣста на мѣсто кочуютъ, а сидячіе живутъ при рѣкахъ, какъ Камчадалы. Въ языкѣ имѣютъ такую разность, что Оленные сидячихъ едва раз-

умѣть могутъ, а особливо пѣхъ, кои смежны съ Камчадалами, и многія слова ихъ въ своемъ языкѣ употребляютъ.

Такимъ же образомъ раздѣляютъ нѣкоторые и Курильцовъ, на дальнихъ и ближнихъ. Подъ именемъ дальнихъ разумѣются Курильцы на дальнихъ и на второмъ Курильскомъ островѣ живущіе, пошому что они выѣжжіе съ другихъ острововъ; а подъ именемъ ближнихъ жилища перваго Курильскаго острова и Курильской лопатки. Но сіе раздѣленіе несправедливо. Ибо хотя объявленные перваго острова и Курильской лопатки жилища въ языкѣ своемъ, въ обрядахъ и въ тѣлесномъ видѣ нѣсколько отъ Камчадаловъ и различиваются, однако заподлинно извѣстно, что они происходятъ отъ Камчадаловъ, которыхъ я называю южными; а помнящая разность происходитъ отъ сосѣдства, обхожденія и взаимнаго супружества съ населяющими Курилами.

Камчадалы, какъ сѣверные, такъ и южные называютъ себя *Ительмень*, жилища, а въ женскомъ родѣ *Ительма*, которое названіе происходитъ отъ глагола, *Ителлахса* живу, какъ именуется господинъ Стеллеръ. *Кима ителлахса*, значитъ, я живу, а *Месъ* человека; *ма ителлахсанъ*, гдѣ онъ живетъ? Корни сихъ словъ, по егожъ объ-

явленію, остались въ языкѣ Камчадаловъ, копорые живутъ между рѣками Немпи-комъ и Морошечною. Всемилоспивѣйшую Государыню, называющъ они, *Коать Аеремъ*, по есть Государь сіяющій какъ солнце, безъ различія пола, ибо солнце на ихъ языкѣ *Коать*, а Государь *Аеремъ*. Россіяны вообще именуютъ, *Брыхтатынъ*, огненные люди, по причинѣ огнестрѣльнаго оружія, копорого они не видая прежде, и не имѣя о стрѣльбѣ изъ него понятія, думали, что огонь не изъ ружья выходитъ, но что Россіяне огненное имѣютъ дыханіе. Коряки на ихъ языкѣ *Таулюганъ*, Курильцы *Кушинъ* и *Кужинъ*.

Камчадалы между прочимъ имѣютъ такое смѣшное обыкновеніе, что всякую вещь своимъ языкомъ назвать стараются, смотря на сходство ея имени, на дѣйствія и на другія обстоятельства; буде же понятіе какой вещи имъ трудно, и сходства имени скоро не сыщутъ, по и чужестранное имя принимаютъ, но такъ его испор-тя, что почти не будетъ имѣть съ сущимъ именемъ и подобія. Такимъ образомъ священникъ у нихъ называется *Богбогъ*, безъ сумнѣнія для того, что часто Бога упоминаетъ; Докпоръ *Дуктонасъ*, Студентъ *Сокейнахтъ*, студеной, хлѣбъ *Брых-*

татынъ аугъ, Россійская сарана; дьячокъ *Ки аангытъ*, морской оспрохвостъ ушка, которая, по ихъ мнѣнію, также какъ дьячекъ поешъ; колоколъ *Кукъ*, желѣзо *Багу*, кузнецъ *Базакиса*, матрозъ *Угавсшини-тахъ*, на верхъ лазящій, конопатчикъ *Калупасанъ*, чай *Сокосохъ*, чайка; Подполковникъ, которой будучи при слѣдствіи многихъ вѣшалъ, *Итахзашахъ*, вѣшатель.

Оленные Коряки сами себя называютъ *Тумугуту*, Россіянъ *Мельгытангы*, какъ уже выше объявлено, Камчадаловъ *Хонгала*, а о Курильцахъ не знаютъ. Сидячіе себя называютъ *Чаугу*, Россіянъ также какъ Оленные *Мельгытангы*; Камчадаловъ *Нымылага*, а Курильцовъ *Куинала*.

Курильцы себя называютъ *Уйвѣтѣ-Ееке* (1), Курильцовъ неясашныхъ, кои на дальныхъ островахъ живутъ, *Яункурѣ*, Россіянъ *Сисіанъ*, Камчадаловъ *Арѣтарункурѣ*, а про Корякъ не вѣдаютъ.

Что значатъ названія, о которыхъ знаменованіи не упомянуто, того по причинѣ грубости народовъ и неискusstва толмачей не можно было провѣдать. Впрочемъ довольно видѣть можно всякому, что мы

(1) Въ первомъ Томѣ на стран. 140 помѣщено примѣчаніе, относящееся къ сему предмету. В.

ни одного народа собственнымъ его именемъ не называемъ, но по большей части такимъ, какимъ они назывались отъ соседей, которые прежде отъ Россіи завоеваны были, придавъ имени ихъ свое окончаніе и нѣсколько испортивъ. Такимъ образомъ Камчадаловъ называемъ мы по Коряцки, ибо Камчадалъ отъ Коряцкаго Хончала происходитъ; Курильцовъ по Камчатски, ибо Курилецъ отъ куші имѣетъ свое начало.

О происхожденіи Коряцкаго имени хотя неизвѣстно заподлинно, однако Шеллерово о томъ примѣчаніе, что слово Коряка происходитъ отъ Хора, Оленя, весьма вѣроятно; ибо козаки по приходѣ къ сему народу, можетъ быть, часто слыша слово Хора, или видя, что благополучіе помянутыхъ иноземцевъ состоитъ въ Оленныхъ пабунахъ, прозвали ихъ Коряками, то есть Оленнымъ народомъ. Чукочи, живущій въ Чукоцкомъ носѣ немирной народъ, называется также испорченнымъ именемъ *Чаугу*, которое общее есть всѣмъ сидячимъ Корякамъ. Одно неизвѣстно происхожденіе имени Юкагиръ, съ которымъ народомъ Оленные Коряки пограничны въ сѣверѣ. Коряцкое имя, едель, то есть волкъ, которымъ они называютъ Юкагировъ, по причинѣ пропишанія ихъ звѣриною ловлею,

которую уподобляютъ волчьему хищенію, за начало Юкагирскаго наименованія почестъ сумнишельно, хопя между обоими именами и есть нѣкоторое сходство; особливо же что не знаемъ мы, какъ Юкагиры сами себя называютъ, и какъ сосѣды ихъ, которые живутъ къ Якутску ближе (1).

---

(1) Въ путешествіи Вице - Адмирала Г. А. Сарычева содержится слѣдующее описаніе Юкагировъ. Сей народъ прежде былъ многолюденъ, страшенъ своимъ сосѣдамъ, и обладалъ многими пространными землями. Но когда отъ распространившихся заразительныхъ болѣзней, оспы и другой, называемой тамъ *Киликинскою*, многіе перемерли; тогда сосѣды ихъ Коряки и Тунгусы взяли верхъ, и по прежней ненависти своей къ нимъ стали утѣснятъ въ промыслахъ; отъ сего произошли войны, которыми истребился весь почти ихъ родъ. Остальные должны были искать защиты у Россіянъ, и поселяться близъ оспроговъ. Частое обращеніе Юкагировъ съ тамошними козаками не чувствительное ввело между ними, какъ обычай ихъ, такъ и платье. Прежній же образъ жизни и одежда Юкагировъ сходствовали съ Тунгусскими: подобно Тунгусамъ имѣли они оленей, кочевныя юрты, и переходили съ мѣста на мѣсто; но теперь живутъ въ землянкахъ, и вмѣсто оленей для зимней ѣзды держатъ нарты съ собаками. Питаются рыбою и сохатымъ мясомъ (сохатымъ называется тамъ

Что касается до языка Камчатскихъ народовъ, то ихъ, по числу народовъ, при считается: Камчатской, Коряцкой и Курильской; впрочемъ каждый языкъ, по разности нарѣчія, на особливые языки раздѣляется. Въ Камчатскомъ языкѣ три главныя нарѣчія: одно употребляется у сѣверныхъ, а

опмѣнной величины лось). Сихъ звѣрей на островахъ по рѣкамъ водится довольно, особливо славна ими рѣка *Кордокомль*, впадающая въ рѣку Колыму вверхъ отъ острога въ двухъ стахъ верстахъ, куда Юкагиры обыкновенно весною, въ Апрель мѣсяцѣ, ѣздя на собакахъ ловить разныхъ звѣрей, какъ то: соболей, лисицъ, росомахъ и бѣлокъ. Но главной промыселъ составляютъ сохатые, которыхъ Юкагиры обыкновенно гоняютъ на лыжахъ съ собаками; охотники мучатъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не выбьются они со всѣмъ изъ силъ и не остановятся, чему способствуютъ чрезвычайно глубокіе снѣги, и бывающій въ сіе время настъ (настъ есть отвердѣлая поверхность снѣга, которая бываетъ только весною, когда снѣгъ отъ солнца приплаваетъ во время дня, а ночью замерзаетъ), которой подымаетъ только на лыжахъ охотниковъ и собакъ, а сохатаго, по его тягости, не держитъ; слѣдственно ни одинъ почти изъ сихъ звѣрей уйпи не можетъ. Сохатаго мясо разрѣзываютъ на тонкія пластинки, и сушатъ на воздухѣ. По вскрытіи рѣки, на площадяхъ приплываютъ Юкагиры

другое у южныхъ Камчадаловъ. Сіи два нарѣчія такъ между собою различны, что можно ихъ почестъ и за два разные языка; однако Камчадалы другъ друга безъ толмача разумѣютъ, хощя слова ихъ нарѣчій не имѣютъ почти никакого сходства, чему господинъ Спеллеръ не безъ причины удивляется. Третьимъ нарѣчіемъ можно почестъ языкъ, которымъ говорятъ жители Пенжинскаго моря отъ Воровской рѣки до Тигиля, и который состоитъ изъ обоихъ вышеписанныхъ нарѣчій, и изъ нѣкотораго числа Коряцкихъ словъ. Въ Коряцкомъ язы-

---

въ острогъ, и тогда съ козаками бываетъ у нихъ общее празднество и пьянство. Между тѣмъ промѣниваютъ своихъ зѣрей козакамъ на привезенныя ими изъ города нужныя для нихъ вещи и табакъ, къ которому очень пристрастны. Ярмонка сія продолжается до тѣхъ поръ, какъ рѣка послѣ разлива, войдетъ въ берега: тогда разбѣжжаются всѣ по разнымъ мѣстамъ ея, для промыслу рыбы. Юкагиры, отъ обращенія съ козаками, хощя и приняли Христіанской законъ; однако суевѣріе и шаманство не истребилось; потому, что сами козаки будучи не болѣе ихъ просвѣщенны, закоснѣваютъ въ предразсудкахъ, и въ нужныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ шаманству. Многія болѣзни приписываютъ колдовству, и вѣрятъ, что иногда на людей нападаетъ злой духъ. В.

къ (1) два же нарѣчія, одно Оленныхъ Корякъ, а другое сидячихъ. О Коряцкомъ языкѣ хопя и неизвѣстно заподлинно, сколько въ немъ нарѣчій; ибо подданные Россійскіе говорятъ однимъ языкомъ, а о другихъ и сами не знаютъ; однако сумнѣваться почти не можно, чтобъ у нихъ по разнымъ острогамъ не было въ языкѣ по крайней мѣрѣ такой же ошмѣны, какова у Камчадаловъ южныхъ и у сидячихъ Корякъ по разнымъ острожкамъ примѣчается.

Камчатской языкѣ выговаривается половиною въ горлѣ, и половиною во ртѣ. Произношеніе ихъ языка тихо, трудно, съ пропяженіемъ и удивительнымъ пѣлодвиженіемъ; а сіе показываетъ людей боязливыхъ, раболѣпныхъ, коварныхъ и хитрыхъ, каковы они и въ самомъ дѣлѣ.

Коряки говорятъ изъ всего горла съ великимъ крикомъ и замѣшательствомъ: слова въ языкѣ ихъ долги, но слоги коропки; начинаются по большей части съ двухъ гласныхъ и на гласныя же кончатся, какъ на примѣръ *Цемкай*, важенка или неѣжжалой олень. Нравы сего народа согласны съ язы-

---

(1) Стеллеръ третимъ нарѣчіемъ почитаетъ Чукоцкой.

комъ ихъ, какъ въ описаніи его объявлено
будетъ.

Курилы говорящъ шихо, плавно, свободно и пріятно. Слова въ языкъ ихъ посред-
спвенны, гласныхъ и согласныхъ въ нихъ
умѣренно; да и самой народъ всѣхъ дикихъ
народовъ добронравнѣе, оспорожнѣе, прав-
дивѣе, постояннѣе, обходительнѣе и че-
спололюбивѣе.

ГЛАВА II.

О происхожденіи названія Камчадалъ и Камчатскаго народа по однимъ токмо догадкамъ.

Хотя и выше сего объявлено, что названіе Камчадалъ происходитъ отъ Коряцкаго имени *Хонгало*, однако причины не показано, съ чего Коряки Камчадаловъ такъ называютъ, и для того должно сообщить здѣсь изъясненіе.

Нѣкоторые пишутъ, аки бы помянутой народъ Камчадалами отъ Россіянъ прозванъ по рѣкѣ Камчаткѣ, которая до ихъ еще прихода называлась Камчаткою, по имени славнаго воина Кончаша, и аки бы Россіяне отъ тамошнихъ язычниковъ чрезъ знаки примѣняя, что великая оная рѣка *Кончатка* по ихъ именуется, всѣхъ тамошнихъ жителей прозвали Камчадалами. Но сіе есть искусной вымыселъ и предразсужденіе: 1) для того, что Россіянамъ съ Камчадалами чрезъ знаки говорить не было нужды, ибо при нихъ довольно было полмачей изъ сидячихъ Корякъ, которые Камчатской языкъ совершенно знаютъ; 2) что

имя Кончашъ Камчадаламъ невѣдомо; 3) а хопя бы того имени и былъ у нихъ чело-
вѣкъ, по рѣка не могла прозваться его име-
немъ: ибо Камчадалы ни рѣкъ, ни озеръ, ни
горъ, ни острововъ именемъ людей не на-
зываютъ; но даютъ имъ имена по нѣкимъ
свойственнымъ имъ качествамъ, или по
сходству съ другими вещами; 4) что Кам-
чашка рѣка не Коншашкою, но Уйкуалъ, по
есть большею рѣкою называется, какъ уже
выше объявлено. А съ чего Коряки Камча-
даловъ зовутъ *Хонгало*, о томъ хопя за-
подлинно объявить и не лзя, для того что
Коряки и сами причины тому не вѣдаютъ;
однако не безъ основанія думать можно, что
Хонгало есть испорченное слово изъ *Коотъ-
ай*, что значитъ жилища по рѣкъ Еловкъ,
которая течетъ въ Камчашку, и Коочь на-
зывается, какъ въ первой части сего опи-
санія показано.

Камчадалы кромѣ общаго имени Ипель-
мень, различаютъ себя отъ большѣй части
названіемъ рѣкъ или другихъ урочищъ, гдѣ
они жилища свои имѣютъ: такъ напримѣръ,
Кыкша-ай, жилища при Большѣй рѣкъ, *Суачу-
ай*, жилища при Авачѣ, *Коочь-ай*, Еловской
жилища и прочая (1), ибо ай, приложенное къ

---

(1) Жители Курильскихъ острововъ такимъ же

названію рѣки или другаго какого урочища, значимъ жишеля того мѣста, къ которому прилагается, такъ какъ Ипельмень вообще Камчатскаго жишеля.

Которые Кончаша славнымъ воиномъ памошнихъ мѣстъ называютъ, тѣ въ одномъ помѣ ошиблись, что храбрость оную одному человѣку приписали, которую надлежало приписать всѣмъ Еловскимъ жишелямъ, изъ которыхъ каждой *Коочъ-ай*, или по ихъ *Кончатъ* называется. Ибо сіе самая правда, что Еловскіе жишели издревле почитались храбрыми, и славны были предъ прочими; чего ради и Корякамъ, какъ по сосѣдству, такъ и по той знаши, подъ именемъ своимъ *Коочъ-ай*, которымъ они и отъ другихъ Камчадаловъ называются, были вѣдомы.

О перемѣнѣ Коочъ-ай на Хончала, и Хончала на Камчадала, въ разсужденіи нарочитаго сходства именъ, немногіе, чаю, сумнѣвались имѣютъ; особливо которыми извѣстно, коимъ образомъ и въ самыхъ Европейскихъ языкахъ чужеспранныя слова порпятыся, а по памошнимъ мѣстамъ пысячи оному примѣровъ показать можно, какъ непокмо язычники, но и самыя Россіане чу-

---

образомъ различаются, прилагая *Айну* (человѣкъ) къ названію обитаемаго ими острова. В.

жія названія портятъ. Такъ напримѣръ изъ Усѣ кыгѣ, то есть Усѣ рѣчка, сдѣланы у нихъ Ушки, изъ Кру-кыгѣ крюки, изъ Уушу ушка, изъ Кали-кыгѣ Халилики, изъ Кужи Курилѣ или Курилецѣ и прочая. Чтожь касается до происхожденія Камчатскаго народа, до прежняго мѣста жилищъ ихъ, до преселенія въ сіи мѣста, и до времени преселенія, того хотя съ такою исправностію, какова требуется по исторической достовѣрности, показатъ и не возможно; ибо дикой оной народѣ, у котораго всѣ доказательствва древности состоятъ въ словесныхъ преданіяхъ, и самъ ничего о томъ не вѣдаетъ, но наипаче утверждаетъ, что они на семъ мѣстѣ сотворены, и ни въ какія другія мѣста никогда не преселялись, а пшворцомъ своимъ и прародителемъ почитаютъ Купху, который прежде живалъ на небѣ, какъ о томъ ниже объявлено будетъ пространнѣе; однако по склонности, по внѣшнему виду, по обычаямъ, по имени, по языку, платью, и по другимъ обстоятельствомъ думать можно, что Камчадалы въ древніе годы преселились туда изъ Монголіи, которой древности Спеллеръ приводитъ слѣдующее въ доказательство:

1) Что Камчадалы не знаютъ, откуда они происходятъ, потерявъ о томъ всѣ

преданія, чего ради вѣрнѣе начали, что Купху на томъ мѣстѣ ихъ создалъ, какъ выше показано.

2) Что они до прихода Россійскихъ людей ни о какихъ другихъ народахъ ни мало не знали, выключая сосѣдей своихъ Корякѣ и Чукочь, а о Японцахъ и Курильцахъ увѣдали они не весьма давно, или по причинѣ бывшего торга съ ними, или по тому что иногда выкидывало на берега ихъ Японскія бусы.

3) Что сіи народы весьма умножились, не взирая на то, что ежегодно много ихъ погибало отъ капящагося съ горѣ снѣгу, отъ бурь, отъ звѣрей, отъ попопленія, отъ самоубійства и отъ войны между собою.

4) Что они великое имѣютъ знаніе въ шамошнихъ натуральныхъ вещахъ, какую онѣ имѣютъ силу, и къ чему угодны; чего въ краткое время опытами извѣдать не можно, шѣмъ наипаче, что для такого изслѣдованія больше чепырехъ мѣсяцовъ въ году не остается, ибо зима тамъ долгая, а лѣто короткое, но и то время надлежитъ имъ употреблять на рыбную ловлю, какъ на главное пропитаніе.

5) Что инструменшы и всякая домовая посуда разнятся отъ посуды всѣхъ другихъ народовъ, и что, по обстоятельству

ихъ жишя и нужды, такъ хипро сдѣланы, что не выдавъ образца и разумному трудно выдумать; такого состоянія ихъ санная ѣзда на собакахъ.

б) Что нравы ихъ грубы, и склонность не разспивуетъ отъ безсловесныхъ живописныхъ; ибо они пекутся о удовольствіи поклома плоти, которое почишаютъ за вящее благополучіе, а о душѣ не имѣютъ и понятія.

Чтожъ они произошли изъ Монголіи, а не отъ другихъ народовъ, то есть ни отъ Татаръ по сю сторону Амура живущихъ, ни отъ Курильцовъ, ни отъ Японцовъ, о томъ думаютъ побуждаютъ нижеписанныя обстоятельства. Отъ поколѣнія Татаръ не можно, кажется, имѣ бытъ для того, что въ противномъ случаѣ при своемъ преселеніи конечно заняли бы они мѣста по Ленѣ, которыми нынѣ владѣютъ Якушы съ Тунгусами; ибо они и по довольству къ содержанію удобнѣе Камчатскихъ, и ни къмѣ не были обипаемы. Буде же думаютъ, что они въ тѣхъ мѣстахъ живали, но послѣ выгнаны Якушами по приходѣ ихъ въ тѣ мѣста какъ Тунгусы, которые нынѣ живутъ въ срединѣ между Братскими и Якушами, то бы Якушы и отъ нихъ, такъ какъ о Тунгусахъ имѣли хоша малое извѣстіе, че-

го однакоже не примѣчено. Что они не отъ рода Курильскаго, оное доказывається нравами и совершеннымъ несходствомъ въ плѣсномъ видѣ; а что не отъ Японцовъ, по вѣроятною древностію ихъ преселенія въ тѣ мѣста, которое, кажется, случилось прежде нежели Японцы отъ Кипайцовъ оппали и поселились на нынѣшнемъ мѣстѣ. Причина тому, что Камчадалы о употребленіи желѣза и о желѣзной рудѣ, также и о другихъ металлахъ не вѣдаютъ, хотя Монголы назадъ тому болѣе двухъ тысячъ лѣтъ и оружейной снарядъ и домовые инструменты изъ желѣза дѣлашь начали, такъ какъ Тапары изъ мѣди ножи и кинжалы. По чему вѣроятно, что Камчатскіе народы въ началѣ самодержавнаго владѣнія Князей въ Воспочныхъ странахъ Азіи, удалились къ морю такъ какъ Лопари, Остяки и Самоядь, убѣгая отъ нашествія другихъ народовъ, и по бѣрегу Пенжинскаго моря дошли до Камчатки. Ежели же бы Камчадалы не спаръ Тунгусовъ были преселеніемъ, то бы Тунгусы при случаѣ своего бѣгства не преминули дойти до Камчатки, какъ до мѣста безопаснѣйшаго по отдаленію. Чпожъ тѣ мѣста заняты были полъ многочисленнымъ народомъ, что Тунгусы, не взирая на храбрость свою, не мо-

гли прошивъ ихъ опважисься, по непосредственно слѣдуетъ, что они задолго до прихода Тунгусовъ поселились и умножились.

Что касается до прежнихъ жилищъ Камчатскаго народа, то они, кажется, жили за Амуромъ въ Монголіи, и прежде съ Монголами были одинъ народъ, а оное доказывается слѣдующими доводами: 1) что (1) въ Камчатскомъ языкѣ много словъ, которыя имѣютъ Монгольское или Кипайское свойство по окончаніямъ на онгъ, ингъ, оангъ, чинъ, ча, чингъ, кси, ксунгъ: однако много бы того было, если бы кто многихъ и цѣлыхъ словъ и согласныхъ рѣченій потребовалъ, ибо Камчатской языкъ въ одномъ народѣ и въ одной землѣ діалектами разнился; но довольно для свойства языка и того, по чему Европейецъ не учась языкамъ знаетъ изъ одного произношенія, кто говоритъ по Нѣмецки, кто по Французски, по Италіянски, и прочая. Наипаче разность словъ сама доказательствомъ, что преселеніе Камчатскаго народа въ самыя древнія времена было, и что по нынѣ оста-

---

(1) Камчатской и Коряцкой народъ должно разумѣть за одинъ народъ, какъ изъ слѣдующаго явствуетъ, а обильныя окончанія токмо въ Коряцкомъ языкѣ примѣчаются.

лась одна шѣнь сходства между языками, а не самое сходство, шакъ какъ въ Еврейскомъ и Татарскомъ. Въ утверждение сего можетъ служить, что Камчатской языкъ съ Монгольскимъ не шокмо въ словахъ имѣетъ сходство, но въ склоненіи и произвожденіи, ибо въ Монгольскомъ языкъ сіе особое, что много первообразныхъ. 2) Что Камчадалы шакъ какъ Монголы ростомъ низки, шѣломъ смуглы, не мохнашы, черноволосы, малобороды, лицомъ калмыковашы съ покляпыми носами, косолапы. Глаза́ у нихъ впалые, брови малы и рѣдки, брюха́ опвислы, нѳги и рѳки малы и шонки, походка шихая. Сверхъ того робость, хвастовство, раболѣпность къ шпрогимъ, упрямство и презрѣніе къ ласковымъ, обимъ народамъ свойственны.

Г Л А В А III.

О прежнемъ состоянїи Камчатскаго народа.

До покоренія Россійскому владѣнію дикой оной народъ жилъ въ совершенной вольности; не имѣлъ никакихъ надъ собою начальниковъ, не подверженъ былъ никакимъ законамъ, и дани никому не плачивалъ. Старые и удалые люди имѣли въ каждомъ оспрожкѣ преимущество, которое однакожь полько въ помѣ состояло, что ихъ совѣты предпочитались; впрочемъ было между ими равенство, никто ни къмъ повелѣвань не могъ, и никто самъ собою не смѣлъ другаго наказывать.

По внѣшнему виду сей народъ и сходенъ съ другими Сибирскими народами, и нѣкоторую имѣетъ опмѣну, по чему оный легко распознать можно, какъ ужé выше показано. Сходство состоитъ особливо въ помѣ, что они пѣломъ смуглы и черноволосы, что глаза у нихъ малы и лица плоски; а несходство, что лица у Камчадаловъ не столь продолговаты и скуласны, какъ у другихъ народовъ, что щѣки у нихъ

одупловаты, губы толсты и ротъ пре-
великой; роста всѣ по большей части
средняго, плечисты и присадисты, осо-
бливо, кои живутъ при морѣ и морскими
звѣрями питаются. Великановъ по всей
Камчаткѣ не примѣчено.

Въ жишѣ гнусны, никакой чистоты
не наблюдають, лица и рукъ не умываютъ,
ногшей не обрѣзываютъ, бдящѣ изъ одной
посуды съ собаками; и никогда ее не моютъ,
(1) всѣ вообще пахнутъ рыбою какъ гагары;
волосовъ на головѣ не чешутъ, но распле-
тають на двѣ косы какъ мужчины, такъ и
женщины. У которыхъ бабъ долгия косы,
тѣ для красы расплетаютъ ихъ на многія
мѣлкія косы, а потомъ въ двѣ большія со-
единяють, и закинувъ на спину связываютъ
на концѣ веревочкою (2). Когда волосы
изъ косъ выбиваются, то пришиваютъ ихъ
нитками, чшобъ были гладки, и по тому
онѣ столь вшивы, что рукою какъ греб-
немъ, поднявъ косы ихъ чешутъ, и смешая
въ кучу пожирають, какъ выше показано.
А у которыхъ волосы малы, тѣ парики

---

(1) Сіе нѣсколько выводитися, и многіе Тоіоны
имѣють уже столовой приборъ, серебро, и чайной
сервизъ. В.

(2) Женщины носятъ нынѣ на головахъ плашки. В.

объявленнымъ образомъ сдѣланные носятъ, которые всомъ бывають до десяти фунтовъ, и голову сѣбною копною представляють; впрочемъ женской полъ красивѣе, и кажется умнѣе, чего ради изъ бабъ и изъ Коэкчучей ихъ больше шамановъ, нежели изъ мужескаго пола.

Плащье носятъ изъ звѣриныхъ кожъ (1); пищаются кореньемъ, рыбою и морскими звѣрями. Живутъ зимою въ земляныхъ юртахъ (2), а лѣпомъ въ балаганахъ. Въ зимнее время ѣздятъ на собакахъ, а лѣпомъ, гдѣ судовой ходъ, ботами, а гдѣ нѣтъ пѣшіе ходятъ. Тяжести мущины на плечахъ, а женщины лбомъ носятъ.

О Богѣ, порокахъ и добродѣтеляхъ имѣютъ развращенное понятіе. За вящее благополучіе почитаютъ объяденіе, празд-

(1) Зимняя одежда мужчинъ осталась таже что и прежде, кромѣ полько что носятъ нынѣ и Китайчатыя рубахи; напротивъ того женщины, которыя побогаче, одѣваются какъ во всей Сибири; носятъ французскыя рубахи, юбки и чулки. Всѣ также охопники до чаю, особливо женщины; начинаютъ любить хлѣбъ, соль, и огородные овощи, особенно картофель, который вездѣ во множествѣ родится; и потому иные въ способныхъ мѣстахъ занимаються сами хлѣбопашесствомъ, и заводятъ огороды. В.

(2) Нынѣ въ Рускихъ избахъ. В.

ность и плотское совокупленіе; похоть возбуждающъ пѣніемъ, пляскою и рассказываніемъ любовныхъ басенъ по своему обыкновенію. Главной у нихъ грѣхъ скука и неспокойство, котораго убѣгающъ всѣми мѣрами, не щадя иногда и своей жизни. Ибо по ихъ мнѣнію лучше умереть, нежели не жить, какъ имъ угодно. Чего ради прежде сего самоубійство было у нихъ послѣдній способъ удовольствія, которое до самаго ихъ покоренія продолжалось; а по покореніи такъ было умножилось, что изъ Москвы нарочные были указы, чтобъ Россіянамъ не допускать Камчадаловъ до самовольной смерти.

Впрочемъ живутъ они беззаботно, прудятся по своей волѣ, думая о нужномъ и настоящемъ, будущее со всѣмъ оставя. Богачства, славы и чести не вѣдаютъ, чего ради нѣтъ между ими сребролюбія, любочестія и гордости, но шокмо роскошь и похоть съ своими плодами, а при томъ ярость, ненависть и мщеніе, чего ради и войны какъ между собою, такъ и съ сосѣдними народами имѣли они не для распространенія земли, ни для приобрѣтенія власпи, но по причинѣ какойнибудь обиды, или для похищенія сѣбѣстныхъ припасовъ, а больше для дѣвокъ, кото-

рыхъ они могли въ жены брань съ меньшимъ прудомъ, нежели какъ добровольно, ибо имъ жены весьма доставались дорого, какъ о томъ въ своемъ мѣстѣ объявлено будетъ.

По той же причинѣ и торги у нихъ не для богатства были, но для полученія нужнаго къ содержанию. Корякамъ давали они соболи, лисицы, рослая бѣлая собачья кожи, сушеной мухоморъ и другія мѣлочи, а отъ нихъ получали шипое оленье платье и кожи. Между собою мѣнялись шѣмъ, въ чемъ одинъ прошивъ другаго имѣлъ изобиліе и недостатковъ; въ томъ числѣ считались собаки, лодки, чаши, корына, сѣщи, кропива мятая и сѣбственные припасы; а мѣна она управлялась подъ видомъ сведенія дружбы: ибо когда кому что у другаго нравилось, или въ чемъ случалась нужда, то долженъ онъ былъ къ другому приѣхать въ гости, и сказать о томъ безъ зазору, что онъ въ гости къ нему приѣхалъ, хотя бы прежде и не имѣлъ съ нимъ обхожденія. Тогда хозяину надлежало пощивать его по обычаю, обратъ все, что понравится, и отпустить домой почти наговя; а по томъ самому къ нему приѣхать, и быть приняту равнымъ образомъ; при которыхъ случаяхъ оба получали по,

въ чемъ имѣли нужду, но о семъ въ особой главѣ писано будетъ пространнѣе.

Посупки ихъ безмѣрно грубы. Учтивства въ словахъ и поздравленія нѣтъ въ обычаѣ. Шапокъ не скидаютъ, и не кланяются другъ другу. Въ разговорахъ столь глупы, что кажется, будтобы они токмо языкомъ разнились отъ бесловесныхъ живыхъ, однако любопытны, и всякой вещи начало и происхожденіе объявить стараются, которое однакожъ не превосходитъ мѣры ихъ понятія.

Всѣ почти мѣста въ свѣтѣ, небо, воздухъ, воды, землю, горы и лѣса населили они различными духами, которыхъ опасаются, и больше Бога почишаютъ. Жертвы даютъ при всякомъ случаѣ, а иныхъ и болваны при себѣ носятъ, или имѣютъ въ своихъ жилищахъ. А Бога напрошивъ того не токмо не боятся, но и злословятъ при трудныхъ или несчастливыхъ случаяхъ (1).

Лѣтъ отъ рожденія себѣ не знаютъ. Счетъ, хотя у нихъ и до сна есть, одна-

---

(1) Все, что Авторъ здѣсь и ниже сего объявляетъ касательно язычества, обрядовъ, и обычаевъ, относится къ тогдашнему времени. Нынѣже, какъ выше замѣчено, Камчадалы обращены въ Христіанскую вѣру, и вообще уже прежніе свои обряды оставили. В.

ко такъ имъ пруденъ, что безъ пальцевъ трехъ перечестъ не могутъ. Всего смѣшнѣе, когда имъ надобно считають больше десяти, тогда они пересчитавъ пальцы у рукъ, и сжавши обѣ руки вмѣстѣ, что значить десять, остальное досчитаютъ ножными перстами. Буде же число превзойдетъ двадцать, то пересчитавъ пальцы у рукъ и у ногъ въ нѣкоторое приходятъ изумленіе, и говорятъ *Мага?* по есть, гдѣ взять?

Въ году считаютъ десять мѣсяцовъ, изъ которыхъ иные долѣ, а иные короче, для того что они не по лунному печенію ихъ раздѣляютъ, но по тому, что когда дѣлають, какъ видно изъ слѣдующихъ ихъ названій.

1. Чужлигачъ — кулечъ.   Грѣховъ очиститель, ибо въ семь мѣсяцъ бываетъ у нихъ праздникъ, и грѣховъ очищеніе.
2. Кукамалиначъ—кулечъ.   Опъ великихъ морозовъ попорща ломаются.
3. Балашуль   — —   Тепла начало.
4. Кыдышкуннычъ — —   Долгой день спановится,
5. Кахтаць   — —   Наставой мѣсяць.
6. Куйше   — —   Мѣсяць красной рыбы.
7. Ажаба   — —   — —   бѣлой рыбки.

8. Кайко	— — — —	Кайка рыбы.
9. Кыжу	— — — —	бѣлой рыбы.
10. Кихперу	— — — —	лилопадной.

Сей послѣдній мѣсяць до самаго Ноября или до ихъ грѣховъ очистителя про-должаешся, чего ради содержишь въ себѣ около прехъ мѣсяцовъ. Но сіи имена мѣсяцамъ не у всѣхъ Камчадаловъ употребле-тельны, а токмо у тѣхъ, кои живутъ по рѣкѣ Камчаткѣ; у находящихъ же отъ Кам-чатки въ сѣверѣ, нѣкоторымъ мѣсяцамъ имена особливья, и въ счисленіи ихъ слѣ-дующій порядокъ :

1. Келуооль - кулечь.	Рѣкоставъ мѣсяць.
2. Кыжашъ - — —	Звѣрей слѣдитъ удоб-ной.
3. Чужлингечъ — —	Грѣховъ очиститель.
4. Кукамлингчъ — —	Опъ мороза попориза ломаются.
5. Кыдышконечъ — —	Дни долгіе спановятся.
6. Шижо — —	Лахтаки щенятся.
7. Кууль - — —	Тюлени щенятся.
8. Кожа - — —	Бжжалыс олени теляш-ся.
9. Каю - — —	Дикіе олени теляшся.
10. Кунлькожалидечъ- кулечь	Рыбу промышлять на-чинають.

Годъ раздѣляется на чепыре части, и лѣпо называють они *Адамаль*, зиму *Кобеллю*, осень *Кытхеиль*, весну *Угаль*, а ко-гда которое время начинается или кончип-

ся, о томъ сказано мнѣ, что они того не вѣдають; но господинъ Стеллеръ о раздѣленіи времени слѣдующее пишетъ: Камчадалы довольно знаютъ, что свѣтъ сошворенъ не отъ вѣка, но что оной воспріялъ начало со временемъ. Время отъ жителей Пенжинскаго моря *Иткуохъ* или *Азкедь*, а отъ жителей рѣки Камчатки *Леткуль* или *Ельцитъ* безъ всякаго въ произведеніи основанія именуется. Отъ незнанія движеній главныхъ планетъ раздѣляютъ они время удивительно, и дѣйствія движенія на землѣ принимая въ основаніе, опредѣляютъ оное. Вообще солнечный годъ раздѣляютъ на двое, считая по шести мѣсяцовъ въ каждой половинѣ. Такимъ образомъ зима составляетъ у нихъ годъ, а лѣто другой.

Лѣтній годъ начинается у нихъ съ Маія мѣсяца, а зимній съ Ноября. Южные Камчадалы Май называютъ *Тавакоаъ*, то есть правничковъ мѣсяцъ, ибо *Тава*, на ихъ языкѣ правникъ, а *Коаъ*, луна и солнце. Причина названія мѣсяца, что тогда правники прилетаютъ, и вездѣ появляются. Іюнь, *Куа-коаъ*, кокушкинъ мѣсяцъ, что кокушка тогда кокуетъ, Іюль *Етемста-коаъ*, лѣтній мѣсяцъ; Августъ *Кихзуя-коаъ*, отъ промыслу рыбы при лунномъ сіяніи; Сентябрь, *Коазухта-коаъ*, бле-

клой и листопадной мѣсяцѣ опѣ того, что вѣ по время листѣ на деревѣ блекнетѣ и опадаетѣ. Октябрь, *Пикись-коатъ*, пигаличей мѣсяцѣ, для того что малая сѣя птица, кошорой во все лѣто на деревьяхѣ одѣшихѣ листьемѣ не можно видѣшь, тогда оказывається. Сѣи шесть мѣсяцовѣ соспавляютѣ лѣто и первый годѣ. Вѣ зимнемѣ году перьвой числихся Ноябрь, по ихѣ названію *Казакоатъ* опѣ дѣланія кропивы, ибо кропива по ихѣ *Казаинѣ* называется, кошорую они тогда рвушѣ, мочатѣ, дерушѣ и сушатѣ. Декабрь, *Ноккооснобилѣ*, нѣсколько озябѣ, показывая, что тогда обыкновенно спужа начинается. Генварь, *Зиза-коатъ* не прогай меня, опѣ того что почиается тогда за великой грѣхѣ припадкою изѣ рѣкѣ пить воду, но надлежитѣ вѣ по время имѣшь при себѣ ковшѣ или бараней рогѣ, кошорой вмѣсто ковша употребляется. Причина тому, что они пьючи припадкою опмораживаютѣ губы. Февраль *Кита-коатъ*, опѣ лѣсницѣ, по кошорымѣ они на балаганы лязатѣ, и по кошорымѣ тогда усмаприваютѣ, что дерево опѣ спужи бываетѣ крѣпко; Мартѣ *Агду-коатъ* опѣ отверстія юрты, для того что вѣ по время прошалины около онаго обыкновенно случаютѣся. Апрель, *Масгалѣ-коатъ*, Трясогускинѣ мѣсяцѣ, для того что

прясогуски тогда прилепающъ, и показывающъ своимъ прибытіемъ, что зима и годъ окончились.

Въ семъ извѣстіи господина Спеллера двѣ вещи не недостойны примѣчанія; 1) что попались ему, какъ видно, умные люди, съ которыми онъ разговаривалъ; 2) что не у всѣхъ Камчадаловъ одно число и имена мѣсяцамъ.

Дней они не различающъ особливимъ названіемъ, не раздѣляютъ ихъ на недѣли или другіе періоды, и числа дней въ году и мѣсяцѣ не знаютъ.

Время опредѣляютъ по значнымъ нѣкоторымъ приключеніямъ, какъ на примѣръ по приходу Россіянъ, по великому Камчатскому бунту, по первой Камчатской Экспедиціи. Письма никакого не знаютъ, ни гіероглифическихъ фигуръ для памяти не употребляютъ, но однихъ повѣстей и преданій держатся, которыя часъ отъ часу въ такой недостатокъ приходятъ, что отъ существующихъ дѣйствій, какъ бы одна тѣнь остается.

Причины солнечныхъ и лунныхъ затмѣній не знаютъ. Однако въ случаѣ ихъ выносятъ на юршу огонь, и приказываютъ свѣшиламъ, чтобъ они свѣтили по прежнему. Затмѣнія солнца и луны называются по ихъ, *Кулетьгужить*.

Изъ звѣздъ знаютъ имена шокмо тремъ созвѣдїямъ, большѣму медвѣдю, плеядамъ и тремъ звѣздамъ въ Орионѣ. Медвѣдя называютъ *Кранхль*, плеяды *Дежить* или *Ижить*, а Ориона *Укальтежидъ*.

Громъ и молнію иные врагамъ, а иные людямъ живущимъ въ горѣлой сопкѣ приписываютъ, какъ о помѣ ниже объявлено будетъ.

Вѣтрамъ имена у нихъ естъ только знатнѣйшимъ, однако не одинакія. Живущіе по рѣкѣ Камчаткѣ восточной вѣтръ называютъ *Шангышъ*, съ низу вѣющій, западной *Быкымыгъ*, сѣверной *Бетежемъ*, сѣверовосточной *Коаслюль* жировой, по тому что онымъ вѣтромъ къ берегамъ ледъ нажимаетъ, въ кѣспоромъ случаѣ бьютъ они много морскихъ звѣрей, и бѣдятъ жирно. Сѣверо-западной *Тагъ* верховой, южной *Челюкымгъ*. А живущіе отъ рѣки Камчатки на сѣверѣ восточной вѣтръ называютъ *Кунешхтъ*, съ моря дышущій, западной *Еемшхтъ* съ земли вѣющій, сѣверной *Тынгылшхтъ*, студенной, южной *Челюгынкъ*, южно-западной *Гынгы*. *Еемшхтъ* женская погода, для того что во время онаго вѣтра небо по ихъ мнѣнію, какъ женщина, плачетъ.

Судъ и расправа у нихъ общая. Удовольствіе обидимому равное воздаяніе. Кпо кого

убилъ, потѣ самъ опѣ сродниковѣ убіеннаго былъ убиваемъ. Ворами, кои часто приличались, обжигали руки обвивъ ихъ берестюю; но тѣхъ, кои въ первой разѣ бывали пойманы, покраденые били безъ всякаго опѣ вора сопротивленія, послѣ чего принуждены были такіе люди жить на единѣ безъ всякой помощи и безъ всякаго съ другими обхожденія, какъ сущіе плушты и политическою смертію казненные.

Невѣдомыхъ воровъ наказывали они жженіемъ спановыхъ жилъ каменнаго барана при собраніи и при шаманспѣвѣ, ибо по ихъ мнѣнію сводилъ послѣ того злодѣя вмѣсто, какъ жилы опѣ огня сжимаются.

О имѣніи и юрпахъ никогда они не ссорятся, ибо для всякаго земли, воды и произрастающихъ съ живошными довольно; о границахъ и предѣлахъ не бываетъ споровъ, ибо всякъ съ излишествомъ имѣетъ пропитаніе опѣшой рѣки и луговъ, гдѣ его рожденіе.

Женѣ имѣютъ по одной, по двѣ и по три; сверхъ того нѣкоторыя содержатъ и такъ называемыхъ по ихъ *Коектугей*, которые въ женскомъ платьѣ ходятъ, всю женскую работу опправляютъ, и съ мушчинами не имѣютъ никакого обхожденія, будто бы гнушаясь дѣлами ихъ, или зазираясь всупаешь не въ свое дѣло.

Мѣры вершамъ не знаютъ. Разстояніе счищаютъ по ночамъ, сколько будучи въ дорогѣ ночевать должны.

Великое искусство имѣютъ пересмѣхать всякаго и почто представлять, кого захотятъ, по походкѣ, по голосу, по рѣчи и по всѣмъ приемамъ; такимъ же образомъ представляють они и звѣрей и пшицъ, и сіе у нихъ въ числѣ непоследнихъ забавъ почищается.

Но сколь они въ жисьѣ своемъ ни глупы, и въ поступкахъ ни глупы, однако о всемъ такомъ мнѣніе имѣютъ, что нѣтъ лучше жисья ихъ и удовольствія. Чего ради козачьему жисью, въ чемъ съ ихъ несходно, не безъ презрѣнія удивляются. Токмо нынѣ во всѣмъ послѣдовала великая переменна. Старые, копорые крѣпко держатся своихъ обычаевъ, переводятся, а молодые почти всѣ воспріяли Христіанскую вѣру, и стараются во всемъ Россійскимъ людямъ послѣдовать, насмѣхаясь жисью предковъ своихъ, обрядамъ ихъ, грубости и суевѣрію. Во всякомъ острогѣ опредѣленъ начальникъ, копорой *Тоіонъ* называется, и копорому по высочайшему ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА указу поручены судъ и расправа надъ подчиненными, кромѣ уголовныхъ дѣлъ

(1). Во многихъ мѣстахъ не токмо у Тоіоновъ, но и у простыхъ людей построены избы и горницы по Россійскому обыкновению, а индѣ и часовни для молитвы. Заведены шамъ и школы, въ которыхъ сами Камчадалы охотно отдають дѣтей своихъ. Такимъ образомъ въ краткое время много варварства безъ сумнѣнія изкоренился.

---

(1) Достоинство Тоіона или Старосты наследственное; по прекращеніи же его рода избирается отъ всего общества, изъ Членовъ онаго достойнѣйшій. Подъ Тоіономъ состоитъ Есаулъ, его помощникъ. В.

ГЛАВА IV.

О Камчатскихъ острожкахъ.

Подъ именемъ острожка разумѣется на Камчаткѣ всякое Камчатское жилище, состоящее изъ одной или нѣсколька земляныхъ юртъ и изъ балагановъ (1). По Камчатски пакія жилища называются *Апынумъ*, а козакѣ прозвали ихъ острожками безъ сумнѣнія отъ того, что по приходѣ ихъ на Камчатку укрѣплены были оныя землянымъ валомъ или полисадникомъ, какъ у сидячихъ Корякъ въ сѣверѣ и понынѣ укрѣпляютъ.

Юрты дѣлаютъ они слѣдующимъ образомъ: выкапываютъ землю аршина на два въ глубину, а въ длину и въ ширину смотря по числу жилищей. Въ ямѣ почти на самой срединѣ ставятъ чепыре сполба толстые, одинъ отъ другаго по сажени и далѣ. На сполбы кладутъ толстыя перекладыны, а на нихъ пополокъ накапываютъ, оставляя почти на срединѣ чепвероугольное опверснѣе, которое и вмѣсто окна, и вмѣсто дверей, и вмѣсто прубы служатъ. Къ помянутымъ перекладамъ прислоняютъ съ

---

(1) Сіе относится къ тогдашнему времени; нынѣ же вмѣсто юртъ строятся Рускія избы. В.

земли бревна же, копорыхъ нижніе концы на поверхности земли утверждаются; и обрѣшета ихъ жердями покрываютъ правую, и осыпаютъ землю, такъ что юрта съ наружи имѣетъ видъ небольшого круглаго холмика; но внутри онѣ четверугольныя, однако почти всегда двѣ стѣны бываютъ долѣе, а двѣ короче. У одной продолговатой стѣны между споячими столбами бываетъ обыкновенно очагъ, а отъ него выводъ, котораго внѣшнее отверстіе гораздо ниже помянутаго. Дѣлаются же сей выводъ для того, чтобъ входящимъ во оной воздухомъ выгоняло дымъ вонъ изъ юрты чрезъ верхнее отверстіе.

Внутри юрты подлѣ стѣнъ дѣлаютъ они пѣлки, на копорыхъ спятъ семья подлѣ семьи рядомъ. Токмо не бываетъ полокъ противъ очага: ибо шамъ обыкновенно стойтъ домовая посуда ихъ, чаши и корыта деревянные, въ копорыхъ и себѣ и собакамъ ѣсть варятъ. А въ копорыхъ юртахъ полокъ нѣтъ, шамъ вокругъ мѣстъ, гдѣ спятъ, положены бревна, а самыя мѣста усланы рогожами.

Украшенія въ юртахъ никакого нѣтъ, кромѣ того, что у нѣкопорыхъ стѣны обвѣшены бываютъ плетеными изъ правы рогожами, а по ихъ званію *тирелами*.

У сѣверныхъ Камчадаловъ бываетъ въ

юртахъ по два идола, изъ которыхъ одинъ называется *Ханшай*, а другой *Ажутахъ*. Ханшай дѣлается на подобіе Сирены, то есть съ головы по груди человѣкомъ, а опшуда рыбою, и ставится обыкновенно подлѣ огнища; а для чего и во образъ кого, другой причины не могъ я вывѣдать, кромѣ того, что есть духъ сего имени. Идолъ сей Ханшай ежегодно дѣлается новой во время грѣховъ очищенія, и ставится со старымъ вмѣстѣ, по числу которыхъ можно узнать, сколько которой юрты лѣтъ отъ построения. Ажутахъ есть столбикъ съ обдѣланною верхушкою на подобіе головы человѣческой, ставится надъ домашнею посудою, и почищается за караульщика опгоняющаго отъ юрты лѣсныхъ духовъ: за что и кормятъ его Камчадалы по всякой день, мажутъ ему голову и рожу вареною сараною или рыбою.

Сего идола и южные Камчадалы имѣютъ, и называютъ Ажулуначъ, но вмѣсто Ханшаевъ есть у нихъ по грядкамъ коле съ обшесанными головками, именуемое *Урилыдать*.

Входятъ въ юрты по лѣсницамъ спремьянкамъ, подъ которыми обыкновенно очагъ бываетъ; и для того во время пошленія юрты непривычному трудно входить и

выходить изъ юрпы, ибо и лѣсница шакъ горяча бываетъ, что ухваться не лзя, и проходя сквозь дымъ должно переводить духъ, чшобъ не задохнуться. Но Камчадаламъ по не препяспивуетъ, ибо они по своимъ лѣсницамъ, на которыхъ ступеняхъ шокмо носками спановитъся можно, шакъ какъ бѣлки на верхъ взбѣгають; и бабы съ малыми робяшами за плечыи сквозь дымъ ходить не опасаются, не смонря на шо, что онѣ и Коекчучи имѣють позволеніе входить и выходить чрезъ другое отверстіе, которое просто жупаномъ называется. Впрочемъ ешлы мущина поидетъ жупаномъ, шотъ часъ причину подастъ надъ собою смѣяться, ибо сіе у нихъ сподъ спранное дѣло, что козаковъ, которые при первомъ случаѣ не обшкнувъ ходить сквозь дымъ, выходили жупаномъ, почипали они всѣхъ Коекчучами.

Головни изъ юрпъ выметывають въ верхнее отверстіе, ущемя въ двѣ нарочно для шого сдѣланныя палки, которые называютъ *Андронами*, и шотъ за великаго щеголя и удалца почипаенся, который большія головни изъ глубокой юрпы выбрасываетъ мѣшко.

Въ сихъ юрпахъ живутъ Камчадалы съ осени до весны, а пошомъ выходятъ въ

балаганы. Южные Камчадалы юрпу называютъ *Тгомкегстить*, а сѣверные *Кузуть* или *Тимустить*. Верхнее отверстіе *Оногъ*, нижнее *Линемъ*, закрышку его *Шолонагъ*, отъ чего весь выходъ козаки называютъ жупаномъ. Сстоячіе столбы въ юртѣ *Кокодъ*, а полслыя бревна, которыя съ землі прислоняются къ перекладинамъ, *Кошледъ*.

При каждой юртѣ бываетъ по малой мѣрѣ сколько балагановъ, сколько семей въ оспрожкѣ; ибо оныя и вмѣсто кладовыхъ анбаровъ, и вмѣсто лѣтнихъ покоевъ служатъ, а дѣлаются слѣдующимъ образомъ. Сперва ставятъ девять столбовъ вышиною сажени по двѣ и больше, въ приряда въ равномъ разстояніи. Столбы связываютъ перекладинами, на перекладинахъ мостятъ полъ кольемъ, и устилаютъ правою; поверхъ пола дѣлаютъ изъ кольяжъ высокой оспроверхой шаперъ, которой обрѣшешя прутьями или тонкими кольямижъ, покрываютъ правою. Траву прижимаютъ кольемъ, а для крѣпости, чпобъ не сносило вѣтромъ, концы верхняго колья съ концами нижняго связываютъ ремнями и веревками. Двери у нихъ дѣлаются съ двухъ сторонъ, однѣ противъ другихъ прямо. Ходятъ на балаганы по такимъ же лѣсницамъ, какъ въ зимнія юрты.

Такіе балаганы бывають у нихъ не токмо при зимнихъ юртахъ, но и на лѣповьяхъ, гдѣ кормъ промышляютъ; и сіе строеніе по обстоятельству тамошнихъ мѣспѣ весьма способно и нужно, ибо въ разсужденіи тамошнихъ мокрыхъ погодъ, во время рыбной ловли, принуждены они бывають досушивать рыбу подъ балаганами. Но есть и другая тамошнимъ жителямъ выгода отъ балагановъ; ибо когда они съ лѣпныхъ промысловъ въ дома возвращаются, то сушеную рыбу обыкновенно оставляють до зимы въ балаганахъ, по большей части безъ караула, токмо оставя прочь лѣсницу. И такимъ образомъ кормъ ихъ хранится въ цѣлости отъ звѣрей, копорые на балаганы попасть не легко могутъ: а ежели бы оное строеніе не столь высоко было, то бы звѣри ничего имъ не оставили, ибо есть примѣры, что медвѣди взлазятъ иногда и въ балаганы, не смотря на всѣ прудности; особливо же въ осеннее время, когда въ рѣкахъ рыба и по полямъ ягоды перемежаются.

На лѣпныхъ промыслахъ при балаганахъ дѣлаются правяные шалаши, копорые по Камчатски *бажабажъ*, а по Руски *барабанами* называются. Въ нихъ они по большей части ѣсть варятъ, и рыбу чи-

спяшѣ въ ненаспливую погоду, а козаки соль варяшѣ изѣ морской воды.

Многочудные оспрожки обспавлены бывающѣ вокругѣ балаганами, и издали показывающѣ преизрядной видѣ. Всякой такой оспрожекѣ кажешся городомѣ по причинѣ балагановѣ, которые и сами мы не видавѣ почитали башнями.

Камчадалы спрояшѣ свои оспрожки обыкновенно по оспровамѣ въ густыхѣ пальникахѣ, или на пакихѣ мѣстахѣ, которые отѣ напуры крѣпки, и безопасное имѣющѣ положеніе, распояніемѣ отѣ моря не меньше 20 верстѣ, а иногда и гораздо далѣе; а на устьяхѣ рѣкѣ бывающѣ у нихѣ лѣповья. Однако сіе касаешся до однихѣ южныхѣ Камчадаловѣ, кои живутѣ по Пенжинскому морю, а по Восточному морю ешѣ оспрожки и подлѣ самага моря.

Всякой оспрожекѣ шу рѣку, при которой живешѣ, почитаешѣ за владѣніе своего рода, и сѣ той рѣки на другую никогда не переселяешся. Ешѣли по какой нибудѣ причинѣ одна или нѣсколько семей пожелающѣ жить особливыми юрмами, то дѣлающѣ оныя выше или ниже оспрожка по той же рѣкѣ или по поспоронней, которая шечешѣ въ ихѣ рѣку. Чего ради думать можно, что на всякой рѣкѣ жи-

вупѣ сродники, копорые происходятъ отъ одного прародителя. Сами Камчадалы, по объявленію Спеллера, говорятъ, что *Кутъ*, котораго иногда богомъ, а иногда прародителемъ называютъ, на каждой изъ Камчатскихъ рѣкъ жилъ по два года, и дѣтей родивъ оставлялъ ихъ на природномъ ихъ мѣстѣ, отъ которыхъ каждая рѣка имѣетъ нынѣ своихъ жителей. Такимъ образомъ *Кутъ* ихъ дошелъ до Озерной рѣки, которая течетъ изъ Курильскаго озера, и аки бы совершивъ теченіе и пруды свои приставилъ къ горѣ бапы свои, и отбылъ съ Камчатки.

На промыслы звѣриныя ходятъ Камчадалы по своимъ же рѣкамъ, что, можетъ быть, прежде сего наблюдалось строго, но нынѣ желающіе промыслять морскихъ звѣрей, ходятъ верстъ по двѣсти отъ своихъ жилищъ на Авачу и на Курильскую лопашку.

ГЛАВА V.

О домовой посудѣ и о другихъ нужныхъ въ житіи потребностяхъ.

Вся Камчатская посуда и всѣ экономическія ихъ принадлежности, состояшъ въ чашахъ, корытахъ, берестяныхъ кужняхъ, а по тамошнему *туманакъ*, да въ санкахъ и лодкахъ: въ чашахъ и корытахъ варили они ѣсть и себѣ и собакамъ, кужни употребляли вмѣсто спакановъ, санки къ ѣздѣ зимою, а лодки лѣшомъ. Чего ради и писашъ бы о томъ болѣе нѣчего, естли бы сей народъ, такъ какъ другіе, имѣлъ тогда или зналъ употреблять металлы. Но какъ они безъ желѣзныхъ инструментовъ могли все дѣлать, строить, рубить, долбить, рѣзать, шить, огонь доставать, какъ могли въ деревянной посудѣ ѣсть варить, и что имъ служило вмѣсто металловъ; о томъ, какъ о дѣлѣ не всякому знаемомъ, упомянушь здѣсь не непристойно, пѣмъ наипаче, что сіи средства не разумной или ученой народъ вымыслилъ, но дикой, грубой и трехъ перечесъ неумѣющій. Столь сильна нужда

умудряшь къ изобрѣшенію потребнаго въ жизни!

До прибытія почты Россіянкѣ на Камчатку, упопрѣбляемы памѣ были вмѣсто мешалловѣ, кость и камень. Извѣ нихѣ Камчадалы дѣлали попоры, ножи, копя, спрѣлы, ланцеты и иглы. Топоры у нихѣ дѣлались извѣ оленьей и кишовой кости, также и извѣ яшмы, на подобіе клина, и привязывались ремнями къ кривымѣ попорищамѣ плашмя, каковы у насѣ бывающѣ песлы. Ими они долбили лодки свои, чаши, корыпа и прочее, однако съ такимѣ прудомѣ и съ такимѣ продолженіемѣ времени, что лодку при года надлежало имѣ дѣлать, а чашу большую не меньше года. Чего ради большія лодки, большія чаши или корыпа, копорыя по тамошнему *хомягами* называются, въ такой чести и удивленіи бывали, какѣ нѣчто сдѣланное извѣ дорогаго мешалла превысокою работою; и всякой оспрожекѣ могѣ пѣмѣ хвалишья предѣ другими, какѣ бы нѣкопорою рѣдкосью, особливо когда кпо, наваря въ одной посудѣ пищи, не одного гостя могѣ удовольствовашь, ибо въ такихѣ случаяхѣ одинѣ Камчадалѣ противѣ двадцати чловѣкѣ сѣдаешь, какѣ о томѣ ниже объявлено будешь. А варили они въ такой посудѣ рыбу и мясо каленымѣ камнемѣ.

Ножи они дѣлали изъ горнаго зеленова-
стаго или дымчатаго хрусталя на подобіе
ланцовъ оспроконечные, и насаживали ихъ
на черенъе деревянное. Изъ тогожъ хру-
сталя бывали у нихъ стрѣлы, копья и лан-
цеты, которыми кровь и поныиѣ пуска-
ютъ. Швальныя иглы дѣлали они изъ со-
больихъ костей, и шили ими не токмо
плашье и обувь, но и подзоры весьма
искусно.

Огнива ихъ были дощечки деревянныя
изъ сухаго дерева, на которыхъ по краямъ
наверчены дирочки, да кругленькія изъ су-
хагожъ дерева палочки, которыя вертя въ
ямочкахъ огонь доставали. вмѣсто прута
употребляли они мящую праву шоншичь,
въ которой раздували загорѣвшуюся опѣ
вершнѣя сажу. Всѣ сіи принадлежности
обвертя берестюю каждой Камчадалъ носилъ
съ собою, и нынѣ носятъ, предпочипая ихъ
нашимъ огнивамъ для того, что они не мо-
гутъ изъ нихъ такъ скоро огня вырубать,
какъ доспаютъ своими огнивами. Но дру-
гіе желѣзные инструменпы, попоры, но-
жи, иглы и прочее, и опѣ нихъ такъ вы-
соко почищаются, что съ начала ихъ по-
коренія и потѣ себя почиталъ за богатаго
и щасливаго, у кого былъ какой нибудь
желѣзной обломокъ. Не пропадетъ у нихъ

и нынѣ даромъ ни иверешокъ изъ перегорѣлыхъ копловъ желѣзныхъ; могутъ они дѣлать изъ нихъ клепики, стрѣлы, или чтонибудь полезное; при чемъ то удивительно, что они не калятъ желѣза, но холодное положа на камень куютъ камнемъ же вмѣсто молота. Такимъ образомъ поступаютъ съ желѣзомъ не токмо Камчадалы, но и Коряки и другіе дикіе народы, особливо же Чукчи, которые покупая у нашихъ желѣзные кошлы дорогою цѣною перекавываютъ въ копья и стрѣлы: ибо имъ, какъ немирному народу, никакихъ желѣзныхъ инструментовъ продавать не велѣно, но о посудѣ никто прежде не думалъ, чтобъ они покупали на сей конецъ. Тожъ дѣлаютъ они и съ оружіемъ огненнымъ, которое отбивать имъ у нашихъ случается: ибо они стрѣляютъ изъ него не умѣютъ, покрайней мѣрѣ скоро его портятъ, не зная какъ замки разбирають и чистятъ, и какъ винтовки смазываютъ. Иглы, у которыхъ уши отломаясь, умѣютъ они весьма искусно починивать, каковыбы онѣ малы ни были. Расклепываютъ кончикъ, гдѣ уши были, камнемъ, и другою иглою просверливаютъ новыя, и такъ дѣлаютъ, пока уже одно почти острее только останется.

Желѣзную и мѣдную посуду еще во время моей бытности токмо тѣ употребляли, которые знали, что честь и чистота, и старались Россійскому житію послѣдовать; въ томъ числѣ были значнѣйшіе новокрещенные Тоіоны, которые живутъ близь Россійскихъ остроговъ, и часто имѣютъ съ нашими обхождение, а прочіе деревянной своей посуды и понынѣ не оставляютъ.

Сказываютъ, будто желѣзные инструменты знали Камчадалы еще до покоренія Россійской державѣ, а получали ихъ отъ Японцовъ, которые прибѣжали къ Курильскимъ островамъ, а однажды и на Большую рѣку моремъ, и будто Камчадалы Японцовъ Шишаманъ называютъ для того, что чрезъ нихъ узнали желѣзные иглы; ибо игла по Камчатски *Шись* называется. Что касается до Курильскихъ острововъ, то сумнѣнія нѣтъ, что прежде сего прибѣжали туда Японцы на бусахъ (1), и торговали: ибо я самъ досталъ съ Курильскихъ острововъ Японскую саблю, лаковой подносы и серебряныя серги, которые ни откуда получены, какъ только изъ Японіи (2); а бывала ли

---

(1) Мореходное мачтовое судно, похожее на ладью.

(2) Японцы имѣли торгъ на южныхъ Курильскихъ
Томъ II.

когда Японская буса на Большо́й рѣкѣ, о томъ заподлинно утверждать не лзя, для того что кажешся прудно повѣришь, чтобъ такіе мореходы, каковы Японцы, отважились итти для купечества въ неизвѣстныя страны, и провѣдывать приспанищѣ съ трудомъ и опасностію; развѣ (1) можетъ быть, приносило когда такое ихъ судно погодою, какъ то не рѣдко случается.

Изъ всей работы сихъ дикихъ народовъ, которую они каменными ножами и попорами весьма чисто дѣлаютъ, ничто мнѣ такъ не было удивительно, какъ цѣпь изъ моржовой кости, которая привезена на боту-Гавріилѣ съ Чукоцкаго носа. Она состояла изъ колецъ, гладкостію подобныхъ поченымъ, и изъ одного зуба была сдѣлана; верхнія кольца были у ней больше, нижнія меньше, а длиною была она не много меньше полуаршина. Я могу смѣло сказать, что по числотѣ работы и по искус-

---

островахъ, еще до покоренія сихъ острововъ подъ свою державу, и откупали у шамошнихъ жителей рыбную ловлю, какъ о семъ упоминаетъ флота Капитанъ В. М. Головнинъ въ своихъ запискахъ. В.

(1) Тѣмъ паче, когда Японское правительство въ исходѣ 16 вѣка запретило своимъ подданнымъ плавать въ чужія земли. В.

спву никшобъ не почелъ оную за труды дикаго Чукчи, и за дѣланную каменнымъ инструментомъ, но за поченую подлинно. Въ разсужденіи недоспашка въ инструментахъ Чукоцкой оной художникъ конечно не скучливъ былъ къ работѣ, и имѣлъ довольно свободнаго времени, которое могъ употребить на сію бездѣлицу: ибо смотря по другимъ вещамъ, сколько продолжительно онѣ дѣлались опѣ Камчадаловъ, сумнѣваться не можно, что онѣ употребилъ на сію работу не меньше года времени. А къ чему сія цѣль была употребляема, о томъ не извѣстно, ибо козаки нашли оную въ пустой Чукоцкой юртѣ.

Коряцкіе куяки, которые они изъ мѣлкихъ продолговатыхъ косточекъ сшиваютъ ремнями, и ихъ такъ называемыя косячныя проерогія (1) *текуши*, которыя насаживаютъ они на долги раповища, и въ военное время употребляютъ, также не недостойны примѣчанія, ибо кость такъ гладко обдѣлана, что лоснилась.

Что касается до санокъ ихъ, какимъ образомъ ихъ дѣлаютъ, о томъ писано будетъ въ главѣ о собачьей вѣздѣ; а здѣсь сообщимъ мы извѣстіе о лодкахъ, гдѣ какія

---

(1) Родъ остроги.

въ шѣхъ мѣстахъ употребляются, и изъ какого дерева обыкновенно бывають.

Камчатскія лодки, или по шамошнему *баты*, дѣлаются двоякимъ образомъ, и по разности образцовъ разными именами называются, однѣ *Кояхташтымъ*, а другія *Тахту*. Кояхташтымъ отъ нашихъ рыбацкихъ лодокъ никакой не имѣють опмѣны, ибо и носъ у нихъ выше кормы, и бока разложисты, а у лодокъ шахту носъ и корма съ боками равны или и ниже, бока не разведены, но внутрь вогнуты, чего ради къ ѣздѣ весьма неспособны, а особливо въ погоду, ибо вода въ нихъ попчасъ заливается. Кояхташтымъ употребляются по одной рѣкѣ Камчаткѣ отъ вершины до самаго устья, а въ другихъ мѣстахъ какъ по Восточному, такъ и по Пенжинскому морю Тахту.

Когда къ лодкамъ шахту пришиваются набои, что обыкновенно дѣлается у жителей Боброваго моря, тогда онѣ *Байдарами* называются, и жители въ нихъ гоняются по морю за морскими звѣрями. Дны у такихъ байдаръ колютъ они нарочно, и зашивъ киповыми усами конопаяшъ мохомъ или мягкою кропивою: ибо примѣчено ими, что нерасколошья байдары на морскихъ валахъ колются, и бывають промы-

шленикамъ причиною гибели. Островные Курильцы и на Лопаткѣ живущіе, байдары строятъ съ килемъ, доски пришиваютъ усамижъ, а конопашятъ мохомъ.

По всей Камчатской землѣ не дѣлаютъ лодокъ ни изъ какого дѣрева кромѣ пополя, исключая Курильцовъ, которые того не наблюдаютъ: ибо они строятъ байдары свои изъ лѣса выбрасываемаго изъ моря, коюрой приносятъ изъ Японіи, Америки и съ береговъ Китайскихъ, потому что у нихъ не растетъ лѣсу къ строенію удобнаго. Съверные Камчатскіе народы, сидячіе Коряки и Чукчи дѣлаютъ свои байдары изъ кожъ лапшанныхъ, какъ ужé выше объявлено, а причина тому можетъ быть недостапокъ же въ удобномъ лѣсѣ, или чпо немѣвшимъ желѣза коженыя дѣлать способнѣе было.

Въ батахъ и рыбу ловятъ, и кладь возятъ по два человекъ, изъ которыхъ одинъ на носу, а другой на кормѣ сидитъ. Вверхъ по рѣкамъ взводятъ баты на шестахъ съ превеликою трудностію, ибо на быстрыхъ мѣстахъ стоятъ иногда съ полчетверти часа всѣ вытянувшись на шесты, которыми опираются, пока лодка на поларшина подася. Однако не смотря на всѣ трудности, удалые Камчадалы взводятъ та-

кимъ образомъ бапы и съ грузомъ верстѣ по двадцати вверхъ, а на легкѣ переходятъ верстѣ по тридцати и до сорока. Черезъ рѣки перегребаютъ обыкновенно стоя, какъ Волховскіе рыбаки въ челночкахъ своихъ.

Клады на большіхъ батахъ можно возить пудѣ по тридцати и по сороку. Когда кладъ легка, но озойна, каковѣ напримѣръ сухая рыба, то перевозятъ оную на паромахъ сплотивъ два бата вмѣстѣ, и намостя мостѣ, однако вверхъ по быспрымъ рѣкамъ паромы проводятъ и трудно и продолжительно; чего ради употребляются онѣ токмо по рѣкѣ Камчаткѣ, которая по глубинѣ своей и умѣренной быспринѣ къ тому способна; а по другимъ рѣкамъ только внизъ по рѣкѣ на паромахъ вѣдятъ, а вверхъ рѣдко, и то по нуждѣ, когда по окончаніи рыбныхъ промысловъ у моря надобно переѣзжать въ острогъ со всѣмъ домашнимъ приборомъ и съ малолѣтними, или когда кладъ шакова, что въ батѣ умѣститъ не лзя, какъ напримѣръ бочки и кадки съ рыбою, которую насаливаютъ у моря.

ГЛАВА VI.

О мужской и женской работѣ.

Въ Камчатскомъ житиѣ, какъ въ крестьянствѣ, въ разныя времена и работа бываетъ различная. Лѣтнее время мужчины трудятся въ ловлѣ рыбы, въ сушеніи ея, въ перевозкѣ отъ моря на свои жилища, въ припасѣ собакамъ корму, костей и кислой рыбы; а женщины между пѣмъ чистящъ изловленную рыбу, пластаютъ, а иногда и въ ловлѣ мужьямъ способствуютъ. Излишнее время употребляютъ онѣ на собираніе разныхъ травъ, коренья и ягодъ не токмо на пищу, но и въ лѣкарства; дѣлаютъ сладкую праву (1), которую прежде

---

(1) Въ 1773 году покупка въ казну сладкой правы была не выше трехъ рублей за пудъ; а изъ двухъ пудъ правы выкуривано раки по одному ведру съ осьмухою. Сія рака, которую впрочемъ противъ хлѣбной почести можно, продается потчасъ по выгонѣ, или не позже двухъ или трехъ дней; тогда бываетъ она вкусомъ нѣсколько горьковаша; но ежели застоится долѣе, то дѣлается хуже, и на послѣдокъ, по противному запаху, оказывается къ

шокмо на пищу, а нынѣ и для сидѣнія вина употребляютъ; готовятъ кипрей и (1) праву, изъ которой плешутъ ковры свои, епанчи, мѣшечки и другія домашнія мѣлочи, и всѣ какъ сѣбѣспные, такъ и другіе припасы имѣютъ на рукахъ своихъ.

Когда осень наступитъ, тогда мужчины упражняются въ ловлѣ осенней рыбы, въ промыслѣ различныхъ птицъ, гусей, лебедей, утокъ и прочая, водятся съ своими собаками, выязывая и выдерживая ихъ, какъ Якупы лошадей своихъ; заготовляютъ лѣсъ, къ дѣланію саней и другой работѣ потребный; а женщины водятся съ кропивою, рвутъ, мочатъ, мнутъ, обдираютъ и кладутъ подъ балаганы; ходятъ по пундрамъ и вынимаютъ изъ мышьихъ норъ лилейные коренья, или по шамошнему сарану, разнаго рода.

Зимою мужчины ходятъ за соболями и лисицами, вяжутъ сѣти для ловли рыбы, дѣлаютъ санки, ѣздятъ за дровами, перевозятъ запасъ свой изъ разныхъ мѣстъ, гдѣ лѣшомъ приготовили, а не успѣли перевезти осенью; а женщины наибольше пруж-

---

употребленію негодною. Въ 1773 году была она въ продажѣ отъ казны по двадцати до двадцати двухъ рублей за ведро. В.

(1) *Secale spiculis geminatis* Linn. Svec. pag. 36.

дятся въ сученіи нипокъ на сбпи. И сія ихъ работа такъ продолжительна, что одна баба едва насучитъ сполько можетъ, чшобъ мужу достало пошребныхъ сбшей на лшо, а у которыхъ семья побольше, шб гоповяшб и сб излишествомъ, и мбняюшб другимъ на угодныя себб мблочи, каковы напрымбръ иглы, шелкъ, наперски, ножики, и прочая.

Весною, когда рбки проходятъ, и рыба, копорая въ нихъ зимовала, къ мбрю подбимается, мушины упражняются въ ловб ея или бздяшб къ морю, и промышляютъ вахню, которой по морскимъ губамъ бываетъ тогда великое довольство; а нбкопорые и въ дальнія мбспá на Воспбчное море и на Курильскую лопатку для ловли морскихъ бобровъ и другихъ морскихъ звбрей оплучаются, а женщины ходятъ по шундрамъ, собираютъ черемшу и другія молодыя прáвы не шокмо для награжденія обыкновеннаго тогдашняго недостатка въ пицб, но и для забавы; ибо они зелень такъ любятъ, что во все вешнее время почти изврошу не выпускаютъ. Женской полб весь тогда по шундрамъ ходитъ, и вечеромъ сб превеликими ношами домой возвращается, однако пбхъ ношб не спанешб имъ на субли.

Сверхъ того до мужеской работы при-

надлежитъ юрпы и балаганы строить, юрпы попить, спрягать, собакъ кормить, при случаѣ гостей подчивать, собакъ обдираетъ и другихъ звѣрей, когда кожи понадобятся на плашье, и въ пригошовленіи домового и военного снаряда; а женская работа состоитъ въ выдѣлываніи кожъ на плашье и обувь, въ шитьѣ плашья и обуви: ибо онѣ у Камчадаловъ и поршныя и сапожники, а мушны за то принятыя такое безчестіе, что топчась почтешся за коекуча. Чего ради съ первыхъ временъ всѣхъ козаковъ, у которыхъ иглу въ рукахъ или шило видали, почитали они за коекучей, ибо у нихъ шьютъ токмо однѣ бабы и коекучи, которые и въ женскомъ плашѣ ходятъ, и женскую работу отправляютъ, мужской отнюдь не прикасаются. До нихъ же касается, красить выдѣланныя кожи, также лѣчить и шаманить. А какимъ образомъ выдѣлываютъ онѣ кожи, и красятъ, чѣмъ шьютъ и клеятъ, о томъ здѣсь же сообщить должно.

Всякія кожи, которыя на шубы употребляють, напримѣръ олени, тюленьи, собачьи, бобровыя, дѣлаютъ онѣ одинакимъ образомъ. Сперва мочатъ мездру водою, и камнемъ утвержденнымъ въ средину палки сбиваютъ болонь и жилы, которыя оспающ-

ся при сниманіи; по томѣ намазываютъ жеваную икрою квашеною или свѣжею, и свернувъ кожу шопчуть ногами по тѣхъ порѣ, пока мездра провянетъ; послѣ опять скоблятъ и напираютъ, продолжая работу до тѣхъ порѣ, пока мездра мягка и чиста будетъ.

А которыя кожи ровдугами или замшею сдѣлать намѣрены, съ тѣхъ сперва сбиваютъ жилы и болонь объявленнымъ же образомъ, потомъ копсятъ ихъ въ дыму съ недѣлю, послѣ мочатъ и парятъ, чтобъ шерсть ошопрѣла, а наконецъ намазываютъ икрою, мнутъ, шопчуть и скоблятъ камнемъ, какъ выше показано.

Оленьи и собачьи кожи на платьѣ красятъ ольхою чрезъ многократное напираніе мѣлко изрубленною корою; а тюленьи, которыя на платьѣ, обувь или на ремни, которыми санки обвиваются, особливимъ образомъ: оправивъ съ кожи шерсть, сшиваютъ оную мѣшкомъ вверхъ шерстью, и сваря крѣпко ольховой рубленой коры вливаютъ въ помянутой мѣшокъ, и зашиваютъ. Спустя нѣсколько времени вѣшаютъ мѣшокъ оной на дерево, и бьютъ палкою, потомъ опять даютъ лежать нѣкоторое время, а послѣ опять вѣшаютъ и бьютъ палкою, и сіе продолжаютъ по тѣхъ порѣ, пока краска въ кожу довольно вѣстся; шог-

да расшивають мѣшокъ, распягивають кожу и сушатъ на воздухѣ, а наконецъ мнутъ до мягка руками, и употребляютъ въ дѣло. Такія кожи на сафьянѣ много походятъ, однако Ламушки, какъ пишетъ Спеллеръ, лучше ихъ умѣютъ выдѣлывать, а называютъ ихъ *Мандарамы*, и каждую кожу продаютъ до осьми гривенъ.

Тюленью шерсть, которую просто называютъ краскою, и окладываютъ ею плащье и обувь, красятъ онѣ брусничнымъ сокомъ свара его съ ольховою корою, съ квасцами и съ каменнымъ масломъ, и сія краска бываетъ жаркаго цвѣта.

Плащье и обувь шивали онѣ косяными иглами, а вмѣсто нитокъ употребляли оленьи спановыя жилы, которыя раздѣля сучатъ какъ нитки, сколь тонки или толсты надобны.

Клей дѣлаютъ онѣ изъ рыбьихъ сухихъ кожъ, а особливо изъ киповой. Оныя кожи обвертываютъ въ бересту, загребаютъ въ горячей пепелъ, и не много спустя вынимаютъ, и употребляютъ на что надобно. Имъ можно клеить стольже крѣпко, какъ лучшимъ мерлужчатымъ клеемъ.

ГЛАВА VII.

О камчатскомъ платьѣ.

Матерія, изъ которой Камчадалы прежде сего носили плашье, и нынѣ по большей частиносящъ, оленьи, собачьи, неръпичьи и другихъ какъ морскихъ, такъ и земныхъ звѣрей, и ппичьи кожи, копорыя они безъ разбору въ одну шубу сшивали, что еще и мнѣ въ Курильскихъ паркахъ случилось видѣть, но въ верхнемъ плашьѣ имбющъ опмбну, хопя оная и не весьма велика.

Верхнее плашье по козачьи называется *куклянка*, отъ сѣверныхъ Камчадаловъ *Коависъ*, а отъ южныхъ *Кахлитатъ*: а дбляющся куклянки двумя разными покроями, у однѣхъ подолъ бываетъ ровной, а у другихъ назади сѣ нарочитою выемкою и сѣ хвостомъ долгимъ: первыя подъ именемъ куклянокъ круглыхъ, а другія подъ именемъ куклянокъ сѣ хвостами извѣстны. Впрочемъ шьющся изъ кожъ оленьихъ длиною нѣсколько ниже колѣнъ сѣ широкими рукавами и сѣ кулемъ, копорой на голову въ случаѣ вьюги поверхъ шапки надбвается. Вброщъ у нихъ какъ полько головъ прой-

ши, къ вороту пришиваются собачьи лапы, которыми въ погоду лице закрываютъ. Вкругъ подола, рукавовъ и вкругъ куля опушиваются куклянки рослою бѣлою собачиною, что выше всякаго пуха почитается. На спинѣ пришиваются къ нимъ ряски изъ ремешковъ распестренныхъ краскою, а иногда и по двѣ великія шишки, расшитыхъ шелками или различныхъ цвѣтовъ ремешками и распестренныхъ краскою. Надѣваются обыкновенно парами, нижняя шерстью, а верхняя мездрой внизъ. У нижней мездра красится ольхою, а на верхнюю выбираются кожи пакихъ шерстей, каковы въ чести у нихъ, а именно черная, бѣлая и пѣгая, которая выше всѣхъ почитается. Однако сего платья за сущее Камчатское почестъ не можно, ибо они отъ Корякъ его получали, а сами шивали наиболѣе изъ собачьихъ кожъ, изъ соболей, лисицъ, еврашекъ и изъ каменныхъ барановъ, впрочемъ шѣмъ же покроемъ, какъ выше показано.

Есть еще платье называемое *камлѣи*, которое парами же носится, а разность его отъ куклянокъ состоитъ въ одной длинѣ, что оно дѣлается почти по пяты, сверхъ того никакими красками не красится. Но и сіе отъ Корякъ же получается.

Лучшее платье, которымъ и козаки и

Камчадалы щеголяютъ, по козачьи называе-
ся *пáрка*, отъ сѣверныхъ Камчадаловъ *пин-
гекъ*, а отъ южныхъ *танга́къ*, длиною бы-
ваетъ съ куклянку, въ подолъ ширѣ, а подѣ
мышками уже, съ рубашечнымъ воротомъ
и съ рукавами узкими. Вкругъ подола,
вѣропа и вкругъ рукавовъ обшивается под-
зорами, и окладывается бобровымъ пухомъ.

Подзоры у сѣверныхъ Камчадаловъ *Чи́сту*,
а у южныхъ *Еганѣмъ* называемые, шьются
слѣдующимъ образомъ. Замшеной ремень
шириною пальца на полтора разчерчивает-
ся клѣпками въ три ряда: клѣпки длиною
бываютъ около полувершка, и каждая раз-
нымъ шелкомъ разшивается, выключая верх-
ний рядъ, который черезъ клѣпку выши-
вается бѣлыми волосами изъ бороды оленьей.
Къ такому ремню сверху и снизу приши-
ваютъ по красному или черному мандарному
ремню, изъ собачья горла выдѣланному на по-
добіе лайки; такой ремень распестренъ узо-
рамижѣ. Къ ремнямъ пришиваютъ собачьежѣ
горло вырѣзанное зубцами и обложенное
крашеною шерстью. Но шелковые подзоры
начали шить по покореніи, а до того рас-
пестряли ихъ оленьими волосами, крашеною
шерстью и собачьимъ горломъ.

Вышепомянутое платье и муцины и
женщины безъ разбора носятъ, а разность

между мужскимъ и женскимъ состоитъ въ нижнемъ плащѣ и въ обуви. Женское нижнее платье, въ копоромъ онѣ дома обыкновенно ходящъ, содержитъ и штаны и душagrѣйку вмѣстѣ сшитыя. Штаны длиною и шириною подобны Голландскимъ брюкамъ, и также подвязываются ниже колѣна, а душagrѣйка съ воропомъ, копорой на веревочкѣ и спягивается и распускается. Сіе платье называется *хоньбами*, и съ ногъ надѣвается. Оно бываетъ лѣтнее и зимнее: лѣтнее шьется изъ ровдугъ или изъ кожъ морскихъ звѣрей, выдѣланныхъ на подобіе ровдугъ, а зимнее изъ оленьихъ, и изъ кожъ каменныхъ барановъ, копорое онѣ носятъ иногда вверхъ, а иногда внизъ шерстью. Мужское покоевое или домашнее платье есть ременной поясъ, по ихъ *Ма́хва*, у копораго на переди пришитъ мѣшечекъ для прикрытія пайнаго ўда, а назади ременная мохры для прикрытія зада; впрочемъ бываетъ оной раскрашенъ и нерпичьею крашеною шерстью. Въ семъ плащѣ хаживали прежде сего Камчадалы не токмо дома, но и на промыслахъ въ лѣтнее время; но нынѣ употребляется оно токмо у отдаленныхъ отъ Россійскихъ остроговъ, а ближніе носятъ рубахи, копорыя покупаютъ у Рускихъ.

Лѣтніе шпаны какъ у мужескаго, такъ и у женскаго пола одинакіе: шьются изъ разныхъ кожъ на подобіе поршковъ, каковы носятъ мужики деревенскіе, токмо поуже. Зимніе мужскіе шпаны хотя пѣмъ же покромъ бывають, какъ лѣтніе, однако съшою опмѣною, что ширѣ и что огузье у нихъ въ низъ шерстью, а сопли, на копоря обыкновенно оленье или волчы кама-сы употребляются, вверхъ шерстью. По конецъ соплей бываетъ ровдужной, или суконной опушень, въ копорой ремень продѣвается для завязыванія обуви, на копорую надѣваются, чтобы снѣгъ за оную не засыпался.

Мужская обувь отъ женской вообще различается пѣмъ, что у мужской голенища корочки, а у женской по колѣно долги, впрочемъ шьется изъ различныхъ кожъ; копорую носятъ лѣтомъ въ мокрую погоду, она дѣлается изъ сырой тюленьей кожи вверхъ шерстью наподобіе порпней, каковы носятъ Сибирскіе козаки и Татары, когда бечевой ходятъ, ибо и порпни шьются изъ сырой же лошадиной или коровьей кожи вверхъ шерстью. Зимнюю обувь, въ копорой ходятъ на промыслы, шють изъ сушеной рыбьей кожи, а особливо Чавычьей, Кайковой и Няркиной, но

она хороша шокмо въ морозы, а въ мокрую погоду потчасъ распалзывается. Наболѣе употребляющъ на зимнюю обувь олени камасы, которые носятъ вверхъ шерстью; подошва у нихъ бываетъ изъ лахташной кожи, а для бѣльшаго тепла собирающъ ихъ и изъ лоскушья оленьихъ камасовъ, у которыхъ шерсть долга, и изъ медвѣжьихъ камасовъ, въ которыхъ подошвахъ сверхъ тепла и сія есть выгода, что можно ходить и по сколькимъ мѣстамъ безъ опасности.

Лучшая обувь, которую также какъ парками козакъ и Камчадалы щеголяющъ, шипые торбасы, которые походящъ нѣсколько на упуки, и также подвзываются ремнями. Подошва у нихъ бываетъ изъ шюленьей бѣлой кожи, головы изъ красной мандары, вземы изъ бѣлой лайки или по ихъ собачьи горла, а голенища изъ замши или изъ шюленьей крашеной кожи, къ которымъ на верху широкіе подзоры пришиваются, каковы къ паркамъ. Сія обувь такой важности, что если на холостомъ ее увидящъ, потчасъ будетъ подозрѣніе, что у него есть любовница. Такіе торбасы по Камчатски называются *Згойнутъ* и *Дзилетъ*.

Чулки носятъ они изъ собачьихъ кожъ,

а называютъ ихъ *тажами*, но наибольше обвиваютъ ноги тоншичемъ, отъ чего, по сказкамъ ихъ, не меньше чажей шепла, а при помъ сѣя выгода, что не пощбютъ ноги.

Шапки носятъ такіяжъ какъ Якутскія; но господинъ Спеллеръ объявляетъ, будто прежде сего бывали у нихъ шапки изъ пшичьихъ перьевъ и изъ звѣриныхъ кожъ безверхія, на подобіе старинныхъ нашихъ преуховъ бабьихъ, токмо съ пою опмѣною, что уши у Камчатскихъ шапокъ не сшивались вмѣстѣ. Лѣпомъ носятъ они берестенные умбракулы, копорые завязываются на запылкѣ, а у Курильцовъ лѣпнія шапки плешенія изъ травы наподобіе вѣнчика.

Женской лучшей головной уборъ парикъ, о копоромъ выше упомянуто. Сіи парики такъ любы имъ бывали и милы, что, по объявленію Спеллера, препятспвовали многимъ къ воспріятію православной вѣры, для того что при крещеніи снимали съ нихъ такое странное украшеніе, а у копорыхъ натуральные волосы по паричному расшы были, пѣхъ оспригали къ чувспвительной ихъ печали и гореспи. Дѣвки расплешали волосы свои на мѣлкія косы, копорыя для доску мазали шюленьимъ жи-

ромъ. Но нынѣ все опѣмнѣлось, ибо какъ женщины такъ и дѣвки по Россійски убираются. Носятъ шѣлогрѣи и юпки, носятъ рубахи съ манжешами, носятъ кокошники, чепцы, и золотыя ленты, а своимъ развѣ покмо шѣ не гнушаются, копорымъ лѣшѣ по 80 отъ роду.

Женщины всякую работу дѣлаютъ въ перчаткахъ, копорыя шьются безъ пальцевъ, и никогда ихъ не скидаютъ.

Лица прежде сего умывашь не знали, но нынѣ бѣлятся и румянятся. Вмѣсто бѣлилѣ употребляютъ гнилое дерево, копорымъ мѣлко изпертымъ напираются, а румянятся (1) правую морскою, копорая видомъ какъ Елочка. Сію праву мочашъ онѣ въ тюленьемъ жиру, и намазываютъ щѣки споль же красно, какъ румянами.

Большее щегольство и наряды бываютъ у нихъ зимою, когда много проѣзду. Если появился споронній, то всѣ за нарядъ принимаются, моются, бѣлятся, и одѣваются въ лучшее платье.

Но естли копорой Камчадалъ пожелаетъ и себя одѣть и домашнихъ, то ему

(1) *Fucus marinus abietis forma.*

понадобится не меньше ста рублей на самое роскожное платье: ибо шамъ и шерстяные чулки, которые здѣсь по двадцати копеекъ продаются, меньше рубля купить ему не лзя, для того что и Россійскіе жители ниже того не покупающъ; изъ чего о другихъ вещахъ разсуждать можно. Курильцы всякое дорогое платье покупать больше въ состояніи, нежели Камчадалы: ибо они на одного бобра морскаго, которые и на Камчаткѣ отъ 15 до 40 рублей продаются, сполько могутъ купить, сколько Камчадалъ лисицъ на двадцать; а бобра Курильцу легче достать, нежели Камчадалу пять лисицъ, для того что въ самой хорошей годъ и звѣремъ довольной, лучшей промышленникъ-едва десять лисицъ въ зиму промыслитъ, а Курилецъ и въ худой годъ поимаетъ трехъ звѣрей, не упоминая о морскихъ привалахъ, при которыхъ случаяхъ получающъ они великое богатство (1).

---

(1) Морскіе бобры уже перевелись около Лопатки и сѣверныхъ Курильскихъ острововъ; посему тамошніе жители не имѣютъ нынѣ столь великихъ выгодъ отъ промысла какъ прежде. Стеллеръ упоминаетъ: что и Камчадалы мужескаго пола, уже въ его время, были охотники до Рускаго платья, и наряжались въ оное когда приближали они въ Россійскіе остроги, или Рускіе къ нимъ. В.

Г Л А В А VIII.

*О лищѣ и пищѣ Камчатскаго народа
и о приуготовленіи оныхъ.*

Уже выше сего объявлено, что Камчадалы питаются кореньемъ, рыбою и морскими живошными, а во вперой части описаны и самые оные предметы, копорые служатъ къ ихъ содержанію. Чего ради здѣсь должно упомянуть объ одномъ только ихъ приуготовленіи, и различныхъ каждой пищи наименованіяхъ, зачиная отъ рыбы, копорая за хлѣбъ ихъ почесться можетъ.

Главная ихъ пища, копорую должно почестъ за ржаной хлѣбъ, есть *юкола*, копорую дѣлаютъ они изъ всѣхъ рыбъ лосося роду. Каждую рыбу разнимаютъ они на шесть частей, бока съ хвостомъ особливо вѣшаютъ и сушатъ на воздухѣ; и сія сушеная рыба свойственна *юколою* называется; спинки и шюши, или по ихъ *лулки*, особливо гошуютъ, а больше паровятъ. Головы квасятъ въ ямахъ, пока весь хрящъ покраснѣетъ, и дѣятъ ихъ вмѣсто соленыхъ, почитая за пріятное кушанье, хошя вѣни отъ нихъ терпѣшь почти не можно. Тѣло, копорое

по снятіи боковъ остается на костяхъ, особливо снимающъ и сушатъ вязками, которое въ полченіе употребляютъ, а кости на особливыхъ же вязкахъ сушатъ для содержанія собакъ своихъ. Такимъ образомъ готовится юкола и у другихъ народовъ изъ всякихъ рыбъ, и вездѣ извѣстна подъ именемъ юколы, а бдяшъ оную наибольше сухую. Камчадалы своимъ языкомъ называютъ ее, *зааль*.

Второе Камчатское любимое кушанье икра рыбья, по ихъ именуемая *инетоль*, которая проякимъ образомъ приготавливается. 1) Сушится на воздухъ вязками; 2) вынимается изъ перепонки, въ которой какъ въ мѣшечкѣ содержится, и наливается въ стебли или дудки различныхъ травъ, а особливо сладкой травы, и у огня сушится; 3) дѣлается прутьями и въ листь травяномъ сушится. Никто не ходитъ на промыселъ или въ дорогу безъ сухой икры, какъ безъ надежнаго содержанія. Буде у Камчадала фунтъ икры, то онъ долго жить можетъ безъ другой пищи; всякая береза и ива запасъ его, и онъ корку съ сихъ деревъ съ икрою споль же пріятно ѣсть можетъ, какъ другія кушанья, но икрою и коркою порознь питаться долго не можетъ. Ибо икра безмѣрно клейка, и пакъ въ зубахъ вязнетъ, что трудно и вычистишь; а кора

суха такъ что и тому надивиться довольно не лзя, когда они для забавы и безъ икры иногда ѣдятъ ее вмѣсто конфектовъ; ибо другой, сколько бы ни жевалъ ее, подлинно не свободно проглотитъ; но когда оба сіи кушанья вмѣстѣ употребляются, то одного недоспапокъ, какъ они говорятъ, другимъ награждается.

Есть еще четвертой образецъ приуготовленія икры, но оной не у однихъ Камчадаловъ, а и у Корякъ примѣчается. Свѣжую икру кладутъ они въ ямы успанные правою, и закрывъ правоюжъ и землю квасятъ, и сія кислая икра почитается у нихъ за такоежъ пріятное кушанье, какъ у насъ зернистая икра свѣжая. Но Коряки квасятъ оную въ мѣшкахъ кожаныхъ, а не въ ямахъ.

Третье кушанье Камчатское называется *Чулрики*, которые готовятъ изъ разныхъ рыбъ слѣдующимъ образомъ. Въ юртахъ, въ балаганахъ и въ барабарахъ надъ очагомъ дѣлаютъ они помостъ изъ колья, и кладутъ на оной рыбы въ вышину до трехъ аршинъ, послѣ того наплаиваютъ юрту или балаганъ, какъ баню, и скучиваютъ жарко; если рыбы на помостахъ не много наложено будетъ, то она поспѣваетъ скоро, и бываетъ тогда готова, какъ юрта просыхиваетъ; въ противномъ же случаѣ наплаи-

вають ихъ по нѣскольку разъ перемѣшивая рыбу. Такая рыба бываетъ полужареная и копченая, и вкусомъ весьма пріятная, такъ что сей вымыселъ приугоповленія рыбы можетъ почестся за самой лучшей на Камчаткѣ, ибо весь сокъ и жиръ весьма шико, и какъ бы въ вольной печи выжаривается. Тѣло рыбе въ кожѣ, какъ въ мѣшкѣ лежитъ, копорую снять можно безъ прудности. Попрохъ и кишки вынимаются изъ рыбы, когда она поспѣетъ. Тѣло растирается мѣлко, сушится на рогожахъ до суха, и кладется въ мѣшки, изъ правы плетеные. И сіе есть наспоющая Камчатская *лѣрса*, копорую и Тунгусы около Охотска также гоповяють. Вяжутъ же такую жареную рыбу и плетенками не растирая шѣла, и бдятъ сухую какъ юколу.

Самое пріятное Камчатское кушанье кислая рыба, копорую они квасяють въ ямахъ такимъ же образомъ, какъ о кислой икрѣ показано, а называютъ оную *Куйгѣль*. Можно за истинну сказать, что сквернѣе духу не бываетъ отъ *ѣлади* (падали), однако Камчадаламъ кажется оный аромашнымъ. Иногда сія рыба такъ въ ямахъ изгнивается, что не иначе ее, какъ ковшами черпають; но такая для собакъ употребляется, и подбалшывается въ опанги ихъ вмѣсто муки овсяной.

Господинъ Шеллеръ пишетъ, что и Самоядь рыбу кваситъ же, и для мерзлой земли бываетъ рыба ихъ гораздо лучше. И Якуты такое же имѣютъ обыкновеніе; роютъ глубокія ямы, наполняютъ рыбою, пересыпаютъ золою, покрываютъ листьемъ, и засыпаютъ землю, и сей ихъ вымыселъ гораздо лучше; ибо отъ рыбы не бываетъ вони. Тунгусы и Козаки въ Охотскѣ такимъ же образомъ какъ и Якуты гошуютъ рыбу, шокмо съ сею опмѣною, что вмѣсто дровянаго пепла употребляютъ пепелъ изъ пережженной морской травы. Свѣжую рыбу варятъ въ корытахъ, выбираютъ на ложки, и простудя ѣдятъ съ прихлебкою, которая дѣлается изъ сладкой травы, въ водѣ моченой.

Что касается до мясъ морскихъ и земныхъ звѣрей, то варятъ ихъ въ корытахъ съ разными кореньями, а особливо съ саранною; похлебку пьютъ ковшами или чашами, а мясо съ ложка ѣдятъ руками, и похлебки всѣ вообще, въ томъ числѣ и собачью, называютъ *Опанга*. Киповой и нерпичій жиръ ѣдятъ вареной съ кореньямижъ и паровленой въ ямахъ. Вареной жиръ, а наипаче нерпичій, крошатъ ремнями, и сколько въ ротъ захватятъ, столько ножомъ отрѣзываютъ у самыхъ губъ, и цѣлкомъ глотаютъ; какъ крохали или чайки рыбу.

Главное и богатое кушанье, которое готовится на пирахъ или въ праздники, называется *Селѣга*, а по козачьи *толкуша*. Дѣлается изъ различныхъ кореньевъ и всякихъ ягодъ толченыхъ съ икрою, съ перпичьимъ и киповымъ жиромъ, а иногда и съ вареною рыбою. Толкуши изъ кислыхъ ягодъ и сараны весьма пріятны, по тому что и кислы, и сладки и сытны; но нестерпима скверность въ приуготовленіи, а особливо тѣхъ толкушъ, которыя дѣлаются жидкія: ибо баба, которая вѣкъ свой рукъ не мывала, пополокши коренье въ поганой чашѣ, разбиваетъ оное по локошь обнаженною грязною рукою, которая потомъ бываетъ какъ снѣгъ бѣла въ разсужденіи тѣла. Кратко сказать, брезгливому не снеси и приуготовленія сего кушанья безъ движенія внутреннихъ (1).

---

(1) Камчадалы стараются во всемъ Рускимъ подражать; посему послѣдовала уже нѣкоторая перемѣна и въ ихъ пищѣ, ибо нынѣ начали они употреблять отъчасти хлѣбъ и огородные овощи, особенно же картофель. Сіе послужитъ имъ сильнѣйшимъ поощреніемъ къ разпространенію въ удобныхъ мѣстахъ хлѣбопашества, которое составляетъ благонадежнѣйшій источникъ народнаго пропитанія. Многіе изъ нихъ охотники нынѣ до чая, особливо женщины, и содержатъ коровъ. В.

Что касается до пишья, то Камчадалы не знали кромѣ воды до самаго своего покоренія; для веселья пивали они мухоморѣ въ водѣ наспоянный, о чемѣ ниже будетъ объявлено, а нынѣ пьютъ и вино, какъ и шамощніе Россійскіе жипели, и совсѣмъ на немъ пропиваются. Воды пьютъ много послѣ обѣда. Въ вечеру никто не ложится спать не поставя у постѣли ведра воды, при томъ кладутъ въ нее много льду и снѣгу, чтобъ не нагрѣвалась, по утру ни у кого ни капли воды не увидишь въ посудѣ. Зимой особливо забавляются они снѣгомъ, бросая часто по горсти въ ропъ; и женихамъ, которые работающъ у будущихъ пестей своихъ, лѣтомъ самая прудная служба довольствовашъ ихъ снѣгомъ, ибо они должны бывающъ ходишь за снѣгомъ на высокія горы, въ какую бы ни случилось погоду, въ пропивномъ же случаѣ можетъ досадишь имъ непростительно.

ГЛАВА IX.

О ѡздѣ на собакахъ, и разныхъ къ оной принадлежащихъ приборахъ.

Что Камчадалы и шамошніе козаки зимою собакъ вмѣсто лошадей къ ѡздѣ употребляютъ, о томъ уже выше упомянуто. А здѣсь объявить должно, каковы ихъ собаки, что къ ѡздѣ на нихъ пребуется, и какъ на нихъ ѡздаютъ.

Камчатскія собаки отъ нашихъ дворовыхъ простыхъ собакъ ничѣмъ не различаются, ростомъ онѣ по большей части среднія, и шерстью такъ какъ наши различныя; однакожь можно вообще сказать, что шамъ бѣлыхъ, черныхъ и сѣрыхъ больше, нежели другихъ шерстей.

Къ ѡздѣ употребляются кладеня, а запрягаютъ ихъ обыкновенно по чепыре въ санки, по двѣ въ корени, и по двѣ напереди, и чепверня собакъ называется шамъ нартою, такъ какъ здѣсь шесть лошадей цугомъ.

Приборы, надлежащіе къ ѡздѣ на нихъ, санки, алаки, побѣжникъ, узда, ошейники, вязки и ошпаль.

Санки, по ихъ *Шѣжхедъ*, дѣлаются о двухъ копылахъ. Копылье гнуется изъ криваго березоваго дерева, наподобіе раздвинутаго циркуля, вышиною вѣ при чепверти, а распояніе между ножекъ вѣ низу на поларшина. На каждомъ копылѣ вѣ изгибѣ проверчены по двѣ дырочки. Ножки у нихъ близъ нижняго конца зарублены, а на самомъ концѣ вырѣзаны. Сквозь помянутыя дырочки продѣваются вѣ оба копыла поненькіе бапожки, копорыми оныя связываются, распояніемъ на аршинѣ между собою. Къ каждому бапожку приплещается ремнями другой бапожокъ равной длины и толщины. Передніе концы оныхъ бапожковъ съ задними такъ крѣпко спягиваются ремнемъ, что съ обоихъ концовъ спановятся дугою. Вѣ доль по бапожкамъ привязываются лучки вверхъ рожками, одинъ отъ другаго на чепверть и меньше. Рожки у помянутыхъ лучковъ зарублены, за копорыя зарубки прикрѣпляются оныя къ ремнямъ, коими концы бапожковъ спянуты. По концамъ бапожковъ кладутся поперечныя палочки, и увиваются ремнямижъ. Такимъ образомъ оснуется рѣшетка, копорая бываетъ на подобіе долгаго, глубокаго и узкаго лотка, длиною аршина полушора и долѣ, а шириною вѣ поларшина и уже. Полозье, на

которое ставится объявленная рѣшетка, длиною бываетъ четвертей въ 11, шириною вершка въ полтора, а толщиною едва въ полдюйма. Въ пѣхъ мѣстахъ, гдѣ споятъ копылье, ославляются горбки, къ верху острые, а въ срединѣ прорѣзанные, на которые поставленное копылье привязывается продѣваемыми сквозь прорѣзанные горбки, и къ зарубкамъ, на ножкахъ копылья находящимся, прикрѣпляемыми ремнями. Головки у полозья бываютъ не крупы, но оплоги, и по концамъ вмѣсто вяза поперечную палкою перевязаны.

Алаки или лямки дѣлаются изъ широкихъ, мягкихъ и въ двое изогнутыхъ ремней, которые на собакъ черезъ переднюю лопашку накладываются, правой собакъ черезъ лѣвую, а лѣвой черезъ правую. Къ концамъ алаковъ привязывается долгой и тонкой ремень съ кляпомъ на концѣ, протягомъ называемый, который объявленнымъ кляпомъ въ кольцо находящееся на поперечинѣ у головашекъ вкладывается.

Побѣжникъ называется долгой ремень, у котораго на одномъ концѣ привязывается кляпъ, который вкладывается въ кольцо на срединѣ поперечины головашекъ укрѣпляемое, а на другомъ цѣпочка, у коей какъ по концамъ, такъ и на срединѣ коль-

ца. Оной побѣжникъ служитъ вмѣсто дышла, а цѣпочка на немъ вмѣсто коромысла, ибо имъ коренныя собаки связываются, чтобъ врознь не разбѣгались.

Уздою называется такойже ремень съ кляпомъ и цѣпочкою, которою переднія собаки связываются, токмо гораздо долѣ: ибо конецъ его съ кляпомъ къ кольцу на головашкахъ прикрѣпляется.

Ошейники дѣлаются изъ широкихъ же ремней, а на нихъ по кляпу висячему на коропкихъ ремняхъ, которые въ кольца цѣпочки на уздѣ или побѣжникѣ продѣваются. Дѣлаютсяжъ ошейники и изъ медвѣжьей кожи вверхъ шерстью, и для прикрасы на собакъ надѣваются.

Вязки, на которыя собакъ вяжутъ, дѣлаются костяныя или деревянныя, у которыхъ на одномъ концѣ дырочка, а на другой зарубка. Въ дырочку вкладывается кляпъ отъ ошейника, а за зарубку привязывается долгой ремень, чтобъ собакъ около сполба ходить было можно. Оныя вязки для того употребляются, что собаки отъ ремней или отъ веревокъ отбѣдаются, а желѣзныхъ цѣпей у нихъ не бываетъ.

Ошпаломъ называется кривая палка, длиною аршина въ полшара, кошорымъ собакъ погоняютъ, останавливаютъ и правятъ.

Для понужденія собакъ дѣлаются на головкѣ оной палки побрякушки или колокольчики, останавливаютъ же ихъ ушкнувъ ошпаль передъ копыломъ переднимъ и бороздя дорогу. А правятъ: буде надобно въ лѣво, то бьютъ ошпаломъ по снѣгу, и кричатъ *уга*, буде же въ право, то бьютъ въ передней копыль, и кричатъ *Хна́ Хна́ Хна́*; между тѣмъ ногами бороздятъ, и собакъ одерживаютъ. Какъ ошпаль, такъ и санки для красоты увиваются разноцвѣтными ремнями, и оное за немалое щегольство почитается.

Санки, по Камчатски называются *Шѣжхедъ*, копылье *Отѣдъ*, алаки *Тѣнауиъ*, пѣтяги *Йгошежидъ*, узда *Кіуигулы*, а побѣжникъ *Конѣлошана*.

Сидятъ на санкахъ опустя ноги на правую сторону, а осѣлавъ санки сидѣть почитается за великой порокъ, ибо такимъ образомъ сидятъ на нихъ Камчадалскія женщины; таковожъ безчестно и то, ежелибъ кто взялъ къ своимъ санкамъ проводника, для того, что бабы съ проводниками ѣздятъ.

Нарта добрыхъ собакъ покупается на Камчаткѣ рублевъ по пятнадцати, а со всѣмъ заводомъ спановишся около 20 рублевъ. Я зналъ одного на Камчаткѣ охот-

ника, которому обходилась нарпа собакъ и по шестидесяти рублевъ.

О неспособности ѣзды на собакахъ изъ одного спроеія санокъ разсудить можно, что ѣздоку необходимо должно бышь оспорожному, и спараться хранить равновѣсіе; въ противномъ же случаѣ узкія и высокія санки и на самыхъ малыхъ раскатахъ или ухабахъ опрокидаются, при чемъ ѣздокъ подверженъ бываетъ не малому страху, особливо на пустомъ мѣстѣ, ибо собаки убѣгаютъ, и не станутъ, пока въ жильѣ придутъ, или за что нибудь на дорогѣ зацѣплятся, а онъ принужденъ бываетъ пѣшъ итти; чего ради въ такихъ случаяхъ всякой спарается, какъ можно, за санки схватиться, и шценъ бываетъ иногда съ вершю, пока собаки выбившись изъ силы остоятся. Въ которыхъ сей наибольше порокъ, что оныя какъ въ семъ случаѣ, такъ и въ опасныхъ мѣстахъ, какъ то на крутыхъ спускахъ, на нужныхъ чрезъ рѣчки переѣздахъ бѣгучи надрываются, и ни чѣмъ ихъ остановить не можно, и для того на объявленныхъ спускахъ собакъ выпрягаютъ, и въ поводу водятъ оставя шокмо одну, которая бы санки правила, чтобъ дорогою капились, а подъ полозье подвязываютъ ременные кольца, чтобъ не кашки были.

На крупыя горы поднимаясь должно итши пѣшкомъ, ибо собаки и просыя санки взвозятъ съ нуждою. Глухой клади возятъ на нарѣ по пяти пудъ не счиая корму, которой подводчики для себя и для собакъ берутъ на дорогу. Съ кладью по порной дорогѣ переѣжжаютъ верстѣ по 30 на день и больше, а на легкѣ, особливо же весною по насту, на косяныхъ полозьяхъ верстѣ по полпораста.

Когда выцаетъ глубокой снѣгъ, по не проложатъ дороги на собакахъ ѣхать не можно; прокладываютъ дорогу подводчики, а по шамошнему каюры, на лапкахъ, кошыры бродовщиками называются.

Лапки дѣлаются изъ двухъ не весьма толсныхъ брусковъ на срединѣ двумя поперечинами распертыхъ, а по концамъ вѣстѣ сянупыхъ, и напереди къ верху загнутыхъ, и ремнями часто переплетенныхъ. На впоркахъ привязывается пупло, которое на ногу надѣвается. Бродовщикъ долженъ имѣть на обѣихъ ногахъ по обьявленной лапкѣ, и оставя собакъ на мѣстѣ итши впередъ на нѣкоторое разстоянiе, а потомъ ворошиться шюю же дорогою къ собакамъ, и вестъ ихъ по проложенной дорогѣ. А потомъ оставя ихъ пакы итши впередъ, и шакъ мучиться до са-

мага жилья. Въ семѣ случаѣ ѣзда бываеиѣ поль медленна, что въ день едва десяшь версиѣ переѣхашѣ можно. Употребляющѣ къ прокладыванію дорѣги и обыкновенныя лыжи, однакожь не споль часто. Ни одинѣ подводчикѣ безѣ лыжь или безѣ лапокѣ въ дальнюю дорогу не ѣздишѣ.

(1) Вящшее неспокойство въ ѣздѣ бываеиѣ, когда на пустыхѣ мѣстахѣ застаиѣиѣ вьюга. Тогда сѣ возможнымѣ поспѣшеніемѣ надлежитѣ сѣ дорѣги въ лѣсѣ сворачивашѣ, и лежатѣ вмѣстѣ сѣ собаками, пока утихнеиѣиѣ погода, копорая иногда по недѣлѣ продолжается. Собаки лежатѣ весьма тихо, но въ случаѣ голоду обѣѣдающѣ всѣ ремни, узды, побѣжники и прочіе санныя приборы. Буде погода захватиѣиѣиѣ нѣсколькѣ человекѣ вмѣстѣ ѣдущихѣ, тогда пробжжіе имѣющѣ сію выгоду, что они могутѣ шалашѣ себѣ сдѣлать, и окопашѣся снѣгомѣ; но Камчадалы шалашей мало дѣлающѣ, а оплеживающѣя наибольше въ ямахѣ уснланнхѣ сѣ деревѣ вѣшьями, обернувшись въ свою куклянку и рукава спущя: при чемѣ пакѣ ихѣ заносиѣиѣ снѣгомѣ, что ни рукѣ, ни ногѣ, ни головы не видно. Подѣ снѣгомѣ оборачивающѣя они

---

(1) Изѣ Стеллерова описанія.

какъ шаръ, однако весьма оспорожно, чшобъ снѣгу, копорымъ занесены, не разсыпать; ибо они подъ снѣгомъ лежатъ какъ въ юршѣ, имѣя скважину для дыханія, копорая надъ ршомъ прошаиваетъ. Есльи плашье на нихъ узко и подвязано поясомъ, по сказывающъ они, что спужи не можно шогда вышерпѣшь, для шого чшо плашье опъ паровъ намокнетъ и грѣть не будетъ.

Когда погода заспанетъ на чистой тундрѣ, въ шакоемъ случаѣ ищущъ какого нибудъ бугорка, и подъ него ложатся; а чшобъ не занесло и не задушило снѣгомъ, по каждую четшертъ часа вспавши отрясаются. Но понеже въ восшочные и южно-восшочные вѣтры бываетъ обыкновенно мокрой снѣгъ, по пробъжше обмокнувъ часшо замерзающъ, ибо шакія погоды наибольше кончатся сѣвернымъ вѣтромъ и спужею.

Кромѣ сильныхъ вѣтровъ зимняя ѣзда и пошому опасна, чшо многія рѣки или не вездѣ шпановятся, или сѣ полыньями превеликими, копорыя и въ самые жестокіе морозы не замерзающъ. А понеже дорѣга наиболѣе по рѣкамъ бываетъ, для шого чшо берега гористы, и индѣ почти непроходимы, по рѣдкой годъ проходитъ, чшобъ людямъ въ ѣздѣ не случилось урона, ибо индѣ

должно пробираться по самымъ узкимъ за-
краинамъ, а буде обломаясь, или санки въ
воду скапясь, то нѣтъ никакого спасе-
нія. Бысприна рѣки не допуститъ спра-
виться; а хошябъ въ помѣ кому и поща-
стливилось, по обмокнувъ погибаетъ съ
большою мукою, когда нѣтъ жилья въ бли-
зости.

Немалая же трудность состоитъ и въ
помѣ, что много случается ѣздить чрезъ
частой ивнякъ, гдѣ надлежитъ опасаться,
чтобъ не потерять глазъ или не перело-
мать рукъ и ногъ; особливо же что собаки
въ трудныхъ и бѣдственныхъ мѣстахъ всю
силу употребляютъ, чтобъ бѣжать ско-
рѣе, и сброся хозяина свободишься отъ
тяжести, какъ уже выше объявлено.

Лучшая и спокойная ѣзда въ мѣсяцахъ
Мартѣ и Апрѣлѣ по нѣсту; однако при
помѣ сіе неспокойство, что по двѣ и по
три ночи принуждено иногда ночевать на
пустомъ мѣстѣ; а Камчадаловъ трудно при-
нудить, чтобъ они расклали огонь для ва-
ренія или для обогрѣнія, ибо они съ своими
собаками ѣдятъ сухую рыбу сидя на цы-
почкахъ спусця шпаны и куклянку. При
чемъ довольно надивиться не лзя: 1) что
они могутъ и сладко спать въ семъ бѣд-
номъ положеніи; 2) теплотѣ ихъ природ-

ной, что они спужи мало чувствуютъ, ибо они вставши по утру столь теплы и красны бывающъ, какъ бы въ тепломъ покоѣ спали. Но сія теплота почти всѣмъ тамошнимъ дикимъ народамъ свойственна. Я видалъ нѣкоторыхъ иновѣрцовъ, коимъ образомъ они на пусыхъ мѣстахъ: съ вечера ложились къ огню голою спиною, а какъ уснули, и огонь пошухъ, то хотя спина и заиндѣвѣла, однако они спали безъ просыпу, будто бы ихъ огнемъ пригрѣвало.

Г Л А В А X.

О военномъ Камчатскомъ ололгеніи.

Хотя Камчадалы до покоренія Россійскому государству не были властолюбивы, и о распространеніи границъ ни малаго не имѣли попеченія, какъ уже выше показано; однако споль часто между собою воевали, что году не проходило, въ которомъ бы сколько нибудь оспрожковъ раззорено не было. Главное намѣреніе браней ихъ состояло въ томъ, чпобъ получить плѣнниковъ, копорыхъ они въ тяжкія работы употребляли, а особливо женскаго пола, копорыхъ они брали въ наложницы и въ супружество, а о причинѣ, была ли какая или нѣтъ, законна ли или незаконна, не много они разсуждали. Иногда сосѣдственныя остроги и за то другъ противъ друга вооружались, что дѣши между собою поссорились, а естли кто кого позвавъ въ гости не сполько какъ надлежало, подчивалъ, то сіе вмѣнялось за такую обиду, копорую мспить надлежало не инако, какъ погубленіемъ всего острога, въ которомъ случалось споль непріяшельское дѣйствіе.

Но въ войнѣ дѣйствовали они больше обманомъ нежели храбросцію, ибо они такъ робки, что явно напасъ не отважатся, кромѣ необходимой нужды; а сіе шѣмъ удивительнѣе, чѣмъ сей народъ меньше жалѣетъ о своей жизни, ибо они и добровольно умираютъ не сомнѣваются. Въ непріятельскіе острожки врывались они ночнымъ временемъ, что могли дѣлать безъ препятствія для того, что карауловъ у нихъ не бываетъ. Такимъ образомъ и малолюдствомъ губили они значное число непріятелей безъ всякой себѣ опасности и сопротивленія. Вся трудность къ одержанію побѣды состояла въ томъ, чтобъ ускорить взбѣжать на юрту не выпуская изъ нее ни человѣка, и спать надъ окномъ съ палкою или съ чекушею, ибо осажденнымъ по состоянію строенія юртъ должно выходить шѣмъ окномъ по человѣку, которыхъ осаждающіе и бить и вязать могли въ меньшемъ числѣ.

Съ плѣнниками мужеска пола, особливо знаменнѣйшими поступали они съ обыкновеннымъ всѣмъ тамошнимъ народомъ безчеловѣчїемъ. Жгли, рѣзали, кишки изъ живыхъ мотали, вѣшали за ноги, и всякія дѣлали наругательства, шоржествуя при томъ о побѣдѣ надъ непріятелями. Такое мученіе случилось терпѣль

и нѣкоторымъ козакамъ во время большаго бунта, когда вся Камчатка находилась въ движеніи.

Тогдашнія ихъ междуусобія не мало способствовали козакамъ къ покоренію всего народа; ибо когда они въ виду одного оспрожка приступали къ другому, по не должно было козакамъ опасаться, чѣмъ осажденные получили помочь; напрошивъ того сосѣди радовались ихъ гибели, или смотрѣли съ удовольствіемъ, какъ козаки на приступахъ дѣйствуютъ, а послѣ и сами были побѣждаемы.

Противъ козаковъ употребляли они обыкновенную свою хитрость, которою больше ихъ губили, нежели оружіемъ. Когда козаки пребывали ясаку съ какого нибудь непокореннаго оспрожка, по весьма рѣдко имѣли сопротивленіе, но почти всегда приниманы были съ честью и любовью какъ пріятели; дарены щедро, подчиваны довольно, и ни въ чемъ не имѣли отказа. Такимъ образомъ приведши ихъ въ оплошность побивали въ ночное время, или выбравшись всѣ вонъ изъ юрты зажигали оную съ козаками. Такою хитростью въ двухъ мѣсяцахъ погибло человекъ до семидесяти, которое число въ разсужденіи шамшняго малолюдства можно почесть за великое. Случалось

же иногда, что Камчадалы не улуча способа побить козаковъ при первомъ покореніи, по два и по три года съ ряду ясакъ плащили, а послѣ побивали сборщиковъ, которые обыкновенно въ малолюдствѣ посылаются.

Но хитроспи ихъ, которыя козакамъ прежде бѣдственны были, нынѣ служащъ къ предосторожности. Ибо они чрезмѣрно ласковыхъ приемовъ опасаются, и почиашъ ихъ за знакъ несумнѣнной измѣны. Тожъ разумѣютъ, когда Камчадалки ночью изъ юрты вонъ выбираютъ, ибо онѣ не могутъ смотрѣть на кровопролитіе, чего ради и мужья ихъ никогда при нихъ убійства не дѣлаютъ. Когда Камчадалы сны рассказываютъ, что мершвые имъ видѣлись, и когда часпо разбѣжжаютъ въ дальные гости, то изъ того бунтъ и измѣна немалая заключается; по крайней мѣрѣ не одинъ острогъ, но нѣсколько мѣстъ опложаются.

Въ такихъ случаяхъ бьютъ они козаковъ, гдѣ ни попадутся, также и Камчадаловъ, кои стороны ихъ не оставляютъ, и съ измѣнниками не вступають въ согласіе. А когда прослышатъ на себя походъ, то не къ сопровивленію готовятся, но къ долговременной осадѣ. Выбираютъ мѣста высокія и утесы, строятъ тамъ свои острожки, и укрѣпясь ожидаютъ своихъ не-

пріяшелей. Приступающимъ храбро пропи-
 вятся, спрѣляя изъ луковъ, и упопреляя
 всякіе способы къ защищенію. А когда уви-
 дятъ, что непріяшель премагаешъ, то вся-
 кой Камчадалъ заколовъ жену и дѣтей сво-
 ихъ или спремглавъ низвергаешся, или съ
 оружіемъ устремляешся на непріяшеля,
 чтобъ не умереть безъ опмщенія. И сіе на
 ихъ языкѣ, *постелю подъ себя достать*,
 называется. Въ 1740 году при мнѣ была
 привезена съ Ушколоки дѣвка, которую ша-
 мощніе измѣнники въ поропливости не
 успѣли дорѣзать, когда острожекъ ихъ
 приступомъ брали; прочіе опъ мала до ве-
 лика были перерѣзаны, а сами измѣнники
 съ горы, на которой сидѣли, побросались
 въ море.

Съ начала покоренія Камчапки были
 покмо два явныя на Камчапкѣ нападенія,
 первое въ Большерѣцкомъ острогѣ 1710 года;
 а другое въ 1713 году, когда отправление
 было для покоренія Камчадаловъ Авачин-
 скихъ, однако оба случая были имъ весьма
 неудачны; ибо при осадѣ Большерѣцка, хопя
 они и надѣялись на великое свое множесшво,
 пакъ, что козаковъ, которыхъ сидѣло въ
 осадѣ 70 человекъ, шапками замешать не
 сумнѣвались; однако какъ 35 человекъ вы-
 слано было на вылазку, то не могли они

и перваго стремленія выдержашъ, но всѣ
обрашились въ бѣгство, кому куда способно
было. А понеже они приплыли къ оспрогу
на бапахъ, шо бросаясь въ оныя, иные пере-
шонули, а иные побиты; и сія ихъ погибель
сполъ была велика, что рѣки запрудились
трупамн. Авачинскіе иноземцы не меньше
имѣли надежды побѣдитъ походчиковъ; ибо
каждой имѣлъ при себѣ ремень, на кото-
ромъ бы веснн плѣнниковъ, однако вмѣсто
шого сами побиты или въ плѣнъ взяты.
Въ Авачинской походѣ отправлено было коза-
ковъ сто двадцать, да сто пятьдесятъ че-
ловѣкъ Камчадаловъ; изъ чего можно рассу-
ждать о множествѣ непріятелей, когда они
такое множество по рукамъ разобрать на-
дѣялись.

Военное оружіе и збруя ихъ состоитъ
въ сайдакахъ, стрѣлахъ, чекушахъ, копьяхъ
и куюкахъ. Сайдаки у нихъ дѣлаются изъ
дѣрева липовеничнаго, и оклеиваются бере-
спою, а шепивы изъ киповыхъ жилъ. Стрѣ-
лы обыкновенно бывають въ аршинъ и въ
при четверти съ костяными или камен-
ными копейцами, а называються онѣ разны-
ми именами по разности копейцовъ. Стрѣла
съ костянымъ тонкимъ копейцомъ *леньшъ*,
съ широкимъ *аглыншъ*, съ каменнымъ ко-
пейцомъ *кауглатъ*, шупая стрѣла съ ко-

спяною головкою или помарь *комъ*, деревянной помарь *пылшкуръ*. Спрѣлы ихъ хопя и весьма плохи, однако опасны въ сраженіи, ибо онѣ ядомъ бывающъ намазаны, отъ котораго раненой человекъ пещчасъ опухаетъ, и въ сущи умираетъ почти обыкновенно. И сей бѣды инымъ образомъ не можно избавишься, какъ высасываніемъ изъ раны яду. У копей ихъ копейца бывали каменныежъ и копяныя, какъ ужé и выше объявлено. Чекуши, по ихъ *у́карель*, называются у нихъ копяныя рогульки о чепырехъ рожкахъ, которыя насаживаются на долгія раповья.

Куюки или лапы дѣлали они изъ рогожъ своихъ или чиреловъ, также изъ нерпичьихъ и моржовыхъ кожъ на ремни изкроенныхъ, копорые ремни одинъ подъ другой подвязывали шакъ, чпо они могли складываться какъ фижмы. Надѣвали ихъ съ лѣваго боку, и какъ душагрѣйку завязывали на правомъ. Съ зади пришивали высокую доску, для защиты головы, а съ переди такуюже къ груди шокмо короче.

Въ дальные походы бжжали они на собакахъ, а въ ближніе пѣшкомъ ходили. Въ лѣпнее время, гдѣ способно было, шамъ наибольше употребляли паромы, на копорыхъ могли сидѣть во многолюдствѣ.

Въ пѣшей ихъ ходьбѣ сіе достойно примѣчанія, что они по двое въ рядѣ никогда не ходящѣ, но всегда по одиначкѣ, а при томъ всегда по однимъ пропамъ, которыя вездѣ глубоко пробиты. Необыкновенному по ихъ пропамъ ходишь крайнее мученіе, для того что оныя такъ узки, что одна только нога и по прямо уставляется, ибо сей народъ ступень въ ступень ходишь.

Господинъ Стеллеръ причиною междоусобныхъ браней тамошнихъ народовъ ненависть же и роскошь объявляетъ, но съ нѣкоторыми особливими обстоятельствоми, которыя сообщимъ здѣсь въ дополненіе.

Хотя, пишеть онъ, въ Камчаткѣ главнаго начальника прежде и не было, но всякъ жилъ по своей волѣ; однако двѣ внутреннія страсти, ненависть и роскошь причиною были, что Камчадалы сами свой покой и мирное житіе отвергали, и шѣмъ время отъ времени больше умалялись, и приходили въ изнеможеніе. Къ непріятельскимъ дѣйствіямъ побуждали ихъ женщины, властолюбіе и всякія домовыя вещи и уборы. Но чтобъ каждой могъ непріятелю пропитаться, то поддавались они старшимъ, храбрѣйшимъ и умнѣйшимъ людямъ, и по одержаніи нѣкоторыхъ побѣдъ начальни-

камъ своимъ оказывали такую любовь, какая попребна была къ намбренію ихъ, чшобъ мщеніемъ, полученіемъ добычи и равномбрнымъ ея раздбленіемъ укрбпиться во своей власти. Чего ради и между сими народами есть знаки, что они имбли вб мысли своей нбчто высочайшее, то есть чшобъ бытъ владбшелями, отб чего наконецъ послбдовало одного народа раздбленіе на разные, и учинились многія равносильныя спороны.

Сперва начали Коряки, и опб Тигиля вошедб вб Камчатку слбдовали западнымъ берегомъ до Большой рбки. Послб шого возспали Шанпальцы подб предводительствомъ умнаго и храбраго мужа Шанпала. А какъ сей власть свою распросранишь вознамбрися, желая получитьъ ласкою то, что зависбло отб силы и оружія, то есть чшобъ наложить дань на всбхъ Камчадаловъ мужеска пола и женска, то сдблались паки двб спороны, одна у вершинб рбки Камчатки, которая продолжалась до прихода Россіянб, а другая вб Кронокахъ, которая проспиралась жилищами до самой Лопатки. Наконецъ живущіе опб Голыгиной рбки до Компановой оппали отб жипелей Курильской Лопатки. И хотя сіи люди малочисленнбе были, однако всбхъ другихъ пре-

восходили силою, храбростію и разумомъ; нападали на различные оспрѣги, опводили въ плѣнъ женской полъ и малолѣпныхъ; ибо мать нынѣшняго поіона перваго Курильскаго острова, именовъ *Кулини*, была плѣнница, родомъ изъ Ичинскаго оспрожка, которой Лопапскіе жипели погромили уже по прибытіи Россіянъ въ ту спорону; чего ради оспровскіе жипели Ичинскихъ Камчадаловъ почишающъ за родню свою.

Около рѣки Апалы еспъ нѣсколко горъ, копорыя имена получили опъ производившихъ тамъ сраженій. А сіи Лопапскіе жипели, или просто Курилы, попому были непобѣдимы, что они нападали нечаянно, пригребая на байдарахъ своихъ по морю, и опходя съ полученіемъ корысти безъ опасноспи погони, ибо Камчадалы морскихъ судовъ не имбюшъ.

Что касается до властолобія, копорое въ сихъ извѣспіяхъ господина Стеллера упоминается, аки бы оно главною причиною было раздѣленія памошняго народа; по хопя сіе и вѣроясно, ибо кто можетъ подумать, чтообъ и въ самыхъ дикихъ народахъ не было властолобія, или по крайней мѣрѣ щцанія о преимуществѣ, когда оно и въ бесловесныхъ живошныхъ примѣчается? однако предпринимать учрежденіе са-

модержавнаго владѣнія, и налагають дани, кажутся потребно бѣльшее разсужденіе, нежели каково Камчадалы имѣють. Что они ходили войною другъ на друга, что въ плѣнь брали, и похищали свѣстные припасы и имѣніе, изъ того заключить нельзя такого важнаго предпріянія, каково о учрежденіи самодержавства, шѣмъ наипаче, что такому человеку, какимъ описывается Шанпалъ, надлежало прежде власть свою утвердить надъ своимъ родомъ, и имѣть въ совершенномъ послушаніи, котораго однакожъ и съ самаго начала покоренія Камчатки нигдѣ ни слѣду не примѣчено, но напротивъ того вездѣ совершенное равенство. А раздѣленіе народовъ, и разбѣяніе по разнымъ мѣстамъ Камчатки могло сдѣлаться и по другой причинѣ, какъ напримѣръ по шѣсношѣ мѣста, по недостатку довольнаго къ пропитанію для множества, и прочая. Самое имя Шанпалъ весьма мнѣ сумнительно, былъ ли когда Камчадалъ такъ называемый, для того что ежели бы такое имя у Камчадаловъ было, то бы оно не вышло и по нынѣ изъ употребленія, однако нѣтъ его между мужескими и женскими именами нигдѣ въ Камчаткѣ. Мнѣ кажется, что подъ симъ именемъ должно разумѣть всѣхъ Шанпальскихъ жителей, которые

живушъ около урочища Шанпалы, какъ подъ именемъ Кончапа всѣхъ Еловскихъ жилищей. Ибо сіе правда, что оныя Шанпальцы были прежде сего и славны и многлюдны, такъ что одинъ острогъ ихъ болѣе двухъ верстѣ въ длину простирался, и балаганы шоль тѣсно построены были, что по балаганамъ хаживали они чрезъ все помянутое распояніе, да и нынѣ оной острожекъ почти всѣхъ Камчатскихъ острожковъ многочисленіе народомъ.

О храбрости тамошнихъ народовъ можно вообще сказать, что тѣ, кои далѣе живушъ къ сѣверу, наглѣе и отважнѣе. Изъ Камчадаловъ за военныхъ людей почищаются Еловцы и Шанпальцы, по нихъ Курильцы и Авачинцы, съ копорыми козаки много пруда имѣли при завоеваніи.

Г Л А В А Х І.

О Богѣ, о сотвореніи земли и о догматахъ Камчатской вѣры.

Богомъ Камчадалы почитаютъ нѣкоего *Кѹтху*, отъ котораго произошелъ народъ ихъ. Кто сотворилъ небо и свѣшила небесныя, не вѣдаютъ, токмо сказываютъ, что оныя прежде земли были, о сотвореніи которой объявляютъ двояко. Иные говорятъ, что *Кѹтху* сотворилъ землю изъ своего сына называемаго *Сѹмскалинъ*, котораго родила жена его *Илькхумъ* гуляя съ нимъ по морю; а другіе, что *Кутху* съ сестрою *Хѹтлыжить* землю снесли съ неба, утвердили на морѣ, а море сотворилъ *Утлейгынъ*, который и понынѣ въ немъ пребываетъ. Однако въ томъ всѣ вообще согласны, что *Кутху* до сотворенія земли жилъ на небѣ. Которые поспавляютъ морскаго бога, тѣхъ мнѣніе нѣсколько сходно съ Якутскимъ суевѣріемъ, которые владѣніе неба и земли особливимъ богамъ приписываютъ; сверхъ того призываютъ и адскаго бога, и почитаютъ ихъ за родныхъ братьевъ, также какъ древніе Греки и Римляне.

Купху, по сотвореніи земли, оставилъ небо, и поселился на Камчаткѣ, гдѣ родилъ другаго сына именемъ *Тыжилъ-Купху*, да дочь *Сидуку*, которые пришедши въ совершенной возрастѣ сочепались бракомъ. Между тѣмъ какъ самъ Купху, такъ и жена его и дѣти носили плашье изъ листьа шитое, и пипались березовою и паловою коркою, ибо звѣри, по ихъ объявленію, сотворены погда не были, а рыбы ловить не умѣли ихъ боги.

Купху, оставя сына своего и дочь, съ Камчатки опбылъ, а куда дѣвался не вѣдающъ, шокмо по объявляющъ, что онъ пошелъ съ Камчатки на лыжахъ, и что горы и доли сдѣлались отъ его путешествія; ибо земля подъ нимъ гнулась, какъ понкой ледъ, и такимъ образомъ лишена своей равности и плоскости.

У Тыжилъ-Купхи послѣ опца родился сынъ *Амлѣя*, да дочь *Сидукамшигъ*, которые на возрастѣ вступили въ супружество, а болѣе родословія они не знаютъ. То утверждаютъ за истинну, что народъ ихъ размножился отъ объявленныхъ праошцевъ.

Тыжилъ - Купху, при умноженіи своего рода, началъ размышлять о лучшемъ содержаніи, вымыслилъ вязать изъ кропивы съ-

ши и ловить рыбу, а какъ лодки дѣлають, оное ему еще отъ отца показано. Сопворилъ же онъ и звѣрей земныхъ, и опредѣля пасухомъ надъ оными нѣкоего *Пилячуса*, подъ котораго вѣденіемъ состояють они и донинѣ, началъ шить изъ кожъ ихъ куклянки и парки.

О Пилячучѣ сказывають, что онъ ростомъ весьма малъ, носитъ плашье россомашье, которое у Камчадаловъ весьма высоко почитается, ѣздитъ на птицахъ, особливо же на куропахкахъ, и будто нѣкошорымъ понынѣ случается видать и слѣды его.

Шеллеръ описываетъ тамошніе народы многобожными, то есть что они почитаютъ многихъ боговъ, и сказывають объ нихъ, будто прежде сего многіе ихъ видали; чего ради нѣшь у нихъ въ языкѣ слова духъ, ибо они не имѣють о томъ и понятія, шакъ какъ и о величествѣ Божіи и непостижимой его премудрости.

Впрочемъ никого глупѣе не представляють, какъ своего Купху, чего ради и не воздаютъ ему никакого почтенія, ничего у него не просятъ, и ничемъ шакъ, какъ именемъ его не забавляются, рассказывая про него шакія непристойности, о которыхъ и пишутъ гнусно. Между прочимъ и то въ порокъ

ему спавятѣ, что онѣ сполько горѣ и стремнинѣ сдѣлалѣ, и сполько мѣлкихѣ и быспрыхѣ рѣкѣ, что сполько дождей и бурѣ производитѣ, и беспокоитѣ ихѣ. И для того всходя зимою на высокія горы, или спускаясь ругающѣ его всякою бранью. Тожѣ дѣлаютѣ и при другихѣ шрудныхѣ обшояшельствахѣ.

Бога вообще называютѣ они *Дустех-тигъ*, которое имя нѣкоторымѣ образомѣ и почишаютѣ такѣ, какѣ Аѣиняне невѣдомаго бога. Спавятѣ столбѣ на пространныхѣ ровныхѣ и шундриспыхѣ поляхѣ, обвязываютѣ его шѣншичемѣ, и не проходятѣ мимо не брося куска рыбы или чего другаго; не собираютѣ ягодѣ, копорыя растутѣ въ близости, и не бьютѣ около того мѣста ни звѣря ни пшицы, и думаютѣ они, что сею жершвою жизнь ихѣ продолжается, коперая бы безѣ того умалилась. Однако не бросаютѣ они на жершву годнаго, но или шаглу или хвостѣ рыбій, что и безѣ того надлежало броситѣ. Въ чемѣ согласны сѣ ними и всѣ Азіатскіе народы, копорые шакже приносятѣ въ жершву негодное; а что ѣсть можно, шѣмѣ пользуются сами. Такихѣ столбовѣ два видѣлѣ господинѣ Спеллерѣ шокмо около Нижняго оспрѣга, а индѣ нигдѣ не примѣчено: впро-

чемъ далѣе къ сѣверу много такихъ мѣстъ и я видалъ, гдѣ мимоходящія бросающъ жертву, якобы врагамъ тамъ пребывающимъ, но сполбовъ и идиоловъ не спавяшъ.

(1) Сверхъ того всѣ мѣста, по ихъ мнѣнію опасныя, какъ напримѣръ огнедышущія и другія высокія и крупныя горы, кипячія воды, лѣса и прочее населены отъ нихъ нѣкоплыми бѣсами, которыхъ они болѣе, нежели боговъ своихъ опасаются и почищаютъ.

Горныхъ боговъ называютъ они *Камули* или малыя души, ибо душа по Камчатски *Камулетъ*. Сіи боги, или по тамошнему враги, живутъ на высокіхъ, особливоже дымящихся и огнедышущихъ горахъ, чего ради Камчадалы не шокмо всходятъ на нихъ, но и близко присупишъ не смѣющъ. Пишуютъ они, по мнѣнію ихъ, рыбною ловлею, сходя по воздуху на море въ ночное время, приносяшъ на каждомъ пальцѣ по рыбѣ, варяшъ и пекушъ ихъ по обычаю Камчадаловъ, вмѣсто дровъ употребляя киповое сало и косли. Такія мѣста проходя Камчадалы бросающъ что нибудь сѣбѣ спное врагамъ онымъ въ подарокъ.

Лѣсныхъ боговъ называютъ они *Ушахту*,

---

(1) Изъ Стеллерова описанія.

и сказываютъ, якобы они походятъ на человека. Жёны ихъ носятъ младенцевъ къ спинѣ приросшихъ, которые непрестанно плачутъ. Они, по Камчатскому суевѣрью, людей съ пуши сводятъ, и дѣлаютъ глупыми.

Морскаго бога называютъ они *Митгѣ*, и приписываютъ ему рыбій видъ. Онъ, по ихъ мнѣнію, владѣетъ моремъ и рыбами, которыхъ посылаетъ въ рѣки, однако не для того, чтобъ люди имѣли отъ того пропитаніе, но будто за лѣсомъ на багны себѣ; ибо они опнюдь не вѣрятъ, чтобъ имъ отъ бога могло быть какое благодѣяніе.

О Пилячучѣ, или какъ Стеллеръ пишетъ, *Билюкаѣ*, о которомъ выше объявлено, баснословятъ они, будто живетъ онъ на облакахъ со многими камулами, и будто громъ, молнію и дождь ниспускаетъ; а радугу почишаютъ за подзоръ на его плащѣ. Сей Билюкай, по ихъ суевѣрью, опускается иногда съ облаками на горы, вѣдитъ въ саняхъ на куропаткахъ, и бываетъ причиною великаго щастія тому, кто слѣдъ его увидитъ; но мнимой оной слѣдъ Билюкаевъ ничто иное есть, какъ струйки на поверхности снѣга, копорыя дѣлаются отъ вихрей. Напрошивъ того имѣютъ отъ него и опасеніе: ибо сказываютъ, будто онъ въ вихри дѣшей ихъ чрезъ слугъ своихъ уноситъ, и

упопреляетъ вмѣсто подставокъ, на ко-
рыхъ плоски съ жиромъ вмѣсто свѣчъ
поставляются. Жена у него *Тиранусъ*.

Они, по объявленію Стеллера, призна-
ваютьъ и бѣса, котораго представляютъ
весьма хитрымъ и обманчивымъ, и д-я того
называютъ *Кѣнною*. Около нижняго Камчап-
скаго острога показываютъ весьма шарую
и высокую ольху, которая за жилище его
почитается; и Камчадалы ежегодно въ нее
стрѣляютъ, опъ чего она вся стрѣлами
изпыкана.

Гаель, по ихъ есть начальникъ подзем-
наго свѣта, куда люди по смерти пресе-
ляются, которой прежде сего жилъ на
здѣшнемъ свѣтѣ.

Нѣкоторому изъ первыхъ дѣшей Купхо-
выхъ приписываютъ власть надъ вѣтрами;
а женѣ его *Савинѣ* пвореніе вечерней зари
и упренней.

Туила прясенію земли причиною спа-
вятъ, будто оно происходитъ опъ того,
когда Туилова собака *Козей*, на которой онъ
бздитъ подъ землею, отрясаетъ снѣгъ съ
себя.

Но всѣ мнѣнія ихъ о богахъ и о діаво-
лахъ беспорядочны, глупы и столь смѣшны,
что не зная Камчатскихъ фантазій не мо-
жно сперва и повѣрить, чтобъ они за

истинну утверждали такую нескладицу. Однако они по своему разуму всему дають причину, о всемъ разсуждаютъ, и спаряются извѣдывать самыя мысли пшиць и рыбъ. Но при помѣ имбють они сей порокъ, что ни о какомъ мнѣнии никогда не думаютъ, справедливо ли оно или несправедливо, и можно ли тому спасться или не можно, но все принимаютъ за истинну.

Главное основаніе вѣры ихъ утверждается на древнихъ преданіяхъ, которыя наблюдаютъ они паче закона, не приемля ни какихъ доказательствъ въ опроверженіе. Спеллеръ пишетъ, что онъ больше спаша челоуѣкъ спрашивалъ, не приходило ли имъ когда на мысль, смотря на небо, на звѣзды, луну и солнце и на другія вещи, что есть тому Творецъ, который все шоль премудро устроилъ, и котораго должно какъ почитать, такъ и любить за власть его и благодѣяніе; но они на отрѣзъ ему отвѣпствовали, что никогда о помѣ не помышляли, и какъ любви, такъ и спрашу не чувствовали, и не чувствуютъ.

О Богѣ разсуждаютъ они, что онъ ни щастію, ни нещастію ихъ не бываетъ причиною, но все зависитъ отъ челоуѣка. Свѣтъ почитаютъ вѣчнымъ, душі безсмертными, которыя съ шѣломъ соединившись воспита-

нутъ, и вѣчно жить будутъ въ такихъ же трудахъ, какъ и на здѣшнемъ свѣтѣ, токмо съ тою выгодою, что будутъ шамъ во всемъ вѣщшее изобиліе, и никогда не имѣютъ перпѣшь голода.

Всѣ пвари до малѣйшей мухи послѣ смерти возстанутъ, и подъ землею жить будутъ. Свѣтѣ поспавляютъ плосковиднымъ. Подъ землею помагаютъ подобное нашему небо, а подъ небомъ другую землю. Нашу землю почишаютъ за изнанку подземнаго неба; когда у насъ бываетъ лѣто, тогда у нихъ зима; а когда у нихъ лѣто, то у насъ зимнее время.

О воздаяніи будущемъ сіе токмо говорятъ, что бѣдные здѣшняго свѣта будутъ шамъ богатыми, а богатые убогими. А чтобъ Богъ за грѣхи наказывалъ, того по ихъ мнѣнію не надобно: ибо, говорятъ они, кто худо дѣлаетъ, тотъ терпитъ и опмщеніе.

А по чему они такія преданія и отъ кого приняли, о томъ сказываютъ слѣдующую баснь: будто въ подземномъ свѣтѣ, куда люди по смерти преселяются, есть великой и сильной Камчадалъ Гаечъ именемъ, которой родился отъ Кухы, и прежде всѣхъ на Камчаткѣ умеръ; жилъ въ подземномъ свѣтѣ одинъ по тѣхъ поръ, пока двѣ дочери его умерли, и къ нему преселились;

и будио онъ, желая научить свое попомство, приходилъ на нашъ свѣтъ, и взошедъ къ нимъ на юрпу, о всемъ помъ, чему нынѣ Камчадалы вѣрятъ, рассказывалъ. Но понеже многіе отъ того спраху, что мертвой къ нимъ приходилъ, скоро умерли, то Камчадалы начали попомъ юрпы свои оставлять, въ которыхъ человекъ умретъ, и новыя строитъ, чтобъ мертвой пришедши къ нимъ по подобію Гаеча, не нашелъ новаго ихъ жилища.

Сей Гаечъ, по ихъ объявленію, есть главной въ подземномъ свѣтѣ. Принимаетъ всѣхъ Камчадаловъ умершихъ; и кто прибудетъ въ новой и богатой собачьей куклянкѣ, и на хорошихъ собакахъ, тому даетъ худое платье и худыхъ собакъ, а кто въ худомъ платьѣ и на худыхъ собакахъ, тому даруетъ хорошее платье, хорошихъ собакъ, и хорошее отводитъ мѣсто къ поселенію. Тогда умершіе начинаютъ строить себѣ юрпы и балаганы, упражняются въ звѣриной, пшичьей и рыбной ловлѣ, пить, ѣсть и веселились по здѣшнему, токмо съ тѣмъ различіемъ, что они на ономъ свѣтѣ такого, какъ здѣсь, безпокойства не чувствуютъ; для того что тамъ меньше бурь, дождей и снѣгу, и во всемъ такое изобиліе, каково было на Камчаткѣ во времена Кушховы:

ибо они думаютъ, что свѣтъ отъ времени до времени становится хуже, и все пропавъ прежняго у малеется, по тому что живописныя купно съ промышленниками своими поспѣшаютъ переселяться на томъ свѣтъ.

Что касается до пороковъ ихъ и добродѣтелей, то они такоежъ имѣютъ развращенное о томъ понятіе, какъ и о Богѣ. Все то почитаютъ за дѣло дозволенное, чемъ они могутъ удовлетворить желанію и спраснямъ своимъ, а въ грѣхъ ставятъ токмо то, отъ чего опасаются или истинной, или мнимой гибели по своему суевѣрію: такимъ образомъ не ставятъ они въ грѣхъ ни убійства, ни самоубійства, ни блуда, ни прелюбодѣянія, ни содомства, ни обидъ; однимъ словомъ ничего того, что по закону Божію запрещается. Напротивъ того за смертной грѣхъ почитаютъ упоающаго избавить отъ гибели, для того что, по ихъ суевѣрію, шѣмъ, кои его изловятъ, самимъ упонуть будутъ. Засыпанныхъ снѣгомъ съ горъ, которыми случается выбишься, принимаютъ въ жилье спрашное беззаконіе по шѣхъ поръ, пока они сбѣдятъ всѣ свои припасы дорожныя, а потомъ надлежитъ имъ раздѣться до нага, и брося свое платье, какъ скверное, войти въ свою

юршу. Пишь горячія вѣды, мышься вѣ нихѣ, и всходитъ на огнедышущія горы за чесумнѣнную почишающѣ погибель, и слѣдовательно за грѣхѣ вопіющій на небо, и прочіе такіе безчисленные забобоны, о копорыхѣ и пишашъ гнусно. Грѣхѣ у нихѣ и надѣ кислою рыбою драшься, или ссоритьсѣ; грѣхѣ сѣ женою совокуплятьсѣ, когда сѣ собакѣ сдирающѣ кожи; грѣхѣ соскабливать снѣгѣ ножемѣ сѣ обуви; грѣхѣ мясо различныхѣ звѣрей и рыбѣ варить вѣ одной посудѣ; грѣхѣ ножи или попоры почить вѣ дорогѣ, и другія подобныя сему мѣлочі, отѣ копорыхѣ опасаются какого нибудѣ пропивнаго приключенія; какѣ отѣ драки и ссоры надѣ кислою рыбою совершенной погибели, отѣ совокупленія сѣ женою во время сниманія собачьихѣ кожѣ коросты, отѣ соскабливанія снѣгу сѣ обуви бури, отѣ варенія разныхѣ мясѣ вмѣстѣ нещасія вѣ ловлѣ и чирьевѣ, отѣ поченія ножей и попоровѣ вѣ дорогѣ погодѣ и бури. Что однакожѣ не столь удивительно: ибо во всѣхѣ народахѣ довольно суевѣрій у просныхѣ людей, какѣ по, что они такое множество заповѣдей могутѣ содержать всегда вѣ памяти.

Кромѣ помянутыхѣ боговѣ своихѣ почишающѣ они и разныхѣ живопныхѣ и

другую шварь, отъ которой бываетъ опасность. Огню приносятъ они въ жертву норки собольи и лисьи. Киповъ и касапкъ уговариваюшъ они словами, когда увидяшъ на промыслъ, ибо они опрокидываюшъ лодки ихъ; также медвѣдя и волка; и ни котораго изъ оныхъ звѣрей не называютъ по имени, только говорятъ, *Силангъ*, бѣда; и въ семъ сходны они съ нашими соболиными промыслениками, которые во время промысла, многихъ вещей не называютъ своимъ именемъ, будто бы отъ того дѣлается въ ловлѣ нещасіе.

Въ такомъ крайнемъ заблужденіи находился сей народъ еще и въ первыхъ годахъ моей бытности; но нынѣ шщаніемъ всемилоспивѣйшія наша Государыни Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ и высокомапернимъ ЕЯ о всѣхъ подданныхъ попеченіемъ, всѣ Камчадалы приняли Христіанскую вѣру, и многіе изъ сѣверныхъ Коряковъ: ибо въ 1741 году прибыли шуда отъ Святѣйшаго Синода опправленные проповѣдники съ довольною церьковною ушварью и со всѣмъ, что пошребно было къ обращенію шоль дикаго народа, которые имѣли шоль желаемой успѣхъ во ученіи, что не токмо обрашили ихъ въ Христіанскую вѣру, но и возбудили желаніе ко ученію: за-

вели школы по разнымъ мѣстамъ, въ которыя Камчадалы отдають дѣтей своихъ безъ всякаго принужденія; а нѣкоторыя учащъ ихъ на своемъ иждивеніи. По такимъ обстоятельствомъ сумнѣваться не можно, что Хрисіянская вѣра по всему Сѣверному морю чрезъ нѣсколько лѣтъ распространится.

Г Л А В А XII.

О Шаманахъ Камчатскихъ.

У Камчадаловъ нѣтъ особливыхъ шамановъ, какъ у другихъ тамошнихъ народовъ, но всякая баба, а наипаче старуха, и всякой Коѣкчучъ волхвомъ и полковапелемъ сновъ почищается. При шаманствѣ не бьютъ они ни въ бубны, ни плашья нарочно для того сдѣланнаго не надѣваюшъ, какъ у Якушовъ, Корякъ, Тунгусовъ, Буряшовъ и всѣхъ Сибирскихъ язычниковъ въ обычаѣ; но нашепываютъ на рыбу шаглу (1), на сладкую праву, на поншичь, и шѣмъ лѣчатъ болѣзни, шѣмъ отворачаютъ несчастіе, и будущее предвозвѣщаютъ. А какія слова при наговорахъ употребляютъ, или кого призываютъ на помощь, того я, какъ великой тайны, не могъ вывѣдать.

Главное ихъ шаманство бываетъ такимъ образомъ: двѣ бабы садятся въ уголъ, непреспанно шепчутъ, одна привязываетъ

---

(1) Естествослова *Шаглюю* называютъ жаберную крышечку у рыбъ (*opercula branchialis*).

кѣ ногѣ крапивную нитку, раскрашенную красною шерстью, и качаетъ ногу. Если ей ногу подвигать легко покажется, то сіе почищается за счастливое предзнаменованіе, и за будущій благополучной успѣхъ предприемаемаго дѣла; а буде тяжело, то за несчастливое. Между тѣмъ призываетъ бѣсовъ кѣ себѣ словами, *гушь, гушь*, и скрежещетъ зубами; а какъ явится привидѣніе, то захохошавши кричитъ, *ахъ ай, ай*. Съ полчаса спустя бѣсы прочь отходятъ, и ворожея непрестанно кричитъ, *ишки*, то есть, нѣтъ. А другая баба, какъ ея помощница, шепчетъ надъ нею, и уговариваетъ чтобы не боялась, но прилѣжно бы примѣчала явленія, и содержалабъ въ памяти, что загадала. Нѣкоторые сказываютъ, что во время грома и молніи Билюкай кѣ шаманкамъ сходитъ, и вселясь въ нихъ способствуетъ имъ угадывать.

Если сдѣлается кому неблагополучіе, или не будетъ счастья въ промыслѣ, тогда часъ приходитъ кѣ старухѣ или кѣ женѣ своей, бываетъ шаманство, слѣдуется причина, оцѣ чего произошло такое зло, и предписуются средства кѣ отвращенію. За вѣщшую же причину вмѣняется преступленіе какого нибудь суевѣрія, которое тѣмъ отвращается, что согрѣшившій дол-

женѣ вырѣзать болванчика, и опнесши въ лѣсѣ на дерево поспавишь.

Шаманяшѣ же они и во время праздниковѣ, когда грѣхи очищаются, шепчутѣ, куряшѣ, махаяшѣ, опираютѣ шоншичемѣ, обвязываютѣ перевязками, опговариваютѣ пришедшихѣ въ изумленіе, и другія дѣлаютѣ непристойности, о чемѣ въ слѣдующей главѣ писано пространнѣе.

Естьли копорой младенецѣ родится въ бурю или ненастьѣе, то на возрастѣ, когда онѣ говоритѣ будетѣ, шаманяшѣ надѣ нимѣ, и примиряютѣ съ бѣсами шакимѣ образомѣ: въ жестокую бурю раздѣваютѣ его до нага, даютѣ въ руку раковину морскую, копорую ему поднявѣ къ верху должно обѣгать вокругѣ юрпу, балаганѣ и собачьи конуры, говоря сіи слова къ Билюкаю и къ другимѣ врагамѣ: *Раковина привыкла къ соленой, а не къ прѣсной водѣ, а вы меня весьма можете, и мнѣ отѣ мокроты будетѣ погибнуть: видите, что на мнѣ нѣтъ платья, и что я весь дрожу.* По окончаніи сего примиряетѣ онѣ съ бѣсами, а въ прошивномѣ случаѣ бываетѣ причиною погодѣ и ненастьѣя.

Такимѣ же образомѣ гадаютѣ они и прудныя сновидѣнія; ибо Камчадалы столько въ помѣ любопытны, что по утру са-

мое первое у нихъ дѣло разсказывать сны, разсуждать и заключать изъ того счастье или злополучіе. О нѣкоторыхъ снахъ имѣютъ они вѣрныя и непремѣняемыя правила, какъ на примѣръ: естли вшей видятъ, то на другой день ожидаютъ къ себѣ казаковъ безъ сумнѣнія. Испражненіемъ желудка предзнаменуется прибытіе гостя изъ ихъ народа; плотскимъ совокупленіемъ предвозвѣщается счастье въ промыслѣ.

Кромѣ шаманства упражняются они въ Хиромантіи, и разсуждаютъ о счастливыхъ и несчастливыхъ приключеніяхъ по чертамъ на рукѣ, но правила свои въ тайнѣ содержатъ. Естли у кого появился на рукѣ почка, пяпно или черпá, или вдругъ пропадетъ, то спрашиваютъ о томъ у старой шаманки, какъ то самъ Спеллеръ примѣнилъ притворясь соннымъ.

Г Л А В А XIII.

*О праздникахъ и наблюдаемыхъ при
томъ обрядахъ.*

У всѣхъ Камчадаловъ одинъ токмо годовой праздникъ, въ которой они грѣхи очищаютъ; а отправляется оный неопмѣнно въ Ноябрь мѣсяцъ, чего ради и очисшителемъ грѣховъ называется. Стеллерово мнѣніе о семъ праздникѣ, что оный отъ предковъ ихъ уставленъ былъ въ благодареніе Богу за его благодѣянія, но послѣ сущая причина празднованія помрачена дурацкими смѣхами и нелѣпыми баснями. Мнѣ кажется мнѣніе его основательно, шѣмъ наипаче, что по окончаніи лѣтнихъ и осеннихъ трудовъ не принимаются они ни за какую работу прежде праздника, не ѣздятъ въ гости и на промыслы, почиая все то за великой грѣхъ. Ежели же кому пресупитъ случится, волею или по нуждѣ, то во время праздника необходимо долженъ очиститься, ежели не очистился прежде. Изъ сего нѣсколько видѣть можно, что предки сего народа, по заготовленіи въ зиму сѣвственныхъ припасовъ, имѣли обычай начало трудовъ

своихъ приносишь богу на жершву, а попомъ сами между собою веселишься, приходя другъ къ другу въ гости. При празднованіи бываетъ у нихъ между прочимъ много и такихъ мѣлочей, которыя не доспойны воспоминанія; но понеже всему у нихъ непремѣнной порядокъ, то опишу я всѣ обряды ихъ съ начала до конца праздника обстоятельно, не опуская никакой бездѣлицы не столько для удовольствія читателя, ибо такія мѣлочи читать больше скуки, нежели пріятности, но наипаче для того, чшобъ не погибла память поликаго ихъ заблужденія, изъ котораго они выведены высокомапернею милостию Ея Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшія нашей Государыни: ибо нынѣ всѣ оныя языческіе обряды оставлены, и чрезъ нѣсколько лѣтъ совершенному предадутся забвенію къ нѣкоторому ущербу Исторіи.

И понеже южные Камчадалы имѣютъ нѣкоторую разность въ обрядахъ противъ сѣверныхъ; то объявлю я порознь о празднованіи ихъ, начавъ отъ южныхъ Камчадаловъ, къ которымъ я въ 1738 и 1739 годахъ нарочно для того ѣздилъ, и въ знашномъ ихъ острогѣ, *Чаапынганъ* называемомъ, что на рѣкѣ Кыкчикѣ, жилъ по трои супки.

Дѣйствіе началось мѣшеніемъ юршы.

Попомъ два спарика имѣвшіе въ рукахъ по повѣсму поншича, нѣчто пошепшавъ надъ соромъ, приказали его вонъ носить.

Съ полчаса спуспя выняли изъ мѣста вонъ старую лѣсницу, мѣсто вычистили, и спарикъ, невѣдомо что пошепшавъ, положилъ шуда щепочку обвипую поншичемъ, послѣ того новую привязали съ равнымъ шепшаніемъ, а старую поставили къ стѣнѣ, ибо вонъ ее выносить не окончавъ праздника не дозволено.

Между шѣмъ приборъ къ бздѣ на собакахъ принадлежащій, санки, алаки, узды побѣжники, ошталы и прочее изъ юршы вонъ вынесли, для того что оный ожидаемъ на праздникъ врагамъ, по ихъ мнѣнію, прошивенъ.

Не много помѣшкавъ принесли въ юрпу сухой правы, и посплали подъ лѣсницею. Спарикъ, который обыкновенно на все нашепшывалъ, пришедъ къ лѣсницѣ съ шрема бабами, сѣлъ по правую сторону, а бабы по лѣвую. У каждаго изъ нихъ была рожка, а въ нихъ юкола, сладкая права, сухая икра, шюленій жиръ въ кишкахъ и кусками. Изъ юколы дѣлали они шопоры, и сладкою правою увивали; а изготovia все по обычаю, спарикъ и каждая баба опшривляли опъ себя по человѣку въ лѣсѣ за бе-

резою навязавъ на поясы, на попоры и на голову поншичь, и опдавъ рогожки съ объявленнымъ запасомъ на дорогу, немного себѣ изъ него оставя.

Послѣ того спарикъ и бабы, вспавши съ мѣстѣ своихъ, обошли вокругъ лѣсницы одинъ разъ махая поншичемъ, который въ обѣихъ рукахъ имѣли, и приговаривая, *акхалалалай*; а за ними обходили и тѣ, коимъ надлежало итти за березою, которые обошедши и опправились въ путь свой; а спарикъ и бабы поншичь свой на очагъ положили, а оставшій запасъ бросили малолѣпнымъ какъ бы на драку, которой они разхвапавши сбѣли.

Между тѣмъ бабы дѣлали изъ сладкой шравы и изъ юколы кипа, а сдѣлавъ вынесли вонъ изъ юрты до времени, и положили на балаганѣ. Попомъ зашоплена юрта, а спарикъ выкопавъ передъ лѣсницею ямку, принесъ камбалу обвернутую поншичемъ, и пошепавъ положилъ въ ямку, и сперва самъ на помѣ мѣстѣ обернулся прижды, а послѣ и всѣ мущины и женщины до малолѣпныхъ.

По окончаніи сего дѣйствія другой спарикъ началъ сарану варить въ корышахъ каленымъ камнемъ, копорою сараною имѣли бытъ подчиваны враги ихъ; а между

пѣмѣ, у кого были болванчики, называемые *Урилидаты*, обвязывали ихъ сладкою правою, а другіе дѣлали новыхъ болванчиковъ, *Итунгъ* именуемыхъ, и въ пополокъ надѣ очагомъ шыкали.

Въ пожѣ время нѣкоторой спарикѣ принесѣ въ юршу березовой кряжѣ, и началъ изѣ него Ханпая дѣлашь, а сдѣланному первой Тоюнѣ того оспрожка навязалъ сладкой правы на шею, а по немѣ и прочіе сладкуюжѣ праву или поншичь приносили ему на жертву, по совершеніи копорой поспаели его на очагѣ вмѣстѣ съ спарымѣ Ханпаемѣ.

Часпоупоминаемый спарикѣ взявѣ два небольшіе камня, и обвернувѣ въ поншичь невѣдомо что наговаривалѣ, потомѣ, закопавѣ ихъ, на очагѣ по разнымѣ угламѣ расклатѣ небольшой огонь, а вокругѣ лѣсницы посадилѣ малолѣтнихъ, чшобѣ имѣ хватать болванчиковѣ, копорые сверху имѣли бытъ въ юршу брошены. Дѣти разхватавѣ ихъ обвязали сладкою правою, а одинѣ изѣ нихъ взявѣ новаго Ханпая пошацилѣ вокругѣ очага за шею, а прочіе за нимѣ слѣдовали и алхалалалай кричали, а потомѣ на спаромѣ его мѣстѣ поспавили.

Послѣ того обсѣли вокругѣ очага всѣ старики, сколько ихъ въ юршѣ ни было :

попѣ, который на все нашептывалъ, взявъ въ рѹки обвѣшную тоншичемъ лопату, слѣдующую рѣчь къ огню говорить началъ: *Отъ Кутхи намъ приказано воздавать тебѣ жертву по однажды въ годъ, что мы и исполняемъ; тего ради просимъ, чтобъ ты насъ хранилъ, и миловалъ, не притинялъ бы скорбей и бѣдъ, и не дѣлалъ пожару.* Сію рѣчь перерывалъ онъ нѣсколько разъ; между тѣмъ всѣ прочіе старики вставали, и попя ногами, и плеская руками кричали алхалалай, а по окончаніи оной всѣ старики встали съ мѣстъ своихъ, и взявъ другъ друга за руки заплясали, и закричали алхалалай, а съ ними и всѣ бывшіе въ юртѣ поже кричали.

Во время крика начали выбѣгать изъ угловъ бабы и дѣвки, искося глаза, искривя ротъ и представляя себя какъ возможно спрашными, которыя дошедъ до лѣсницы подняли рѹки къ верху, и дѣлая спранныя тѣлодвиженія плясали и кричали во весь голосъ, а попомъ одна за другою падали на землю будто мерпвыя, и разносимы были мущинами по мѣстамъ своимъ, гдѣ лежали акибы безчувственны по тѣхъ поръ, пока нѣкоторой старикъ не опшепталъ каждую порознь. Сіе позорище показалось мнѣ спраннѣе и прошивнѣе Якутскаго шаманства:

ибо тамъ одинъ шокмо шаманъ бѣсится, а здѣсь цѣлой острожекъ. Опшештанныя бабы и дѣвки весьма много кричали, и плакали, будто отъ великой болѣзни и шягоспи, а между пѣмъ спарикъ поворожа надъ пепломъ бросалъ его дважды къверху лопапой, а по немъ и прочіе пожъ учинили. Послѣ того объявленный спарикъ, насыпавъ пеплу въ два ковша, посылалъ съ нимъ двухъ человекъ дважды изъ юрпы, которые выходили не обыкновеннымъ окномъ, но *шолхадомъ*, и усыпали пепломъ дорогу.

Нѣсколько времени спустя обшянули вокругъ всей юрпы веревку изъ правы плешеную, къ которой мѣстами привязанъ былъ поншичь. И такимъ образомъ день они препроводили, а въ вечеру возвратились посланные за березою, которые, совокупясь съ нѣкопорымъ числомъ выбѣжавшихъ изъ юрпы Камчадаловъ, внесли на юрпу срубленную подъ корень превеликую березу, и начали бить ею въ окно или въ двери юрпы, при чемъ топая ногами кричали, сколько у кого было голосу; напрошивъ того и бывшіе въ юрпѣ опшѣтспвовали равнымъ образомъ отъ мала и до велика, и сей вопль продолжался около получаса. Послѣ того выскочила изъ угла дѣвка какъ бѣшеная, и взбѣжавъ по лѣсницѣ за березу схвати-

лась, а къ ней на помощь прибѣжало было еще бабъ съ десять, но Тоюнъ того ошп-рожка стоя на лѣсницѣ не допустилъ ихъ. Между тѣмъ береза спускалась ниже, и уже съ полу достать оную возможно было; тогда всѣ бабы ухвась за березу начали тянуть ее въ юрпу съ ужаснымъ крикомъ и съ плясаніемъ, но споящіе на юрпѣ держали крѣпко. На послѣдокъ весь женскій полъ, аки пораженный нечислымъ духомъ, попадалъ на землю, выключая ту дѣвку, коя прежде всѣхъ за березу схватилась; ибо она по тѣхъ поръ висѣла на ней и кричала, пока береза концомъ на полу спала; тогда и она по примѣру прочихъ на землю поверглась какъ мертвая.

Всѣхъ бабъ и дѣвокъ старикъ по прежнему ошговаривалъ, и всѣхъ ошпешалъ скоро, кромѣ одной дѣвки, надъ копорою онъ прудился долгое время. Она очнувшись закричала необычнымъ голосомъ, что ей весьма пошно, при томъ исповѣдывала грѣхъ свой, что она до праздника собакъ обдирала. Старикъ утѣшая ее совѣщивалъ болѣзнь нести великодушно, копорой сама она причиною, что грѣха своего до праздника не очистила, и рыбей шаглы въ огонь не бросила.

По прошествіи одного или полутора

часа брошено въ юршу восемь тюленьихъ кожъ, въ которыхъ навязана была юкола, сладкая права и пузыри съ тюленьимъ жиромъ, а за ними брошены и чепыре рогожи, копорыя даваны были съ кормомъ посланнымъ за березою, а въ нихъ находились березовые обрубки и запасъ остаточной. Рыбу изъ тюленьихъ кожъ, сладкую праву и жиръ Камчадалы раздѣлили по себѣ, кожи послали передъ лѣсницею, а изъ березовыхъ обрубковъ начали дѣлать остроголовыхъ болванчиковъ, *Камѣда* называемыхъ, во образъ шѣхъ бѣсовъ, кои въ женской ихъ полѣ вселяются во время плясанія. Помянутыя кожи тюленьи опсулены были шѣмъ бѣсамъ еще съ осени, когда Камчадалы снаряжались на тюленьи промыслы, чего ради и не употребляютъ ихъ ни на что кромѣ того, что подъ себя спелютъ.

Сдѣлавъ 55 болванчиковъ посадили ихъ рядомъ, и сперва вымазали брусницею лице имъ, послѣ того поставили передъ нихъ въ шрехъ посудахъ полченой сараны, и передъ каждого положили маленькую ложку; такимъ образомъ спояло кушанье нѣскольکو времени, а какъ болванчики, по мнѣнію Камчадаловъ, уже довольны были, то сарану съѣли они сами, а болванчикамъ надѣвъ на головы шравяные колпаки, и навязавъ слад-

кой правы и поншича на шеи, связали ихъ въ при пучка, и каждой пучекъ по два человекъ съ воплемъ и плясаніемъ въ огонь бросали, а съ ними вмѣспѣ жгли и щепы, которыя при дѣланіи ихъ нарублены.

Около полуночи вошла въ юрту шопхадомъ или выводомъ баба, у которой на спинѣ привязанъ былъ кипъ изъ сладкой правы и рыбы, сдѣланный въ началѣ еще праздника, и ползла въ кругъ очага; за нею слѣдовали два Камчадала съ шюленьими кишками, сладкою правою перевипыми, и крича по вороньи, кишками по кипу били. Какъ баба очагъ миновала, то бросились всѣ бывшіе въ юртѣ малолѣпные, и кипа у ней расперзали, а баба побѣжала вонъ шѣмъ же выводомъ; но стоявшій внѣ юрты нарочно для того Камчадалъ поймалъ ее, и взведши на юрту началъ спускать по лѣсницѣ внизъ головою. Для приниманія ея бросились нѣсколько бабъ и дѣвокъ съ шакимъ же, какъ прежде воплемъ, а послѣ всѣ вмѣспѣ плясали и кричали до шѣхъ поръ, пока на землю попадали, при чемъ было и опшешпыванье по прежнемужъ; а между шѣмъ Камчадалы разперзаннаго малолѣпными кипа по себѣ дѣлили и ѣли.

Вскорѣ послѣ того захопили юрту, и бабы стряпашъ начали. Каждая принесла

свою посуду и полкушу, и спали полочь шеламайное коренье, икру и кипрей съ нерпичьимъ жиромъ; а какъ все оное исполкли какъ пѣсто, то спарикъ взявъ *хомягу* (посуда) ходилъ по всѣмъ бабамъ, и съ каждой бралъ по ложкѣ полкуши, а собравъ отдалъ хомягу другому спарику, который на все нашепывалъ, и бабъ падающихъ на землю отговаривалъ. Оный спарикъ сѣлъ къ огню съ полкушею, и невѣдомо что наговаривая, по обычаю, бросилъ изъ полкуши нѣсколько въ огонь, а остальное отдалъ обратно шому, къмъ полкуша была собирана, а спарикъ разносилъ паки по бабамъ, и каждой давалъ по ложкѣ вмѣсто жершвеннаго. Между пѣмъ вся ночь прошла, и никто изъ Камчадаловъ спать не ложился.

На другой день, то есть Ноября 22 числа, около 9 часа по утру, посланы передъ лѣсницею двѣ нерпичьи кожи, а между ими рогожа, на которыхъ сѣли три старухи. Каждая изъ нихъ имѣла пучекъ тоненькихъ ременныхъ гайтановъ, раскрашенныхъ нерпичьей шерстью и поншичемъ. Въ прислужникахъ у нихъ былъ спарикъ, который, обравъ гайтаны и обжегши на огнѣ, обратно имъ отдалъ. Старухи вставъ съ мѣстъ своихъ ходили одна за другою по юртѣ, и окуривали вездѣ обожженными оными гай-

шанами, а Камчадалы, жены ихъ и дѣти во время прохожденія спарухъ хващались за гайшаны, какъ за нѣкошорую вещь освященную, и трясли ихъ. Окуря всѣхъ сѣли спарухи по своимъ мѣстамъ, и одна взявъ у прочихъ гайшаны вшорично пошла по юртѣ, прикладывая ихъ ко всѣмъ столбамъ и подпорамъ въ юртѣ; между тѣмъ всѣ Камчадалы кричали, а всѣ спарухи, у которыхъ пучки сѣ гайшанами были, плясали, и бѣсильсь по прежнему; пожъ учинила обшедѣ юршу и шрепья, а наконецъ всѣ попадали замертво.

Прислужникъ взявъ гайшаны у лежащей спарухи приложилъ ихъ къ лѣсницѣ, и по тѣхъ поръ держалъ, пока всѣ бывшіе въ юртѣ отъ мала до велика къ нимъ прикоснулись. На послѣдокъ роздалъ ихъ по угламъ, гдѣ бабы разобрали гайшаны, каждая по числу семьи своей, и надѣвали ихъ на каждого человѣка, окутивъ прежде мужа, себя и дѣшей своихъ.

Спустия полчаса Камчадалы посплали передъ лѣсницу нерпичью кожу, а къ двумъ столбамъ, что по сторонамъ лѣсницы, привязали по мальчику; послѣ того вошли въ юршу два спарика, и спрашивали у мальчиковъ: *когда прѣѣзжаетъ отецъ ихъ?* на что отъ всѣхъ Камчадаловъ отвѣтствована-

но имъ: *зимою*. Старики положиа передъ мальчиками по кишкѣ съ нерпичьимъ жиромъ, копорыя сладкою правою обвиты были, вонъ вышли, но вскорѣ возвратились въ юрту, и начали кричать и плясать, а съ ними и всѣ бывшіе въ юртѣ кричали.

Между тѣмъ вошла шопакдомъ баба, у копорой подъ пазухой былъ сдѣланной изъ сладкой правы волкъ, и набитой медвѣжьимъ жиромъ, кишками съ тюленьимъ жиромъ и другими събѣспными ихъ припасами, о копорыхъ выше упомянуто. За бабою шелъ Тоіонъ того оспрожка съ напянупымъ лукомъ, у копорыхъ и голова и руки обвязаны были поншичемъ; сверхъ того у Тоіона на поясу, на сайдакѣ и на спрѣлѣ навѣшенъ былъ поншичь же повѣсмами. Какъ баба обошла подлѣ стѣны вокругъ юрты съ послѣдовавшими ей всѣми жителями того оспрожка мужеска пола и женска скачущими, и кричащими, и дошла до лѣсницы, то нѣсколько человекъ Камчадаловъ выхватили у ней волка изъ подъ пазухи, и взбѣжали съ нимъ по лѣсницѣ подъ самой верхъ юрты; чего ради всѣ бабы обступя лѣсницу, всякими образы домогались взойти на оную, и достать волка, но стоявшіе на лѣсницѣ мужики до того ихъ не допускали, и хотя онѣ нѣкопорыхъ силою

сѣ лѣсницы низвергали, однакожѣ намѣренія своего не могли произвестъ въ дѣйство, но ушудаясь и обезсилѣвъ всѣ попадали и за мертво разнесены по мѣстамъ, и опговариваны по прежнему. Послѣ того Тоюнѣ, который сѣ напаянупымъ своимъ лукомъ споялъ между тѣмъ бѣдалъ, приспустилъ къ лѣсницѣ, и спрѣлилъ въ волка, а прочіе мужики спащили его на полѣ, и расперзавъ сѣбли, удѣля нѣкоторое число медвѣжья жиру для подчиванія ханшаевъ.

О семъ дѣйствіи, пакъ и о киповомъ, о которомъ выше объявлено, хопя сами Камчадалы сказать и не умѣютъ, касается ли оно до ихъ суевѣрія или нѣтъ, и для чего бываетъ; однакожѣ мнѣ кажется, что оное представляется вмѣсто комедіи только для увеселенія, или чѣтобъ имъ настоящихъ киповъ и волковъ промыслять и бспъ, какъ сѣ правяными поступали. А баснь, которую они представляютъ, есть слѣдующаго содержанія:

На нѣкоторой рѣкѣ жилъ одинакой Камчадалъ, и имѣлъ у себя двухъ малыхъ сыновей. Опходя на промыселъ принужденъ онъ былъ дѣшею однихъ оставлять въ юртѣ, и для безопасности, чѣтобъ не ушиблись, привязывать къ столбамъ. Въ небытность его приходили къ дѣшамъ его волки,

и спрашивали, скоро ли отецъ ихъ будетъ, которымъ они опвѣспивовали, зимою. Дѣти его отъ того страха чрезъ долгое время безъ ума были. Между тѣмъ отецъ съ промысла возвратился, и увѣдавъ, что во время его отлучки происходило, пошелъ промыслять волка, и застрѣлилъ его изъ лука. Что же касается до киповаго дѣйствія, то правяной кипъ дѣлается во образъ носимаго волнами мертваго кипа, вѣроны изъ кишекъ во образъ вѣроновъ клюющихъ прупъ его, а малые ребяпа перзающіе его во образъ Камчадаловъ рѣжущихъ жиръ его.

По окончаніи игры о волкѣ, спарикъ обжигалъ тоншичь, котораго съ каждой семьи по повѣсму огню на жертву собралъ, и окуривалъ онымъ юршу два раза. Обожженной тоншичь положилъ онъ весь на очагъ, выключая одно повѣсмо, которое на пошолокъ надъ очагомъ повѣсилъ, гдѣ оно виситъ во весь годъ.

Вскорѣ послѣ того нанесли въ юршу березоваго прущья, по числу семей, изъ котораго каждый Камчадалъ взялъ на свою семью по одному прущу, и изогнувъ кольцомъ пропускалъ сквозь оное жену и дѣтей своихъ по два раза, которые выступя изъ кольца вонъ, оберпывались кругомъ. Сіе почишается у нихъ за очищеніе грѣховъ ихъ.

Какъ всѣ очистились, по Камчадалы пошли съ прутьями вонъ изъ юрпы жупаномъ, а за ними слѣдовали и всѣ сродники ихъ мужеска и женска пола. Внѣ юрпы проходили сквозь кольца впорично, а по помѣ оное въ снѣгѣ втыкали приклоня на воспокѣ вершинами. Камчадалы сброся на помѣ мѣстѣ весь понщикъ, и опрясши плащье свое возрапились въ юрпу наспоащимъ входомъ, а не жупаномъ.

Изъ бывшихъ на мѣстѣ очищенія случилась одна больная дѣвка, которую старикъ посадя на снѣгѣ съ полчаса опговаривалъ, прикорнувъ передъ нею и опершись о палку, напоследокъ обспрясши плащье ея прущомъ, опустилъ въ юрпу.

Послѣ очищенія принесли Камчадалы малую сухую пшичку, да гольца, нарочно для того изгошовленныхъ, и пожара на огнѣ по часнямъ раздѣлили, и пришедъ къ огню бросили въ огонь въ при раза на жертву шѣмъ врагамъ, кои на праздникъ приходяшъ и въ бабѣ вселяющся. Они, сказывающъ Камчадалы, живутъ на облакахъ, видомъ какъ люди, шолько оспроголовы, возрашомъ съ прехлѣпняго младенца, ходяшъ въ лисьемъ, собольемъ и россомашьемъ плащѣ.

Понеже они сказывающъ, что враги

къ бабамъ въ ротъ входящъ до 50 и больше, то спросилъ я у нихъ, какъ можно по-ликому числу враговъ величиною съ прехлбшняго младенца въ одной бабѣ умѣститься, и какъ пройти въ такое узкое горло, въ которое рукъ такого младенца пройти кажется не возможно. Намъ де и самимъ, опѣвшспивовали они, по дивно, можетъ де бытъ они весьма малы, да намъ такими кажутся.

Потомъ запопили юршу, и накаля ка-менья начали сухую рыбу варить въ коры-тахъ, а сваря обливали щербою ханцаевъ, обрѣшающихся при нихъ болванчиковъ и березу, которая еще въ юрщѣ стояла, а рыбу сами ѣли.

Напоследокъ должно имъ было березу изъ юршы вынести, чего ради два человека взлѣзши по ней на юршу (а по лѣсницѣ вы-ходишь грѣхъ) подали оную сидящимъ въ юрщѣ, которые обнесши вокругъ всей юршы, опнесли оную на балаганъ, гдѣ лежитъ она во весь годъ, а почтенія ей никакого не опдаеця. Такимъ образомъ праздникъ ихъ окончился.

У сѣверныхъ Камчадаловъ есть въ об-рядахъ немалая опмѣна въ разсужденіи юж-ныхъ. На праздникъ ихъ прѣхалъ я Ноября. 19 дня по утру, однако не заспалъ начала:

ибо до моего еще прїѣзда юрта у нихъ была вымешена, надъ полками сдѣланы грядки, а на нихъ наложены поперечныя кольца съ обшесаными головками, которыя по ихъ называются *Урилыдачь*. Сверхъ урилыдачей около очага наложены были сухія дрова для праздничнаго употребленія. За дровами и за кольемъ на урилыдачей ѣздили Камчадалы съ обрядами, какъ вышеописанные Камчадалы за березою,

Не много спустя по моемъ прїѣздѣ всѣ бабы изъ юрты вонъ вышли, и разошлись по балаганамъ, и нѣсколько помѣшкавъ возвратились. Въ юрту входили сперва спарухи, послѣ малыя дѣвочки и бабы, а напередъ себя опускали онѣ сладкую праву, къ которой у нѣкоторыхъ привязанъ былъ кипрей и юкола. Оныя припасы принимали у нихъ нарочно опредѣленные къ служенію при празднованіи два Камчадала, которыхъ я называю буду ниже сего служилецами, и вѣшали на урилыдачей надъ ихъ мѣстами. Каждая баба вшедъ въ юрту клала на очагъ по немногу пощичу, а потомъ опходила на свое мѣсто.

Между прочими спустилась въ юрту одна баба съ двумя двойнишными дѣвочками. У бабы была въ рукахъ сладкая права, а у дѣвочекъ и въ рукахъ и на головѣ пок-

шичь. Баба снявѣ у дѣвочекѣ съ головы поншичь положила на очагѣ, а послѣ нее и дѣвочки поншичь изѣ рукѣ на огнище бросили. Помянушая баба не мапѣ онымѣ дѣвочкамѣ была, но нянька, а мапѣ ихѣ одна входила вѣ юрпу.

Послѣ того привели кѣ очагу дряхлую спаруху, у которой и вѣ рукахѣ и на головѣ, шакѣ какѣ и у другихѣ былѣ поншичь, которой она сброся на огнище опрясалась приговаривая невѣдомо что.

Вскорѣ попомѣ вышли два мужика изѣ угловѣ, сѣли по споронамѣ лѣсницы сѣ попорами и сѣ деревянными чурками. Служители приносили кѣ нимѣ со всякаго угла по пластинѣ юколы, которую они положи на чурки попорами надрубливали, приговаривая, чтобѣ юкола была спора, и изѣ балагановѣ не убывала. Надрубленную юколу разносили служители по шѣжѣ же угламѣ, и раздавали обратно, у кого взяли, опломя сперва по малому кусочку, и на огнище брося. Послѣ того спали они бѣсть, подчивая другѣ друга сѣ угла на уголѣ. И первой день праздника ихѣ вѣ 11 часу по полудни шѣмѣ окончился.

На другой день по утру рано отѣ каждой семьи мужикѣ или баба поѣхали по сѣбѣднимѣ оспрожкамѣ кѣ друзьямѣ своимѣ,

для сбиранія корму на праздникъ. Ибо хотя у нихъ и своего довольно, однакожь по обыкновенію ихъ припасы на то время у сосѣдей собираютъ, подобно какъ у нашихъ подъ насѣдку яица.

Въ острожекѣ возвратились они уже вечеромъ, и запопя юршу бабы начали стряпашь, полочь ягоды и коренье, и оная стряпня продолжалась почти во всю ночь. Между тѣмъ огонь на очагѣ не угасалъ, но безперемежно курился. Ибо, по ихъ обычаю, должно быть неугасимому огню по тѣхъ поръ, пока стряпня окончится, и угашеніе огня при ономъ случаѣ за великой грѣхъ почиается.

Изгопова кушанье, что учинилось часа за два до свѣшу, юршу скупали, и бабы начали вишь изъ правы веревки, головы рыбы обвершывашь въ поншичь, накладывашь на шеи правяныя плешешки, а при всемъ томъ невѣдомо что наговаривая пробавились до самаго свѣшу.

По окончаніи помянутаго дѣйствія служители начали со всѣхъ собирать рыбы головы обверченныя въ поншичь огню на жершву, и класъ на очагѣ, а при положеніи каждой головы присѣдали подлѣ лѣсницы на колоду. Пóслѣ того всѣ бывшіе въ юршѣ обоего пола ошѣ мала и до велика

приходили къ очагу, и бросали съ себя поншичевыя перевязки, а нѣкоторыя сѣмьи, изогнувъ кольцомъ объявленныя правяныя веревки, сквозь нихъ проходили, а послѣ на огнище клали. Сіе у нихъ за очищеніе грѣховъ почитается.

Вскорѣ послѣ очищенія пришелъ къ очагу спарикъ, и пошепшавъ надъ правою и поншичемъ, которыя на очагъ набросаны были, началъ изъ нихъ веревки витъ, а свивши махалъ два раза по юртѣ, крича изо всей силы невѣдомо что, а по немъ и прошіе пожъ дѣлали. Сіе значить у нихъ изгнаніе всѣхъ болѣзней изъ юрты.

На послѣдокъ Камчадалъ очищалъ у очага двойнишныхъ дочерей своихъ, положи на оной Хахалчу рыбку и омегу изъ чешырехъ мѣшечковъ, которыя надъ постелей своей повѣсилъ.

Не много времени спустя служители со всѣхъ чешырехъ угловъ юрты крестъ за крестъ брали юколу, и подчивали урилыдачей, а за ними слѣдовали и всѣ Камчадалы, и мазали ихъ иной шолкушею, иной сараною, иной суниломъ, или что у кого приспрано было. А послѣ спали другъ друга подчивашъ, переходя съ одной споронны юрты на другую. Подчивающся они кормя другъ друга изъ своихъ рукъ ложкою.

Какъ обѣдъ ихъ окончался, то Камчадалы раздѣвшись до нага взяли по хомягѣ (посуда съ чемъ по воду ходящѣ) въ руки, а вмѣсто плащя получа отъ служителей по шоншичной перевязкѣ на шеи, которыя сняшы съ урилыдачей, вышли изъ юрты вонъ, и пошли на рѣку по воду, слѣдуя одинъ за другимъ рядомъ. У передовщика была въ рукахъ хомяга да полкуша, а у другаго хомягажъ да лучина. При выходѣ изъ юрты двое Камчадаловъ, изъ которыхъ одному напереди, другому назади итти надлежало, сѣли на малое время подлѣ лѣсницы, а пришедъ на прорубь передсвщикъ околота оную полкушкою, черпалъ воду сперва оборачивая хомягу противъ воды, потомъ по водѣ, а по немъ и всѣ пождѣлали; и сколько кщо въ одинъ разъ зачерпнушь могъ, то и несъ съ собою. Съ проруби шли они тѣмъ же, какъ и прежде порядкомъ, и взошедъ на юрту спускались въ оную по веревкамъ съ великою осторожностію, чшобъ не разплеснушь, ибо оное за грѣхъ почитается, а принимали у нихъ двое подростковъ нарочно для того оставленныхъ, потому чшо служители сами за водою ходили. На юртѣ спояли они по шѣхъ поръ, пока отъ всѣхъ посуда съ водою принята была. Между тѣмъ четыре раза кри-

чали они изо всей силы плеща руками и топая ногами. А вшедъ въ юршу шепъ, копорой ходилъ съ лучиною, обжигалъ оную на огнѣ, и обмакивалъ во всѣ посуды съ принесенною водою. Напрошивъ того изъ воды вынулъ кусокъ льду въ огонь бросилъ, и воду давалъ всѣмъ нишь вмѣсто освященной.

Попомъ бабы съ остальнымъ опѣ подчиванія кушаньемъ пошли по своимъ балаганамъ, и шамъ оспались. Напослѣдокъ старики и мужиковъ всѣхъ вонъ выслали, и мы по прозбѣ ихъ вышши принуждены были, для того что имѣло у нихъ происходить тайное дѣйствіе, при копоромъ кромѣ нѣкопорыхъ стариковъ и двухъ служителей никому бытъ не должно. Однакожъ я упротсилъ, чтообъ они толмачу моему при шомъ бытъ позволили, копорой рассказалъ мнѣ, что у нихъ происходило.

Сперва старики приказали служителямъ зашопитъ юршу, а когда она истопилась, то служители принесли по горсти сухой травы, и разбросали по юршѣ, помомъ всю юршу и полки ушлала чирелами, (правяными рожками) въ двухъ углахъ зажгли по жирнику, а напослѣдокъ всѣ старики начали вязать шонличь, и помѣнявшись другъ съ другомъ повѣсили оной на спицы, служителямъ оп-

дали приказъ, чтобъ въ юрту и изъ юрты никого не пускали, и юрпеную дверь на глухо закрыли, а сами легли, и имбли между собою разговоры о промыслахъ звѣриныхъ и рыбныхъ.

Нѣсколько времени спустя приказали они одному служителю за дверь пощупать; а послѣ открышь, и принесъ съ балагану рыбу щеку, да цѣлую рыбьюжъ голову, а самому ему на балаганъ ходить не велбли.

Принесенную щеку и голову рыбу принялъ спарикъ, и обвершиа въ поншичь нѣчто пошепталъ на нихъ, и сѣлъ у очага, а къ нему приходили прочіе спарики, и попопавъ объявленную щеку и голову, перешедъ черезъ огнище возвращались на свой мѣста. Потомъ служители вышли изъ юрты вонъ, и шѣмъ окончилось первое тайное ихъ дѣйствіе.

По прошествіи двухъ часовъ собрались въ юрту всѣ мужики, бабы и малые ребята, которые того года или хворали или понули. Бабы всѣмъ мужикамъ и малымъ ребятамъ обвязали головы поншичемъ, и давъ имъ въ одну руку поншичу, въ другую сладкой правы выслали вонъ изъ юрты. При выходѣ обносили они сладкую праву вокругъ лѣсницы, и взошедъ на юрту обошли вокругъ оной при раза по солнцу, а

послѣ того стоя на верху юрпы рвали на мѣлко сладкую праву и поншичь, и бросали въ юрпу, а перебросавъ и сами входили, и снявъ съ себя поншичевыя перевязки на огнище клали, и попопшавъ ногами тѣ, копорые хворали, опходили по своимъ мѣстамъ; а копорые понули, тѣ легли на огнище, и все то представляли, что они въ то время, какъ понули, дѣлали, и кликали поименно, опъ кого тогда требовали помощи, копорые пришедъ къ очагу съ пеплу ихъ, акибы изъ воды паскали.

На послѣдокъ принесена была рыба щетка, и брошена на огнище съ приговоромъ, *пиу пиу пиу*, и изломаны на обѣихъ споронахъ юрпы по двѣ рыбки рагашки, и разбросаны по полу. Между тѣмъ служители побывавъ на дворѣ жирники загасили, чирелы, копорыми юрпа устлана была, собрали, и расклали маленькой огонь, а въ него положили камень, и сжегши всѣ перевязки бывшія на головахъ у больныхъ и у упоплениковъ, приказали ребяпамъ погасить оной камнемъ. Такимъ образомъ тайное ихъ дѣйствіе окончилось, и того дня ничего больше не происходило. На шрепей день по утру рано запопили юрпу, и положили передъ огнемъ два пука сухой правы или соломы и прущья вмѣстѣ связанныхъ,

и праздничные служители спали, одинъ у одного, а другой у другаго пука. Какъ огонь разгорѣлся, то они помѣнявшись пуками начали ихъ развязывать, и прутье роздали по мужчинамъ, изъ которыхъ иные ихъ намѣлко домали, а иные въ кольца вили съ нѣкимъ наговоромъ. Солому всю перенесли на одну сторону очага, и спали дѣлать *Пѣма*.

Что значить оный *Пѣмъ*, и для чего дѣлается, того и сами Камчадалы сказать или не умѣли, или не хотѣли, впрочемъ сдѣлали его на подобіе человѣка вышиною около полуаршина, а пайной удѣ приплели ему сажени въ двѣ и долѣ, и положили его головою къ огню, а пайной удѣ къ пополоку привязали. Между тѣмъ, какъ *Пѣма* дѣлали, нѣсколько человѣкъ взявъ по одной травинкѣ, выходили вонъ изъ юрпы, и обшерши сполбы у своихъ балагановъ возвратились въ юрпу, и бросили оныя въ огонь, а съ ними вмѣстѣ и раздаванное прутье сожженожъ было.

Какъ *Пѣмъ* нѣсколько времени повисѣлъ, то старикъ пришедъ опвязалъ его, и согнувъ пайной удѣ кольцомъ обжегъ на огнѣ, и махалъ имъ по юрпѣ приговаривая, *Уфѣй*, а за нимъ и всѣ бывшіе въ юрпѣ поже кричали, напоследокъ сожгли реченнаго *Пѣма*.

По сторбніи Пóма спали мѣсть юрпу пригребая весь соръ къ лѣсницѣ, изъ котораго каждой Камчадалъ бралъ помаленьку, и относилъ въ лѣсѣ усыпая дорогу, по которой на промыслы ходятъ. Въ поже время и бабы всѣ на юрпу вышли, и спали въ кучу.

Камчадалы возвращаясь изъ лѣсу кричали споя на юртѣ, чешыре раза плеща руками и попая ногами, а послѣ вошли въ юрпу, а на ихъ мѣста сѣли бабы и многократно кричали, *Алулулу*.

Между шѣмъ юрта изшопилась, и оставшіяся головни по обыкновенію начали вымешывать, но сидѣвшія на верху бабы ухватя оныя обратно въ юрпу мешали, и чтобъ мущинамъ ни одной головни вонъ не выбросить, то закрыли они дверь или окно рогожами, а по краямъ ихъ испосѣли сами. Мущины взбѣжавъ по лѣсницѣ силою двери раскрыли, и вышедъ на юрпу бабъ долой сгоняли, между шѣмъ другіе головни мешать успѣвали. Но понеже бабы мущинъ числомъ превосходили, то иныя ихъ шаскали, иныя головни обратно въ юрпу бросали, чего ради въ юртѣ отъ дыму и искръ и сидѣшь почти не возможно было: ибо головни какъ ракеты по вверхъ, по внизъ беспрестанно лезали, и продолжалось сіе

веселіе ихъ съ полчаса. На послѣдокъ бабы попустили головни выбросать, а шѣхъ мужиковъ, копорые выбѣжали ихъ отбивать, по шѣхъ поръ таскали, и мучили, пока они отъ другихъ вышедшихъ на помочъ не выручены были.

Послѣ объявленной потѣхи бабы по пѣвѣ нѣскольکو на верху, спали спускашья въ юрпу, а мужики стояли по обѣ стороны пѣсницы фрунпомъ, и каждая спорона помогалась сходящихъ бабъ переташить на свою спорону, отъ чего происходило между ими сраженіе; и копорая спорона перемогала, та бабу какъ въ полонъ отводила.

Когда случается, что бабы взяты бываютъ на прошивныя спороны; то каждая спорона выкупаешъ своихъ пѣнницъ равнымъ числомъ завоеванныхъ: а ежели одна спорона овладѣетъ большимъ числомъ, такъ что другой нѣчемъ выкупить будетъ, то она ходитъ какъ бы войною для ихъ освобожденія, при чемъ немалой бой происходитъ. Однако при мнѣ такъ сдѣлалось, что пѣнницъ на обѣихъ споронахъ было поровну, чего ради Камчадалы и въ походъ ходить не имѣли нужды.

По окончаніи объявленной потѣхи расклали они небольшой огонь, и сожгли съ Урилыдачей и по другимъ мѣстамъ висѣв-

шій поншичь, а служители принесли по два маленькихъ голичка, и испекши мѣлко на ложкѣ изкрошили, и поспавили у лѣсницы по правую сторону. Послѣ того пришелъ старикѣ, и перебросалѣ въ огонь большую половину рыбы приговаривая: *та, то естъ возми*, а остатки раздѣлили служители по Камчадаламѣ, имѣющимъ у себя маленькихъ болванчиковѣ, Урилыдачь называемыхъ. Головни послѣ сего огня вонѣ не мечущя, но перегорающѣ въ юртѣ.

Наконецѣ дѣлили они по себѣ омегѣ, который оспался въ мѣшечкахѣ послѣ очищенія двойнишныхъ дѣвокѣ. Самое послѣднее дѣйствіе ихъ праздника сходится въ лѣсѣ и поймавъ маленькую птицу, которая жарится, и дѣлится по куску всѣмѣ Камчадаламѣ, и которую каждой надкушавѣ въ огонь бросаетѣ. Сей праздникѣ, по объявленію Шеллера, праздновали Камчадалы до прибытія Россіянѣ по цѣлому мѣсяцу, начиная съ новолунія.

ГЛАВА XIV.

О пирахъ и забавахъ Камчатскихъ.

Пиры у нихъ бывають, когда одинъ оспрогъ сосѣдей вздумаетъ подчивать, особливо когда гдѣ бываетъ свадьба, или великой какой промыселъ; а препровождаются наибольше въ объяденіи, въ пляскѣ и пѣніи. Въ такихъ случаяхъ хозяева подчиваютъ гостей большими чашами опанги столь довольно, что ихъ рветъ по нѣскольку разъ.

Иногда употребляютъ для веселья и мухоморъ, извѣстной оной грибъ, которымъ у насъ обыкновенно мухъ моряютъ. Мочатъ его въ кипрейномъ суслѣ, и пьютъ оное сусло, или и сухіе грибы свернувъ трубочкою цѣлкомъ глотаютъ, которой способъ въ большемъ употребленіи.

Первый и обыкновенный знакъ, по чему усмотрѣть можно человека, что его мухоморъ разнимаетъ, есть дерганіе членовъ, которое по прошествіи часа или меньше послѣдуетъ; потомъ пьяные какъ въ огневой брѣдять, и представляются имъ различныя привидѣнія страшныя или веселыя, по раз-

носпи пемпераменшовъ; чего ради иные скачутъ, иные пляшутъ, иные плачутъ, и въ великомъ ужасѣ находяпся; инымъ скважины большими дверьми, и ложка воды моремъ кажешся. Но сіе о пѣхъ разумѣть должно, которые чрезъ мѣру его употребляютъ, а которые не много, пѣ чувствуютъ въ себѣ чрезвычайную легость, веселіе, отвагу и бодрость, такъ какъ сказываютъ о Туркахъ, когда они опія набдаются.

Сіе примѣчанія доспойно, что всѣ, кои мухоморъ ѣдали, единогласно утверждають, что какія они сумозбродства тогда ни дѣлають, все дѣлають по приказу мухомора, который имъ повелѣваетъ невидимо. Но всѣ дѣйствія ихъ столь имъ вредны, что еспли бы за ними не было присмотру, то бы рѣдкой оставался въ живѣ. Я о проказахъ Камчатскихъ, каковы они дѣлають, не упомяну, ибо самъ ихъ не видывалъ, и Камчадалы сказываютъ о томъ не охотно. Но можеть быть, что у нихъ дальнихъ и не бываетъ, для того что они въ его вѣблись, или что не употребляютъ чрезъ мѣру. Чтожъ касается до козаковъ, которые оной ѣдали, то сообщу я нѣкоторыя сумозбродства, которые я отъ часпи самъ видѣлъ, а отъ часпи слышалъ отъ самыхъ

пѣхъ, кои ихъ дѣлали, или опѣ другихъ людей, коимъ не вѣришь не лъзя.

Деньщику Подполковника Мерлина, которъ былъ на Камчаткѣ у слѣдствія и розыску, приказалъ мухоморъ удавиться съ такимъ представленіемъ, что всѣ ему дивиться будутъ. И сіе дѣйствительно бы учинилось, естли бы не сберегли его поварищи.

Другому изъ тамошнихъ жителей показался адъ и ужасная огненная пропасть, въ которую надлежало бытъ низвержену; чего ради по приказу мухомора принужденъ онъ былъ пасть на колѣни, и исповѣдывать грѣхи свои, сколько могъ вспомнить. Товарищи его, которъхъ въ ясной избѣ, гдѣ пьяной приносилъ покаяніе, было весьма много, слушали того съ великимъ удовольствіемъ; а ему казалось, что онъ въ пайнѣ предъ Богомъ кается о грѣхахъ своихъ. По сей причинѣ подверженъ онъ былъ нарочитому посмѣянію, ибо между тѣмъ сказывалъ то, о чемъ не всякому знать надлежитъ.

Нѣкоторой служивой ѣдалъ, сказывающъ, мухоморъ умѣренно, когда ему въ дальній путь иди надлежало, и такимъ образомъ переходилъ онъ значное разстояніе безъ всякаго успашку, наконецъ наѣвшись

его до-пьяна раздавилъ себѣ лица, и умерѣ.

Бывшій у меня въ полмачахъ Больше-рѣцкой козачій сынъ опоенный мухоморомъ въ незнаніи, разрѣзалъ бы себѣ брюхо по приказу мухоморову, ошѣ чего на силу его избавишь успѣли, ибо уже въ самомъ замахѣ руку ему сдержали.

Камчадалы и Сидячіе Коряки ѣдятъ мухоморъ и тогда, когда убить кого намѣряются. Впрочемъ у Сидячихъ Коряковъ мухоморъ въ такой чести, что пьяному не дають мочиться на полъ, но подставляющъ посуду, и мочу его выпиваютъ, ошѣ чего также бѣсятся, какъ и шѣ, кои грибъ ѣди: ибо они мухоморъ получаютъ у Камчадаловъ, а въ ихъ сторонахъ не родится. Умѣренное употребленіе чешыре гриба или меньше, а для пьянства ѣдятъ до десяти грибовъ.

Женской полъ, какъ не обѣдается, такъ и не употребляетъ мухомору, чего ради все веселіе онаго состоитъ въ разговорахъ, въ пляскѣ и пѣніи.

Пляска, которую мнѣ случилось видѣть, производила такимъ образомъ: двѣ бабы, которымъ плясать надлежало, послали на полу посреди юрты рогожку, и спали одна противъ другой на колѣняхъ, имѣя въ рукахъ по повѣсму цощичу, и сперва

начали поводитьъ плечами и взмахивать руками припбвая въ тактѣ тихимъ голосомъ; попомъ часъ отъ часу большія пблдвиженія представляли, и громче пбли, и по пбхъ поръ не переспали, пока и изъ голосу вышли и изъ силы выбились. Мнѣ казалось оное дбйствіе спраннымъ, дикимъ и прошивнымъ, но Камчадалы смотрбли сѣ крайнимъ удовольствіемъ. Такимъ образомъ природныя забавы сильны произвеспъ во всякомъ нбкопорое движеніе, хотя бы другимъ казались и спранными.

Другіе роды пляски сообщимъ мы изъ описанія господина Шеллера, который упоминаетъ объ нихъ пространно и обстоятельно, такъ какъ и о нбкопорыхъ пбсняхъ ихъ, которыя у него и на ношы положены.

Первой родъ пляски, пишетъ онъ, вообще употребителенъ у Курильцовъ на Лопаткѣ, также и у всѣхъ Камчадаловъ, кои морскихъ звбрей на байдарахъ ловятъ. Оная пляска принята изъ давныхъ лбтъ отъ Курильцовъ дальнихъ острововъ, и почитается за пляску мореходовъ. Козаки называютъ оную *Хаюшки*, а плясать, *Хаюшки* *сказывать*, которое происходитъ отъ Камчатскаго слова *Хаюшкукинѣ*. Южные Камчадалы называютъ оную *Ирскина*, а Ку-

рильцы *Римзегъ*. Сей родъ пляски состоитъ въ томъ, что десять человекъ мужчинъ и женщинъ холоспыхъ и женатыхъ спановятся вокругъ въ лучшемъ своемъ плащѣ, ходящъ кругомъ шихо, поднимая одну ногу за другою по шактѣ, одинъ за другимъ говоритъ слова такъ, что когда половина выговоритъ послѣднія слова, то другая говоритъ первыя, подобно какъ бы кто стихи по стопамъ читалъ. Употребляемые при томъ слова всѣ принадлежатъ до ихъ промысла, и Камчадалы хотя ихъ и говорятъ при пляскѣ, однако большей части не разумѣютъ, ибо иныя слова въ нихъ Курильскія. Они ихъ не поютъ, но выговариваютъ однимъ голосомъ, какъ на при-мѣръ :

Тисанику фраваншагъ ткеани шифрорна.

Опчалъ байдару, спрѣлай близко берегу.

Сколь дики поманушыя пляски, столь страненъ крикъ при томъ производящій; однако они столько отъ того забавы имѣютъ, что ежели плясать начнутъ, то по тѣхъ поръ не перестанутъ, пока не запышятся и не обезсилѣютъ. Великая честь тому, кто всѣхъ перепляшетъ. Иногда они безпрестанно пляшутъ часовъ по 12 и по 15 съ вечера до самаго утра, и ни одинъ въ юртѣ не остаётся, кто бы не пожелалъ

тѣмъ забавляясь; самые дряхлые старики не жалуютъ перять при томъ послѣдней силы. Впрочемъ ежели сію пляску снесъ съ описаніемъ Американскихъ плясокъ Барона Лагондона въ Канадѣ, по сыщется между оными и сими великое сходство.

У женщинъ есть особливой шапецъ: онѣ становящіяся двумя рядами женщина прошивъ женщины, и кладутъ обѣ руки на брюхо, и поднимаясь на носкахъ поводящъ плечами не шевеля руками, и не сходя съ своего мѣста.

Третій родъ пляски состоитъ въ томъ, что всѣ мужчины по разнымъ угламъ прячутся, и не значай выскоча сперва одинъ, какъ бѣшеной бьютъ въ ладоши, послѣ въ грудь, по бедрамъ, поднимаютъ руки къверху, и дѣлаютъ диковинныя шлодвиженія; послѣ того выбѣгаетъ другой, третій и четвертый, и представляютъ такіяжъ дѣйствія, а при томъ всѣ кругомъ вертящяся.

Четвертой родъ пляски, что они стоя на колѣняхъ, какъ лягушки, вокругъ прыгаютъ плеская руками, и представляя странныя фигуры. И сія пляска однимъ человекомъ начинается, а другіе изъ угловъ припрыгиваютъ къ нему послѣ.

Камчадалы имѣютъ еще старинные, и какъ бы собственные свои танцы, которые

отъ Южныхъ называются *Хайотеля*, а отъ Сѣверныхъ *Кѣзелькинга*. Главнѣйшій панецъ, когда дѣвки и бабы садятся вкругъ, послѣ одна встаетъ, и запѣвши пѣсню махаетъ руками, а въ рукахъ на среднихъ пальцахъ имѣетъ тоншичь, движетъ всѣми членами столь проворно, что надивишься тому довольно не лзя, и кричитъ голосами различныхъ звѣрей и птицъ столь хипро, что въ одномъ голосѣ при разные слышатся. Есть же у нихъ и круговой панецъ, только и Спеллеру и мнѣ видѣть его не случилось.

Что касается до пѣнія, то можно сказать, что оное не неприятно: ибо въ немъ ничего дикаго не примѣчается, какъ можно видѣть изъ сообщенныхъ ниже сего нѣкоторыхъ пѣсенъ на ношахъ; но въ маперіи пѣсенъ нѣтъ никакихъ замысловъ, токмо однѣ просныя понятія о вещахъ, которыя имѣ спранными кажутся или смѣшными, или достойными удивленія. Во всякой почпи пѣснѣ употребляютъ слова *Ганикѣ* и *Байонъ*, такъ какъ козаки *здунай*, Якушы *нагѣ*; которыя раздѣляя по членамъ иногда сокращаютъ, иногда продолжаютъ, какъ того голосъ пѣсни требуетъ.

Въ любовныхъ пѣсняхъ извѣчаютъ онѣ склонность къ своимъ любовникамъ, печаль,

надежду и другія обстоятельство; а всѣ пѣсни сочиняютъ наибольше дѣвки и бабы, которыя имѣютъ весьма чистые и пріятные голоса. Изъ чего видѣть можно, что сей народъ имѣетъ къ музыкѣ великую склонность; точно по удивительно, что сей народъ никакого инструмента не выдумалъ кромѣ дудокъ дягильныхъ, на которыхъ однакожъ пѣсенъ не можетъ наигрывать.

Пѣсня на Подполковника Мерлина, Маіора Павлуцкаго и Студента Крашениникова.

Маіора коказолъ шаалагегъ кирхуль куэкаретъ
шамбезенъ

Ежели бы я былъ маіорской поварь, тобъ снѣлъ
съ огня кошель съ кушаньемъ.

Прапаршикъ коказолъ шеслезикъ кистарулилель
кукаретъ шам-я-бе-зе-нъ.

Ежели бы я былъ прапорщиковъ поварь, тобъ
всегда снималъ кошель въ перчаткахъ.

Павлоцка кеницегъ шеслезикъ гичкало галспугаль
кинингизикъ

Ежели бы я былъ Павлуцкой, то бы повязался бѣ-
лымъ галспукомъ.

Павлоцка иваннелъ шеслезикъ чачало чулкъль кинни-
гизикъ.

Ежели бы я былъ Павлуцкаго Иванъ, то бы но-
силъ чулки красные.

Спуденпаль шеслезикъ бипель чипешъ киллизинъ.

Ежели бы я былъ Спуденнъ, то бы описалъ всѣхъ
дѣвокъ.

Спуденпаль кеницехъ шеслезикъ ерагушъ киллизинъ

Ежели бы я былъ Спуденшъ, то бы описалъ бы-
ка рыбу.

Спуденпаль шеслезикъ бипель адоношъ киллизинъ.

Ежели бы я былъ Спуденшъ, то бы описалъ всѣхъ
морскихъ чаекъ.

Спуденпаль шеслезикъ бипель силлеги шрепъ пам-
безень.

Ежели бы я былъ Спуденшъ, то бы снималъ
всѣ орлиныя гнѣзда.

Спуденпаль шеслезикъ бипель пипгатецъ кавъчавъ
киллизинъ.

Ежели бы я былъ Спуденшъ, то бы описалъ горя-
чіе ключи.

Спуденпаль шеслезикъ бипель ензипъ киллизинъ
Ежели бы я Спуденшъ былъ, то бы описалъ всѣ горы.

Студенпаль шеелезикъ бипель дечумъ кулець кил-
лизниъ

Ежели бы я Студенпъ былъ, тобъ описаль всѣхъ
птиць.

Студенпаль шеслезикъ кенцегъ игскуеигнъ енчубецъ
килизниъ

Ежелибъ я Студенпъ былъ, тобъ описаль всѣ мор-
скія рыбы.

Такимъ образомъ всѣ ихъ пѣсни со-
ставлены, въ которыхъ упоминаются ток-
мо нѣкоторыя дѣйствія или другія какія
обстоятельства безъ всякаго склада.

Другая пѣсня называемая Аангичъ, сло-
жена на голосъ морской утки, Аангичъ
называемой. И хотя подведенныя слова съ
носами несходны, однако Камчадалы допол-
няютъ, и исправляютъ оныя прибавленіемъ
нѣкихъ ничего незначащихъ слоговъ, кото-
рые при семъ подчеркнутыми лиферами
означены.

1. Гнакоеде олосконга ворока а хипецъ зиптесъ бине
зоптесъ

Комчуль белоонъ

2. Капанинача угарекъ: Бине зоптесъ Комчуль беллонъ.
Весь смыслъ пѣсни состоитъ въ томъ: Я
потерялъ жену свою и душу, съ пегали
пойду въ лѣсъ, буду здирать кору съ де-
рева и вѣсть, послѣ того встану по утрамъ,
погоню утку Аангичъ съ земли на море, и

на всѣ стороны поглядывать буду, не найду ли гдѣ любезнаго моего сердца.

Непослѣдняяжъ ихъ забава представлять другихъ людей почно, какъ кто говоритъ, ходитъ, какъ что дѣлаетъ, словомъ по всѣмъ приемамъ. Какъ скоро кто на Камчатку прѣдетъ, то во первыхъ даютъ ему новое имя на своемъ языкѣ, потомъ высматриваютъ всѣ его дѣйствія, и при такихъ веселіяхъ представляютъ почно, а при томъ не забываютъ табакъ курить, сказывать сказки; и всѣ такія веселія больше ночью, нежели днемъ у нихъ бываютъ. Сверхъ того есть у нихъ и шуты, которые забавляютъ другихъ своими проказами, но оныя столь скверны, что и упоминать гнусно и непристойно.

Г Л А В А XV.

*О сведеніи дружбы и о гостномъ под-
чиваніи гостей.*

Когда одинъ съ другимъ подружиться же-
лаешъ, то зовешъ будущаго своего друга
въ гости, и попишъ для него юрпу весьма
жарко, и гошовишъ всякаго кушанья, какое
у нихъ за лучшее почищается, такъ много,
что десятерыхъ удовольствовать можно.

По вступленіи гостя въ юрпу, и гость
и хозяинъ раздѣваются до нага. Хозяинъ
скушавъ юрпу подчиваетъ его приугошовлен-
нымъ кушаньемъ, наливаетъ щербу въ пре-
великую чашу, а между пѣмъ, какъ гость
щербу пьетъ или хлѣбаешъ, хозяинъ по-
ливаетъ воду на лежащее на очагѣ каленое
камень, чтобъ былъ несносной жаръ. Гость
стараешся все, что у хозяина пристряпа-
но, сѣсть, и жаръ его вытерпѣшь, а хо-
зяинъ стараешся принудить, чтобъ гость
взмолился, и просилъ бы свободы отъ пици
и жару. Въ прошивномъ случаѣ сколько
гостю то за удовольствіе, столько хозяи-
ну за скупость и безчесніе причитаешся.
Хозяинъ въ то время ничего не ѣстъ, и

изъ юрты выходишь воленъ. Но гость по пѣхъ поръ не выпускается, пока побѣжденнымъ себя не признаетъ. Во время бды рвеніе его разъ до десяти, опъ чего послѣ того подчиванья дни по три не токмо ѣсть, но и глядѣть на иищу безъ движенія не можетъ.

Какъ гость изъ силы выдетъ, такъ что ни жару шерпѣть, ни ѣсть ему не можно будетъ, то откупается опъ того собаками, плашьемъ или что хозяину нравно; и такимъ образомъ получаетъ свободу. Напрощивъ того получаетъ опъ хозяина вмѣсто хорошаго своего плашья обноски, вмѣсто добрыхъ собакъ худенькія сученки, которыя о себѣ почти ходишь не могутъ. Однакожъ оное за обиду не почиается, но за знакъ дружества, когда вѣ помѣ съ обѣихъ сторонъ равнымъ образомъ поступается. Ежели же помѣ, которой друга своего помянутымъ образомъ оберетъ, а самъ къ нему не будетъ вѣ гостии, то обранной прѣжжаетъ вторично вѣ гостии, однакожъ не съ пѣмъ, чтобъ ѣсть, но чтобъ за свое получишь отдарки. Хотя гость, какъ у нихъ обычай, ничего о причинѣ прѣзда своего не объявляетъ, однако хозяинъ о помѣ уже вѣдаетъ, и отдариваетъ ему по возможности. А буде ничемъ не подарить, то гость переночевавъ у него за-

прягаетъ собакъ своихъ на самой юртѣ, и сидитъ на санкахъ пошыкая ошталомъ въ землю, пока что нибудь получаетъ опъ своего друга. Ежелиже другу его или отдаритъ случится не чѣмъ, или опъ скупоспи не захочется, то гостъ уѣжжаетъ домой съ великимъ неудовольствіемъ, и бываетъ его крайнимъ непріятелемъ; но сіе весьма рѣдко случается, ибо обидѣтъ друга своего за шакое почиается безчестіе, что никто съ обидѣвшимъ вѣкъ не похочетъ дружитья. Таковожъ безчестно и другому за подарки свои шребовашъ отдарковъ.

Такимъ же образомъ подчиваютъ гостей, когда случается у нихъ какая пирушка, однакожъ жаромъ не морятъ, и отдарковъ не шребуютъ. Ежели подчиваютъ шерпичымъ или киповымъ жиромъ, то хозляинъ, накроя жиру ремнями, становитя передъ сидящимъ гостемъ на колѣни, въ одной рукѣ жиръ, а въ другой ножъ имѣя. Жиръ суетъ въ горло крича будшо съ шердцовъ: *Та (на)*, а ножемъ опрѣзываетъ, сколько онъ въ ротъ захвапитъ.

Завидной вещи и любимой самому, у кого она есть, почти ни чемъ кромѣ объявленнаго шспособа достать не можно: ибо при томъ случаѣ, чегобъ хозляинъ у гостя

ни потребовалъ, оіказанъ ему спыдно; чему въ доказательство можно объявить здѣсь смѣшной примѣръ, коіорой учинилъ нижняго Камчатскаго острога нѣкоіорой козакъ изъ новокрещенныхъ Якушовъ. Онъ имѣлъ у себя, по тамошнему обычаю, друга изъ Камчадаловъ, и провѣдавъ, что онъ промыслилъ нарочішую лисицу, домогался всякими образы достать оную; однакожъ Камчадалъ крѣпился, и не взирая ни на какіе его подарки, не хотѣлъ лишиться своего сокровища. Козакъ видя, что другъ его ни на что не склоняется, поступилъ съ нимъ по Камчатскому обыкновению: зазвалъ его въ гости, вышопилъ баню весьма жарко, наварилъ рыбы довольно, и посадя его на верхней полокъ началъ подчивать не поддавая на каменку. Но какъ примѣтилъ, что Камчадалъ недовольной жаръ почитаетъ за бѣдное подчиваніе, то началъ онъ поддавать, и сколько наподдалъ, что и самому въ банѣ бытъ нестерпимо было. Чего ради вышелъ онъ, какъ хозяинъ, коіорому сіе дозволяется, изъ бани вонъ и стоялъ въ передбанникѣ; а между тѣмъ опворяя двери безпрестанно поддавалъ на каменку, и такимъ образомъ вскорѣ принудилъ Камчадала взмолишься; но козакъ мучилъ его по тѣхъ поръ, пока Камчадалъ

общалъ ему отдашь, о чемъ онъ старался.

Не можно сказать, сколь оное подчиненіе Камчадалу пріятно было; онъ утверждалъ, что съ роду не имѣлъ такого жару, и никогда не могъ надѣяться, чтобъ козаки гостей такъ изрядно могли подчинять, и лишенія своего сокровища не токмо не почелъ себѣ за убытокъ, но козака онаго дружество, яко доброе, прославлялъ у своихъ поварищей, объявляя имъ, что Камчадалы въ разсужденіи Русскихъ ни мало не умѣютъ гостей подчинять. Сіе я не токмо отъ самаго того козака, но и отъ прочихъ того острога служивыхъ слышалъ, которые пѣмъ надъ нимъ смѣялись; а происходило оное не задолго до моего въ Нижнешантальской острогъ пріѣзда.

Г Л А В А Х V I .

О сватаньѣ и свадьбахъ.

Когда Камчадалъ пожелаетъ жениться, по высмотря себѣ невѣсту обыкновенно въ другомъ, а не въ своемъ острожкѣ, преселяющся жить туда, и объявля невѣстину отцу или матери о своемъ намѣреніи, нѣсколько времени работаетъ, оказывая удалство свое и проворство, и услуживая всѣмъ паче холопа, наиболѣе же будущему своему тестю, щещѣ и невѣстѣ, а потомъ пребудетъ позволенія хващатъ невѣсту. И ежели поступки его родителямъ невѣсты и сродникамъ, также и самой ей понравятся, то получаетъ онъ соизволеніе; въ противномъ же случаѣ или вовсе пропадаютъ его услуги, или съ нѣкоторымъ награжденіемъ отпускается. Иногда случается, что такіе женихи никому ничего не сказавъ приходятъ жить въ чужой острогъ, и работаютъ; и хотя всякой по услугамъ ихъ можетъ признасть, съ какимъ намѣреніемъ они то дѣлаютъ, однако никто ихъ о томъ не спрашиваетъ, и не говоритъ ни слова, пока они или сами, или чрезъ другихъ объ-

являть родителям невѣсны о своемъ изволеніи.

Когда женихъ получаетъ позволеніе хватать невѣсту, то онъ ищетъ такого случая, чтобъ гдѣ нибудь напасть на нее въ малолюдствѣ: ибо она бываетъ подъ охраненіемъ всего женскаго пола того острожка, которыя рѣдко отъ ней всѣ оплучаются. Сверхъ того во время хватанья бываетъ она одѣта въ двои или въ прои хоньбы, опущана сѣпьями рыболовными и ремнями увязана такъ, что она не можетъ поворошиться какъ спануя. И если женихъ улучитъ въ малолюдствѣ свою невѣсту, то бросается съ великимъ спремленіемъ, деретъ на ней хоньбы и сѣпи, чтобъ коснуться тайнаго уда: ибо сіе у нихъ вмѣсто вѣнчанія почитается. Между шѣмъ какъ отъ самой невѣсты, такъ и отъ другихъ бабъ и дѣвокъ производитъ ужасной крикъ; и хотя сама невѣста при томъ не противится, да и противиться не можетъ, однако охранительницы поспушаютъ съ женихомъ немилосердо, бьютъ его, таскаютъ за волосы, перзаютъ лице, и всякія средства употребляютъ, чтобъ ему не дать схватить невѣсты. И буде жениху пощасливится предпріятіе свое произвестъ въ дѣйство, то онъ самъ отбѣгаетъ прочь

отъ невѣсты, а она даетъ знакъ его побѣды умилнымъ и жалоспнымъ голосомъ: *ни ни*. Въ семъ состоишь вся важность брачнаго ихъ сочешанія. Однако сіе получишь жениху не въ одинъ разъ случается, но между тѣмъ проходишь иногда цѣлой годъ или больше, а послѣ каждаго хватанья принужденъ онъ бываетъ нѣсколько времени справляясь съ силою и раны залѣчивать. А есть примѣры, что нѣкоторые по седьмилѣтнемъ хватаньѣ вмѣсто невѣсты получили увѣчье, будучи сброшены отъ бабъ съ балагановъ.

Кто схватываетъ невѣсту, то въ слѣдующую ночь приходитъ къ ней невозбранно, на другой день увозитъ ее въ свой острожекъ безъ всякихъ церемоній; а для празднованія брака возвращается къ невѣстными сродникамъ по прошествіи нѣкотораго времени, при чемъ бывають слѣдующіе обряды, которые въ 1739 году въ Камчатскомъ острожкѣ, что на рѣчкѣ Рапугѣ, и мнѣ случилось видѣть.

Молодой съ сродниками своими и съ женою ѣхалъ къ шестю въ шрехъ батахъ. Въ батахъ сидѣли женщины, въ томъ числѣ и молодая, и при нихъ довольное число свѣстныхъ припасовъ, юколы, нерпичья и киповаго жиру, сараны и прочаго; а му-

щины, не выключая и молодаго, вели оныя бапы на шестахъ нагіе.

Не добхавъ до острожка сажень за сто, вышли они на берегъ, и начали пѣть пѣсни, шаманить, понщикъ на прутье вѣшавъ, и нѣчто на сухую рыбу голову наговаривавъ, копорую потомъ обернувъ въ понщикъ, отдали бывшей при нихъ спарухѣ.

По окончаніи шаманства надѣли на молодую сверхъ ея плашья бараньи хоньбы, а на нихъ напянули четыре куклянки, такъ что она стояла какъ чучела разширя руки, и съ нуждою могла двигаться. Послѣ того сѣли паки въ бапы свои, и шли до самага острожка, гдѣ къ берегу приспали. Отъ приспани до самой юрты велъ молодую подъ руку высланной изъ острожка небольшой парень, а за нею слѣдовали прочія свиты ея женщины.

Взведши на юрту перевязали молодую поперекъ ремнемъ, и на ономъ опустили въ юрту; а прежде ея вошла въ юрту помянутая спаруха, копорой рыба голова отдана была, коя положена передъ лѣсницу, и отъ всего ихъ побѣду мужеска и женска пола, въ помѣ числѣ и отъ молодаго съ молодую, была шоптана, а наконецъ сама спаруха пошоптавъ ее положила на очагъ ме-

жду дровами, которыя для шопленія юрты были пригошовлены.

Прібжжіе госпи сѣдши по мѣспамѣ сняли сѣ молодой излишнія куклянки, а молодой запопилѣ юрпу, и настряпавѣ кушанья изѣ привезеннаго запасу, подчивалѣ жипелей того оспрожка. На другой день хозяйинѣ подчивалѣ госпей по обыкновенію со излишешествомѣ, на третій день госпи разѣбѣхались, а молодой сѣ молодой оспался работашѣ нѣсколько времени пешю.

Вышеписанныя сняшыя сѣ молодой излишнія куклянки раздариваются сродникамѣ, которые за нихѣ опдаривашѣ должны, а у кого опдарить нѣчемѣ, помѣ долженѣ опѣ даровѣ отговоритьсѣ.

Все вышеозначенное касається токмо до первобрачныхѣ, а когда на вдовахѣ женятсѣ, то сватанье и свадьба соспоишѣ вѣ однихѣ договорахѣ безѣ всякихѣ дальнихѣ обрядовѣ; однако вдовы за себя никто не возмѣтѣ, пока сѣ ней грѣха не будетѣ снято, что соспоишѣ вѣ одномѣ совокупленіи сѣ нею человекѣ спороннаго. А понеже сіе почиталось у нихѣ за такое безчестіе, что никто грѣховѣ не снимывалѣ, кромѣ такихѣ людей, кои не смотрятѣ на то, что имѣ вѣкѣ жишѣ вѣ поруганіи и презрѣніи, какихѣ однакожѣ между ими не

много; по бѣдныя вдовы принуждены бывали въ прежніе годы искать грѣхоснимателей съ великимъ трудомъ и убыткомъ, а иногда и вдовѣтъ вѣкъ свой. Но какъ козаки на Камчатку наѣхали, то оная трудность миновала.

Запрещенные роды супружества покомъ мать да дочь, а пасынкамъ мачихъ, вопчимамъ падчерицъ, братьямъ двоюродныхъ сеспръ въ жены брать позволяется.

Разводяся съ женами безъ всякихъ обрядовъ: ибо весь разводъ состоитъ въ томъ, что мужъ съ женою не будетъ спать вмѣстѣ. Въ такомъ случаѣ мужъ женится на другой женѣ, а жена за другога выходитъ безъ хвощанья и безъ грѣхосниманья.

Камчадалы имѣютъ жены по двѣ и по три, коихъ иногда содержатъ въ одной юртѣ, а иногда по разнымъ мѣстамъ, и живутъ съ ними попеременно. Всякую должно ему хвощать вышеписаннымъ образомъ. Впрочемъ сей народъ хотя и женолюбивъ, однако не столько ревнивъ, какъ Коряки. При бракахъ знаковъ дѣвства не наблюдають, а нѣкоторые сказываютъ, что зятевья въ порокъ тещамъ своимъ ставятъ, когда женъ получають дѣвицами, однако я не могу утверждать сего заподлинно. Неревнивы же и бабы ихъ, что можно видѣть изъ по-

го, что непокомо двѣ или три жены одного мужа живутъ между собою согласно, но сносятъ и коекчучей, коихъ нѣкоторыя изъ нихъ держатъ вмѣсто наложницъ.

Женщины ходятъ закрывъ лице кулемъ куклянки, и ежели случится на дорогѣ встрѣпиться съ мущиною въ такомъ мѣстѣ, гдѣ разойтись не можно, то не хопя показатъ лица отворачиваются въ спорону и споятъ, пока мущину пропускаютъ. Въ юртахъ сидятъ за рогожными или изъ крапивы плешеными занавѣсками; а у которыхъ занавѣски предъ собою нѣтъ, а случится припши спороннему въ юрту, то отворачиваются онѣ въ уголъ лицомъ, и дѣлаютъ свою работу. Но сіе токмо отъхъ разумѣется, копорыя старой своей грубости не оставили, ибо другія не столь зазорны; впрочемъ всѣ вообще говорятъ грубо и прошивно, и какъ бы съ великаго сердца.

ГЛАВА XVII.

О рожденіи и воспитаніи дѣтей.

О Камчатскомъ народѣ можно вообще сказать, что они не весьма плодородны; по крайней мѣрѣ не случалось слышать, чтобъ у какого Камчадала было десятеро дѣтей съ одною женою.

Женщины ихъ, какъ сказывающъ, легко рожаютъ, выключая несчастливые случаи, когда младенецъ не на прямомъ пути бываетъ. При Спеллерѣ родила одна Камчадалка, которая вышла изъ юрпы вонъ не съ шѣмъ, чтобъ родить, но съ четверть часа спустя возвратилась въ юрту съ младенцемъ безъ всякой въ лицѣ перемѣны. Онъ же пишетъ, что видѣлъ другую женщину, которая по тридневномъ мученіи, къ великому его удивленію, родила младенца, у котораго прежде всего задъ оказался. Шаманки приписывали отцу причину несчастія, что онъ въ то время, когда младенцу надлежало родиться, сани дѣлалъ, и дуги гнулъ на колѣняхъ; изъ чего можно рассуждать о другихъ Камчатскихъ смѣшныхъ вымыслахъ.

Раждають онѣ сполна на колѣняхъ при всѣхъ людяхъ, сколькобъ въ оспрожкѣ ни случилось, не выключая никакого пола, ни возраста. Новорожденного обширають поншичемъ, пупокъ перевязываютъ крапивною ниткою, и отпрѣзываютъ ножемъ каменнымъ, а мѣсто бросаютъ собакамъ. Къ отпрѣзанному пупку прикладываютъ кипрей жеваной, а младенца обвиваютъ вмѣсто пеленокъ поншичемъ. Послѣ того всѣ жипели любятъ младенцемъ, берутъ его на руки, цѣлуютъ и обнимаютъ сорадуясь родителямъ, однако кромѣ того никакихъ не бываетъ обрядовъ.

При родахъ есть у нихъ и бабки повивальныя, однако ненарочныя; у которой женщины есть мать, та у ней обыкновенно и бабка повивальная.

Которыя женщины дѣшежелаютъ, тѣ дѣятъ пауковъ, какъ уже выше показано; нѣкоторыя родильницы дѣятъ и пупокъ съ кипреемъ, чпобъ послѣ очреватѣшь скорѣе. Напропивъ того много и такихъ, кои младенцевъ выгоняютъ отрами, и другія страшныя средства употребляютъ: давятъ младенцовъ въ упробѣ, ломаютъ имъ руки и ноги чрезъ старухъ искусныхъ въ такомъ злодѣяннн, и послѣ выкидываютъ мерпвыхъ часто съ своею погнбелью.

Такія Медеи хопя иногда и въ употребѣ не вредящъ младенцамъ, однако рожденныхъ давящъ, или живыхъ собакамъ бросающъ. Для неплодородія же пьющъ декокциъ травы называемой *Кѣтахжу*, и разныя волшебства употребляютъ. Иногда причиною безчеловѣчія бывали и ихъ суевѣрія: ибо когда онѣ раждали двойни, то по крайней мѣрѣ одному умереть надлежало; пожъ дѣлалось и съ рожденными въ худыя погоды, копорыя оба случая почипались несчастливыми. Однако послѣдній иногда и нѣкопорыми шаманствами исправляется.

Послѣ родовъ оправляются онѣ опаню, то есть рыбьею ухою вареною съ листьемъ произрастающаго называемаго *Гале*, а по нѣсколькихъ дняхъ паки за юколу и за обыкновенную свою работу принимаютъся.

Младенцамъ имена даютъ опцы умершихъ своихъ сродниковъ безъ всякихъ же обрядовъ, копорыхъ дѣпи не перемѣняютъ и на возрастѣ.

Имена мужескія:

Кѣшлея,	не умирай.
Камакъ,	озерная букашка на подобіе жука.
Лѣмшинга,	земляной.
Шікуйка,	паукъ.
Чакачь,	толмачъ не умѣлъ перевести.

- Кана, врагъ.
 Брючь, живосгорбвшій, отъ того названъ, что нѣкопшой сродникъ его сгорблѣ въ юрѣ.
 Ймаркинъ, права, которая весьма скоро загараешя: можетъ бытъ плаунъ.
 Быргачъ, родъ нѣкопшой болѣзни.
 Талачъ, копъ морской.

Имена женскія:

- Каналамъ, враговка.
 Кенилля, мышеловка.
 Кыгмачъ, неразраждаемая, отъ того, можетъ бытъ, такъ названа, что какая нибудь свойспвенница ея родами замучилась.
 Кайручь, колопье.
 Но большая часть женщинъ мужескими именами называющяся, какъ напрымѣръ: Брючь, Быргачъ, Чекава и прочая.

Колыбели у нихъ естъ, токмо рѣдко, однако не для качанья, ибо они дѣпей не качающъ, но вмѣсто кровати дѣпской дѣлающяся коробками изъ досокъ, у копрыхъ бываетъ на переди желобокъ, копрымъ моча сбѣгаешъ. Когда дѣпи заплачущъ, то машери сажающъ ихъ въ куклянки за плѣча, копоря въ такомъ случаѣ подвязывающъ, и качающъ, пока заснешъ младенецъ. Та-

кимъ же образомъ ходятъ съ ними въ дорогу и на работу. Впрочемъ онѣ дѣшей своихъ не пеленаютъ, но въ ночное время спятъ съ ними вмѣстѣ. И хотя онѣ сонливы и неоспорожны, однако нѣтъ примѣровъ, чтобъ дѣшей засыпали.

Грудью кормятъ младенцевъ по три и по четыре года. На другомъ году учатъ ихъ ползать; тѣшатъ юколою и икрюю, березовою и паловою коркою, а наипаче сладкою правою, и часто случается, что дѣши приползши къ собачьимъ корытамъ остатками опаны забавляются. Когда они начнутъ лѣпиться по лѣсницѣ, тогда вѣдшее утѣшеніе родителей, которые смотрятъ на нихъ смѣются, и разговариваютъ съ веселіемъ.

Дѣши носятъ платье подобно самоѣдскому, которое съ ногъ надѣвается, и состоитъ изъ порбасовъ, чулковъ, шапокъ и шубы вмѣстѣ сшитыхъ, назади съ прорѣхою и съ клапаномъ.

Что касается до воспитанія дѣшей, то пишетъ Шеллеръ, что родительская любовь къ дѣшамъ столь велика, сколь велико ихъ презрѣніе къ родителямъ, а особливо къ престарѣлымъ и дряхлымъ. Они бранятъ родителей всякими скверными словами, ни въ чемъ ихъ не слушаютъ, и

нимало на нихъ не смотрятъ; чего ради родители не смѣютъ ни бранить ихъ ни наказывать, ни же въ чемъ препятствовать. Когда родители не видавшись долго съ дѣтьми своими увидятъ ихъ, по обнимаютъ ихъ съ изъясненіемъ сердечной своей радости; напротивъ того дѣти совсѣмъ противно пому поступаютъ. Дѣти ни когда ничего не просятъ у своихъ родителей, но берутъ сами, что имъ угодно. Ежели хотятъ жениться, по не токмо не совѣщаютъ о томъ съ родителями, но и не даютъ знать имъ. Надъ дочерями власть ихъ состоитъ токмо въ томъ, что могутъ жениху сказать: *хватай, буде можешь, и на себя надѣешься.* Право первородства нѣсколько и у нихъ примѣчается: ибо большей сынъ всѣмъ послѣ отца своего владѣетъ, а другимъ ничего не достается, для того что все наслѣдство состоитъ въ одной перемѣнѣ платья, въ шопорѣ, въ ножѣ, въ корытѣ, въ санкахъ и собакахъ; изъ того числа платье всегда бросали съ мертвымъ, чтобъ надѣвъ самимъ не умереть, которое суевѣріе и понынѣ еще не вывелось.

ГЛАВА XVIII.

О болѣзняхъ и лѣкарствахъ.

Главные на Камчаткѣ болѣзни: цынга, чирьи, ослабленіе, ракѣ, желшуха и нечисть, копорья, по мнѣнію ихъ, опѣ враговѣ напускаются, живущихъ по березникамъ и ракипникамъ въ то время, когда кто кусны пѣ въ незнаніи рубитѣ. Лѣчатѣ ихъ больше наговорами, однако не презираютѣ травѣ и коренья.

Опѣ цынки пользуются листьемѣ нѣкопорою травѣ *Мыткажунѣ*, копорое къ деснамѣ прикладываютѣ, и пьютѣ декоктѣ бруснишной травѣ и водяницы. Козаки пьютѣ вмѣсто чаю памошній сланецѣ или кедровникѣ съ великою пользою, и бдятѣ дикой чеснокѣ, *Черемшею* называемый: и оба сіи лѣкарства опѣ цынки за дѣйствительныя признала вся Камчатская экспедиція.

Чирьи по ихъ называютѣся *Оонѣ*, опаснѣйшая болѣзнь на Камчаткѣ, ибо опѣ нихъ по большѣй части люди умираютѣ. Въ діаметрѣ бываюпѣ оныя двухъ или трехъ дюймовѣ, и когда опворятѣся, то по 40 и по 50 скважинѣ примѣчается. За смертель-

ной знакъ почитаютъ, когда матерія изъ нихъ не поидетъ; впрочемъ которые отъ нихъ и не умираютъ, лежатъ въ постелѣ по шести и по десяти недѣль. Камчадалы разгнаиваютъ ихъ сырою зайчиною, а когда опворятся, по спержни спараются выдавить.

Разслабленіе, ракъ и Французская болѣзнь почитаются за неисцѣлимыя, и о сей послѣдней сказываютъ Камчадалы, что она появилась у нихъ по прибытіи Россійскихъ людей. Разслабленіе называютъ они *Налать*, ракъ *Кайкъ*, а Французскую болѣзнь *Арожитъ*.

Есть еще у нихъ болѣзнь *Сѹжуть* (ящерица), которая подобна коростѣ, и бываетъ подъ грудью на подобіе пояса. Когда оная короста не загноившись пропадаетъ, по смерть послѣдуетъ; а по объявленію ихъ не обходитъ она никого, какъ у насъ оспа.

Шелеть или орелъ болѣзнь, которая подъ видомъ коросты все пѣло заражаетъ, напускается отъ врага того имени, иногда бываетъ причиною смерти. А короста, которая у нихъ по большей части на младенцахъ бываетъ, по ихъ *Тѹедъ* называется.

У господина Шеллера о болѣзняхъ и лѣкарствахъ пространнѣе писано, чего ради

сообщимъ мы здѣсь изъ его описанія все потребное.

Морскую губку, пишеть онъ, прикладываютъ Камчадалы къ чирьямъ, чѣтобъ вытягивало матерію, съ добрымъ успѣхомъ: ибо содержащая въ ней алкалическая соль не допускаеть расти дикому мясу. Но шокмо лѣчение производитъ прудно, за тѣмъ, чѣто не разбиваетъ она матеріи.

Козаки прикладываютъ къ чирьямъ сладкую траву, которая послѣ сидѣнія вина въ кошлахъ остається, и ею съ добрымъ успѣхомъ разбиваютъ матерію и выгоняютъ.

Малину морскую употребляютъ женщины для скорѣйшаго разрѣшенія отъ бремени.

Нигну, чѣто по Руски рѣпою морскою называется, прутъ они какъ самую раковину, такъ и ея иглы, и тѣмъ порошокомъ пользуются отъ печенія сѣмени, однако онымъ лѣкарствомъ одна шокмо моча выгоняется.

Жиръ морскаго волка употребляютъ они отъ жестокаго запора съ великою пользою.

Курильской чай, (*Pentaphilloides fruticosum*), пьютъ отъ рѣзу и отъ боли въ животѣ съ простуды, не безъ успѣха.

Корку памошняго кедровника привязы-

вають они ко всякимъ порѣзамъ, и сказывають, что ею можно выгнаивать изъ ранъ и спрѣлы.

Отъ запору варятъ кислую юколу, и пьютъ вонючую уху оную. Отъ поноса ѣдятъ бѣлую глину, которая *земляною степанною* называется, и по многимъ мѣстамъ въ Камчаткѣ находится; отъ погоже употребляютъ шеламайное и завязное коренье.

У кого моча не держится, пѣмъ велятъ мочиться въ кольцо изъ поншича плешеное, у котораго въ срединѣ рыба икра кладется; но можетъ быть, что при помѣ бьвають и наговоры.

У кого отъ болѣзни въ горлѣ сохнетъ, то съ добрымъ успѣхомъ пьютъ кипрейное сусло. Сіе же лѣкарство употребляютъ родильницы и для способнѣйшаго разрѣшенія.

Толченое лисье шеламайника (*Ulmaria*) прикладываютъ они къ ранамъ, когда волкъ укуситъ или собака, пьютъ же по лисье и вареное, и похваляютъ какъ отъ живота, такъ особливо отъ цынгошной болѣзни, а лисье вмѣстѣ съ стеблями толченое употребляютъ отъ пожогу.

Отъ головной болѣзни лѣчатся мерзлую брусницею; отъ зубной декоктомъ шеламайника, которой сваря съ рыбою во рту держатъ, а корень ея кладутъ на зубы.

Сегельтъ, каменной попоропникъ жуютъ они отъ одышки; пьютъ же нынѣ и вареной отъ харканья кровью, когда внутренняя повреждающа, или упадаютъ съ высокаго мѣста. Беременные пьютъ для здравія младенца и для плодородія. Нѣкоторые думаютъ, что отъ него и голосъ бываетъ свѣплье и чище.

Камчатской звѣробой (*Gentianae spec.*) пьютъ они отъ цынгошной и отъ всякой внутренней скорби. А пьяную праву (*Chaetaerhododendros*) по ихъ *Кетенано* или *Ми́скута*, отъ Французской болѣзни, токмо безъ пользы.

Морскую капусту (*Quercus marina*) пьютъ отъ поноса; *Кутахжу* муцины отъ цынги и отъ лому въ членахъ, а женщины для неплодія. Траву моченую въ рыбьемъ жиру прикладываютъ къ больнымъ членамъ теплую, и пѣмъже сгоняютъ синія пятна отъ побой и уразовъ.

Траву *Чахбонъ* (*Dryopteris*) пьютъ отъ опухоли и отъ цынги въ ногахъ. Отъ бессонницы ѣдятъ плоды правы Ефемера. Глаза лѣчатъ припаривая правую *Зизомъ*, которую кладутъ женщины и въ тайные уды для тепла и благовонія.

Лопатскіе жипели спавятъ и клистиры, что переняли безъ сумнѣнія отъ Ку-

риловъ. Декокшъ изъ разныхъ травъ иногда съ жиромъ, а иногда и безъ жира наливають въ шюлений пузырь, и обшягиваютъ отверстіе его около какой ни будь дудки, которую спавяютъ по обыкновенію, между пѣмъ больной лежатъ на брюхѣ внизъ головою. И сіе лѣкарство почитаютъ они столь высоко, что употребляютъ во всякихъ болѣзняхъ.

Отъ желухи имѣютъ они надежное лѣкарство: берутъ корень лѣсной фіялки, чистятъ и свѣжіе толкутъ съ теплою водою; сокъ, которой бываетъ какъ молоко, въ нерпичій пузырь наливаютъ, и въ клистирахъ употребляютъ по два дни сряду, а на каждой день по три раза; послѣ чего слабятъ, и фіялковой сокъ по всѣмъ членамъ разходится. Сіе лѣчение не безъ основанія, когда извѣстно дѣйствіе фіялки.

Крови ни жильной ни рожечной не пускаютъ, и совсѣмъ о томъ не вѣдаютъ, а пускаютъ оную особливимъ образомъ: около больныхъ мѣстъ отшягиваютъ кожу щипцами деревянными, и прокалываютъ оную насквозь хрустальными нарочно для того дѣлающимися ланцетами, и выпускаютъ крови сколько надобно.

Естьли у нихъ болитъ спина, то прутъ оную корнемъ омега или цикушы передъ ог-

немъ, наблюдая при томъ, чшобъ не коснушь-ся поясниць, отъ чего послѣдуетъ судорога: и симъ лѣкарствомъ такъ они хвалятся, буд-шо потъ же часъ бываетъ имъ польза, од-нако то не вѣроятно.

Отъ лому славятъ ядна (шоха) изъ бере-зового прушу на больныхъ мѣстахъ. Когда одной прушъ догораетъ до пѣла, то отскаки-ваетъ съ великимъ стремленіемъ, а пѣло отъ того разгнивается, и бываетъ великая язва, къ которой иные присыпаютъ прушовой пе-пель, а иные ни чемъ не лѣчатъ. И сіе лѣкарство извѣстно по всей Сибири.

Корень лютика правы, и омегъ употре-бляютъ они къ порчѣ своихъ непріятелей и къ умерщвленію. Лютикомъ намазываютъ и стрѣлы какъ совершеннымъ ядомъ,

---

Г Л А В А Х І Х.

О погребеніи умершихъ.

Погребеніе умершимъ, буде можно назвашь погребеніемъ бросають собакамъ на сѣдненіе, отъ всѣхъ тамошнихъ народовъ опмѣнно: ибо другіе народы или жгутъ тѣла умершихъ, или кладутъ въ землю съ нарочитыми обрядами; напрошивъ того Камчадалы трупы мертвыхъ своихъ, привязавъ ремень за шею выпаскывають изъ юрты, и почти на самой юртѣ бросають ихъ собакамъ на сѣдненіе, объявляя тому двѣ причины: 1) что котораго сѣдятъ собаки, тотъ на другомъ свѣтѣ ѣздитъ будетъ на добрыхъ собакахъ; а на юртѣ и близъ юрты бросають они покойныхъ своихъ для того, чпобъ враги, которые, по ихъ мнѣнію, людей умерщвляютъ, видя мертвыхъ довольствовались ихъ гибелью, а другимъ бы не вредили. Но другая причина кажется мнѣ невѣроятна: ибо они тѣ жилища, въ которыхъ умирають кому случалось, всегда оставляли, и переселялись въ новыя юрты, которыя строили въ значномъ отъ прежнихъ разстояніи, а шруповъ, которыми бы по ихъ объявле-

нію могли опѣ враговѣ обороняпьяся, не таскаютѣ съ собою; развѣ можетѣ бытъ сіе почитаютѣ они за оборону опѣ нихѣ на то одно время, пока они новую юрпу дѣлаютѣ.

Съ умершими выбрасываютѣ вонѣ все платье ихѣ и обувь, не съ тѣмѣ намѣреніемѣ, чпобѣ было имѣ что носить на другомѣ свѣтѣ, какѣ другіе нѣкоторые язычники думаютѣ, но опѣ одной опасности: ибо по ихѣ мнѣнію и пому необходимо умереть должно прежде времени, кпо надѣнетѣ ихѣ платье. Особливо живущіе на Курильской лопакѣ вѣ томѣ суевѣрны: не возмутѣ вѣ рѣки никакой вещи, сколь бы она ихѣ ни льстила, ежели услышатѣ, что оспалась послѣ мертваго. Чего ради козаки, которые важивали кѣ нимѣ похожіе повары, какѣ напрімѣрѣ Нѣмецкое и Руское суконное платье, фанзовыя и камчатныя рубахи и прочая, неинако купцовѣ опѣ другихѣ опбивали, какѣ сказывая, что платье и другіе ихѣ товары послѣ мертвыхѣ остались.

Очищеніе послѣ похоронѣ бываетѣ слѣдующимѣ образомѣ: наломавши какого нибудь прутья приносятѣ они вѣ юрпу, и надѣлавѣ колецѣ по дважды сквозь ихѣ пролазятѣ, а потомѣ опносятѣ вѣ лѣсѣ, и бросаютѣ на западѣ. Которой мертваго вонѣ

пащилъ, тому должно изловить какія нибудь двѣ пшички, и одну изъ нихъ всю сжечь, а другую сѣсть со всѣми жителями вмѣстѣ. И сіе очищеніе бываетъ у нихъ погоже дня, кошораго и погребеніе, а до того ни сами они не выходятъ изъ юрпы, и никого къ себѣ не допускаютъ.

Вмѣсто поминокъ бросающъ они въ огонь шаглы перво-промышленой рыбы, что за даръ умершему почитается, а пѣло сами сѣдаютъ.

Младенцовъ хоронятъ въ дуплеватыхъ деревьяхъ по большѣй часи безъ всякихъ же особливыхъ обрядовъ. По умершихъ сожальютъ, и плачутъ, токмо безъ воцлѣ.

ГЛАВА XX.

О различныхъ нарѣчіяхъ Камчатскаго народа.

Въ заключеніе извѣстій о Камчатскомъ народѣ сообщимъ мы нѣкоторое собраніе словъ прехъ главныхъ Камчатскихъ нарѣчій, о которыхъ выше сего упомянуто, чѣмъ сходство и несходство ихъ было видимо.

Въ столбѣ А, содержится нарѣчіе сѣверныхъ Камчадаловъ, Б, южныхъ, а въ столбѣ, В, живущихъ отъ Воровской рѣки на сѣверѣ почти до Тигиля. При чемъ надлежитъ вѣдать, что г сѣ палочкою на верху какъ Латинское g, произносится надобно.

Собраніе словъ разныхъ Камчатскихъ нарѣчій.

	А	Б	В
Богъ	Кушь	Кўпхай	Кўпха.
Дьяволь	Кана	Кана	Ткана.
Небо	Кобаль	Кобхаль	Кенесъ.
Облака	Гуренгуръ	Уйшаа	Мыйжа.
Вѣтеръ	Шанель	Чихуча	Кенпкъ.
Буря	Какалатъ		
Дождь	Чухчухъ	Чахчу	Чухчухъ.

	А	Б	В
Сивгъ	Корѣль	Кóлааль	Кóлааль.
Градъ	Кáкумчель	Коáда	Коáлле.
Громъ	Кы́фкыгъ	Кы́хкыгъ	Кыхшигына́.
Молнiя	Амроншчша- чичь	Умечькыши	Мышлакыжи- гына.
Солнце	Галенъ-кулечь	Коачь	Лачь.
Луна	Гуинганъ ку- лечь	Коачь	Лаингыиъ.
Звѣзда	Ежснгыиъ	Ашангыиъ	Агажинъ.
День	Тэажь	Кусгаль	Кулхалла.
Ночь	Куинукъ	Кулкуа	Кунку или Лхуюгуна.
Утро	Уйдумкулель	Бокочожь	Емколалю.
Полдень	Куукулечкуй	Пеннокъ-хал-	Хпáдыжа- ла гына.
Вечерь	Ашакулель	Аашыку	Талбакъ.
Полночь	Кууугуингучь	Кеды кулкуа или Пельхучикъ.	Нуулхуюгу-
Годъ	Ташгажъ	(не знаютъ)	Тхажъ.
Земля	Шемшъ	Семшъ	Шемшъ.
Гора	Еель	Намудъ	Аала.
Пригорокъ	Пыну́жидычъ	Таакоричъ	Йжулганъ.
Огонь	Брумичъ	Пангычъ	Пангычъ.
Дымъ	Гажунгажъ	Нгарангачъ	Нгачажъ- нгачажъ.
Вода	Ажамъ	Ии	Ии.
Поле	Башаранъ	Уша	Усь.
Дорога	Шижичъ	Ешичумъ	Кучажа.
Лѣсъ	Уудъ	Оода	Лагыланъ.
Дерево	Уа	Оо	Уу.
Море	Кейга	Нингель	Кейга.

	А	Б	В
Озеро	Кѡрро	Кшчу	Кулхуа.
Рѣка	Кигь	Кыга	Кигь.
Рѣчка	Кигыдычь	Кыгыдачь	Кигыгачь.
Источникъ	Пидадычь	Какеда	Кѣяка.
Песокъ	Быжымшь	Капемшь	Сымыжимчь.
Грязь	Кылшшамь	Имагай - Акчи- нашумшь	Кѡбола.
Камень	Куаль	Увачу	Уачь.
Человѣкъ	Крѡшчуга	Ушкамжа	Ушкамжа.
Опець	Ипинь	Апачь	Ишхь.
Мать	Ануань	Аалгачь	Лашха.
Сынъ	Песчь	Пеачь	Пача.
Дочь	Чидепечь	Сугынгь	Шууунга.
Братъ	Тыи	Кушахушка	Тыя.
Сестра	Ихшумь	Купхаань	Лилхлчь.
Мужъ	Кѣнгишь	Ѳлку	Камжань.
Жена	Чихенгучь	Нгынгычь	Игычь.
Отрокъ	Паачучь	Пеагачучь	Панахча.
Младенець	Паачучь	Пеинчичь	Нанача.
Дѣвка	Чихуачучь	Хучичу	Ухчумахча.
Господинъ	Крошчу	Армь	Хуйжучь.
Слуга	Харо	Чикоачь	Линажхча.
Служанка	Чѣдахаро		Хоаллу.
Голова	Хабель	Чыша	Кпхынь.
Волось	Черонь	Кубинь	Куйба.
Борода	Ѳлуиъ	Куукуиъ	Луулла.
Глаза	Ѳледь	Наннинь	Лѣлла.
Уши	Илюдь	Игадь	Илла.
Нось	Каякѡ	Каккы	Каякань.
Губы	Шакши	Кысса	Кѣшха.
Уста	Тѣлуиъ	Цхыдада	Чанна.

	А	Б	В
Языкъ	Дычнлъ	Ничиль	Ечслага.
Щѳки	Уань	Уаадь	Хоауда.
Подборо- докъ	Пѳгангучь	Пахыхычь	Кымкычь.
Плечо	Тенѳдъ	Танцунь	Тынѳнга.
Рука	Тѳно	Сынплу	Хкачь.
Персть	Кѳко	Куйда	Пкѳмча.
Грудь	Луменѳгъ	Ингыша	Кѳмпачь.
Сердце	Тулугу	Нууюгу	Луѳѳлгучь.
Брюхо	Колидь	Кеухъ	Калпки.
Черева	Шужичь	Сыхшидь	Сыгѳжинь.
Пузырь	Йшурю	Елкуай	Кшуалхъ.
Тайной удъ мужеской	Каллака	Калка	Калка.
— женской	Койпѳонь	Куанпань	Коанань.
Спина	Карогъ	Чагга	Кѳгачь.
Ноги	Капхѳеннь	Чкуада	Кпхѳада.
Шапка	Галалучь	Халялучь	Пахаль.
Штаны	Кѳе	Кѳау	Кѳа.
Чулки	Паймань	Паймань	Паймадь.
Шуба, ку- клянка	Коабѳежъ	Тангакъ	Капшхачь.
Торбасы	Чнахсѳъ	Сыанунь	Шхунь.
Оспрогъ	Ашынь	Таша	Ашынумь.
Юрша	Киспъ	Кпшпшъ	Киспъ.
Окно и дверь, что въ юр- тахъ	Апхыжичь	Ѳкиучь	Ѳкиучь.
Постеля	Лажушь	Аапшъ	Аппешъ.
Лукъ	Йчпшъ	Часчу	Чхчь.
Спрѳла	Кагъ	Каха	Калхъ.

	А	Б	В
Санки	Шшшхенъ	Шаашанъ	Шхлишхъ.
Лодка	Татхамъ	Тахшымъ	Тахтамъ.
Веревка	Алчоль	Кулахсумъ	Унхштъ.
Топоръ	Кобашу	Куашуа	Кобашу.
Листъ	Кромъ	Пашаадъ	Пеллаакела.
Корень	Пынгълыны-	Пынгълыныъ	Пынгълыны-
	гыль		гыль.
Трава	Шинчъ	Сесда	Ижула.
Голодный	Екужичъ	Куушишкъ	Кшаккъ.
Жадный	Тыкужегужикъ	Тутгуласкъ	Чхчахычъ.
Сыпой	Тымгауши	Чнгышикъ	Чихлихъ.
Пьяной съ			
мухомора	Тобалкужикъ	Товалкошкъ	Хылапашки-
			чамъ.
Бсть	Балокъ	Чихышжикъ	Дыкыжу.
Пить	Быгыликъ	Тыкушхушкъ	Тыкушку.
Спать	Тычкажикъ	Тунгукалалшкъ	Нуыкушку.
	или Бунгуаку спать	хочу	
Говорить	Кажниухша-	Хаждохчъ	Кажнагу-
	жикъ		кышъ.
Молчи	Куйжижичъ	Кыйсушихчъ	Койшунгы-
			шихучъ.
Бхать на	Кошль-кбкш-	Ушаничъ	Хбншкоми-
собакахъ	хажикъ		мыкъ.
Ишти	Тылледжкъ	Ушанишъ	Тладамъ.
Я спюю	Куме-тыжи-	Кемма-тыжи-	Кемахпажу-
	шникъ	шникъ	кышъ.
Ты спо-	Кыже жи-	Кышшишичъ	Кежа хтажу-
ишь	шунъ		жичъ.
Онъ спонль	Дугудъ жи-	Уда шши-	Дангунъ хпа-
	шичъ	кикъ	жужичъ.

А Б В

Мы стоймъ	Буже жиши-	Мушь уши-	Мѳжиншь хта-
	шимкъ	шамгъ	жужимкъ.
Вы стойте	Йхуже жи-	Сушь ши-	Дагунадъ хта-
	шижъ	шикъ	жужигиъ.
Они спояшь	Трунъ жи-	Ипхую ши-	Йпха хтажу-
	жичъ	шикикъ	жигиъ.
Сплю	Тынгууюку-	Тунгыку-	Тунгуйкуп-
	жикъ	шикъ	кукъ.
Вижу	Тыллчужикъ	Тыпшшкуй-	Тылчкуйжча.
		шикъ	
Не вижу	Тынчъ куикгъ	Ишкъ Ёпш-	Ёлчкуикъ.
		куйкакъ	
Не сплю	Тынгуукул-	Ишкъ нуьку-	Нгуькулажукъ.
	лакъ	шкакъ	
Смѳбюся	Тыжишикъ	Ташукашкъ	Лижникшчичъ.
Плачу	Тынгажикъ	Тууушикъ	Синшчъ.
Бѳлой	Гылкало	Аптыхъ	Апхала.
Черной	Дрѳлу	Тыгганъ	Кпгала.
Красной	Чачаль	Чеанъ	Чачаль.
Зеленой	Дулхкаралло	Нулусану	Кухлѳлага.
Большей	Толло	Хычинъ	Пеллага.
Малой	Дынелу	Чунгуюнгъ	Нянюкала.
Высокой	Дашелу	Куунъ	Кыогылла.
Низкой	Дыжулу	Йшунгъ	Йжула.
Свѳшлой	Датхылу	Апшыгъ	Чажу.
Темной	Духулу	Духшанну	Чуникъ.
Теплой	Нѳмла	Кикангъ	Умела.
Спуденой	Дыкеилу	Саккѳнгъ	Акѳлага.
Мокрой	Дыкчкелу	Акчину	Чкалага.
Сухой	Дѳмлу	Кашигу	Кыжгела.
Живой	Кыжунылиъ	Какѳва	Каколиъ.

Мершвой Кы́риниъ	Кычи́кипиъ	Кы́жаниъ.
Рано Ты́мколиниъ	Мо́кочушь	Амколчель.
Поздо Ту́хтаниъ	Аа́тыку	Тхта́данъ.
Сего дни Де́нгу	Да́нгу	Да́дь.
Завтра Ды́мколаку	Бо́куанъ	Ажушкъ.
Послѣ Корáпыжкъ	Чи́е сулунга́къ	Дугáнъ - инши- жингъ.
Вчера Ё́шель	Аа́пы	А́пентгъ.
Третьяго дни Кы́хы-кора́пашъ	(не знаю́тъ).	
Впередь Ду́ккъ	Ко́заку́	Кулхэ́нчки.
Назадъ Ша́лкъ	Са́ккы	Ша́аликиниъ.
1. Ды́зыкъ	Ды́зыкъ	Ко́нингъ.
2. Ка́ажъ	Ка́ассъ	Ка́сса.
3. Чо́окъ	Чо́окъ	Чо́укъ.
4. Ча́акъ	Ча́акъ	Ча́акъ.
5. Ко́омнакъ	Ко́омнакъ	Кугу́мнукъ.
6. Кы́лкогъ	Кы́лкоакъ	Кэ́лкугъ.
7. Ё́шактана́къ	Иша́ашу́къ	Ё́шуктуну́къ.
8. Чо́октуну́къ	Чо́кушу́къ	Чо́октуну́къ.
9. Ча́актана́къ	Ча́акпа́къ	Ча́акпана́къ.
10. Чу́мхшу́къ	Ку́мхшу́къ	Того́сса.
11. Ды́зыкъ	ши- Ды́зыкъ	Кони́нгъ
12. Ка́ажъ	на- Ка́ассъ	ши- Ка́сса
13. Чо́окъ	жичь Чо́окъ	на- Чо́укъ
14. Ча́актана́къ	Ча́акпана́къ	ши Ча́ак- тана́къ
20. Ка́ажъ	Ка́ассъ	Кашъ
30. Чо́окъ	Чо́окъ	ку- Чо́окъ
40. Ча́акъ	Ча́акъ	мх-Ча́акъ
50. Ко́омнакъ	Чум-Ко́омнакъ	шу- Кугу́мнукъ
60. Кы́лкогъ	хпу- Кы́лкоакъ	ка- Кэ́лкугъ
70. Ё́шактана́къ	къ. Иша́ашу́къ	ды- Ё́шуктуну́къ
80. Чо́октуну́къ	Чо́кушу́къ	кы- Чо́октуну́къ
90. Ча́акпана́къ	Ча́акпа́къ	да- Чо́октуну́къ
		Ча́акпана́къ

100 Чумхшукъ-Чумхша-Кумхшу-кум-Чушь-погу-
канъ хшаканъ шайнъ

У господина Спеллера въ запискахъ нашелъ я и молитву Опче нашъ на языкъ южныхъ Камчадаловъ, но не всю, безъ сумнѣнiя для того, что послѣднiя слова, каково: оставленiе долговъ, избавленiе отъ лукаваго и прочая, Камчадаламъ непонятны были; однако сообщимъ мы здѣсь для удовольствования любопытства чишапелей, сколько нашлось.

Алачь буринь кизегъ итзунъ кранакъ когалгу
*„Опче нашъ, которой живешъ на небъ высоко,
 съгзуль книгнь гбуренчь итеге бишель накалкъ
 „буди твое имя всегда у вѣхъ
 кабилшакá капашшокá копитикъ когльсыгъ
 „сливно позитиело, повели приити
 боренако книгнь коиспалагнь ёлконому, кизёкъ
 „къ намъ твоему жилищу вѣчному, что ты
 енакчь ологичазенъ ендѹ деггакенъ лацгопусъ
 „ни изволишъ, буди по твоей волѣ, какъ
 каболкъ дѣлпгамъ симскъ, адонномъ буринь
 „ни небъ, такъ на землѣ, пищу нашу,
 пыгнь гуллъ сугдкаизенъ сугнешъ кашолкъ
 „отъ которой всегда живемъ, дай
 боренако денгупенъ дагсъ.
 „намъ нынѣшняго дня.*

ГЛАВА XXI.

О Коряцкомъ народѣ.

Излишнее дѣло было бы, естли бы какъ о семъ, такъ и о Курильскомъ народѣ писать просиранно, ибо родъ житія ихъ весьма сходствуетъ съ Камчатскимъ: всѣ вообще они язычники (1), всѣ крайніе невѣжды, и опъ другихъ живописныхъ однимъ шокмо видомъ человѣческимъ почти разнятся, какъ уже выше показано; чего ради довольно будетъ и того, когда мы о каждомъ народѣ объявимъ кратко, выключая какія обстоятельствова, въ чемъ они несходны съ Камчадалами.

Коряки, какъ уже выше показано, на Оленныхъ и Сидячихъ раздѣляются. Оленные кочевой народъ, а Сидячіе живутъ въ земляныхъ юртахъ, какъ Камчадалы, съ копорыми и больше житіемъ и обрядами

---

(1) Жители осьмнадцати сѣверныхъ Курильскихъ острововъ, подъ Россійскою державою состоящихъ, воспріали православный Грекороссійской законъ; но Курильцы прочихъ четырехъ острововъ, Японцами занимаемыхъ, остались по нынѣ въ язычествѣ. В.

сходствуюшѣ, нежели съ Кочевными Коряками; чего ради все, что о Корякахъ объявлено будетѣ, о Оленныхъ разумѣшѣ должно, развѣ гдѣ точно Сидячіе Коряки будутѣ упомянуты.

Сидячіе Коряки жилища свои имѣютѣ по берегу Восточного моря отѣ рѣки Уки почти до Анадыря, а по берегу Пенжинскаго моря отѣ успѣ-Тигиля до Пенжины, и отѣ Пенжины вкругѣ Пенжинской губы до хребта Нукчануниѣ, изѣ котораго течетѣ въ море Нукчанѣ рѣчка, и по пѣмѣ рѣкамѣ имѣютѣ они особливые названія, по которымѣ между собою раздѣляются, какѣ на примѣрѣ: Укинскіе Коряки по рѣкѣ Укѣ, Карагинскіе по Карагѣ, Олюторскіе по Олютору, Акланскіе по Аклану и прочая; а Оленные съ шабунами своими кочуютѣ по всему пространству земли, которое съ востока Океаномѣ, съ запада вершинами Пенжины и Омолона, съ сѣвера Анадыремѣ рѣкою, а съ юга Лѣсною и Карагою рѣками заключается. Иногда прикочевываютѣ они и ближе къ Камчаткѣ, особливо когда есть опасность отѣ Чукочѣ, бѣдственныхѣ ихѣ непріятелей, однакожѣ рѣдко. И такѣ въ сосѣдствѣ имѣютѣ они съ одной стороны Камчадаловѣ, съ другою Чукочѣ, съ прешѣй Юкагирей, а съ четвертою Тунгусовѣ или Ламушовѣ.

Еспьли Чукоцкой народъ причислить къ Корякамъ, какъ по учинишь должно по самой справедливости, ибо и Чукчи сущіе Коряки (1), по Коряцкіе предѣлы гораздо далѣе

(1) Сіе очень вѣроятно, ибо языкъ кочующихъ Чукоць весьма сходенъ съ языкомъ Оленныхъ Коряковъ, какъ явствуетъ изъ слѣдующаго сравненія, сдѣланнаго по словарю находящемуся въ путешествіи Капитана *Биллингса*, изданномъ Вице-Адмираломъ Г. А. Сарычевымъ.

	Нарѣчіе Оленныхъ Чукчей.	Нарѣчіе Оленныхъ Коряковъ.
Мать.	Иліа.	Елла.
Сынъ.	Экукъ.	Акыкъ.
Дочь.	Нейвекукъ.	Нгавакыкъ.
Сестра.	Чакыгычь.	Чакыгешъ.
Мужъ.	Ояхучь.	Оехучь.
Жена.	Неувганъ.	Неванъ.
Дѣва.	Невычхаиль.	Невешхаль.
Младенець.	Кминга.	Кемингенъ.
Голова.	Леутъ.	Леутъ.
Глазъ.	Лиллетъ.	Лилатъ.
Ухо.	Вилютъ.	Велутъ.
Ротъ.	Гикыргинъ.	Гыкыргенъ.
Языкъ.	Гиль.	Гингель.
Рука.	Мынгитъ.	Миннегешъ.
Грудь.	Мачо.	Мачу.
Спина.	Капшынъ.	Капшынъ.
Нога.	Гиткалникъ, и прочая. В.	Гиткалнинъ.

распространяются; потому что Чукчи не токмо живутъ далѣ Анадыря къ сѣверу на такъ называемомъ Чукоцкомъ носу, но и по островамъ около лежащимъ (1). Въ семъ слу-

---

(1) Въ упомянутомъ выше сочиненіи содержится краткое, но достопримѣчательное описаніе Чукотскія земли, составленное изъ Журналовъ Капитана *Биллингса* и нѣкошарыхъ другихъ чиновниковъ, совершившихъ съ нимъ сухопутное путешествіе чрезъ сію еще весьма мало извѣстную землю. Мы помѣщаемъ здѣсь оное описаніе, поелику Крашенинниковъ ничего о сей странѣ не сообщаетъ. „Чукотская земля лежитъ между сѣверными широтами 64° и 71°. Долготою (отъ Гренича) 173° и 190°; простирается въ длину отъ Берингова пролива къ западу на 700 верстѣ до земли кочующихъ Коряковъ; самая большая ея ширина отъ юга къ сѣверу 500 верстѣ, заключается между морями Анадырскимъ и Ледовитымъ. Сей материкъ составляютъ каменистыя горы простирающіяся грядами, которыя раздѣлены отчасти долинами, расширяющимися къ сѣверу; чрезъ оныя протекаетъ множество мѣлководныхъ рѣкъ и рѣчекъ, имѣющихъ каменистое дно. Долины по большей части болотисты и наполнены множествомъ малыхъ озеръ. Горы средней величины покрыты бѣлымъ мхомъ, но вершины высокихъ и крупныхъ горъ представляютъ голый камень, и мѣстами лежатъ на нихъ вѣчно-не тающей снѣгъ, а особливо по сѣвернымъ скацамъ горъ и въ долинахъ закрытыхъ тѣнію отъ

чаѣ Анадырь рѣка, какъ граница между Коряками подданными Россійскими и немирными Чукчами; для того что наши Коряки не живутъ далѣ Анадыря къ сѣверу, а Чукчи къ югу:

солнечныхъ лучей. Лѣсу нигдѣ не растетъ, кромѣ ивовыхъ кустарниковъ, и по мѣстами по берегамъ рѣчекъ. Ягоды родятся только голубика, брусника и водяница называемая шикшею. Изъ животнохъ водятся олени, горные бараны, медвѣди, волки, лисицы и песцы; при морскихъ же берегахъ показываются иногда и бѣлые медвѣди. Земноводныя животныя ловятся при берегахъ сѣверовосточной, восточной и отъ части южной стороны, какъ посивучи, моржи и тюдени. Моря, окружающія Чукотскую землю, изобилуютъ рыбою разныхъ родовъ, и большею частію таковою же, которая ловится при берегахъ Охотскаго моря. Птицы прилепаютъ изъ теплыхъ странъ весною, и осенью опять улетають; зимою же видны однѣ только вороны, куропапки и снѣжники.

Чукотская земля обитаема одними только Чукчами оленными и сидячими: первые изъ нихъ составляютъ большую часть жителей, и разбѣяны по всему пространству сей земли; имѣютъ большія стада оленей, и ведутъ кочевную жизнь, переходя съ мѣста на мѣсто. Народъ Чукотскій, кажется, не многолюденъ: по дневнымъ запискамъ Капитана Биллингса и бывшихъ съ нимъ видно, что во время ихъ путешествія чрезъ всю Чукотскую землю, они

однако Чукчи часто переходящъ сію границу, и раззоряющъ нашихъ Коряковъ, убивая, опвода въ плѣнъ, и шабуны олени опгоняя. Въ лѣтнее время промышляющъ они рыбу и по самой рѣкѣ Анадырю не токмо близъ устья, но и вверхъ по ней на значное разстояніе отъ моря, такъ что нашимъ Анадырскимъ жителямъ часто сбѣжжашься съ ними случается не безъ опасенія (1).

Коряцкой народъ по разности житія разнствуешъ и тѣлеснымъ видамъ. Оленные

встрѣчали весьма мало жителей. Бывшіе походы Россіянъ въ сію землю, предпринимаемые для покоренія Чукчей, подтверждаютъ также малочисленность ихъ; ибо Маіоръ Павлуцкій съ 400 Россіянъ, Коряковъ и Юкагирей, проходя чрезъ всю Чукотскую землю отъ устья Анадыря до Берингова пролива и обратно, въ семимѣсячное время не встрѣчалъ нигдѣ сильнаго сопротивленія отъ жителей, которое бы доказывало многочисленность оныхъ. Самыя большія ополченія, каковыя только могли Чукчи выставить противу Россіянъ, простирались не болѣе 3000 человекъ; по сему можно съ нѣкоторою вѣроятностію заключить, что и въ тѣ времена число всѣхъ жителей Чукотской земли не превосходило и 10 тысячъ, а нынѣ, по признанію самихъ Чукчей, ихъ очень умалилось., В.

(1) Анадырской острогъ уже давно уничтоженъ. В.

Коряки, сколько мнѣ случалось видѣть, росту малаго, сухощавы; головы у нихъ посредственныя, волосы черныя, которые ежедневно брѣютъ; лица продолговаты и нѣсколько клиномъ; глаза узкіе и малые, брови навислыя, носы коропкіе, однако не столь плоски, какъ у Камчадаловъ, ротъ большой; бороды клиномъ черныя, которыя выщипываютъ часто. Напрошивъ шого Сидячіе Коряки хоща и невеликорослы, однако толстыя и присадисты, особливо которые живутъ далѣе къ сѣверу, въ чемъ Чукчи предъ другими имѣютъ преимущество, чего ради и больше сходны съ Камчадалами.

Есть же между ими разность и въ разсужденіи склонностей и обычаевъ. Оленные Коряки пребезмѣрно ревнивы, такъ что можетъ убить жену за одно только подозрѣніе, а когда приличится въ прелюбодѣяніи, то лишаются живоша оба прелюбодѣйцы; чего ради Коряцкія женщины всѣми мѣрами стараются придать себѣ безобразіе: не могутъ ни лица, ни рукъ: волосовъ, которые плешутъ въ двѣ косы, и по вискамъ распускаютъ, никогда не чешутъ, на верху носятъ плашье гнусное, вѣшное и залоское, а подъ исподомъ хорошее; ибо и въ томъ у нихъ подозрѣніе, когда женщина ведетъ себя почище, а особливо когда надѣваетъ

сверху новое и незагаженое плащье. На чшобѣ, говорящѣ Коряки, имѣ красисься, когдабѣ не желали онѣ другимѣ казаться хорошими: ибо мужья и безѣ пого ихѣ любящѣ? Напрошивѣ пого у Сидячихѣ Коряковѣ, а наипаче у Чукочѣ, вящшая дружба соспойтѣ вѣ помѣ, когда взаимно прѣбжжая другѣ кѣ другу, гости спящѣ сѣ женами или дочерями хозяйскими; на которое время хозяинѣ нарочно оплучается, или отѣбжжаетѣ кѣ женѣ своего гостя. Несносная обида хозяину, когда гость сѣ женою его не пребудетѣ: ибо вѣ такомѣ случаѣ можетѣ онѣ убищѣ быщѣ, какѣ гнушающійся прѣзнію хозяина; что сѣ нашими Анадырскими козаками, которые оныхѣ обрядовѣ ихѣ не знали, случилось, какѣ сказываютѣ, не однократно. Чего ради и женщины ихѣ по своему обыкновению щеголящѣ вшараются: бѣлятся и румянящѣ, носящѣ хорошее плащье; а Чукоцкія сверхѣ пого разшивающѣ узорами не токмо лица, но лядвѣи и рѣки; ибо онѣ дома сидящѣ нагія, хотя бы при помѣ случились и споронніе люди.

Всѣ вообще прегрубые, сердитые, несклонные, злопамятные и немилосердые люди; а Оленные при помѣ горды и хвасплицы, шакѣ что они никому вѣ помѣ не вѣрящѣ, что естѣ вѣ свѣтѣ благополучнѣйшее

жипіе челоѵѵческаго соспоянїа , и почитають такихъ за сущихъ лжецовъ и обманциковъ; что случалось часто съ нашими купцами въ пробъздѣ изъ Якуцка на Камчатку чрезъ Анадырскъ , копорымъ они емѵсто улики дѣлали язвипельныя возраженїа. Естѵли бы , говорили Коряки , жипѵ у васъ было лучше нашего , то бы де вы такъ далеко къ намъ не ѣздили , какъ намъ нѣтъ нужды къ вамъ ѣздитѵ , для того что у насъ всего довольно ; а то де можно видѣть , что вы прїѵбжжаете къ намъ для одной жирной оленины , которой де вамъ во всю жизнь вашу нигдѣ индѣ и видать не случается .

Немалой поведѣ къ спѵси дается имъ и отъ Коряковъ Сидячихъ , копорые ихъ боятся и почитаютъ , такъ что хопя бы пастиухъ къ нимъ прїѵхалъ , всѣ выбѣгаютъ вонъ изъ юрты , встрѣчаютъ , довольствуютъ , провожаютъ , и сносятъ всякую обиду , какую бы ни показалъ Корякъ . Не слыкалъ я такихъ примѣровъ , чтобъ Сидячіе убили когда Оленнаго Коряка , чего ради Ясашные наши сборщики къ Олюторамъ никогда безъ нихъ , какъ безъ надежной обороны , не ѣздятъ ; въ противномъ же случаѣ нерѣдко отъ несовершенно покоренныхъ бываютъ убиваемы ; и сіе тѣмъ наипаче удивительно , что Сидячіе Коряки гораздо сильнѣе Олен-

ныхъ и отважибе. Но сего почтенія и опасности кажутся мнѣ двѣ причины: 1) застарѣлой обычай почитать богатыхъ, и служишь имъ, который они можетъ быть имѣли будучи сами Оленными, такъ какъ и нынѣ убогіе Оленные Коряки. 2) Что они получая отъ Оленныхъ Коряковъ все свое одѣаніе раздражишь ихъ опасаются, чтобъ не претерпѣшь холоду.

Оленные Коряки всѣхъ ихъ называютъ своими холопами, а особливо Олюпоровъ: ибо Олюпоры испорченное имя изъ Корякаго *Алютоклауль*, что значить холопа. Да и сами Сидячіе Коряки почти отъ того не опракаются. Одни Чукчи ихъ не почитаютъ, но вмѣсто того столь имъ ужасны, что двадцати человекамъ Чукочъ пятьдесятъ Оленныхъ Коряковъ пропивишья не отважущя, и ежели бы не было имъ защищенія изъ Анадырска, то бы Чукчи раззорили ихъ до основанія, и изъ господъ всѣхъ бы претворили въ холопей, лиша сабуновъ ихъ, принудя жишь въ земляныхъ юрпахъ, и питаешь кореньемъ и рыбою, по примѣру Сидячихъ Коряковъ, какъ то въ 1738 и 1739 годахъ учинили они съ Капырскими и Апукинскими Коряками. Впрочемъ какъ всякой народъ имѣетъ предъ другимъ въ чемъ нибудь преимуществво, такъ и у Коряковъ сіи особыя

опѣ Камчадаловѣ добродѣтели, что они правдивы и трудолюбивы, знаютъ стыдѣ, и опѣ блудодѣянiя удаляются, хотя можетъ быть и по неволѣ.

Сколько родовъ Оленныхъ Коряковѣ, и сколько числомъ ихъ, о томъ на Камчаткѣ не вѣдомо, пошому что они подсудны Анадырскому оспрогу; однако думать можно, что сей народъ купно съ Сидячими, многочисленнѣе Камчадаловѣ.

Живущѣ по такимъ мѣстамъ, гдѣ моху довольно, которымъ питаются олени ихъ, не взирая на то, что водою и лѣсомъ скудно, а наипаче вѣ зимнее время: ибо они снѣгѣ тогда вмѣсто воды употребляютъ, а варятъ мохомъ или сырымъ сланцомъ, котораго вездѣ довольно. Я могу сказать, что зимнее ихъ житiе вѣ разсужденiи Камчатскаго гнусно и безпокойно. Вѣ юртахъ, съ которыми они часто кочуютъ, опѣ сырыхъ дровъ, и опѣ того, что земля опѣ огня пашетъ, до самаго полу такой дымъ, что человекъ на другой сторонѣ не можно видѣть, а при томъ столь бѣдкой, что непривычной глаза потеряетъ вѣ одинъ день. Я не могъ пробыть у нихъ ни пяти часовъ; и хотя между пѣмъ опѣ дыму часно выходилъ вонъ изъ юрты, однако безъ глазной болѣзни не обошелся.

Юрты у нихъ подобны юртамъ другихъ Кочевныхъ народовъ, каковы напрымѣръ Калмыцкія, шокмо гораздо меньше. Зимую покрываютъ ихъ оленьими новыми кожами для шепла, а лѣтомъ старыми ровдугами, которыя юртовые крышки *тумами* называются. Внутри юртъ ихъ нѣтъ никакихъ половъ, ни перегородокъ, шокмо по срединѣ чепыре колышка съ поперечинами вколочены, между копорыми огнище. Къ колышкамъ обыкновенно привязываются собаки, копорыя во время спряпанья и изъ копловъ мясо таскаютъ, и съ лопкѣвъ, когда оное вынимается, не смотря на то, что хозяйки бьютъ ихъ уполовникомъ и опнимаютъ. При чемъ сіе можно утвердить за истинну, что крайній голодъ челоуку надобенъ, чшобъ ѣсть мясо ихъ варенія. Копель и лопки у нихъ вмѣсто мытья собаки лижутъ; бабы и собакъ бьютъ уполовникомъ, и въ копль мѣшаютъ; мясо немытое въ шерсти какъ въ кожѣ, а о чистотѣ спряпающихъ и упоминаеть нѣчего.

Чукоцкія зимнія юрты въ разсужденіи кѣпопи не лучше Коряцкихъ, однако въ помѣ имѣютъ преимущество, что весьма теплы. Дѣлаются на подобіе Камчатскихъ въ землѣ, но несравненно больше: ибо живутъ въ нихъ

по множеству народа (1). Каждая семья имбешъ особливою свой побогъ изъ оленьихъ кожъ, въ которыхъ полагахъ и сидятъ и спятъ. Во всякомъ положу денно и ноцно огонь горитъ въ поставленной среди побога площадкѣ. Жгутъ жиръ различныхъ морскихъ звѣрей, а вмѣсто свѣспильни мохъ употребляютъ. И хопя для выходу копоши оставляется на верху продушина, однако шакой же дымъ бываетъ, какъ въ Коряцкихъ юртахъ, но при томъ споль тепло, что въ холодныхъ оныхъ и самыхъ сѣверныхъ мѣстахъ бабы сидятъ всегда нагя, какъ выше показано,

---

(1) По замѣчанію сопутниковъ Капитана *Биллингса*, зимнія юрты сидячихъ Чукочъ походятъ на Алеутскія; внутренняя ихъ часть имбешъ видъ продолговатаго четверугольника, и довольно просторна; сводъ надъ юртою дѣлается изъ китовыхъ ребръ и жердей, покрывается шравою, дерномъ, и засыпается землею; входъ въ юрту сверху сквозь малое отверстіе. По срединѣ юрты находится очагъ изъ четырехъ большихъ камней; на ономъ разводятъ огонь для варенія только пищи; за нимѣніемъ дровъ жгутъ китовыя кости, поливая ихъ время отъ времени рыбьимъ жиромъ. Лѣтомъ живутъ сидячіе Чукочи сверхъ земли въ шалашахъ, сдѣланныхъ изъ китовыхъ ребръ и жердей, и покрытыхъ кожами морскихъ звѣрей; оныя очень малы и къ зимѣ разбираются. В.

прикрывъ покмо срамъ свой пяшбю, красуясь узорами на шблб, какъ бы богатымъ или покойнымъ плащемъ.

Плащье всб носятб изб оленьихъ кожъ, вб копоромъ нбшб никакой опмбны отб Камчатскаго; ибо и Камчадалы отб нихъ же получающб оленье плащье, какъ ужé выше оббъявлено.

Пишуются мясомъ оленей, которыхъ у богатыхъ Коряковъ тысячъ по десяти, по тридцати и больше, а у Тоюна Эпеля Соплякова сына до 100000 считающб, однако при всемъ шомъ они столь скупы, что оленя для себя убить жалбюшб, а довольствуются звброядиною и мершвечиною, чего вб такомъ великомъ множествб случается со излишесствомъ. Росхожимъ гостямъ не спыдялся они говорить, что у нихъ подчивать нбчемъ, для того что по ихъ несчастю олени у нихъ не падутб, и отб волковъ не давятся. Для другихъ убивающб оленей, и вб то только время сами до сыта набдаются. Впрочемъ они не доятб своихъ оленей, и молокомъ пользоваться не знаютб.

Бдятб наибольше вареное мясо, а за излишесствомъ сушатб и копшатб вб юртахъ. Лучшая у нихъ пища *Ялгаю*, которая слбдующимъ оббразомъ готовится. Когда

убиваютъ оленя, тогда кровь изъ него вливаютъ въ желудокъ съ каломъ, и положи оленьяго жиру сбиваютъ вмѣстѣ, и нѣскольکو времени квасятъ, послѣ того копшатъ, и бдятъ вмѣсто калбасовъ копченыхъ. Козаки называютъ оную пищу *Маняломъ*, и многіе бдятъ похваляя. Бдятъ же Коряки и другихъ звѣрей, какихъ ни промышлятъ кромѣ собаки да лисицы.

Травъ, коренья и коры съ деревъ не употребляютъ въ пищу, развѣ бѣдныя, и по въ случаѣ голода; рыбу одни паспухи ловятъ, и по весьма мало. Ягодъ въ зиму не запасаютъ же, но шокмо бдятъ въ лѣтнее время. Бѣльшей сладости въ пищу понятъ не могутъ, какъ голубица толченая съ оленьимъ жиромъ и саранюю. Миѣ самому случилось видѣть, какъ знапной Коряцкой князецъ, копорой приѣхжалъ въ Болшерѣцкой оспрогъ по случаю, дивился, когда дали ему сахару. Сперва назвалъ онъ его солью, но какъ ему прикушатъ велѣли, по онъ изумился отъ такой чрезвычайной сладости, и хотѣлъ опвезти его нѣскольکو женѣ своей для опыта, однако не имѣлъ сполько терпѣливости чтобъ не испрашить его въ дорогъ: женѣ своей хопя онъ и клялся, что ему въ Російскомъ оспрогѣ дана такая сладкая соль, копорой онъ ни къ чему примѣнишь не мо-

жесть, однако она ему въ помѣ не повѣрила, утверждая, что ничего на свѣстѣ не можетъ быть слаще объявленной полкуши.

Бздятъ на оленяхъ шокмо въ зимнее время, а лѣпомъ, по примѣру Тунгусовъ верьхами, какъ сказываютъ, не умѣютъ бздить. Сани называются по ихъ *Чаугу-уэстикъ*. Длинною дѣлаются онѣ около сажени. Полозья подѣ саньми шириною вершка въ полпрешья, шокмо у головашекъ, гдѣ загибается, нѣсколько уже. Копылье изъ одного дерева гнутое прямо спавилося, выключая передняго, которое нѣсколько назадъ наклоняется. При каждомъ копылѣ пришивается поперекъ брусочекъ, на брусочки кладутся во всѣ сани широкія дощечки вмѣсто нащеповъ, которые къ головашкамъ полозья прикрѣпляютъ. На каждомъ брускѣ по двѣ дырочки, сквозь которыя во всѣхъ сани бапожки продѣваются. Какъ сіи бапожки, такъ и дѣски назадъ изогнуты къверху, и покрыты особливимъ нащепомъ; и такимъ образомъ бывающъ они будто съ козыремъ, въ которомъ мѣстѣ сидятъ обыкновенно женщины.

Впрягаютъ въ сани по два оленя. Лямки, которыми они шянутъ, подобны собачьимъ *Алакамъ*; надѣваются обоимъ оленямъ на правую лопатку. Праваго оленя пѣтягъ или ремень къ лямкѣ привязанной прикрѣ-

пляется къ санной рѣшеткѣ близъ правой спороны, а послѣ привязывается къ лѣвому нащепу, а лѣваго къ лѣвой шокмо, а за правой нащепъ не утверждается. Пóпягъ праваго оленя долѣ лѣваго, чего ради правой олень не много впереди ходитъ, а оба по лѣвую спорону саней.

Узды оленьи подобны обрашамъ конскимъ. У узды праваго оленя бываетъ на лбу по при и по чешыре косточки на подобіе коренныхъ зубовъ съ чешырьмя шипами, а накладывающа на узду для того, чѣтобъ оленя на бѣгу оспановитъ скорѣе; ибо въ такомъ случаѣ Корякъ крѣпко за узду пянетъ, а шипами оленя въ лобъ колетъ, и удерживаетъ ошъ бѣгу. У узды лѣваго оленя нѣтъ такихъ зубовъ, ибо въ немъ нѣтъ большѣй силы; ибо когда правой оспановится, шо не побѣжитъ и лѣвой.

Корякъ сидитъ на саняхъ близъ головашекъ, и правитъ ихъ уздою; когда вправо поворопитъ надобно, шо узду шокмо дергаетъ, а когда влѣво, шо хлещетъ ею оленя по всему боку. Погоняютъ ихъ шонкою палкою длиною аршина въ полпора или и долѣ, у которой на одномъ концѣ костяная головочка, а на другомъ крючокъ. Головочкою оленей бьютъ, а крючкомъ отдѣвляютъ пóпяги, когда оленю заступитъ случается.

Такія палочки по тамошнему *клюдками* называются.

Оленные сани, по Коряцки *Чаусу уэпикъ*, какъ уже выше объявлено, рѣшетка *гыву*, брусочки *уякау*, головки у саней *гылогынгенъ* или *якьи*, копылье *гыngu*, мѣсто, гдѣ сидятъ женщины, *мобингенъ* (хвостъ) узда праваго оленя *коилгенъ*, лѣваго *явилиганъ*, попяги *илгенъ*, ключка *елбель*, головка на ней *тымлету*, крючокъ на ней же *каллкалъ*.

Бзда на оленяхъ скорбе собачьей; на хорошихъ можно легко переѣхать въ день полпораста верстъ, токмо часто кормить ихъ должно, и часто оспанавливать на дорогѣ, чшобы мочились; а въ противномъ случаѣ въ одинъ день такъ испортятся, что или къ бздѣ будутъ негодны, или издохнутъ.

Оленей къ бздѣ приучаютъ какъ коней. Самцовъ бжжалыхъ кладутъ, перекусывая сквозь ровдугу жилы на ядрахъ, а ихъ не вынимаютъ. Олени всѣ вмѣстѣ пасутся, и небжжалые и бжжалые. Когда Коряку надобно однихъ отъ другихъ отдѣлить, то сгоняетъ онъ весь табунъ въ одно мѣсто, и кричитъ изо всего горла кусая ключу свою, отъ копораго крику олени съ возможною скоростію на двое раздѣляются. Ежели копорые не въ свою стаю замѣшаются, пѣхъ бьютъ немилосердо.

Есть олени и у Сидячихъ Коряковъ, покмо у рѣдкихъ и не помногу, а употребляютъ они ихъ покмо для выѣзду. У Чукочъ ихъ шабуны превеликіе, однако они не взирая на то больше морскими звѣрями питаются. Естли Корякъ лишится своихъ оленей, то бѣднѣ Камчадала бываетъ. Нѣтъ ему другаго способа къ пропитанію, какъ задаться въ паспухи къ богатому, ибо рыбы онъ промышляетъ не умѣетъ, а хошя бы и могъ по нуждѣ, по не лзя лодками, сѣпями и собаками завеспися въ скорости, а въ паспухахъ пища ему и платье гошовое; при томъ естли у него малое число своихъ оленей, то можетъ онъ пасти ихъ съ хозяйскими, и не употребляя себѣ на пищу расплодись со временемъ нарочипое стадо.

Коряки на оленей своихъ и на кожи ихъ вымѣниваютъ у другихъ народовъ самыхъ лучшихъ тамошнихъ дорогихъ звѣрей, копорыхъ у многихъ Коряковъ такое множество, что возятъ ихъ съ собою чемоданами; напрошивъ того у Сидячихъ Коряковъ и Камчадаловъ сопой челоувкъ имѣетъ въ запасъ лисицу или соболя.

Въ, разсужденіи вѣры своей Коряки такіежъ невѣжды, какъ Камчадалы, буде не ху-

же; по крайней мѣрѣ шопѣ Князекѣ, съ которыми мнѣ случилось разговаривать, не имѣлъ о Богѣ понятія. Дьяволы, которыми населены, по ихъ мнѣнію, рѣки и горы, почишають больше для того, что ихъ боится. Сидячіе Коряки признавають богомъ Камчатскаго Куша.

Жерпву приносятъ уреченнаго времени не имѣють, но когда имъ вздумается, тогда убиваютъ оленя или собаку, которую со всѣмъ на колѣ вшыкають, и оборачиваютъ рыломъ къ востоку; а отъ оленя одну голову, да часть языка. Но кому сію жерпву приносятъ, сами не знаютъ, токмо приговариваютъ: *Ваіо койнеѣ Якнилалу гангева, то есть: на тебѣ, да и намъ что нибудь пошли.* Котораго оленя или собаку отсулятъ бѣсамъ, тѣхъ убивъ повергаютъ со всѣмъ на землю.

Горамъ и рѣкамъ, гдѣ по ихъ суевѣрію живутъ дьяволы, жерпву даютъ тогда, когда случается проходить мимо ихъ. Не дошедъ за нѣсколько, колютъ оленя, и сѣвдаютъ, а головную голую кость взоткнувъ на колѣ оборачиваютъ къ мнимому дьявольскому жилищу.

Ежели Коряки убѣгаютъ отъ какой нибудь болѣзни, которая имъ опасна покажется; то убиваютъ они собаку, и распянувъ

на двухъ шестахъ черева ея, межъ нихъ проходяпъ.

При жертвоприношеніи шаманы или волхвы ихъ бьютъ въ бубны, которые подобны Якутскимъ и другихъ тамошнихъ языческихъ народовъ. Но плашья особливаго не имбюпъ шаманы, какъ у прочихъ язычниковъ. Есть же шаманы и у Коряковъ Сидячихъ, копорые почитаются и за лѣкарей; ибо они бьютъ въ бубны и въ случаѣ болѣзней, чемъ оныя по ихъ суевѣрію опгоняются. Впрочемъ сіе весьма удивительно, что нѣтъ такого дикаго народа, въ которомъ бы шаманъ не лукавѣе другихъ былъ. 1739 году случилось мнѣ видѣть въ Нижнемъ Камчатскомъ оспрогѣ славнаго Укинскаго шамана, именемъ *Карымляга*, котораго не токмо тамошніе язычники, но и козаки за великаго знапока почитаютъ, наипаче для того, что онъ колелъ себя ножемъ въ брюхо, и пьепъ кровь свою; однако все оное было полъ грубой обманъ; что всякому бы можно было примѣшпть, естльи бы кто не былъ ослѣпленъ суевѣріемъ. Сперва билъ онъ нѣсколько времени въ бубенъ на колѣняхъ споя, послѣ того ножемъ колелъ себя въ брюхо, и выманивалъ рукою кровь изъ раны, коей не было; наконецъ паскалъ изъ подъ шубы по цѣлой горспи крови, и блъ

облизывая персты. Я между тѣмъ довольно смѣлся, что онъ свое дѣло такъ худо знаетъ, что къ нашимъ Ташеншпилерамъ не годится и въ школу. Ножъ, которымъ онъ кололъ себя припворялся, спускалъ онъ внизъ по брюху, а кровь вынималъ изъ Пузыря, которой былъ подъ пазухою. По окончаніи шаманства надѣялся онъ насъ привести въ удивленіе, чего ради поднялъ свою кулянку, и показалъ кровью вымаранное брюхо, увѣряя насъ, что кровь оная, которая была изъ нерпы, текла изъ его брюха, а рану изцѣлилъ онъ своимъ шаманствомъ. При томъ сказывалъ намъ, что дьяволы приходятъ къ нему изъ различныхъ мѣстъ и въ различномъ видѣ, иные изъ моря, иные изъ горѣлой сопки, иные большіе, а иные малые, иные безрукіе, иные обгорѣлые, а другіе о полубокѣ. Морскіе прочіхъ богатѣе и въ плащѣ изъ правы шелковника сдѣланномъ, которая по рѣкамъ растетъ: а онъ ихъ какъ во снѣ видитъ, для того что, когда они приходятъ къ нему, тогда мучатъ его столь жестоко, что онъ бываетъ почти внѣ ума.

Ежели такой шаманъ больнаго лѣчитъ, то по шаманствѣ предписываетъ, чѣмъ болящему воспользоваться можно; иногда приказываетъ ему убить собаку, иногда спа-

вишѣ внѣ юрпы прутье и другія шому подобныя бездѣлицы. Собакѣ въ такомѣ случаѣ колютѣ въ бокѣ ножемѣ или копьями, а держатѣ ихѣ по два человекѣ, одинѣ за голову, а другой за хвостѣ. Убитыхѣ вшыкаютѣ на колѣ, и спавятѣ оборотѣ рыломѣ къ горѣлой сопкѣ.

Оленные Коряки не имѣютѣ праздниковѣ, а Сидячіе празднуютѣ въ одно время съ Камчадалами, но кому и для чего, спольже мало вѣдаютѣ, какѣ и Камчадалы. Вся причина состоитѣ въ томѣ, что предки ихѣ такѣ поступали. Праздникѣ недѣли по чепыре продолжается; между шѣмѣ они ни къ себѣ никого не пускаютѣ, ни сами не ѣдятѣ, и никакой работы не дѣлаютѣ, но ѣдятѣ довольно, и веселятѣся, бросая въ огонь отѣ всякой ѣспвы по малу въ дарѣ горѣлой сопкѣ.

Вѣ другихѣ дѣлахѣ пакіежѣ они невѣжды, какѣ и въ законѣ. Раздѣленіе времени на годы и мѣсяцы имѣ неизвѣстно, токмо знаютѣ чепыре времена въ году, и лѣпо называютѣ *Алѣалу*, зиму *Лѣкалянѣ*, весну *Кіпкетикѣ*, а осень *Гѣстига*. Вѣпрамѣ не болѣе какѣ чепыремѣ имѣютѣ названія: Восточной вѣтрѣ по ихѣ *Кѣнгекатѣ*, Западной *Гѣилекывѣгѣ*, Сѣверной *Гытигольіоіоа*, Южной *Еутельіоіоа*. Извѣ звѣздѣ знаютѣ большаго

медвѣдя, котораго называютъ дикимъ оленемъ, на ихъ языкѣ *Елѣе-кыйнгѣ*; Плеяды или ушячье гнѣздо *Атага*; Орионъ *Юлтаутѣ*, криво уронилъ; Юпитеръ *Исиваламакъ*, красная спрѣла; Млечной путь *Чигѣй-ваемѣ*, дресвяная рѣка.

Разстояніе мѣстѣ счисляють по днямъ, такъ какъ Якуты по днищамъ, то есть, во сколько дней отъ одного до другаго мѣста перекочевать можно, а на каждой день можно положить отъ придецати верстѣ до пятидесяти. У богатыхъ разстояніе одного дня больше, нежели у бѣдныхъ: для того что они надѣются пѣмѣ доказать, что у нихъ олени хорошіе, когда они со всѣми своими тяжестями и съ домомъ столько могутъ переѣхать, сколько бѣдные налегкѣ, по причинѣ худыхъ оленей.

Владѣльцовѣ до покоренія Россійскому скипетру у нихъ не было, по томѣ власть нѣкоторую имѣлъ томѣ, кто былъ оленьми богатѣе; чего ради и не знали они до пѣхѣ порѣ, что есть присяга. Козаки приводятѣ ихъ къ присягѣ вмѣсто креста и Евангелія къ ружейному дулу съ такимъ объявленіемъ, что тому не миновать пули, кто присягаетѣ не искренно. Такимъ же образомъ и сумнительныя дѣла рѣшались; ибо виноватой будучи увѣренѣ, что заряженое ружье

убьешѣ за неправду, охотнѣе признаваешся, нежели предаешся въ чаемую опасность жизни. Въ другихъ случаяхъ клятвы у нихъ нѣмѣ больше, какъ *Инмоконѣ кеимѣ метынметикѣ*, то есть: *правда, что я тебѣ не солгу.*

Учпивспва въ словахъ и поздравленія не знающѣ; гостей, кто къ кому прѣидетѣ, не вспрѣчаютѣ, но поступающѣ съ ними какъ большіе господа съ подчиненными. Госпѣ выпрягши своихъ оленей сидѣтъ на саняхъ ожидая хозяйскаго повелѣнія войти въ его юрту какъ на аудіенцію; однакожѣ соизволеніе хозяйское не опѣ самаго хозяина объявляется, но опѣ жены его такими словами: *Елкѣ*, то есть: *въ юртѣ, или хозяйнѣ дома.* Какъ госпѣ такимъ образомъ вспрѣченный войдетѣ, то хозяйнѣ сидя на своемъ мѣстѣ говоритѣ ему *коіонѣ* (сюда); потомъ указываетѣ мѣсто, гдѣ сѣсть, съ такимъ учпивспвомъ, *катваганѣ*, то есть: *садись.*

Въ подчиванѣ гостей наблюдающѣ по-чмо по, чпобѣ ихъ удовольствоватѣ, а по Камчатскому обычаю не поступающѣ, чпобѣ гостей принуждатѣ къ объяденію. Лучшее кушанье жирное мясо и маняло: и сіе не недостойно примѣчанія, что всѣ дикіе и кочевные народы жирѣ почипаютѣ за прѣпнѣйшее кушанье. Якутѣ дастѣ себѣ глазѣ

выколошь за жирную кобыляпину, а Чукча за жирную собаку. Якутѣ хопя вѣдаетѣ, что лишися всего имѣнїя, ежели украдетѣ скопину, однако не взирая на то не удержися отѣ жирной кобылы, и вѣ случаѣ нещастїя тѣмѣ утѣшается, что онѣ вѣдалѣ жирную кобыляпину.

Воровство у всѣхѣ дикихѣ народахѣ кромѣ Камчадаловѣ похвально, только бы оно было не вѣ своемѣ родѣ, и пакѣ искусно, чтобѣ не бытѣ пойманнымѣ; вѣ противномѣ случаѣ поступаетѣ жестоко, не за кражу, но за неумѣнїе. Чукоцкая дѣвка не можетѣ себѣ получить мужа, ежели вѣ воровствѣ не окажется искусства.

Смертноубійство вѣ своемѣ же родѣ токмо опасно, для того что сродники не оставляютѣ убиеннаго безѣ опмщенїя, а впрочемѣ ни кому до того нѣптѣ нужды.

Всего достохвальнѣе вѣ семѣ народѣ то, что они дѣшею своихѣ хопя и чрезмѣрно любятѣ, однако издѣтска кѣ трудамѣ приучаютѣ; чего ради и содержатѣ ихѣ не лучше холопей, посылаютѣ по дрова и по воду, приказываютѣ на себѣ носить тяжесть, пассти олени шабуны, и другое тому подобное дѣлать.

Женятся богатые на бѣгашыхѣ, а скудные на скудныхѣ, не взирая на разумѣ и на

пригожство. Женѣ берутъ наиболѣе изъ своего роду, двоюродныхъ сесирѣ, шенокъ и мачихъ, шокмо не женятся на матеряхъ, на родныхъ дочеряхъ, на родныхъ сесирахъ и на падчерицахъ. Невѣспѣ хватающѣ по Камчатски, чего ради и малолѣпныхъ, которые не могутъ хватать неvēспы, не женятъ.

Жениху, какоеъ бы кто богатѣ оленьми ни былъ, должно работать за неvēспу отъ 3 до 5 лѣтъ, между тѣмъ вмѣстѣ имъ спать дозволяется, хотя неvēспа и не схватана; въ прочемъ она до совершенія брачной ихъ церемоніи для обряду бываетъ по надлежащему опущана. При свадьбахъ не бываетъ у нихъ никакихъ, обрядовъ доспойныхъ примѣчанія.

Женѣ имѣютъ по двѣ и по три, и содержатъ ихъ по разнымъ мѣстамъ, давъ пастьуховъ и шабуны особливые. Все удовольствіе жизни въ томъ полагаютъ, чпобъ перебъжая съ мѣста на мѣсто осматривать скотъ свой. При томъ сіе весьма удивительно, чшо Корякъ, счешу почти незнающій въ великомъ множествѣ оленей, шопѣ часъ примѣшитъ уронъ свой, и скажетъ, какого оленя нѣтъ и какую шерстью.

Наложницѣ у нихъ нѣтъ, шокмо нѣкоторые содержатъ коѣкчучей, которые по

ихъ *Кеіевъ* называются, однако не въ чести, какъ Камчадалы, но въ презрѣніи: ибо у Коряковъ за великую брань почищается названъ кого *Кеіевъ*.

Сидячіе Коряки по спранному своему суевѣрію имѣютъ вмѣсто женъ простыя камни: одѣвають ихъ въ плащѣ, кладутъ спать вмѣстѣ, и временемъ шупятъ съ ними, и забавляютъ, какъ бы чувствующихъ забавы. Такихъ два камня получилъ я отъ Укинскаго жителя Окерача: одинъ изъ нихъ, копорой называлъ онъ женою, былъ больше; а другой, копорой сыномъ, былъ меньше. Большѣму имя *Йитель-камакъ* (цѣлипельной камень), а другому *Калкакъ*. А какимъ случаемъ и по какой причинѣ понялъ онъ такую достойную жену, рассказывалъ онъ мнѣ слѣдующее обстоятельство. Лѣтъ за десять былъ онъ въ отнощѣ немалое время; между тѣмъ будучи на рѣкѣ *Адкѣ*, которая течетъ въ устьѣ сѣ южно западной стороны отъ устья Уки въ 10 верстахъ, нашелъ онъ помянутой большѣй камень покмо одинъ, и какъ взялъ въ руки, то камень на него будто человекъ дунулъ. Онъ испужавшись бросилъ камень въ воду, отъ чего болѣзнь его такъ усилилась, что онъ лежалъ все то лѣто и зиму. На другой годъ принужденъ онъ былъ искать съ великимъ трудомъ объявленнаго камня,

и нашелъ его не въ помѣ ужé мѣстѣ, гдѣ бросилъ, но далеко опшуда лежащей на плитѣ купно съ Калкакомъ или съ малымъ камнемъ, которые онъ взявъ съ радостію принесъ въ оспрогъ свой, и здѣлавъ имъ плащье отъ болѣзни избавился, и съ того времени держитъ онъ ихъ у себя, и любитъ каменную жену паче настоящей, а Калкака всегда беретъ съ собою въ дорогу и на промыслы. Правда ли то, что каменная жена милѣе ему настоящей, ушверждашь не лзя; въ прочемъ то могу сказать, что онъ камни опдалъ мнѣ не съ охотою, не взирая на мои подарки: ибо говорилъ онъ, что онъ лишаяся ихъ лишается купно и здравія, которое отъ нихъ зависѣло.

Дѣтей своихъ безмѣрно любящъ, однако съ младенчества не нѣжащъ, какъ ужé выше объявлено. Какъ скоро родящся, то богатые опдѣляютъ имъ нѣсколько оленей на ихъ щастіе, которыми однакожъ не могутъ дѣти пользоваться до возраста совершеннаго.

Младенцамъ дающъ имена спарыя бабы съ слѣдующимъ колдованіемъ. Спавящъ двѣ палочки, и перевязываютъ нипкою, на срединѣ вѣшаютъ на нипкѣжъ камень обшитой въ кожу каменнаго барана, а при томъ невѣдомо что шепчущъ, и спрашиваютъ у камня, какъ звать младенца, напоминая име-

на его сродниковъ, и на копоромъ имени покачается камень, по бываетъ младенцу и имя.

Имена мужескія.   *Имена женскія.*

А́йга.   Я́кьи, головки у саней.
Ля́кшеле, возвращенъ. Ямга, моровое повѣщи-
ріе.

Кы́аугынгенъ, пробуж- Юимачъ.
денъ.

Гей́чале.   Э́кымъ.
Велля, ворона.   Вагалъ.
У́ммевы.   Ке́пюнь.
Я́каякъ, Чайка.   Каляянь.

Родильницы дней по десяти не выходятъ изъ юршы и не кажутся. При кочеванъ възявъ ихъ въ саняхъ закрытыхъ. Дѣшей кормятъ грудью до трехъ лѣтъ и больше, а послѣ приучаютъ къ мясу. Колыбелей и деленокъ не знаютъ, но кладутъ ихъ на землѣ, а во время кочеванья възявъ ихъ за плечами и за пазухой.

Съ болящими водятся прилѣжно. Всѣ болѣзни шаманы лѣчатъ, какъ выше показано, а правами пользоваться не знаютъ.

Умершихъ тѣла сожигаютъ съ нижеписанными обрядами. Сперва наряжаютъ ихъ во все ихъ лучшее платье, и опвозятъ на мѣсто сожженія на пѣхъ оленяхъ, кои

по суевѣрію ихъ умершимъ любви, кладутъ съ ними на-великой косперѣ дровѣ всю збрую ихъ военную и домашнюю, по есть, копья, сайдаки, стрѣлы, ножи, попоры, коплы и прочая, и зажигаютъ. Между тѣмъ, какъ косперѣ горитъ, колютъ они оленей, на которыхъ привозятъ мершвыхъ, и сбѣдаютъ, а ошпаки въ огонь бросають.

Любимыми оленьми почипаются, которые будучи впряжены въ сани перевозятъ ихъ чрезъ нарочно подложенной колѣ безъ скрипу полозья. Такимъ образомъ перемѣняютъ они подѣ умершимъ парѣ по десяти оленей, избирая угодныхъ. Лямки такимъ оленьямъ кладутъ на лѣвыя плеча, а не на правыя, какъ сами бѣдятъ.

Поминовеніе усопшимъ бываетъ токмо однажды, спустя годѣ по смерти ихъ. Сродники ихъ берутъ съ собою двухъ каргинѣ, по есть небжжалыхъ оленей и великое множество оленьихъ роговѣ, которые во весь годѣ нарочно копятъ, и пришедѣ на мѣсто сожженія, или на другое какое высокое мѣсто, когда мѣсто сожженія въ дальнемъ разстояніи, закаляютъ каргины и сбѣдаютъ; а рога впыкають въ землю, которые шаманѣ во образѣ табуна отсылаютъ къ умершему. При возвращеніи въ дома проходятъ между двумя прутами, которые спавятся нарочно

для очищенія, и шаманъ стоя при нихъ бѣтъ проходящихъ прупомъ же, опговаривая, чтобъ умершіе ихъ къ себѣ не брали.

Что касается до другихъ обстоятельствъ и житія сего народа, то нѣтъ между ими и Камчадалами разности. Военное ихъ ополченіе, збруя, пруды мужскіе и женскіе во всемъ сходствуютъ: ибо и Коряки побольшей части нечаянно нападаютъ на своихъ непріятелей, и военное ихъ оружіе состоитъ въ лукахъ, стрѣлахъ и копьяхъ, которые прежде сего изъ костей же и изъ камней дѣлали; и женщины ихъ въ такихъ же прудахъ упражняются какъ Камчадалки: ибо на нихъ лежитъ вся кожаная, поршная и сапожная работа; покомъ Коряцкія бабы и бѣтъ варятъ, чего Камчадалки не дѣлаютъ. Кожи выдѣлываютъ онѣ лучше и мягче Камчатскаго, а вмѣсто икры намазываютъ ихъ оленьимъ каломъ. Шьютъ оленьими спановыми жилами.

Оленьимъ кожамъ какъ отъ Россіянъ, такъ и отъ Коряковъ разныя названія. Рослыя кожи Россіяне *постелями*, а Коряки *наманъ* называютъ. Кожи большихъ оленей осеннія по Россійски *недоросьти*, а по Коряцки *Гайнгей-нагланъ*. Кожи шелячи, то есть, молодыхъ оленей по Россійски *лыжики*, а по Коряцки *хаюй-налганъ*. Кожи выпоропыхъ

олений изъ брюха по нашему *вылоротки*, а а по ихъ *килкаю юналганъ*. Замша по Россійски *ровдуга*, а по Коряцки *нагеиганъ*.

Главная разность сего народа опъ Камчадаловъ состоипъ въ языкъ, въ которомъ по счисленію господина Спеллера при нарѣчія. Первымъ нарѣчіемъ или кореннымъ языкомъ говорящъ Сидячіе Коряки у Пенжинскаго моря и Оленные, и сей языкъ выговаривается мужественно и крѣпко. Другое нарѣчіе, которое употребляется у Олюторовъ, и опъ Россіянъ вторымъ морскимъ Коряцкимъ языкомъ называется, весьма крѣпче помянушаго. Третье Чукоцкое, которое выговаривается легче, мягче и съ свистомъ (1). Впрочемъ между всѣми нарѣчіями такое сходство, что Коряки, Чукчи и Олюторы безъ труда другъ друга разумѣть могутъ.

Но еспли Олюторское нарѣчіе почестъ за особливое, то столько почти будетъ нарѣчій въ Коряцкомъ языкъ, сколько оспрожковъ; ибо нѣтъ такого оспрожка, въ которомъ бы не было противъ другихъ значной опмѣны; такимъ образомъ Укинской,

---

(1) Сіе есть нарѣчіе оленныхъ Чукчей; сидячіе же Чукчи говорящъ особеннымъ языкомъ, коего нарѣчія находящя въ Сѣверной Америкѣ, о чемъ будетъ ниже. В.

Карагинской, островной Карагинской и Чендонской могутъ назваться особливыми нарѣчіями. Я за коренной Коряцкой языкѣ почитаю помятѣ, копорымѣ говорятѣ Оленные Коряки, для того, что въ немѣ нигдѣ нѣтъ большѣй разности, какѣ можно видѣть въ собраніи Коряцкихѣ словѣ подѣ литерами А и Б. О прочихѣ можно вообще сказать, что Сидячіе Коряки чѣмѣ далѣе живутѣ къ Сѣверу, тѣмѣ чище говорятѣ по Коряцки, а чѣмѣ далѣе къ Югу, тѣмѣ больше Камчатскихѣ словѣ употребляютѣ, и больше имѣютѣ разности въ окончаніяхѣ (1).

Для удовольствія любопытныхѣ читателей прилагается собраніе словѣ разныхѣ Коряцкихѣ нарѣчій. Подѣ литерою А содержатся слова Оленныхѣ Коряковѣ, которые живутѣ въ Сѣверѣ. Подѣ литерою Б слова Оленныхѣ же Коряковѣ, которые не въ давные годы лишились табуновѣ своихѣ поселились на рѣкѣ Авачѣ. Подѣ литерою В слова сидячихѣ Коряковѣ, которые живутѣ на Укѣ рѣкѣ (2), а подѣ литерою Г слова островныхѣ

(1) Нарѣчіе подѣ литерою В, почестся можетѣ болѣе Камчатскимѣ нежели Коряцкимѣ. В.

(2) Рѣчка Ука течетѣ въ рѣку Озерную, копорая при Укинскомѣ мысѣ устьемѣ впадетѣ въ Камчатское море. В.

Карагинцовъ. При чемъ надлежитъ въдать 1) гдѣ пишется глаголь съ палочкою на верьху (̄), тамъ оной произноситъ должно какъ г Лапинское; 2) гдѣ противъ словъ столба А въ столбѣ Б, или противъ словъ столба В въ столбѣ Г ничего не писано, но токмо почки поставлены, тамъ сходство въ словахъ разумѣтся.

Собрание словъ различныхъ Коряцкихъ нарѣчій.

	А	Б	В	Г
Богъ	Анганъ	Куйкыня- ху	Кушхуи- чучь	(не знаюшь)
Дьяволь	Кала, Ян- цешыга	Нянгбе- пынга	Охшкана	Нимфипъ
Небо	Іяганъ.	Ханиъ	Когаль	Шилхенъ
Облака	Гингай.	Хешчаанъ	Гычаангы-	Шамка-
Вѣспрь	Кытѣгъ.	Кып-	ча	жонъ
Буря	Кашву- гынгай.	пыхъ } Уяль }	Шенель	Гышхилач- ганъ
Дождь	Кумухашу.	Мухайму	Ечхучь	Куфылки- шенъ
Снѣгъ	Калатыгъ.	Галааль	Колааль	Пангулкы- ша
Градъ	Неклеуенъ.	Никела- ушъ	Какомчу	Кахохва- шынъ
Громъ	Кыйгала.	Кукыгыла- алы	Кыгых- личъ	Ктыгаль.
Молнія	Кумылгы- лапъ.	. . .	Абромш- дамчи	Милхже- личъ.
Солнце	Тыйтыку.	. . .	Кулѣачъ	Шагалъхъ.

	А	Б	В	Г
Луна	Гейлыгснъ.	. . .	Дыкуеа- кулеачъ	Шагалхъ.
Звѣзда	Леляпи- чанъ.	. . .	Еженичъ	Енгышъ.
День	Галуй.	. . .	Галель	Телух- шашъ.
Ночь	Никиныкъ.	. . .	Дыкуиль	Тенкишы.
Утро	Якамы- шыхъ.	. . .	Дымколел	Тушин- пнифкъ.
Полдень	Гинона- шалу.	. . .	Куниухи- лечьки	Хну - те- лухшашъ.
Вечерь	Ангевинге.	Анбын- гышъ	Ааашынулъ	Тынгфоу- шыя.
Полночь	Агуinna- кыша.	. . .	Куниу-ды- куналъ	Хиу-тен- кышы.
Годъ	Гивыиъ.	Гевегын- ганъ	Кобколя- хляцъ	Тиханн- кыкъ.
Земля	Нутеле- канъ.	. . .	Бышимпъ	Нуты- нюшъ.
Гора	Наю.	. . .	Енжалхенъ	Мышанко- фи.
Пригорокъ	Тенуппела- ку.	Генины- бепъ-кыцо	Пекухчудъ	Миган- клфи.
Огонь	Милыганъ.	. . .	Бильгы- милъчъ	Милханулъ.
Дымъ	Иициъ.	Кбингалапъ	Гажунгажъ	Тгашка.
Жаръ	Осеганъ- Гемилгали.	Вылкавыль гемылгинъ	Дичемпъ	Тханкаль.
Вода	Мимель.	. . .	Ажамъ	Иинъ.
Поле	Гечыгыиъ.	. . .	Ашхадъ	
Дорога	Кетвена.	Геапъ	Шижичъ	Шшифи.
Лѣсъ	Уштуме- канъ.	Уштуушъ	Уудъ	Нгуфтлинъ

	А	Б	В	Г
Дерево	Ушпенель.	Ушпуууть	Уа	Нгуфть.
Море	Анкань.	. . .	Ежгу	Нюнгень.
Озеро	Гышпы- гынъ.	. . .	Колхъ	Гычь.
Рѣка	Усемъ.	. . .	Кнгъ	Гыьхы.
Рѣчка	Кангоям- пиль.	. . .	Кнгычу- кочи	Гыьым- темъ
Испоч- никъ	Акканмель.	. . .	Кунчучу- кочъ	Амлланшеу.
Песокъ	Генчаамъ.	. . .	Быжымпъ	о о о
Грязь	Гемелкенъ.	Лакавелла	Ипканъ	Аулхафе.
Камень	Гугунъ.	. . .	Куаль	о о о
Золото } Серебро }	не знаютъ.			
Мѣдь	Тештелу	Гече Пыл- гунпенъ	Не знаютъ, но все же- лѣзомъ называютъ съ прибавленіемъ цвѣту металла, напримѣръ: красное, бѣлое и проч. такъ какъ и другіе Коряки.	
Тазовая мѣдь	Ушелнгеля	Нуупе- лакъ-пыл- гунпенъ		
Олово	Опага-пыл- гунпенъ. плавкое же- лѣзо.	. . .		
Свинець	Милгама.			
Желѣзо	Пылгун- пснъ.	. . .	Валачъ	Валаваль.
Сталь	Маль-пыл- гунпенъ.	Нышпа- канъ-пыл- гунпенъ	(и сіе слово, у нихъ новос, не знаютъ)	
Человѣкъ	Уимшагула	. . .	Келгола	Ошамча- галъ.
Опець	Емписъ	. . .	Епъ	Папа

	А	В	В	Г
Мать	Ёлла	. . .	Иля	Ёлли.
Сынъ	Акыкъ	. . .	Пёечъ	Икуку.
Дочь	Нґавакыкъ	. . .	Укчинець	Гуфякуку.
Братъ большой	Еиннеця	Еиннела	Ёчежь	Еиннихшь.
—меньшой	Етчанги	Елланги	Ёлчкочъ	Нинихшь.
Сесира большая	Еиннель- чакыгеть	. . .	Ечичъ	Гуф- тлюмшь.
—меньшая	Ичанги-ча- кыгеть	. . .	Ечичкочъ	Нинихшь.
Мужъ	Хуякучъ	. . .	Кёнгиль	Иихели- хыльшь.
Жена	Нёгуень	. . .	Дингычъ	Ныфныхшь
Младе- нецъ	Ловела	Каякымин- гень.	Накамхачъ	Икукумшь.
Отрокъ	Каякапиль	. . .	Когамна- ханкачь	Уякли- кафль.
Отроко- вица	Хаянгаба- кыкъ	Хаянга- быпкупль.	Ухчимкачь	Уфшамо- кань.
Господинъ	Аймаклау	Аймачанъ	Унжачучъ	Афыл- шнафа
Слуга	Уиняпиль	Уинги	Коалу	Мутах- таминь.
Служанка	Елюшен- гиль	Пуэльпиль	Охчякбалу	Нґафала.
Голова	Лёушь	. . .	Колчь	Гённакаль.
Волосы	Кычигуй	. . .	Челгадь	Лаухчахъ.
Борода	Лелу	. . .	Елунь	Лилюфл.
Глаза	Лелашъ	. . .	Еледъ	Ёллифа.
Уши	Вилюшь	Вилюги	Илюдь	Флюфл.
Носъ	Еингыт- тамль.	. . .	Каяко	Ёяку.

	А	Б	В	Г
Ротъ	Икѣингень	. . .	Шакига	Шѣкшень.
Губы	Уамылка- лугень	. . .	Кумоопъ	Ганюлкаль.
Языкъ	Гѣнгель	. . .	Епчилъ	Лакша.
Щоки	Валкалты	Елпу	Епелудъ	Люхлю- хуфе.
Подборо- докъ	Песе	Кулыбини- липу	Пѣгыша	(не зна- юшъ)
Плечо	Гѣлпыл- гень	. . .	Тенодъ	Тыланка- ланъ.
Рука	Маннагил- гень	. . .	Шотдыгъ	Кѣнмене- гланъ
Персть	Гельгашъ	Гелугу	Кикѣчь	Тылахуфи.
Грудь	Мачу	Уачимъ	Уая	Вашап- хашъ.
Сердце	Лингелинъ	. . .	Нугулгу	Ланпага.
Брюхо	Нанканъ	. . .	Кѣлдка	Нанкиангъ.
Черѣва	Гѣгынгъ	. . .	Шѣгыжидъ	Шѣхши.
Пузырь	Ептыучи- ню	. . .	Дыколишь	Ичичи.
Тайной удъ мужеской	Алка	. . .	Каллака	Елка.
Женской	Пѣнненъ	. . .	Копѣонъ	Уапа.
Спина	Канпынъ	Гѣлакъ	Калангъ	Ишкыкашъ
Ноги	Гѣпшкашъ	. . .	Катхадъ	Хлпкафо.
Платье Руское	Манбѣги- чанъ	. . .	Коабыжъ (ихъ шубы)	Куклянка.
Шапка	Пѣнке	. . .	Галалючь	Кѣлламъ.
Шпаны	Хонамшы	. . .	Куе	Кашкашъ.
Чулки	Памеадъ	. . .	Пайманъ	Аиангла- миафъ.
Торбасы, ихъ обувь	Плаку	. . .	Чилхень	о о о

	А	В	В	Г
Острогъ	Унна		Шуддь	
Займка	Кайнем- милъ	Кайнму	Адым- чанъ	} не знаютъ
Юрта	Яянга	. . .	Киспъ	Шипшю.
Дверь	Тылашылъ	. . .	Духчечъ	Тахшангъ.
Постеля	Анкуль	. . .	Лажунчъ	Аначъ.
Кошель	Кукбенга	. . .	Кукъ	(не имѣ- ютъ)
Кужня	Хаманга	Уилганъ	Бумбу	Ксо.
Ножъ	Уала	. . .	Уалачъ	Валавалъ.
Ложка	Уинъ	. . .	Кептъ	Каликаль.
Лукъ	Игимъ	. . .	Ечетъ	Иштъ.
Стрѣла	Макымъ	. . .	Калхъ	Макма.
Сани	Уешикъ	. . .	Шишидь	Гапхы.
Лодка	Аипвуть	. . .	Комхымъ	о о о
Веревка	Игельштъ	Учигы	Анашель	о о о
Топоръ	Аалъ	. . .	Кобашу	о о о
Узда оленя	Хойлгенъ	. . .	(имени нѣтъ)	Ахъ-келк- навѣль. Гожъ узда собачья
Трава	Унай	. . .	Шилшилъ	Шипши- фи
Корень	Киймакниъ	. . .	Пингыльдъ	о о о
Лиснъ	Гутууштъ	. . .	Бехлумель	о о о
Мясо	Хойтауль	. . .	Талшъ	Гоулууль.
Рыба	Еннаакъ	Енноенъ	Ипчудъ	Тагашага.
Икра	Лелкигенъ	. . .	Куйчунгъ	Анлангфъ.
Соль	Анкаме- милъ	нобыя		
Вино	Екаме- милъ	имена Мемілю- гаканъ	не знаютъ	

	А	Б	В	Г
Сытой	Гегѣюли	Гынѣиукъ	Тымгауши	Тынѣюкь.
Голодной	Купила- гешъ	Гешагин- гешъ	Екужичъ (ѣсть хо- чу)	Текш- шынѣлшъ
Жажущій	Немѣѣга- шекопанъ	Ткопаанъ	Тыкушху- жикъ (пить хо- чу)	Тамх- шинѣ.
Пьяной	Геллелали	Тыкулле- лаашъ	Тыапкожкь	(не зна- юшъ)
Пить	Мигучикъ	Куики	Бигыликъ	о о о
Ѣсть	Мѣвуикъ	Котуа	Балолкь	о о о
Спать	Милка- шыкь	Кейлкашъ	Бунгуяку, (спать хо- чу)	Мамфыл- кышкь.
Говоришь	Камыгуму- гашъ	. . .	Кажинухш- хажикъ (говоришь хочу)	Панлукь.
Молчи	Кыгумагы	Кауипвы- гы	Куишу- жихчъ	Тинѣ- чинѣ.
Ѣхашъ	Кыгѣ-кен- гелашы	Мынала- кала	Кошхъ кокшха- жикъ	Мылка- шыкь ап- хо.
На оленяхъ Ѣхашъ	Коапа- Кыгѣкен- гелашы	Апшака- ганъ Мынала- кала	Ѣхашъ на собакахъ)	
Иппи	Вичиша- халкашъ	Мыннага- каула	Алпын- тылшкь	Тинѣчинѣ.
Я спую	Гымма- пыколвела	. . .	Кемъ-ты- жилжкь	Гамъ-теш- финлягачъ
Ты спонши	Гыча-Коп- вела	. . .	Кыже-жи- шунъ	Гекъ-Тфи- плягачъ.

	А	Б	В	Г
Онъ спо- ипъ	Ённоль- Кобъвела	. . .	Дугудъ-жи- шичь	Гешигунш- кинъ Тфилля- гачъ
Мы споймъ	Мую- Мышкош- велала	. . .	Бужь-Ли- вилшумкъ	Мушхай- тень Тешфилля- гачъ.
Вы спойте	Тучу, или Тую, кон- велала	. . .	Шуже-жи- лижь	Туш- хантъ Тфилля- гачъ
Онъ спо- япъ	Ичукотве- дала	. . .	Тылу-Ежи- личижь	Ичантъ Тфилля- гачъ
Сплю	Тыкуил- капъ	. . .	Тунюи- кулшкъ	Танфилга- ляшь.
Вижу	Тыкуло- гонъ	. . .	Тылшижкъ	Тухчаганъ.
Не вижу	Елауки- Тыкуи- пыгъ	инга Ёил- кашке	Каалчкохъ- Тынхлижа	Ухекля- шахъ
Смѣюся	Тыкаача- чигашыкъ	. . .	Тыдѣлиш- хылжкъ	Тытаи- кычи.
Плачу	Тыкобте- ингашынь	. . .	Туелижкъ	Тахтыли- фашъ.
Бѣлой	Нилгакынь	. . .	Датхало	Лянлянъ.
Черной	Нуукынь	. . .	Дыкае- душъ	Лвулклекъ.
Красной	Ничица- кынь	. . .	Чачалъ	Линшамфл.
Зеленой	Аплеля	Нуутелякъ	Духакарал- ло	Ихчичи.

	А	Б	В	Г
Синій	Нууптѣл- гыакъ	Нуужкынь	Килхшке- жу	(не зна- юшь)
Желтой	Лилль . .	. . .	не знаюшь	Шѣмечемъ.
Большой	Немѣян- кынь	. . .	Кушхобл- лунь	Лукаклинь.
Малой	Эппулу- кынь	. . .	Куамка- лунь	Ламклин- гамшь.
Высокой	Негенгело- хентъ	Нуулакынь	Дашелу	Лыхноб- лань.
Низкой	Дигытша- кы	Нуупакынь	Дыжулу	Люхплю.
Свѣтлой	Нѣчига- кынь	. . .	Дашхылу	Лашхи- лянь.
Темной	Нувутка- кынь	. . .	Ухтѣ	Лвулк- лингъ.
Теплой	Номкынь	. . .	Номлингъ	о о о
Спуденой	Накавалга- кынь	Ничаккынь	Дыкѣн- лингъ	о о о
Мокрой	Гийткаяу- ли	Нийлакынь	Кыжуа- лингъ	Жегалъка.
Сухой	Гапалинь	Никичига- кынь	Демелингъ	Гыкшкы- шынъ.
Живой	Куктиола- ашпу	. . .	Кыжуны- линъ	Юлгачъ.
Мертвой	Віала	. . .	Ижа	Висигла.
Рано	Чупча-кы- мытшы	. . .	Бенкоманъ	о о о
Поздо	Айгивын- гешы	. . .	Ухтѣ (тем- но)	о о о
Сего дня	Учѣчинъ	Эчигы	Дѣнгу	Ингушь.
Завтра	Миншыу	. . .	Дымколаку	Гаслу- гамъ.

	А	Б	В	Г
Послѣ зав- пра	Мипшунья- кынякъ	Голымъ- мипшынь	Кóлашажъ	(не зна- ють)
Вчера	Айгыѣ	. . .	Еапынумъ	Тинѣфи.
Третьяго дня	Явеколеаль	Нгѣокаллу- гунь	Кóлгашажъ	(не зна- ють)
Впередъ	Якопынь	. . .	Дукакъ	Нупѣлганъ.
Назадъ	Явалешъ	Явалъ	Шалкъ	Калгышил- кышь.
1	Енненъ	. . .	. . .	Ишиньякъ.
2	Нинегъ	. . .	. . .	Нипшя- кавъ.
3	Ніо́кынъ	. . .	. . .	Нгѣо́кавъ.
4	Ніа́кенъ	. . .	. . .	Нгѣа́кавъ.
5	Мылленге	. . .	счи-	Мылланка.
6	Еннанъ- мылленге	. . .	. . .	Ингыана- шинъ.
7	Ніа́коле- шенгакъ	. . .	сленіе	Нгышп- шыака- шипъ
8	Ніо́коле- менгакъ	. . .	. . .	Нгышó- акашипъ
9	Хоняан- чиіканъ	. . .	все	Нгышаака- шипъ
10	Мыни- гышкенъ	. . .	. . .	Тамалгаша.
11	Мыни- гышкенъ- Енненъ	Енненъ- копаюланги	. . .	Прочее по примѣру
12	— Ніегъ	Ніегъ-ко- паюланги	въчсмъ	Коряковъ людьми
13	— Ніокынъ	Ніокынъ		

	А	Б	В	Г
19	Мыини- гышкенъ- хоняани- чпиканъ	Хоняан- чинкавъ- копаюланги	опъ	счипаюшь, какъ:
20	Оль-ка- лыкъ (цѣлой)	Опша-калау человѣкъ)	сѣверныхъ	двадцать, одинъ чело-
30	Калыка- мыинны- гышкенъ	Нюкы- мыинны- гышкенъ	Кам-	вѣкъ, а по
40	Ниегъ-ка- лаулапъ (два чело- вѣка)	Ніакенъ- мыиннигып- кенъ	ча-	ихъ. Учамча- галь.
50	Ниегъ-ка- лыкапъ (два чело- вѣка)	Мылленге- мыиннигып- кенъ (десять)	да-	40 два человѣка и
60	Нюкъ-ка- лаулапъ	Еиннанъ- мылленге- мыиннигып- кенъ	ловъ	прочая, а къ неравно-
70	Нюкъ-ка- лыкапъ- мыиннигып- кенъ	Ніаколе- менгакъ- мыиннигып- кенъ	не	му числу прилага- юшь 10
80	Ніа-калы- капъ	Нюколе- менгакъ- мыиннигып- кенъ	разислву-	какъ на-
90	Ніа-калы- капъ-мыи-	Хоняанчин- канъ-мыи-	опъ	по ихъ одинъ чело-

	А	Б	В	Г
100	нигышкенъ Мылленге- калыкашъ (пяшь)	нигышкенъ Мыллен- геишъ-колау (человѣкъ)		вѣкъ и де- сянь

Коряцкія названія рыбамъ, звѣрямъ, птицамъ, плодамъ и произрастающимъ, копорыя имъ знаемы :

Красная рыба, уювай.	Тюлени	обыкновенные, мѣмель.
Чавыча, ёвочъ.	—	лахпаки, калыла.
Кета, кешаакашъ.	—	малые, уишувышъ.
Горбуша, калалъ.	—	полосатые, мупчунъ.
Мальма, уишувышъ.	—	Бблуги, Гипшыгышъ.
Мыкызы, ямколанъ.	—	Сивучи, улу.
Харіузы, кыпчагу.	—	Бобры, калага.
Бблая рыба, иканнаканъ.	—	Коты, шалача.
Кунжа, оканча.	—	Соболи, кышпыгымъ.
Гольцы рѣчные, канывышыгу.	—	Лисицы, яюнъ.
Камбала, алпа.	—	Медвѣди кайнга.
Вахня, уяканъ.	—	Волки, егылунгунъ.
Уйки, гупыгыкъ.	—	Горностаи, имягчакъ.
Рамжа или быкъ, илаалъ.	—	Выдры, нѣнгешъ.
Мокой, макау.	—	Зайцы, милушъ.
Касашка, инуашу.	—	
Сука рыба, апшаганъ.	—	
Раки морскіе, яешъ.	—	
Кипы, юунги.	—	

Песцы, иппунѣ.
 Россомахи, хаѣппей.
 Бараны каменные,
                     кышыпѣ.
 Олени, лугаки.
 Тарбаганы, гешѣу.
 Еврашки, гилаакѣ.
 Бѣлки, явулла.
 Лебеди, канчанѣ.
 Гуси, гейшобанпѣ.
 Селезни, }
 Оспро-   } Гейчо-
           хвосты, } гачи.
 Чернепи, Аингагалѣ.
 Плушносы, уалпи-
                     гали.
 Чирки, угалгапылѣ.
 Крохали, яллалѣ.
 Гоголи, ылыгали.
 Гагары, юваю.
 Лупки, ялалгалга-
                     пинѣ.
 Немки, Вечопоалѣ.
 Орлы, шилмыши.
 Соколы, шылмышылѣ
 Мышеловы, ечѣучики.
 Яспребы, ихуланѣ.
 Вороны, похаучава-
                     валууѣлле.

Вороны, нимѣлла-уѣл-
                     ле.
 Соробы, уикышпы-
                     гынѣ.
 Ласпочки, { Кавалин-
 Сприжи,   } гекѣ.
 Трясогуски, говынку.
 Куропатки, иѣуевѣ.
 Теперевы глухія, кы-
                     напу.
 Дяплы, }
 Желны, } уикичики-
                     чанѣ.
 Кулики, чеіея.
 Снигири, ылкываша.
 Жаворонки, гѣачеіея.
 Кокушки, кайкукѣ.
 Чайки, якаякѣ.
 Марпышки, каньчугу
 Кедровки, какачу.
 Савки, аалыкѣ.
 Игылмы, кычугун-
                     галлы.
 Ару, каюку.
 Урилы, гилкулѣ.
 Старики, ыныпила-
                     лапѣ.
 Березникѣ, лугунѣ.
 Топольникѣ, якалѣ.

Вѣпельникъ , пы-	Шиповникъ , пичкү-
кылъ.	чанъ.
Ольховникъ , нѣкы-	Жимолостникъ , нѣ-
люнъ.	чивоу.
— — каменной ,	Тальникъ , іаи.
уичугуй.	
Рябинникъ , елбѣнъ.	Морошка , епшѣетъ.
Сланецъ , капчивокъ.	Голубица , Лингалъ.
Можжевельникъ , вал-	Водяница , Гечубана.
вакычу.	
Боярышникъ , пѣп-	Брусница , Гѣйнаанъ.
кича.	Княженица , уяипъ.
Черемушникъ , елоенъ.	Толокнянка , Кычим-
пожъ по ихъ что	муна.
рябина.	Клюква , емѣлкевына.

Сими именами рыбу , пшицъ и прочая называютъ Сидячіе Коряки ; а Оленные не столь любопытны , чтобъ они и по знашь или называшъ могли , чѣмъ не пользуются. И хопя впрочемъ много изъ того имъ извѣстно , однако какъ ихъ имена писашъ , такъ Укинскія и Карагинскія разсудилось мнѣ за излишнее ; ибо Укинцы называютъ всѣ вещи отчасти по Камчатски , а отчасти по Курильски , а Карагинцы по Коряцки съ нѣкопорою малою опмѣною : такъ напримѣръ , гусь по Камчатски кейшугышь , по Укински кейшугашъ , по Коряцки гѣйшуантъ , а по Карагински ѣтегешу.

Которые живутъ на рѣкѣ Карагѣ, а не на оспрову, тѣ опѣ жителей оспровныхъ въ томъ наипаче опмѣнны, что вмѣсто ф произносятъ г, вмѣсто Е въ началѣ произносятъ И: такъ на примѣрѣ, вмѣсто вихуфи, нѣгши, веѣвуѣи, вмѣсто ешеѣету, гусь, ипуипѣ.

Тигильскіе Сидячіе Коряки также какъ и Укинскіе больше имѣютъ сходства въ языкѣ съ Сѣверными Камчадалами, нежели съ Оленными Коряками, хотя слова ихъ такъ испорчены, что едва и узнать можно, а особливо въ разговорахъ. Кратко сказать, всѣ Сидячіе Коряки чѣмъ ближе живутъ къ Камчадаламъ, тѣмъ больше имѣютъ и сходства съ ними въ языкѣ, а чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ чище говорятъ по Коряцки.

П Р И Б А В Л Е Н І Е

КЪ ПРЕДЪИДУЩЕЙ ГЛАВЪ.

Сочинитель упомянулъ, описывая выше сего народъ Коряцкій, что къ оному по справедливоспи причислить должно Чукчей, ибо ихъ языкъ мало разнствуешъ отъ Коряцкаго; мы здѣсь однако замѣтимъ, что сіе мнѣніе относится только къ Оленнымъ Чукчамъ. Сидячіе же Чукчи составляютъ особенный народъ, по со всѣмъ отличному ихъ языку, коего нарѣчія свойственны жителямъ острова *Кадыка*, *Нортонова* и *Чугацкаго* заливовъ, *Ескимамъ* и *Гренландцамъ*, какъ мы сіе увидимъ ниже изъ сравнительной таблицы, при описаніи *Коняговъ*. По сему думать должно, что Сидячіе Чукчи суть Американцы, кои только по обстоятельствомъ принуждены были переселиться въ Азію. Сіе утверждается еще на слѣдующихъ обстоятельствахъ: Американскія байдари, Вице-Адмираломъ Г. А. *Сарьтевелъ* примѣченныя у мыса *Роднея*, точно такія, какія употребляются Сидячими Чукчами. По замѣчанію *Жука*, похожи и луки Чукчей на употребляемые *Ескимамы*, и на тѣ, кои сей славный мореходецъ видѣлъ на Американскомъ берегу (въроятно нѣсколько сѣвернѣ *Бристольской* губы и *Невенгамскаго* мыса). И такъ нельзя сумнѣваться въ томъ, что такъ называемые Сидячіе Чукчи имѣютъ общее происхождение съ нѣкоторыми приморскими народами Сѣ-

веро-Западной и Сѣверо-Восточной Америки.

Между Оленными и Сидячими Чукчами нѣтъ върояшно очень большой разности въ наружномъ ихъ видѣ; ибо въ противномъ случаѣ Вице - Адмиралъ Г. А. *Сарышевъ* не преминулъ бы о томъ упомянуть въ своемъ путешествіи. “Чукчи, по описанію сего мореплавателя, какъ мужчины, такъ и женщины роста средняго, но отъ части есть нѣкоторыя и довольно высокаго; собою статны и здоровы; видъ имѣютъ откровенной и не столь суровой, каковъ бываетъ по большей части у дикихъ; лицомъ они очень похожи на Американцевъ, обитающихъ у мыса *Роднея*, волосы обрѣзываютъ, и плащъ носятъ такое же; только мужчины не украшиваютъ лицъ, подобно пѣмъ, вспавливаемыми въ губы косточками,, Американцы же у мыса *Роднея*, съ коими, по его же замѣчанію, Чукчи лицомъ сходны “роста средняго, лицомъ смуглы, но нѣкоторыя изъ нихъ есть и блондуры; волосы они вообще всѣ обрѣзываютъ, такъ какъ Якуты, съ которыми нѣсколько сходны, только положеніемъ лица подходятъ ближе къ Европейцамъ; видъ имѣютъ веселой и показывающей болѣе откровенности, нежели Американцы обитающіе въ *Чугачкой* губѣ,, Сверхъ сего, *Кукъ*, который въ губѣ *Св. Лаврентія* видѣлъ Сидячихъ Чукчей, упоминаетъ, что лица ихъ продолговаты, и волосы черныя, которыя или брѣютъ, или очень коротко обрѣзываютъ, и не имѣютъ бородъ; въ чемъ они сходствуютъ съ Оленными Коряками, какъ видно изъ предвѣдущей главы.

Адъюнктъ Шеллеръ, часто упоминаемый *Красининниковымъ*, замѣтилъ на возвращномъ пути во второй *Беринговой* морской Экспедиціи въ 1741 году, что Американцы, коихъ видѣлъ на одномъ изъ *Шуманскихъ* острововъ, очень сходствуютъ съ Коряками, ростомъ, лицомъ, волосами, платьемъ, и выговоромъ изъ всего горла; сверхъ сего нашелъ онъ на Американскомъ берегу у мыса *св. Иліи*, поншичь и сладкую праву, которая приготовлена была въ снѣдъ такимъ же образомъ, какъ то дѣлается на Камчаткѣ, также деревянное огниво сдѣланное на образецъ Камчатскаго. Онъ же получилъ извѣстіе отъ Чукчей, что Американцы внутри Материка живущіе, имѣютъ стада оленей, какъ и Коряки.

Все сіе показываетъ также нѣкоторое сродство Оленныхъ Чукчей и Коряковъ, съ упомянутыми народами, берега Сѣверо-Западной Америки населяющими; разность же ихъ языковъ, какъ кажется, опровергаетъ сію догадку. Но впрочемъ замѣнить должно: что черты лица долѣ сохраниться могутъ у народовъ непросвѣщенныхъ и письма не имѣющихъ, нежели ихъ языки; и что между дикими, различной родъ ихъ жизни, уже показываетъ древнее ихъ отдѣленіе. Слѣдовательно сродныхъ нарѣчій съ нарѣчійми Оленныхъ Коряковъ и Оленныхъ Чукчей, можно только ожидать у кочующихъ, а не у приморскихъ жителей Сѣверо-Западной Америки; но какъ до сихъ поръ не имѣется достовѣрныхъ извѣстій о сихъ кочующихъ народахъ, то рѣшеніе относительно къ сему предмету, предоставитъ должно времени.

Чукчи извѣстны нѣсколько пообстоятельнѣе изъ путешествія флота Капитана *Виллинга* и изъ путешествія же флота Капитана (нынѣ Вице-Адмирала) *Г. А. Сарычева*. Мы помѣщаемъ здѣсь краткое ихъ описаніе, извлеченное по большей части изъ сихъ сочиненій.

Что касается до нѣружнаго вида Чукчей, то уже сообщено выше все, что по сему предмету извѣстно; а о украшеніи женщинъ Чукоотскихъ, вышиваемыми на лицѣ и шлѣ черными узорами, упомянуто у Автора. Одѣяніе же Оленныхъ Чукчей состоитъ изъ оленьихъ парокъ и широваровъ; оно для обоюго пола одинаково, только что женщины носятъ верхнія парки короче, а нижнія сшиты вмѣстѣ съ широварами, кои гораздо ширѣ мужескихъ. Обувь ихъ лѣтняя, въ сухое время, короткіе сапоги (алачики) изъ ровдугъ, а въ дождливое, большіе длинные сапоги безъ каблуковъ (шорбасы) изъ выдѣланной шюленьей кожи. Длинные копья и луки со стрѣлами составляютъ ихъ орудія; нѣкоторые имѣютъ и лапы изъ тонкихъ короткихъ деревянныхъ дощечекъ, обшитыхъ оленью выдѣланною кожею.

Жизнь ведутъ кочевую такъ какъ Коряки, переходя съ своими оленями съ мѣста на мѣсто, смотря по изобилію моха. Живутъ также какъ и они лѣтомъ въ шатрахъ овальныхъ разной величины, поставленныхъ сверхъ земли, и прикрытыхъ ровдужными кожами, внутри коихъ однако находясь пологи, подъ которыми спятъ. Въ среднѣ

шапра есть обыкновенно очагъ для варенія пищи, составленный изъ прехъ камней. Въ зимнее время живутъ въ палаткахъ, имѣющихъ видъ параллелепипеда, вышиною до двухъ аршинъ, а длиною и шириною сообразно числу людей, въ оныхъ помѣщаются должностствующихъ. Оныя палатки состоятъ изъ оленьихъ кожъ вдвое сложенныхъ, кои мездрами внутрь, а шерстью на внѣшнія спороны обращены; земля внутри палатокъ, выстилается оленными же кожами шерстью вверхъ; входятъ же въ палатку ползкомъ, приподнявъ ее съ низу. Внутри содержатъ непрерывно огонь въ каменныхъ площадкахъ, жженіемъ моха съ жиромъ; отъ чего не только свѣтло, но и пакъ тепло бываетъ, что въ самые жестокіе морозы какъ мужчины, такъ и женщины, сидятъ совсѣмъ нагіе. Всю тяжелую работу отправляютъ женщины, какъ то, спавленіе и разбирание шапръ въ, переносеніе и укладываніе на санки тяжестей и прочая. Мужчины же занимаются паствою оленей и упряжкою ихъ въ санки; и отъ часпи упражняются также въ промыслъ звѣрей, какъ то дикихъ оленей, волковъ и разнаго рода лисицъ. При перекочеваніи везутъ тяжести на санкахъ оленьми, коими женщины управляютъ, сами же несутъ на себѣ нѣкоторую часть тяжестей, и идутъ подпираясь на копье. Поелику дорогъ никакихъ нѣтъ, то избираетъ каждый для переѣзда удобнѣйшія мѣста, по своему произволению. Для скорой ѣзды запрягаютъ въ санки по два оленя, а для перевозки тяжестей, только по одному.

Главное пропитаніе оленныхъ Чукчей состоитъ такъ какъ и Коряковъ въ оленьемъ мясѣ, которое иногда, за недостаткомъ дровъ, ѣдятъ сырое; отъ части употребляютъ также и рыбу. Чукчи приходятъ ежегодно въ исходѣ Февраля или въ Мартѣ въ Нижне-Ковымской острогъ, а прежде также приходили и въ Ижигинскъ, для торгу съ Рускими, гдѣ получаютъ въ замѣнъ своихъ товаровъ, табакъ, желѣзныя издѣлія, бисеръ и другія бездѣлицы. Сей торговли и миролюбивому съ ними обхожденію Рускихъ приписать должно, что они нынѣ не только что не дѣлаютъ уже набѣговъ на своихъ сосѣдей Коряковъ, но и платятъ даже отъ части ясакъ въ казну. По произведеніи торгу немедленно отправляются къ Ледовитому морю для промысла рыбы и морскихъ звѣрей.

Нравомъ кажутся жесточе ихъ сосѣдей Оленныхъ Коряковъ, ибо въ обидахъ очень мстительны, не уважая ни родства ни дружбы. Естественную смерть почитаютъ безчестною, и только однимъ бабамъ приличною; по сему убиваютъ иногда больныхъ по ихъ просьбѣ, безъ сожалѣнія. Къ воровству и грабежамъ очень склонны. Обряды и жертвоприношенія ихъ нѣсколько сходны съ Коряцкими. Мы помѣщаемъ здѣсь изъ *Биллингсова* путешествія любопытное описаніе Чукотскаго жертвоприношенія, совершеннаго по случаю предпринимаемаго ими путешествія съ Капитаномъ *Биллингсомъ* и его соупниками чрезъ Чукотскую землю. —, Чукчи совершали великое жертвоприношеніе, для испрошенія у своихъ Боговъ щастливаго путешествія.

Въ 10 часовъ утра пригнали съ горъ спада своихъ оленей и ошановили ихъ за рѣчку, не въ дальнемъ распоянїи отъ селенїя. Тогда пошли шуда изъ шатровъ нѣсколько Чукочъ; за ними слѣдовали двѣ женщины съ лукошками наполненными жиромъ. Они развели огни въ разныхъ мѣстахъ, на навѣтренной сторонѣ отъ оленей, и окуривали ихъ производящимъ отъ того дымомъ. Въ сіе время, близъ шатровъ, сдѣлали загоны изъ распавленныхъ санокъ, переплывъ въ промежуткахъ между оными ремнями. Каждый хозяинъ загналъ своихъ оленей въ изготовленный имъ загонъ. Не много впереди отъ сихъ загоновъ, къ морскому берегу, поставили въ одинъ рядъ 13 санокъ мужскихъ и женскихъ, изъ коихъ послѣднія имѣютъ кибитки покрытыя оленьими кожами. Къ симъ санямъ приставили свои копья, и положили на санки черепы и кости давно убитыхъ оленей. По близости сего мѣста женщины развели великій огонь, доставъ его помощію пречїя изъ деревянныхъ дощечекъ, обдѣланныхъ на подобіе челоувѣческаго образа, означающаго ихъ божество. Потомъ *Иллратъ* поймалъ изъ своего загона оленя, и отдалъ старшему изъ своихъ сыновей, который отведя его къ морю, прокололъ копьемъ въ лѣвый бокъ противъ самаго сердца и пустилъ на волю; тогда всѣ зрители спали примѣчать съ великимъ вниманіемъ, какимъ образомъ будетъ умирать заколотой олень; и какъ онъ упалъ на правую сторону и умеръ спокойно и скоро, что оное приняли за самое щасливое предзнаменованіе; напрошивъ того, еже-

ли бы олень повалился на лѣвой бокѣ, спалъ бы мучиться и при томѣ съ судорожными движеніями, тогда почли бы сіе злополучнымъ предвѣщаніемъ. Текущую изъ раны убитаго оленя кровь брали въ пригоршни и бросали на три стороны по воздуху, обращая къ солнцу, къ морю и къ горамъ. Потомъ мазали кровью и мозгомъ оленьимъ своихъ идоловъ, санки и положенныя на нихъ кости, а женщины марили онымъ себѣ лица, вѣря, что сіе предохранитъ ихъ отъ всякихъ недуговъ и болѣзней.

Слѣдую старшинѣ *Имлерату* и всѣ прочіе хозяева оленныхъ спадаѣ кололи своихъ оленей съ такими же обрядами. Когда назначенные въ жертву, числомъ 450 оленей, были убиты, тогда женщины содрали съ нихъ кожи и освѣжали. Находящуюся въ кишкахъ и желудкѣ нечистоту, смѣшавъ съ ивовыми листьями, поклали въ шюленьи кожи, и оныя зашили для лучшаго сохраненія во время пупи себѣ на пищу. На мѣстахъ, гдѣ пали олени, развели вновь огни, и на оныхъ варили часть отъ жертвенныхъ мясъ.

21. (1) Въ 7 часовъ утра, Чукчи начали приготавливаться къ празднику, назначенному сего дня въ шатрѣ старшины *Имлерата*. Отъ убитыхъ вчерашняго дня оленей выбрали три кожи съ ногами и цѣлыми головами, имѣвшими рога; положили ихъ посреди шатра на землю съ своими идолами. По сторонамъ шатра вокругъ обнесли занавѣсками изъ

---

(1) Августа 1791 года.

оленьихъ кожъ, и украсили ихъ новыми въпками. Въ 10 часовъ, когда всѣ званые гости на праздникъ собрались въ шашеръ, въ томъ числѣ и Капитанъ *Биллингсъ* съ докторомъ и полмачемъ, тогда *Имлертъ* и прое другихъ старшинъ взяли по бубну, пошли медлѣннымъ шагомъ одинъ за другимъ вокругъ оленьихъ головъ, произнося тихо нѣкоторыя невнятные слова; потомъ, прибавляя поспешенно шаги и возвышая голосъ, заплѣли громко, и стали плясать при удареніи въ бубны. Чрезъ нѣсколько времени *Имлертъ* подошедъ къ занавѣсамъ, и показывая видъ, что хочетъ ихъ открыть, спрашивалъ сидящихъ за оными: каково вамъ? нѣ ему отвѣчали: *сшейда! сшейда! сшейда! льюномъ! льюномъ!* что значитъ: даль! даль! даль! хорошо! хорошо! Такимъ образомъ обошелъ онъ кругомъ всѣ занавѣски, присоединился къ прочимъ старшинамъ, и плясалъ еще съ ними довольно долгое время, наконецъ подойдя къ Капитану *Биллингсу*, и взявъ его за руку, сказалъ ему: „Мы старики объявляемъ, „что по всему нами примѣченному, предпріятія ваши будутъ щасливы, и кончатся съ желаемымъ „успѣхомъ. Богъ въ первой еще разъ послалъ къ намъ „Рускихъ съ дружескимъ намѣреніемъ и для пользы „нашей. Вы желаете узнать моря и земли наши, и награждать насъ щедро; мы же будемъ навсегда вашими „неразрывными союзниками.„ —,

Когда Чукчи вступаютъ съ своими стадами оленей въ мѣста заросшія нѣкоторымъ лѣсомъ, то совершаютъ жертвоприношеніе для того, что-

бы олени ихъ находили хорошій мохъ для пищи, и чтобы не шерялись въ лѣсахъ, къ коимъ непривычны. Болѣзни лѣчатъ подобно Корякамъ жертвоприношеніемъ и шаманствомъ. Головы оленей въ жертву приносимыхъ ставящъ вокругъ больного, такъ чтобы оныя касались до его одежды, и послѣ старуха шепчетъ оленьимъ головамъ въ уши нѣсколько словъ, и обходитъ кругомъ больного нѣсколько разъ, держа въ рукъ зажженную вѣшъ можжевеловую. Если же приносятъ въ жертву любимую собаку больного, то рассматриваютъ съ великимъ вниманіемъ ея внушенность, вымазываютъ лице больного собачьею кровью, и водятъ его кругомъ жертвы. Между Чукчами и женщины предпочитаютъ иногда насильственную смерть естественной; чему былъ также примѣръ во время *Биллингсова* путешествія, гдѣ одна старуха, будучи больна, и немогиши уже дѣйствовать руками, по просьбѣ ея, была заколота ножомъ противъ самаго сердца; ее сожгли послѣ того на верьху ближней горы, въ томъ же плащѣ, въ какомъ была, вмѣстѣ съ ножикомъ, кроильною дощечкою и иголками съ нитками.

Приспавшихъ къ берегу гостей, встрѣчаютъ съ крикомъ, и бросаютъ въ воду камня, въ знакъ дружбы; послѣ того переводятъ приѣзжихъ и ихъ поклажу чрезъ огонь, для сего разводимый, въ который подбрасываютъ куски жиру. Обрядъ сей соблюденъ былъ при вступленіи на Чукотскую землю Капитана *Биллингса* и его сопутниковъ, при которомъ случаѣ, для вящей дружбы, помѣнялся сей море-

плаватель съ Чукопскимъ старшиною, по сего предложенію, на верхнее плащье, давъ ему въ замѣнѣ ровдужной камлеи, отъ него полученной, бѣлую рубашку, которую надѣлъ прежде сверхъ своего плащья.

Празднества Чукчей состоятъ иногда зимою въ ѣздѣ въ запуски на санкахъ, запряженныхъ двумя оленями; побѣдитель получаетъ награду въ сѣбстиныхъ припасахъ и пабакъ, которую дѣлитъ съ принимавшими участие въ сей ѣздѣ. Кромѣ сего въ обыкновеніи также бѣганіе въ обширномъ кругѣ, и борьба; побѣдитель въ оныхъ получаетъ похвалу отъ всѣхъ, и весьма почитаемъ бываетъ за его силу и проворство.

Кукъ, зайдя въ Іюль мѣсяцѣ 1778 года въ губу *Св. Лаврентія*, посѣдилъ тамъ, по всему въроятію, *Сидячихъ* Чукчей. Сей славный мореходецъ упоминаетъ въ своемъ путешествіи, (1) что ихъ плащье состоитъ изъ шляпы, покрывающей лобъ, куртки, штановъ, сапоговъ и перчатокъ; всѣ сіи вещи изъ оленьихъ кожъ, очень хорошо выдѣланныхъ, или же изъ собачьихъ или тюленьихъ, изъ коихъ нѣкоторые и съ шерстью. Въ путешествіи же *Вице-Адмирала Г. А. Сарычева* упоминается, что они носятъ лѣшомъ и кишечныя камлеи; зимнее же плащье и обувь шьютъ изъ оленьихъ и другихъ звѣриныхъ кожъ. Ихъ орудія состоятъ также изъ луковъ со стрѣлами, и изъ

---

(1) Troisième voyage de Cook, traduit de l'anglois par M. D. . . . Tome sixième Chapitre IX.

копья, которое носятъ на ремнѣ, но есть также и алебарды. По замѣчанію *Кука*, концы стрѣлъ сдѣланы изъ камня или кости, немногіе зубчаты, а нѣкоторыя прищиплены, вѣроятно для того чтобы не портилась мѣха малыхъ звѣрковъ; концы же копья и алебардъ желѣзные или стальные, Европейской или Азіатской работы, украшены рѣзною работою и выложены для украшенія бѣлымъ металломъ. Колчаны ихъ отъ части изъ красной кожи изящно вышиты, и украшены различнымъ образомъ. Какъ въ плащѣ, такъ и въ другихъ вещахъ Сидячихъ Чукчей примѣтно отличное искусство. О ихъ жилищахъ упомянуто уже въ предвѣдущей главѣ. Пропитаніе же имѣютъ, подобно Сидячимъ Корякамъ, отъ промысла въ морѣ рыбы и звѣрей морскихъ. Для сего выбѣгаютъ въ море въ большихъ кожаныхъ байдарахъ, длиною отъ 20 до 25, шириною до 4, а глубиною до $2\frac{1}{2}$ футовъ; основа сихъ байдаръ состоитъ изъ весьма тонко выдѣланныхъ щепковъ, связанныхъ между собою волокнами изъ раздѣленныхъ кишовыхъ усовъ; обтягиваютъ оную моржовою кожею, распластанною на двое или на шрое, смотря по толстотѣ. Сии байдары столь легки, что одну несутъ два человѣка на себѣ безъ всякаго труда. Ходятъ въ нихъ въ море больше на греблѣ веслами; а когда вздумаютъ употребить паруса, то подвизываютъ подъ бока байдары надутые пузыри, для безопасности, чтобы байдара не опрокинулась; въ заливахъ же идутъ иногда около берега на бичевой, которую тянутъ собаки. И такъ

изъ сихъ промысловъ достаютъ себѣ разнаго рода рыбу и морскихъ звѣрей, и моржовые зубы, на которыя вещи получающъ они отъ Оленныхъ Чукчей нужныя имъ олени и другія кожи, табакъ, желѣзные издѣлія и разные другіе Россійскіе товары. По неимѣнію оленей употребляютъ для зимней ѣзды собакъ, которыя запрягаютъ въ сани со всѣмъ отличнымъ образомъ отъ Камчатскаго, а именно по шести рядомъ, одна подлѣ другой, и очень близко къ санямъ, дабы ихъ можно было доставать плешью. Сѣдокъ управляетъ при поворачиваніи, удара по собакамъ и махая плешью съ проливной спороны, въ которую поворочить должно. Санки же ихъ небольшія и низкія, имѣющъ полозья сдѣланные изъ моржовыхъ зубовъ.

Сидячіе Чукчи, по замѣчанію *Кюка*, очень боязливы и осторожны; ихъ нравъ въ другихъ отношеніяхъ такъ какъ и ихъ обычаи и обряды, еще по нынѣ неизвѣстны. Вице-Адмиралъ Г. А. *Сарышевъ* упоминаетъ въ своемъ путешествіи, что вообще какъ Оленные такъ и Сидячіе Чукчи не имѣютъ начальниковъ или особенныхъ властей; а раздѣляются на небольшія общества, состоящія изъ нѣсколькихъ семей соединенныхъ родствомъ или дружбою. Хотя и почитаютъ въ каждомъ такомъ обществѣ одного, который богаче прочихъ и имѣетъ большое семейство, но онъ не имѣетъ власти наказывать, а можетъ только давать совѣты, и одними словами спараться отклонять отъ худыхъ поступковъ. В.

ГЛАВА XXII.

О Курильскомъ народѣ.

Курильской народѣ жиціемъ своимъ такъ сходенъ съ Камчадалами, что не надлежало бы особо и писать о немъ, естли бы въ тѣлесномъ видѣ и въ языкѣ не было различія. Откуда сей народъ имѣетъ происхождение, о томъ столь же мало извѣстно, какъ и о другихъ Камчатскихъ народахъ; а можно ли по ихъ языку сколько нибудь изслѣдовать, оное оставяется такимъ людямъ, кои въ томъ прудятся по искусству своему и по должности: чего ради и приобщено на концѣ сей главы собраніе словъ Курильскаго языка (1).

---

(1) Курильцами называются вообще жители двадцати двухъ Курильскихъ острововъ, изъ коихъ осьмнадцать сѣверныхъ принадлежатъ Россіи, южные же четыре заняты Японцами; о чемъ уже упомянуто было въ замѣчаніяхъ на главу IX первой части. Извѣстные мореплаватели *Лалерцъ*, *Крузенштернъ* и *Головинъ* полагаютъ, что судя по обычаямъ и наружному виду жителей *Сахалина*, и по немалому сходству ихъ языка съ Курильскимъ, сіи жители общее происхождение имѣть должны съ Курильцами. В.

Сей народъ роста средняго, волосомъ черенъ, лицомъ кругловащъ и смугль, но гораздо пригожѣ другихъ народовъ. Бороды у нихъ большія окладистыя, тѣло мохнатое, въ чемъ состоитъ значная разность отъ Камчадаловъ.

Мужеской полъ волосы напереди брѣшъ до самой верхушки, а назади ростящъ, въ чемъ съ Японцами имѣютъ сходство; отъ которыхъ, можетъ быть, по причинѣ бывшей прежде сего торговли и обычай оной приняли; а женской покмо подрѣзываютъ ихъ спереди, чщобъ глаза не закрывали. Губы у мужчинъ на срединѣ покмо, а у женщинъ всѣ вычернены, и вокругъ разшипы узорами (1). Сверхъ того и руки разшиваютъ онѣ почши по локоть, въ чемъ нѣсколько

(1) Курильцы принадлежатъ острова *Рашица*, которыхъ флота Капитанъ Головинъ видѣлъ въ 1811 году на островѣ *Урбигъ*, Японцамъ принадлежащемъ, разнствуютъ нѣсколько въ семъ отношеніи; ибо по его замѣчанію мужчины волосы носятъ такъ какъ Рускіе ямщики, и не имѣютъ никакихъ искусственныхъ украшеній на лицѣ и на тѣлѣ; женщины же выкрашиваютъ брови и ротъ кругомъ по губамъ на $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{4}$ дюйма синею краскою, испещряютъ руки, и украшаютъ паркы на спинѣ, въ нѣсколько рядовъ носами шпорковъ (*морскихъ полуцаевъ*). Ру-

сходствуютъ съ Чукчами и Тунгусами. Всѣ вообще носятъ въ ушахъ большія серебряныя кольца, которыя прежде сего получали отъ Японцевъ же.

Плащье носятъ изъ кожъ морскихъ птицъ, также лисье, бобровое и изъ другихъ морскихъ звѣрей, которое шьютъ по Тунгускому образцу, то есть распашное, а не по Камчатскому; при чемъ не наблюдаюшъ того, чтобъ плащье было изъ одной матеріи, но шьютъ изъ чего прилучится, такъ что и по нынѣ рѣдкую Курильскую парку увидишь, которая бы не изъ лоскупья разныхъ звѣрей и птицъ была сдѣлана.

До богатаго по тамошнему мѣсту плащья, каково на примѣрѣ суконное, камчатское и прочая, великіе охотники, токмо

скіе Курильцы вообще брѣютъ нынѣ бороды, Японскіе же, или такъ называемые мохнатые Курильцы и Сахалинцы, имѣютъ длинныя бороды. *Матсмайскіе* Курильцы довольно высоки, спашны, проворны и гораздо виднѣе и мужественнѣе *Россійскихъ* Курильцевъ и пѣхъ, кои обитаютъ на островахъ *Итирлѣ* и *Кунаширѣ*. Ихъ языкъ хотя и содержитъ еще много Курильскихъ словъ, но столь уже отъ Курильскаго опличенъ, что жители прочихъ Курильскихъ острововъ съ ними только съ большимъ трудомъ объясняться могутъ. В.

весьма небрежливы. Въ лучшемъ аломъ кармазинномъ кафтанѣ шюленя на себѣ неспи не успыдился, не взирая на то, что измараепъ плащѣ, которое ему споипѣ дорого. На покрой не много же смопрятѣ: все имѣ равно, мѣшкомъ ли плащѣ сшипо или по-коспи, только бы ему цвѣтѣ былѣ любѣ, да надѣтѣ на себя лъзя было. Спеллерѣ пишепѣ, что нѣкопорому Курильцу камчашная пѣлогрѣя понравилась, въ которой онѣ ходилѣ обзираясь и любуюсь ею, не смопрят на то, что козаки смѣялись надѣ нимѣ, что онѣ носипѣ женское плащѣ. Ему, можепѣ бытѣ, казалось равно всякое плащѣ: ибо у нихѣ въ своемѣ плащѣ разности нѣпѣ между мужескимѣ и женскимѣ (1).

Живупѣ въ такихѣ же юрпахѣ какѣ Камчадалы, токмо ихѣ держапѣ нѣсколько чище, убирая спѣбны и полки правяными рогожами. Пипапѣтся наибольше морскими звѣрями, а рыбы промышляюпѣ мало.

---

(1) Японскіе Курильцы носятѣ плащѣ на Японскій покрой, лѣтомѣ изѣ пеньковой шкани, похожей на небѣленную парусину, а зимою изѣ звѣриныхѣ кожѣ, изѣ коихѣ медвѣжьи и собачьи болѣ въ употребленіи; для старшинѣ же шьютѣ Японцы бумажное и шелковое плащѣ. Живупѣ вообще нечисто и неопрятно; лица, рукѣ и плащѣ никогда не моютѣ. В.

Бога споль же мало знаютъ, какъ и Камчадалы. Въ юртахъ имѣютъ вмѣсто идоловъ кудрявыя спружки, копорыя они весьма хипро дѣлаютъ. Сии спружки называютъ они Ингуль или Иннаху, и содержатъ въ нѣкоемъ почтеніи; однако не могъ я того вывѣдать, за бѣсовъ ли они ихъ вѣняютъ или за Бога. Въ жертву приносятъ имъ первопромышленнаго звѣря, при чемъ мясо сами сѣдаютъ, а кожу при нихъ вѣшаютъ, и когда юрты за вѣхостию оставляютъ, то не берутъ съ собою изъ нихъ ни жершвенныхъ кожъ, ни спружекъ, впрочемъ носятъ они съ собою оныя спружки во всякіе опасныя пупи на морѣ, и бросаютъ въ случаѣ бѣдствія въ воду, а наипаче въ сувои, что между первымъ Курильскимъ островомъ и лопаткою, копорыя пѣмъ умилоспивитъ надѣются. Такой образъ идолослуженія приняли отъ Курилъ и южныя Камчадалы, кои живутъ на первомъ Курильскомъ острову и на лопаткѣ, какъ надежное средство къ безопасному плаванію по морю (1).

---

(1) Сіе относится къ тогдашнему времени, нынѣ же Россійскіе Курильцы перекрещены въ православную Греко-Россійскую вѣру. Японскіе же Курильцы вѣрятъ двумъ духамъ, доброму и злому; перваго призываютъ, выставя на своемъ жилищѣ

Лѣтомъ ѣздящѣ на байдарахъ, а зимою ходящѣ на лыжахъ, ибо собакъ не держатъ и не имѣютъ (1). Мужескіе главные промыслы морскихъ звѣрей; женщины по примѣру Камчадаловъ въ шипъ и въ плетень чиреловъ упражняются, а въ лѣпнее время ѣздящѣ съ мужьями и на промыслы въ гребль (2).

пучокъ стружковъ вмѣстѣ связанныхъ; признаютъ также солнце и луну божествами, но не имѣютъ никакихъ обрядовъ поклоненія, ни храмовъ, ни священнослужителей. В.

(1) По замѣчанію Капитана Головнина, ѣздящѣ нынѣ уже на собакахъ жителя оспрововъ *Сумцу* и *Пирамцшрѣ*, ближайшихъ къ Камчаткѣ; жители же прочихъ Россійскихъ Курильскихъ оспрововъ, держатъ иногда собакъ для правли лисиць. В.

(2) Кромѣ морскихъ звѣрей, какъ то: морскихъ бобровъ (кои уже очень рѣдко попадаются) сивучей и тюленей, промышляютъ Курильцы разнаго рода лисиць и орловъ, разныхъ морскихъ пптиць и рыбу, которая водится въ небольшемъ количествѣ. Изъ пптичьихъ кожъ шьютъ себѣ парки, изъ пптичьего жиру топятъ масло, а пптичье мясо копченое составляетъ ихъ зимній запасъ вмѣстѣ съ черемшею, сараною, морскими ракушками, и разнаго рода морскими растеніями. На промыслахъ употребляютъ нынѣ кромѣ луковъ со стрѣлами и ружье

Что касается до ихъ обычаевъ, то они несравненно учтивѣ другихъ народовъ, а при томъ постоянны, праводушны, честнолюбивы и кропки. Говорятъ тихо не перебивая другъ у друга рѣчи, какъ сидячіе Коряки. Старыхъ людей имбюпъ въ великомъ почтеніи. Между собою живутъ весьма любовно, особливо же горячи къ своимъ сродникамъ (1). Пріятное, сказывающъ, позорище,

---

или паче виншовки; лисицъ ловятъ также въ кляпцахъ и въ петляхъ.

По запискамъ флота Капитана Головина, жители крайнихъ Россійскихъ Курильскихъ острововъ имбли прежде сего торговое сношеніе съ Японцами, живущими на южныхъ Курильскихъ островахъ, Японіи принадлежащихъ. Они привозили шуда мѣха морскихъ бобровъ, пюленьи кожи, и орлиные хвосты и крылья; въ замѣнъ коихъ получали отъ Японцевъ сорочинское пшено, бумажные и шелковые халашы, табакъ, курительныя трубки, деревянную посуду и другія мѣлочи. Но нынѣ уже сія торговля прекращена, по повелѣнію Японскаго Правительства. В.

(1) Привѣтствіе ихъ состоитъ, по запискамъ флота Капитана Головина, не въ поклонахъ, а въ поднятіи обѣихъ рукъ съ распростертыми пальцами къ лицу, которые потомъ опускаютъ весьма тихо по бородѣ, какъ бы глядя оную, до самаго жи-

когда бываетъ между живущими по разнымъ островамъ свиданіе: прїбжжіе съ байдаръ своихъ, а жители изъ юртъ съ великими обрядами сходятся; обѣ стороны одѣты бываютъ въ военное платье и съ оружіемъ, махая саблями и копьями, натягивая другъ противъ друга луки, такъ какъ бы бытъ сущему сраженію, а при томъ всѣ пляшутъ. Сошедшись вмѣстѣ оказываютъ всякіе знаки радости: обнимаютъ, лобызаютъ и плачутъ отъ радости. Послѣ того приводятъ гостей въ свои жилища, сажаютъ ихъ, подчиваютъ предсоя, и слушая вѣспей о ихъ приключеніяхъ случившихся въ разлученіи. Должность рассказывать никому не поручается кромѣ спаршаго. Онъ какъ ораторъ объявляетъ о всѣхъ мѣлочахъ, какъ промыляли, какъ жили, куда ходили, что видѣли, съ кѣмъ учинилось щастіе или нещастіе, кто немогъ или умеръ, и отъ какой причины; и иногда болѣе прехъ часовъ продолжаетъ рѣчь свою, а прочіе слушаютъ со вниманіемъ. Когда гость окон-

---

воша, при чемъ наклоняютъ немного голову смотря пристально въ глаза привѣщаемой особы. Сіи привѣтствія повторяютъ къ почтеннымъ особамъ два или три раза. Садятся поджавъ ноги или сложа ихъ крестъ на крестъ, какъ портняе. До табаку и крѣпкихъ напитковъ великіе охотники. В.

чипѣ рѣчь свою, то изъ шутошнихъ житепелей старшій подобнымъ образомъ рассказываетъ про свое жительство и промыслы, и прежде того никому другъ съ другомъ говорить не лзя. Послѣ того или сбшуютъ, или веселятся по вѣспямъ смотря, а наконецъ поржеспвуютъ по своимъ обычаямъ, бдятъ, пляшутъ, поютъ и рассказываютъ сказки (1).

Что касается до прочихъ обрядовъ, каковы напримѣръ сватанье, свадьбы, родины, дѣшей воспитаніе; въ томъ они отъ Камчадаловъ не разспвуютъ. Женъ имѣютъ по двѣ и по три, и вмѣстѣ съ ними никогда не спятъ, но въ ночное время приходятъ къ нимъ какъ бы украдкою, по примѣру Татаръ Махометанскаго закона, кои къ невѣстамъ своимъ приходятъ аки бы тайно, пока калыму не заплачатъ по договору. Есть же у нихъ и Коѣкчучи, какъ у Коряковъ и Камчадаловъ.

Буде кто у нихъ приличится въ прелюбодѣніи, то бываетъ спранный поединокъ, на которомъ бьются они палкою, а вызываетъ на оной прелюбодѣецъ мужа прелюбодѣйницы: раздѣваются оба до нага, и разлятъ другъ друга по спинѣ. Которой вы-

---

(1) Пѣсни ихъ очень непріятны, а пляска состоитъ въ однихъ кривляніяхъ. В.

зываетъ, потѣ сперва при раза отѣ вызваннаго долженъ вытерпѣть, а потѣмъ беретъ у него палку, и бьетъ равнымъ образомъ, и такъ перемѣняются до трехъ разъ. Сіе побоище много у нихъ въку уноситъ: ибо бьются они, сколько есть мочи, а палка бываетъ толщиною въ руку, а длиною близко аршина. Нейши на поединокъ пакоежъ безчестіе, какъ у нѣкоторыхъ Европейскихъ народовъ. Ежели же кто предпочтетъ свое здоровье, и опречется отъ бою, потѣ долженъ заплатить мужу прелюбодѣйцы такое безчестіе, какого онъ попребуетъ, звѣрми, плашьемъ, кормомъ и другими вещами.

Родины у женщинъ ихъ гораздо тяжель Камчатскихъ: ибо онѣ, по объявленію самихъ Курильцовъ, мѣсяца по три оправляются. Младенцамъ имена даютъ бабки повивальныя, которыхъ они никогда не перемѣняютъ. Изъ двойнишныхъ одного всегда убиваютъ.

Имена мужескія. Имена женскія.

Липага.

Афака.

Епеханъ.

Заагшѣмъ.

Тапалъ, черной.

Чакава.

Пиканкуръ.

Казукъ, плачущая, отъ

Галгалъ.

того, что родилась

Темпше.

она въ самое время покоренія страны ихъ.

Умершихъ зимою хоронятъ въ снѣгъ, а лѣтомъ въ землю. Самоубійства и въ семъ народѣ не меньше бываетъ какъ у Камчадаловъ, токмо того не слышно, чѣмъ они морили себя голодомъ.

Курильцовъ, которые живутъ на первомъ острову и на лопаткѣ, съ семи Курилами за одинъ народъ почитать не должно, ибо оныя сущіе Камчадалы, какъ ужé выше показано.

Собрание словъ Курильскаго языка.

Богъ, камуй.	Упро, нисіапъ.
Дьяволъ, уинъ-камуй.	Полдень, побананашки.
Небо, ниссъ.	Вечеръ, онууманъ.
Облака, уураръ.	Ночь, сиркуннѣ.
Вѣпръ, кеера.	Полночь, упаканнашки.
Буря, ісіупу.	Годъ, пыюанъ.
Дождь, сиругѣнъ.	Земля, копанъ.
Снѣгъ, упашъ.	Гора, опгуръ.
Градъ, каукигъ.	Пригорокъ, бннанъ-опгуръ.
Громъ, умъ.	Огонь, апи.
Молнія, камуй-сіу-унѣ.	Дымъ, сіупуя.
Солнце, } чуппу.	Жаръ, апиушашъ.
Луна, }	Вода, пи.
Звѣзда, кеша.	Поле, сіешъ.
День, шо.	

Дорога, ру.	Голова, паопѣ.
Лѣсѣ, ни.	Волосы, чу.
Дерево, янпураснѣ.	Борода, прекѣ.
Море, апуйка.	Глаза, сикѣ.
Озеро, шо.	Уши, ксарѣ.
Рѣка, пепѣ.	Носѣ, епу.
Рѣчка, мемѣ.	Ропѣ, чарѣ.
Песокѣ, опѣ.	Губы, чаашѣи.
Грязь, шейнишой.	Языкѣ, аху.
Камень, поина.	Щоки, нупкиху.
Желѣзо, каани.	Подбородокѣ, сеурѣ.
Человѣкѣ, аину.	Плечо, тапсѣштѣ.
Опецѣ, мѣчи.	Рука, шекѣ.
Мать, апу.	Перспѣ, моакѣ.
Сынѣ, кпугу.	Грудь, рамушѣрѣ.
Дочь, кпоммачѣ.	Сердце, сампѣ.
Братѣ большой, кѣу-	Брюхо, псе.
пѣ.	Внутреннее, канка.
— — — — — меньшей, какѣ.	Пузырь, псѣхчингѣ-
Сестра большая, кса	чу.
— — — — — меньшая, уар-	Тайной удѣ муже-
мапѣ.	ской, чи.
Мужѣ, какаид.	— — — — — женской,
Жена, кмачѣ.	чипѣ.
Отрокѣ, пѣмпу.	Спина, сепѣурѣ.
Дѣвочка, пѣмапѣ.	Нѣги, кема.
Господинѣ, понѣ.	Плашѣе, урѣ.
Слуга, усиху.	Шапка, кѣнчи.
Служанка, кусѣугѣ.	Штаны, оид.

Обувь, кирѣ.
 Оспрѣгѣ, копанунѣ.
 Юрта, че.
 Дверь, пуюрѣ.
 Постеля, со.
 Кошелѣ, сю.
 Деревянная ихѣ посу-
 да, кипчи.
 Ножѣ, епира.
 Ложка, пасуй.
 Лукѣ, ку.
 Спрѣла, ахи.
 Санки, шкени.
 Байдара, чипѣ.
 Причалѣ, шурѣ.
 Топорѣ, укарѣ.
 Рыба, сичипѣ.
 Икра, ома.
 Мясо, камѣ.
 Соль, сиппуй.
 Трава, мунѣ.
 Листѣ, нѣпѣ.
 Корень, синрипѣ.
 Лицо, нѣки.
 Сыпѣ, касинуй.
 Голоденѣ, исарѣ.
 Жажденѣ, ипекрейкѣ.
 Ъспѣ, ишама.
 Пить, кпекрейгуйа.

Спать, кмѣокроси-
 ва.
 Говорить, кѣшкпро-
 сива.
 Молчи, ейн-кишкпро-
 сива.
 Ъхашѣ, окѣмокроси-
 ва.
 Ишпи, сачѣпеека-ко-
 монросива.
 Я спую, канига-ка-
 сѣануа.
 Ты споишь, еа сѣана.
 Онѣ споишѣ, еа сѣа-
 нуа.
 Мы споимѣ, рѣски-
 еарасюга.
 Вы споите, еинкечь-
 роскиеиранѣ.
 Они споятѣ, ѣкая-
 роски чуа.
 Сплю, кмѣкуруа.
 Вижу, кѣнкаруа.
 Не вижу, ейнѣ-кин-
 каруа.
 Не сплю, ейнѣ-кму-
 каруа.
 Смѣюся, кмейнуа.
 Плачу, кчишѣануа.

70, аруануампé.	1000, уáнопнеуампе.
80, пубисануампé.	2000, пуáнопнеуам-
90, синеписануампé.	пе.
100, уáнуампе.	10000, шéваноннеу-
200, шуáнуампе.	ампе.

Названія звѣрямъ, птицамъ, рыбамъ и другимъ извѣстнымъ имъ вещамъ на-
шуральнымъ.

Лисицы, кимушпé.	Гоголи, чахчирь.
Волки, орѣу.	Крохали, ту́ипе.
Горношаи, танцерумъ,	Гагары, сесъ.
Собака, спану́.	Немки, ну́кеслу.
Мышь, ерму́.	Орлы, сургурь.
Киты, рика.	Ястребы, кинкису́пъ.
Киты морскіе, оннѣпъ.	Мышеловы, расамий.
Сивучи, епаслэ.	Вороны, пáскурь.
Бобры морскіе, раку́.	Сороки, какукъ.
Перлы большія, ретал-	Ласпочки } куяканá
— — песпрыя, сiаншо-	Сприжи } пайкапчирь.
— — раси.	Синицы, пайкапчирь.
— — полосатыя, каанекъ	Куронапки, нѣнуе.
— — голыя, амуспé.	Кулики, ёчкумамуе.
Свинки морскія, оку́.	Зуйки, пѣпорой.
Бѣлуги, бѣзчурика.	Жаворонки, рикичирь.
Гуси, куйшупъ.	Кокушки, каккòкъ
Селезни, сáанчичь.	Чайки бѣлыя большія,
Острохвосты, каака-	— — оннемась.
— — риху.	Чайки черныя большія,
Чернети, личирь.	— — пби́апшфъ.
Чирки, туури́е.	— — малыя, кero.
	Мардышки, сичаача.

- Савки, аанга.
 Игълмы, ёшубирга.
 Ару, аара.
 Уриль, уриль.
 Старики, гёкачичпръ.
 Красная рыба, Сійчинъ.
 Камбала, панлака.
 Чавыча, чивырра.
 Кеша, сипё.
 Горбуша, сіакипа.
 Гольцы, усуркума.
 Быки, сіссятки.
 Бѣлая рыба, кірурша.
 Кунжа, окорра.
 Скапъ, ұшпануару.
 Сука рыба, руанипё.
 Налимъ морской, сир-
 бוךъ.
 Раки морскіе, сиріаръ.
 Ольховникъ, асъ.
- Рябинникъ, коксуени.
 Сланецъ, паксенни.
 Жимолоспникъ, паішку-
 рачкумамай.
 Шиповникъ, кобоконъ
 Тальникъ, сусу.
 Морошка, апиуменипъ.
 Голубица, ёнумукута.
 Водяница, ёчкумамай.
 Брусница, нипоккинъ.
 Княженица, нукаруръ.
 Толокнянка, акагкапу.
 Клюква, асыпъ.
 Каууста морская боль-
 шая, ктусасъ.
 ——— малая съ краснымъ
 листьемъ, маруай.
 ——— особливаго рода,
 ирпётъ.
-

ГЛАВА ХХІІІ.

О Сѣверо-западныхъ Американцахъ и о жителяхъ острововъ, лежащихъ между Сѣверо-восточною Азією и Сѣверо-западною Америкою.

Жители Сѣверо-западной Америки сущь пакой же дикой народъ, какъ Коряки и Чукчи. Собою они плошны, плечиспы и коренаспы, роспу средняго, волосы на головахъ имбюшъ черные прямые, которые они распуспя носятъ. Лица у нихъ смугловашья, и какъ шарелка плоскія, носы покляпые, шокмо не весьма широкіе, глаза черные какъ уголь, губы полшшья, бороды малыя, шеи коропкія (1).

---

(1) Сіе описаніе Крашенинникова составлено по запискамъ Адбюнкта *стеллера*, кошорый видѣлъ нѣсколько человѣкъ Американцевъ, находившихся ради промысла на одномъ изъ *Шумагитскихъ* острововъ. Оно опносится, слѣдовашельно только къ тамошнимъ сосѣдшвеннымъ жителямъ *Алякстцалъ*. По запискамъ Академика *Лангсдорфа* (*Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803*

Ходящъ въ рубахахъ съ рукавами длиною ниже колѣна, копорыя ремнями подпоясывающъ подъ брюхо. Шпаны и торбасы ихъ изъ шюленьихъ кожъ, выкрашенныхъ ольхою, много походящъ на Камчатскія. На поясахъ ножи желѣзные съ череньями, каковы наши мужики носятъ. Шляпы у нихъ изъ правы плетеныя, какъ у Камчадаловъ, безъ верху наподобіе Умбракуловъ, выкрашены зеленою и красною красками съ сокольими напереді перьями, или

---

bis 1807 zweyter Band pag. 202.) опличаются *Аляксинцы*, въ наружномъ ихъ видѣ, весьма мало отъ ниже сего описуемыхъ *Коняговъ*; кромѣ только, что имѣютъ усы и малую бороду подъ нижнею губою, такъ какъ древніе Испанцы. Нравы, обычаи и отъ части одежда и языкъ общіе у обоихъ народовъ; но въ пици имѣютъ *Аляксинцы* важную выгоду передъ *Конягами*, ибо на полуостровѣ *Аляксѣ* (врежде *Аляксѣ*) водятся во множествѣ дикіе олени и дикіе бараны, коихъ промышляютъ обыкновенно осенью; кожи сихъ звѣрей служатъ имъ также для одежды. Живутъ въ малыхъ хижинахъ, землею покрытыхъ, у коихъ входъ бываетъ столь низокъ, что въ оныя только ползкомъ войти возможно; огонь разводятъ посреди хижины, которая вообще содержитя опрятнѣе, нежели какъ сіе у *Коняговъ* въ обыкновеніи. В.

сѣчесаною правою, какъ бы сѣплюмажемъ, каковы употребляютъ Американцы около Бразиліи. Питаются рыбою, морскими звѣрьми и сладкою правою, которую заготовляютъ по Камчатски; сверхъ того примѣчательны у нихъ пополовая и сосновая кора сушеная, которая не токмо на Камчаткѣ, но и по всей Сибири и въ самой Россіи, даже до Вяшки, въ нужномъ случаѣ употребляется въ пищу, да морская права складеная кипами, которая и видомъ и крепостью какъ ремни сыромятные. Вина и табаку они не знаютъ, къ истинному доказательству, что у нихъ сѣ Европейцами по нѣмъ нѣтъ обхожденія.

За особое украшеніе почитаютъ пронимать въ разныхъ мѣстахъ на лицѣ мочки, въ которыя вставляють разные камни и кости. Иные носятъ въ ноздряхъ аспидныя палочки или грифели длиною около двухъ вершковъ; иные носятъ такой же величины подъ нижнею губою.

Народъ, которой живетъ по островамъ около Чукопскаго носа, и имѣетъ сѣ Чукчами обхожденіе, сѣ сими людьми конечно одного роду; ибо и у онаго вставляють кости за красу почитается. Покойный Маіоръ господинъ Павлуцкій, по бывшемъ нѣкогда сраженіи сѣ Чукчами, нашелъ между

мершвыми Чукопскими тѣлами двухъ чело-
вѣкъ того народа, у которыхъ по два зуба
моржовыхъ подѣ носомъ были вставлены
въ нарочно сдѣланныхъ скважинахъ: чего
ради памошніе жипели и называющъ ихъ
зубашыми. А приходили они, по объявле-
нію плѣнниковъ, не для вспоможенія Чук-
чамъ, но посмопрѣшь, какъ они съ Россія-
нами бьются.

Изъ сего заключить можно, что Чукчи
говорящъ съ ними или однимъ языкомъ,
или по крайней мѣрѣ такъ сходнымъ, что
другъ друга могутъ разумѣть безъ пере-
водчика, слѣдовательно языкъ ихъ немалое
сходство имѣетъ съ Коряцкимъ (1); ибо Чу-
копской языкъ происходитъ отъ Коряцкаго,
а различуется отъ него токмо въ діалектѣ;
однако Коряцкіе полмачи могутъ съ ними
говорить безъ всякой нужды. Чшожъ госпо-
динъ Шеллеръ пишеть, что ни одинъ изъ
нашихъ полмачей не могъ разумѣть языка
Американскаго, оное производитъ, можетъ

---

(1) Нынѣ напрошивъ того извѣстно, что на-
рѣчіе ближайшихъ къ Азіи приморскихъ жипелей
Сѣверо-Западной Америки, и именно жипелей
Мортонова залива, отъ части сходствуется съ язы-
комъ Сидячихъ Чукчей, который совершенно раз-
личенъ отъ Коряцкаго. В.

быть, отъ великой разности въ діалектѣ, или отъ особливаго произношенія, которое не токмо между дикими жителями Камчатскими примѣчается, но и между Европейскими народами въ различныхъ провинціяхъ. На Камчаткѣ нѣтъ такого почти оспрожка, въ которомъ бы не было разности въ языкѣ отъ другаго самаго ближайшаго. А которые оспрожки въ разстояніи между собою нѣсколькихъ сотъ верстъ, тѣ уже разумѣютъ другъ друга не безъ трудности.

Между Американцами и Камчатскими народами сіи примѣчанія доспойныя сходства усмотрѣны: 1) что Американцы лицемъ походятъ на Камчадаловъ (1); 2) что они сладкую праву запасаютъ такимъ же образомъ, какъ Камчадалы, чего нигдѣ индѣ никогда не примѣчено; 3) что и у нихъ огнива деревянные; 4) что по многимъ признакамъ догадываются, что у нихъ шопоры каменныежъ или костяные въ употребленіи, и господинъ Спеллеръ не безъ основанія думаетъ, что Американцы имѣли нѣкогда съ Камчатскими народами сообщеніе; 5) что плащѣ и шляпы ихъ отъ Камчатскихъ не разнспвуютъ; 6) что они кожи ольхою

---

(1) По запискамъ *стеллера* походятъ они на *Коряковъ*. В.

красящѣ по Камчатскиже, по копорымѣ признакамѣ можешѣ быть и произошли опѣ одного поколѣнія, Сіе самое, по егожѣ справедливому мнѣнію, можешѣ служишѣ и къ рѣшенію извѣстнаго онаго вопроса, *откуда жители въ Америкѣ?* ибо хотя положимъ, что между Америкою и Азіею не было никогда соединенія, однако въ разсужденіи близости обѣихъ частей свѣта въ сѣверѣ никшо не скажешѣ, чтобѣ изъ Азіи не лзя было переселишѣя жишелямѣ въ Америку, особливо же что довольно оспроровѣ и на маломѣ ономѣ разспояніи, которые не мало способствовашѣ могли къ преселенію.

Военныя ихѣ орудія лукѣ да стрѣлы. Каковы луки ихѣ, того сказать не можно, ибо не случилось ихѣ видѣшѣ, но стрѣлы ихѣ гораздо длиннѣ Камчадалскихѣ и весьма походящѣ на Тунгускія и Ташарскія (1). Копорыя нашимѣ попались, шѣ выкрашены были черною краскою, и такѣ гладко выпружены, что сумнѣвашѣя не лзя, чтобѣ у нихѣ и желѣзныхѣ инструментовѣ не было.

Американцы по морю плавають въ коженыхѣ байдарахѣ, такѣ же какѣ Коряки

---

(1) Стрѣлы бросаютѣ посредствомѣ дощечки, о чемѣ будетѣ ниже сего. В.

и Чукчи, Байдары ихъ длиною сажени по двѣ, а вышиною въ два фута, носы у нихъ острые, а дна плоскія. Внутреннее сложение ихъ состоитъ изъ шестовъ, копорые по обоимъ концамъ вмѣстѣ сплочены и распялены поперечными впорками. Кожи, копорыми онѣ вкругъ обтянушы, кажутся шюленьи, выкрашенныя вишневою краскою. Мѣсто, гдѣ сядяся, кругло, аршинахъ въ двухъ отъ кормы, обшиваеяся брюшиною, копорую помощію ремней, по краямъ протернушихъ, какъ кошелекъ спягивать и распягивать можно. Американецъ сѣвши въ помянутое мѣсто пропягиваетъ ноги и обвязываетъ вкругъ себя брюшину, чшобъ водѣ въ байдару попастъ не можно было. Гребущъ однимъ весломъ, длиною въ нѣскольکو сажень, на обѣ стороны попеременно, съ такимъ успѣхомъ, чшо имъ проотивныя вѣтры не много препяшсшвуютъ, и съ такою безопасностію, чшо они не смотря на ужасное морское волнение плавають не бояшся. Напротивъ того съ нѣкопорымъ ужасомъ смолчатъ не большія наши суда, когда оныя шапаются, и совѣшуютъ сидящимъ на нихъ, чшобъ береглись, дабы суда ихъ не опрокинулись. Сіе случилось съ ботомъ Гавриломъ, копорой за нѣскольکو лѣтъ ходилъ къ Чукошскому носу. Впрочемъ байдары

ихъ споль легки, что они ихъ носятъ одною рукою.

Когда Американцы незнаемыхъ людей увидяшь, то подгребая къ нимъ говоряшь долгую рѣчь; а колдовство ли то, или нѣкопороая церемонія для принятія чужестранныхъ, о томъ ничего заподлинно сказать не можно; ибо и то и другое у Курильцовъ въ употребленіи. Но прежде своего приближенія красятъ они щоки свои чернымъ карандашемъ, а ноздри запыкаюшь правою.

Въ приѣмъ гостей кажутся ласковыми, разговариваюшь охотно и дружески не спуская глазъ съ нихъ, подчиваюшь съ великимъ раболѣпствомъ, даряшь киповымъ жиромъ и карандашемъ, копорымъ щоки себѣ мажущъ, какъ выше показано, безъ сумнѣнія въ томъ увѣреніи, что объявленныя вещи и другимъ столькожъ какъ и имъ пріяшны.

П Р И Б А В Л Е Н І Е

КЪ ПРЕДЪИДУЩЕЙ ГЛАВЪ.

Берега Сѣверо-Западной Америки, и острова лежащія между Сѣверо-Восточною Азіею и Сѣверо-Западною Америкою, населены разными народами, имѣющими пропитаніе отъ промысла рыбы и морскихъ звѣрей, и отъ части отъ промысла земныхъ звѣрей. Сіи народы раздѣляются на *Алеутовъ*, *Аляксинцовъ*, жителей *Нортонова залива* и прилежащихъ береговъ Сѣверо-Западной Америки, *Коняговъ*, *Кенайцовъ*, *Чугачей*, *Угалахматовъ* и *Комежей*; и соспоятъ нынѣ подъ управленіемъ Россійской Американской Компаніи. Мы сообщаемъ здѣсь краткое ихъ описаніе, извлеченное изъ разныхъ Путешествій.

А Л Е У Т Ы.

Жители острововъ *Алеутскихъ*, *Андреевскихъ* и *Лисскихъ* называются вообще *Алеутами*. По описанію Вице-Адмирала Г. А. *Сарычева*, и отъ части по запискамъ *Кюка* и Академика *Лангсдорфа*, Алеуты сушь роста малаго, но статыны; лица имѣютъ пріятныя и благообразныя, хотя съ выдавшимися нѣсколько скулами; шеи коропкія, глаза и брови черныя, носы плоскіе, волосы на головѣ черныя и жесткіе, которые мужчины подрѣзываютъ съ переди, а съ зади распускаютъ; женщины же завязываютъ волосы въ

пучокъ повыше запылка, а передніе отъ половины головы зачесываютъ на лобъ, и обрѣзываютъ по самыя брови. Мущины имѣютъ очень мало волосъ на бородахъ, ибо они тѣ вырываютъ съ корнемъ; и видъ ихъ нѣсколько суровый, но непротивенъ. Женщины накалываютъ и нашиваютъ угольемъ на щекахъ по двѣ дорожки, отъ нижней части носа къ среднѣйшей ушей, и по широкой полосѣ отъ нижней губы къ подбородку; которыя когда зароснутъ, получаютъ синеватой цвѣтъ. Сверхъ сего носятъ онѣ подъ губами двѣ длинныя косточки, вставляемыя въ нарочно для сего тамъ сдѣланныя двѣ дыры; вокругъ краевъ ушей пришиваютъ голубой и бѣлой бисеръ; а передъ губами носятъ родъ длинныхъ серегъ, составленныхъ изъ чепырехъ нипокъ нанизанныхъ бисеромъ, кораллами и янтаремъ, которыя продаваютъ чрезъ дыру, въ носовой мякоти подъ хрящемъ прокалываемую. Нынѣ однако многія женщины переспяютъ безобразить себя такимъ образомъ, изъ угожденія къ Рускимъ. Прежде украшали себя отъ части и мущины вставляемыми подъ губами двумя длинными косточками, и продаваемою чрезъ мякоть носовую подъ хрящемъ длинною косточкою или грифелемъ. *Кукъ* видѣлъ еще въ 1778 году на *Уналашѣ* нѣсколько мущинъ съ симъ украшеніемъ, которое нынѣ ими уже вовсе оставлено.

Нравомъ Алеуты вообще тихи, миролюбивы, услужливы и послушны; одарены природнымъ разумомъ, довольно понятны, и имѣютъ многія способ-

ности. Сильнымъ спростямъ не подвержены, и при чрезвычайныхъ происшествіяхъ не видно на лицахъ ихъ ни досады, ни печали, ни радости. Воровства и прочихъ худыхъ склонностей въ нихъ не примѣтно, кромѣ лѣности и неблагодарности.

Одежда мужская состоитъ изъ парки длиною ниже колѣна, похожей на рубашку, и сдѣланной изъ кожъ морскихъ пщицъ, *Толоркали* называемыхъ; воротникъ у сей парки круглой стоячей, безъ разрѣза, обыкновенно изъ оленьей кожи. Для украшенія пришивается къ паркѣ нѣсколько козьей шерсти, и узенькіе ремешки изъ кожи морскихъ коповъ. Мущины надѣваютъ, выѣжая въ море, сверхъ сей парки рубашку съ капишономъ, сшипую изъ кишекъ морскихъ звѣрей, для предохраненія себя отъ дождя и морской воды; голову же покрываютъ деревянною овальною шляпою безъ верха, похожею на зонтикъ, и украшенною у верьху на передѣ одною или двумя костяными фигурами, и сивучьими усамнанизанными бисеромъ. По замѣчанію Академика *Лангсдорфа*, полагаюшъ они большую цѣну въ великомъ числѣ сихъ усовъ, ибо оныя составляютъ профей хорошаго промышленника; и сіе за тѣмъ, что у сивучей бываетъ только по чешыре, столь длинныя уса. Штаны и сапоги дѣлаюшъ изъ горла сивучей. Когда мущины сидятъ въ байдарахъ во всемъ своемъ нарядѣ, то имѣютъ видъ величественный; но сию кажутся не проворными и вялыми.

Женскія парки одинакаго покроя съ мужскими, и дѣлаются не изъ пщицъ кожъ, но изъ кожъ

морскихъ коповъ. Воротникъ у нихъ стоячій, шириною въ ладонь, украшенъ разными узорами изъ бисеру; и отъ передней части онаго виситъ нѣсколь-ко длинныхъ нитокъ, нанизанныхъ бисеромъ и ко-рольками; подолъ парки и концы рукавовъ обло-жены подзоромъ. Нарядное платье отличается толь-ко тѣмъ, что на немъ больше бисеру, и что на немъ нашита поперекъ рядами козья шерсть, и кругомъ обвѣшено корольками, топоровыми но-сиками и ремешками. На рукахъ и ногахъ носятъ женщины по нѣскольку нитокъ нанизанныхъ бисе-ромъ, а на перстахъ кольца, и ходятъ по большой части безъ обуви.

Алеуты живутъ въ юртахъ углубленныхъ въ зе-млю, имѣющихъ видъ не очень пространнаго четве-роугольника, изъ коихъ не многія длиною больше пятидесяти, а шириною больше двадцати Англин-скихъ футовъ. Крыша дѣлается плоская изъ выкиды-ваемыхъ моремъ бревенъ и вѣтвей, ибо на сихъ остро-вахъ не произрастаетъ никакого лѣсу; и покрывает-ся правою, на которую дѣлается насыпь изъ земли. По обоимъ концамъ четвероугольника, въ крыши на-ходятся отверстія, изъ коихъ одно для свѣта, а дру-гое для входа въ юрту; къ сему послѣднему приста-влено бревно съ вырубленными ступенями. Въ сихъ юртахъ разводятъ огонь весьма рѣдко, и единствен-но для варенія рыбы или мяса морскихъ звѣрей; но оныя освѣщаются по вечерамъ жженіемъ китоваго жира съ сухою правою, употребляемою вмѣсто свѣ-тильни; посуда къ сему служащая, или плошка, состо-

и пѣизъ плоскаго камня въ одномъ концѣ нѣсколько выдолбленнаго; симъ огнемъ нагрѣваютъ себя во время холода, ставя плѣшку подѣ платье, и закрывая воротникъ у парки, чтобы теплота не выходила. Огонь доспаютъ или посредствомъ удара камня о камень, изъ коихъ одинъ напираютъ сѣрою, или посредствомъ Камчатскаго деревяннаго огнива. Живутъ кругомъ около стѣнъ юрты семьями, въ сдѣланныхъ отдѣленіяхъ, гдѣ правыя рогожи постланы вмѣсто постелей; середина же юрты общая, выстилается правою; ее содержатъ весьма неопрятно, ибо льютъ туда помой и всякую нечистоту, отъ чего бываетъ сырость и духота, которыя по большей части и отъ того происходятъ, что каждая семья передѣ своимъ отдѣленіемъ скопляетъ въ деревянныхъ посудахъ мочу, употребляемую для крашенія травы, и для умыванія рукъ, вмѣсто мыла. Деревянная посуда ихъ состоитъ изъ лукошекъ для держанія въ нихъ воды. Жиръ киповой и пюлений хранятъ въ пузыряхъ, прочіе же сухіе припасы въ корзинкахъ или мѣшечкахъ, силешенныхъ изъ травы. Прежде варили рыбу въ каменныхъ прошивняхъ, но нынѣ варятъ пищу, по большей части, въ мѣдныхъ и желѣзныхъ кошлахъ, привозимыхъ изъ Сибири.

Мушины упражняются въ промыслѣ морскихъ бобровъ, (кои уже очень рѣдко попадаются близъ сихъ острововъ) сивучей, пюленей, киповъ, разнаго рода рыбы и птицъ, и дѣлаютъ разныя къ сему нужныя орудія, какъ то: байдары, весла, стрѣлы, доски

для бросанія стрѣлъ, уды, веревки, и прочая. Въ досужное время занимаются также обработываніемъ разныхъ издѣлій, служащихъ для игръ, домашняго употребленія или для украшенія, именно же: дѣланіемъ бубенъ, побрякушекъ изъ носиковъ попорковыхъ, деревянныхъ чашекъ и другой посуды, деревянныхъ шляпъ, также разныхъ рѣзныхъ изображеній изъ кости, какъ то человѣческихъ фигуръ, рыбъ, морскихъ звѣрей и птицъ, и въ сей рѣзбѣ оказываютъ нѣкоторые успѣхи. Упражненіе же женщинъ состоитъ въ плетеніи правяныхъ ковровъ, мѣшечковъ, корзинокъ и бумажниковъ, что дѣлаютъ съ опмѣннымъ искусствомъ, украшая оныя издѣлія разными симметрическими фигурами. Траву для сего раздѣляютъ на двое ногшемъ, который у каждой мастерицы опрощенъ и заостренъ бываетъ на указательномъ перстѣ. Такимъ же образомъ раздѣляютъ и жилы морскихъ звѣрей на тонкія волокны, изъ коихъ сучатъ одними пальцами самыя тонкія и ровныя нитки для шитья платья и обуви. Вышиваютъ съ великимъ искусствомъ узоры на кожѣ, выдѣланной изъ перепонки бывающей въ горлѣ птицъ; для сего употребляютъ вмѣсто нитокъ длинную козью шерсть, коею пришиваютъ волосы лошадиные, переплетая ихъ бѣлою оленью шерстью и разныхъ цвѣтовъ шелками; отъ чего сіе шитье походитъ на самой мѣлкой низаной бисеръ. Другія ихъ занятія суть обшиваніе байдаръ кожами, шитье разнаго платья и обуви, собираніе ягодъ и коренья для зимняго запасу, сушеніе рыбы, выдѣлываніе и крашеніе кожъ и правы.

Пропитаніе имѣютъ Алеушы отъ промысла рыбы и морскихъ звѣрей; употребляютъ также въ пищу изъ корней, сарану и макаршу; изъ травъ, сладкую траву, кипрей, кушугарникъ; а изъ ягодъ голубицу, жимолость, шикшу, полокнянку и малину. Промышляютъ также морскихъ плицъ, коихъ кожи, особенно *Толорковья*, употребляются на мужескія парки. Особенный родъ желтаго корня почитаютъ лѣкарствомъ для глазъ, и бдятъ оный, когда намѣрены бхать на промыселъ, всегда на канунъ шого дня вечеромъ; отъ чего, по ихъ увѣренію, на другой день по утру бываетъ зрѣніе столь чисто, что и въ весьма далекомъ разстояніи видятъ самые малые предметы. Къ нюхательному шабаку очень пристрастны.

Главное богатство Алеуша состоитъ въ кожаномъ челнокѣ, или такъ называемой байдаркѣ; ибо имѣя оную, можетъ легко достать отъ промысла все нужное для пропитанія себя и своего семейства. Но какъ на строеніе одной байдарки употребляютъ много времени, то онія очень дороги. Основа или рѣшетка байдарки дѣлается изъ выкидываемаго моремъ лѣсу, столь тонко, что байдарка однолючная, совсѣмъ гошовая, не тяжелѣ пуда. Киль длиною въ 21 футъ, составленъ изъ двухъ или трехъ плахъ; къ нему привязываются волокнами изъ расколотыхъ киповыхъ усовъ, согнутые штевни и ребра изъ прутьевъ ивовыхъ; верхніе концы ребръ связываются рамою съ поперечными распорками, шириною на сере-

динѣ фута въ полшора. Рѣшетка байдарки обтягивается кругомъ кожами шюленей или сивучей, оспавя только въ верхней части въ срединѣ круглое отверстіе, или люкъ, въ которомъ садится человекъ, протянувъ ноги впередъ. Внутри байдарки спелюшъ старыя кожи, дабы не сидѣть на самой рѣшетинѣ. Сія байдарки весьма легки на ходу; только нельзя въ нихъ дѣлать большихъ движеній шѣломъ въ сторону, ибо отъ сего можно опрокинуться. Впрочемъ памощніе жители отбѣжжаютъ въ нихъ до семидесяти верстъ въ море отъ береговъ, и не спрашиваютъ никакой бури; но при наступленіи оной для безопасности связываютъ нѣсколько байдарокъ рядомъ, одну подлѣ другой, положи въ промежутки надутые пузыри, для того чтобы байдарки не перло одну объ другую качкою, и станоятся носами противъ волненія. Дабы въ байдарку не налилось воды волнами, обшивается накрѣпко, около закраины байдарочнаго люка, кишечная брюшина, коея верхній конецъ обвязываетъ человекъ плотно около пояса; на голову надѣваетъ онъ капишонъ изъ кишекъ же, и завязываетъ шнурками около рукъ рукава кишечной камлейки; и такимъ образомъ предохраняетъ себя отъ морской и дождевой воды во время самой сильной и продолжительной бури. Если же буря захватитъ одну только байдарку, то привязываютъ по бокамъ оной надутые пузыри, дабы не опрокинулась. Весло служащее и для гребли и для удержанія равновѣсія, имѣетъ въ обоихъ концахъ по лопасти; оное держатъ въ срединѣ обѣи-

ми руками, и гребутъ то по сію, то по другую сторону, отъ чего получаетъ байдарка ходъ скорый и прямой. Сидя въ оной можно чувствовашь движеніе кия и членовъ ея, которые на каждомъ валу сгибаются и разгибаются. Островитяне ѣздятъ въ байдаркахъ такъ скоро, что никакая легкая шлюпка догнать ихъ не можетъ, ибо переходящъ до четырехъ Ипаліянскихъ миль въ часъ.

Весьма замѣчанія достойно то, что точно такія однолучныя кожаныя байдарки и такія же двелопаяныя весла употребляются *Гренландцами*; сіе сходство въ строеніи оныхъ вѣроятно не произошло случайно, но можетъ быть основывается на бывшемъ прежде сношеніи между обоими народами. Впрочемъ сей во многихъ отношеніяхъ достопримѣчательный родъ кожаныхъ челновъ извѣстенъ уже былъ въ Европѣ съ начала седмагонадесять столѣтія; ибо нѣсколько человекъ *Гренландцевъ*, вывезенныхъ изъ *Гренландіи* на отправленныхъ шуда Датскимъ Королемъ Христіаномъ IV корабляхъ, не рѣдко разбѣжжали въ своихъ байдаркахъ на окрестныхъ у Копенгагена водахъ, и своимъ проворствомъ и весьма скорою ѣздою привлекали на себя вниманіе Европейцевъ. Нынѣ употребляются Рускими промышленниками въ Америкѣ проелучныя кожаныя байдары съ великою пользою.

Алеушы употребляютъ на промыслахъ разнаго рода стрѣлы, коими они не стрѣляютъ изъ луковъ, но бросаютъ оныя изъ дощечекъ, длиною въ полтора фута. шириною же въ два дюйма. Чѣобы можно бы-

ло выгодноѣ держать такую дощечку, дѣлается въ нижней части ея родъ рукоятки и дыра, въ которую вставляются указательной палецъ; въ верхней же части дощечки есть углубленіе для прехъ пальцевъ и желобокъ, гдѣ кладется стрѣла, заднимъ концомъ упирающаяся на вставленной косточкѣ, имѣющей видъ гвоздика. Стрѣлы есть пять родовъ, изъ коихъ первой длиною въ 4 фула, имѣетъ копейцо изъ лавы, длиною въ полтора, шириною въ три четверти дюйма; сіи стрѣлы служатъ для нападенія на людей и большихъ звѣрей; другой родъ меншій первыхъ съ костяными носками, употребляется на малыхъ звѣрей; третій родъ одной величины со стрѣлами перваго рода, употребляемый на птицъ, имѣетъ на переднемъ концѣ чешыре костяныя спицы съ зазубринами; четвертый родъ длиною въ 9 футовъ съ костянымъ копейцомъ на переднемъ и съ орлиными перьями на заднемъ концѣ, употребляется также на звѣрей; пятый же родъ стрѣлы есть длиною въ 4 фула и 4 дюйма, съ костянымъ носкомъ и съ привязаннымъ на срединѣ надутымъ пузыремъ, который служитъ для того чтобы раненый звѣрь, когда умретъ, не утонулъ.

Выѣзжая въ море, кладутъ всѣ стрѣлы и дощечку на байдаркѣ, подъ прикрѣпленные тамъ ремешки передъ собою и позади себя; бросаютъ стрѣлы правою рукою, прямо съ плеча, нажимая оныя большимъ и среднимъ пальцами къ желобку, а лѣвою рукою, держа весло, сохраняютъ равновѣсіе байдарки. Мясо перваго, съ начала промысла промышленнаго звѣря разда-

есть промыслившій онаго въ своемъ селеніи всѣмъ жителямъ по частямъ, кости же онаго всѣ собравъ, бросаютъ они въ море.

Въ кита бросаютъ стрѣлы погда, когда сіе живописное голову изъ воды выставитъ для дыханія, и стараются попастьъ подъ переднія его перья. Если въ семъ успѣютъ, то копейцо изъ лавы остаеца въ ранѣ живописнаго, которое уже неминуемо умретъ, по причинѣ потери крови, и погда плаваеца на поверхности воды, или чрезъ нѣсколько дней приваливаеця вѣтромъ къ берегу. Для избѣжанія споровъ, каждый промышленникъ замѣчаеца копейца изъ лавы своимъ знакомъ, который по добываемымъ изъ ранъ кита копейцамъ служитъ послѣ въ доказательство, кому принадлежитъ добыча. Половину промышленнаго кита получаетъ Американская Компанія.

Кромѣ однолючныхъ байдарокъ, которыя Алеутами болѣе употребляются, есть и двое и троелючныя, также большія кожаныя открытыя шлюпки, въ коихъ помѣщается отъ 15 до 20 человекъ. Послѣднія принадлежатъ селеніямъ, или Американской Компаніи, и употребляются для буксированія приходящихъ и отходящихъ кораблей, и для привоза промышленныхъ китовъ и лѣсу, моремъ къ берегамъ приваливаемаго.

Алеуты воспріяли православную Греко - Россійскую вѣру; прежде же состояла ихъ Религія въ предразсудкахъ и шаманствѣ. Хопя и признавали они существованіе Бога Всемогущаго, но несовершали

никакихъ молишвъ ниже жертвоприношеній; болѣзми же и несчастія приписывали злымъ духамъ, и въ такихъ случаяхъ прибѣгали, да и нынѣ еще прибѣгаютъ къ шаманамъ, кои у нихъ не имѣютъ особеннаго одѣянія. Во время призванія духовъ поетъ шаманъ съ прочими Алеушами шаманскую пѣснь, сидя спокойно на одномъ мѣстѣ, и ударяя изрѣдка въ бубенъ, который невеликъ и почто шаковъ, каковъ упопребляемъ бываетъ при всякихъ пѣсняхъ и пляскѣ. Чрезъ нѣсколько времени приходитъ шаманъ въ изступленіе, начинаетъ кричать громко, и наконецъ упадаетъ безъ памяти. Когда послѣ опамашуется, то рассказываетъ присутствующимъ, что происходило между имъ и явившимися ему духами, и предвѣщаетъ каковъ будетъ успѣхъ по предложенному ему предмету.

Число женъ сообразно было прежде состоянію мужа, который обыкновенно столько ихъ имѣлъ, сколько могъ безъ нужды пропитать. Обрядовъ свадебныхъ никакихъ не бывало; женихъ договаривался съ родителями невѣсты, обѣщая имъ дать что имѣетъ у себя излишняго, и по полученіи согласія начиналъ ѣздить къ невѣстѣ въ гости, и проживалъ по нѣскольку времени; наконецъ бралъ ее къ себѣ, или самъ переходилъ жить къ ней. Мужъ могъ по согласію жены уступить ее другому вовсе, или на время; что не рѣдко случается изъ корыстолюбія со времени прибытія Россіянь. По сему одна только мать имѣла власть надъ дѣтьми, и дѣти одного отца, но разныхъ матерей не считались родными, и мог-

ли совокупляться бракомъ ; что запрещалось дѣ-
шьямъ одной матери и разныхъ опцовъ.

Игрища бывають зимою. Вице-Адмиралъ Г. А. Сарычевъ описалъ видѣнное имъ игрище на островѣ *Уналаски* въ *Маккушинско*мъ селеніи; по сему описанію, прѣбжжіе изъ другихъ селеній Алеуты, должны были тогда спускаться въ юршу не по лѣспнищѣ, но перескакивая на три жерди, подѣ опверстіемъ юрши на ремняхъ горизонтально привязанныя; изъ конхъ одна разстояніемъ отъ опверстія около трехъ фушовъ, другая на сажень пониже первой, а третія отъ второй на полшоры сажени, а отъ полу на чепыре фуша. Сіе происходило при звукѣ бубновъ и крикѣ хозяевъ. Когда же гости сѣли по мѣстамъ, то начали пляску нагіе мальчики и большіе мушины, въ шипыхъ шапочкахъ, препоясанные поясами и имѣющіе на рукахъ повязки; они скакали одинъ за другимъ, съ бубнами въ рукахъ. Помомъ выходили по двѣ женщины рядомъ, въ вышитыхъ и украшенныхъ козьєю шерстью повязкахъ, и скакали, держа въ рукахъ попеременно надушую шюленью кожу или пузырь, и потрясывая иногда головами въ шакшъ бубновъ. Другія женщины плясали подобнымъ образомъ, держа каждая въ рукахъ по спрѣлкѣ. Когда всѣ женщины переплясали, тогда выходили мушины одинъ за другимъ въ разныхъ личинахъ, коимъ другіе пѣли пѣсни, ударая въ бубны. Личины были разнаго вида какъ то: съ разинушимъ ршомъ и шюленею головою въ верху; съ искривленнымъ ршомъ и по-

сохомъ въ рукѣ; съ тюленьимъ ртомъ; и объ одномъ правомъ глазѣ.

Пляска Алеутовъ съ *Андрейновскихъ* острововъ со всею отменною отъ сей; мужчины пляшутъ по одинакѣ, въ одной рубашкѣ и порткахъ; на голову надѣваютъ они вышитую шапку съ длиною и узкою верхушкою, высунувшеюся далеко впередъ, загнувшееся нѣсколько къ верху, и украшенною кругомъ козьею шерстью. Пляска производится при пѣніи пѣсней и звукѣ бубновъ; плясунъ скачетъ держа въ каждой рукѣ по пузырю, дѣлаетъ разныя движенія руками, и кривляетъ головою въ ладъ бубновъ; послѣ сего беретъ надутую тюленью кожу, и поднимая ее къ верху, показываетъ всѣмъ; потомъ пляшетъ такимъ же образомъ съ платкомъ, держа концы его въ обѣихъ рукахъ; наконецъ взявъ палку вращаетъ ею такъ, какъ гребутъ весломъ на байдаркѣ. Сія пляска, сказывающъ, выдумана въ насмѣшку хвастовства въ промыслѣ звѣрей; ибо пузыри, надутая тюленья кожа и платокъ означаютъ промысленныхъ звѣрей. Женщина же для пляски надѣваетъ мужескую пшичью парку, подпоясываетъ ее, на голову повязываетъ такую же повязку, какія употребляютъ Алеутки острова *Учалашки*, а за спиною вѣшаетъ на ремнѣ стрѣлку съ надутымъ пузыремъ. Въ семъ нарядѣ спановится передъ сидящими мужчинами на колѣни, посреди правойяной рогожи; и когда начнутъ пѣть пѣсни, тогда она по немногу пошевеливается и привстаетъ держа руками

за поясъ; потомъ вынувъ изъ за спины стрѣлку приподнимается на ноги, и съ нею пляшетъ на одномъ мѣстѣ, потряхивая головою въ ладъ бубновъ, и поворачивая стрѣлку въ разныя спороны.

По увѣренію Алеушовъ, было прежде у нихъ обыкновеніе, при похоронахъ Тоіона или какого богатаго жителя, убивашъ одного изъ его любимыхъ прислужниковъ, и похоронять вмѣстѣ съ господиномъ. " Нынѣ, по словамъ Г. Вице-Адмирала *сарычева*, сей варварской обычай отмѣненъ, а кладутъ только съ покойникомъ его байдарку, стрѣлы и другія подобныя ему вещи. Брюхо изъ мертваго вынимаютъ и набиваютъ шуда сѣна. Незажиточныхъ Алеушовъ хоронятъ просто въ землю, или иногда подъ утесомъ въ пещерахъ; богатыхъ же погребаютъ въ сдѣланныхъ нарочно изъ наноснаго лѣсу срубахъ, гдѣ насыпавъ нѣсколько земли постилаютъ правяные ковры и кожу съ байдарки; на оную кладутъ покойника спиною, связаннаго ремнями такимъ образомъ, какъ они обыкновенно сидятъ, колѣни пригнущы къ грудямъ и руки подъ оными; потомъ покрываютъ съ верху Черелами и засыпаютъ землею. Байдарочную решетку ломаютъ въ куски, и обломки выпыкаютъ сверху могилы въ землю. Жена умершаго, ежели она любила мужа, въ знакъ печали обрѣзываетъ на головѣ свои волосы, и оплакиваетъ его нѣсколько дней; нѣкоторыя же изъ любви къ покойнику держатъ его по нѣскольку недѣль въ юртѣ, сдѣлавъ для него рамы на подобіе лежащей бокомъ, преугольной призмы. Сіи рамы

дѣлають они по величинѣ мертвѣго, обтягивають и обшивають ихъ кругомъ кожами. Сажаютъ шуда покойника, такъ чтобъ онъ былъ въ положеніи сидящаго человѣка, и до тѣхъ поръ хранятъ его въ отдѣленномъ мѣстѣ юрты, покуда жестокой смрадъ не принудитъ похоронить онаго. Маленькихъ же дѣтей, такъ какъ удобнѣе и крѣпче можно сдѣлать для нихъ таковое хранилище, держатъ по году и болѣе, или до тѣхъ поръ какъ родится другой ребенокъ. Украшаютъ оное снаружи бисеромъ, корольками, ремешками, шопорковыми носками, и привѣшивають его близь своихъ постель. “

Народонаселеніе Лисьихъ и Андреяновскихъ острововъ простиралось въ 1791 году до 1178 человѣкъ мужескаго пола.

Мы не будемъ здѣсь упоминать объ *Аляксинцахъ*, ибо они были предметомъ содержанія предвѣдущей главы.

НАРОДЫ ОБИТАЮЩІЕ СѢВЕРНѢЕ АЛЯКСЫ И ВЪ НОРТОНОВОЙ ГУБѢ.

Сіи народы по сіе время еще мало извѣстны. Кукъ въ 1778 году, споя нѣкоторое время съ своими кораблями на якорѣ близко сѣверозападнаго Американскаго берега, подъ 60° широты, имѣлъ случай видѣть тамошнихъ жителей, *Аглагомиты* называемыхъ, которые приблизились къ его кораблямъ, въ 27 однолучныхъ байдаркахъ. По его описанію, казались они бытъ одного рода съ тѣми, коихъ видѣлъ онъ съ нѣкотораго времени на сосѣд-

ственныхъ берегахъ (здѣсь разумѣетъ *Кукъ* вѣроятно Алеутовъ). Они носили такія же украшенія въ губахъ и носахъ; но были гораздо неопрятнѣе, и не такъ хорошо одѣшны. Волосы у большей части изъ нихъ, были выбриты или подрѣзаны очень коротко, кромѣ двухъ пучковъ волосовъ, кои висѣли назади или на одной сторонѣ; на головахъ имѣли они капишоны изъ звѣриныхъ кожъ, и деревянные шапки. *Кукъ* купилъ у нихъ родъ пояса, изъ звѣринныхъ кожъ съ висящимъ приборомъ, которой передѣвается между лядвѣями; по сему поясу заключать должно, что они ходятъ иногда нагіе (какъ сіе прежде и у Камчадаловъ было въ обыкновеніи, см. выше стр. 64). Орудія ихъ состояли въ лукахъ, стрѣлахъ и дрошикахъ; а кожаные байдари были нѣсколько пошире Алеуцкихъ, и люки оныхъ, въ которыхъ люди садяпся, гораздо больше нежели у тѣхъ. Приближаясь къ кораблямъ съ робостью, кричали и протягивали руки; чѣмъ вѣроятно хотѣли извѣявить свое дружественное расположеніе. Употребленіе табаку еще имъ тогда не было извѣстно, и изъ иностранныхъ издѣлій ничего не имѣли кромѣ одного куска желѣза, прикрѣпленнаго къ деревянной рукояткѣ, и употребляемаго вмѣсто ножа. Далѣе къ Сѣверу живутъ *Кучхлаголюты*, а внутрь материка Американскаго, далѣе озера *Илимъ*, *Кцалтанъ*; но о сихъ народахъ, кромѣ ихъ названія, не имѣется еще никакихъ извѣстій.

Жители *Нуртоновой* губы у мыса *Роднея*, что до виду лица, уже описаны выше стр. 245. По опи-

санію Вице-Адмирала Г. А. *Сарычева*, носятъ они для украшенія по два камешка алебастровые, по обѣ стороны рта въ нижней губѣ, а въ ушахъ у нихъ нанизанъ бисеръ. Платье же ихъ состоитъ изъ короткихъ оленьихъ парокъ и штановъ изъ тюленьей кожи; а обуви никакой у нихъ не примѣчено. Пляшутъ въ ладъ пѣсни и бубна, переступая съ мѣста на мѣсто, и поворачивая голову весьма проворно во всѣ стороны, при разномъ и сильномъ движеніи всемъ тѣломъ и руками. Они мѣняли Рускимъ мапрозамъ на стеклянные корольки, которые почитали дороже всего, на бисеръ и пуговицы, нѣсколько красныхъ лисицъ, пипичьи и еврашечьи парки, деревянные чашки и сдѣланные изъ моржовыхъ зубовъ разные мѣлочи.

Байдары у нихъ величиною и постройкою своею почно такія же, какъ и у *Копяговъ*; но обтянуты бываютъ вмѣсто сивучей, моржовою кожею, распластанною на прое. *Куль* видѣлъ на островѣ *Аякъ*, лежащемъ передъ мысомъ *Родисенъ*, сани сихъ жителей, похожіе на Камчатскіе, имѣвшіе десять футовъ длины, и двадцать дюймовъ ширины; полозья были поддѣланы костью, и на саняхъ была рѣшетка.

Капитанъ *Кингъ*, соупутникъ *Кука*, выходилъ на берегъ въ *Нортоновой* губѣ, и имѣлъ случай видѣть одно семейство тамошнихъ жителей. По его словамъ мужчина былъ сштенъ, длиною въ пять футовъ Англическихъ и два дюйма; волосы имѣлъ черные короткіе и малую бороду, цвѣтъ тѣла мѣдинокраснова-

шой, и въ нижней губѣ двѣ дыры, въ коихъ однако никакого не было украшенія. Женщина же была малаго роста и присадиста; лице имѣла круглое одупловатое, и подѣ нижнюю губою до подбородка наколотое украшеніе; одежда ея родѣ короткой парки, сдѣланная изъ ланьей кожи, а обувь состояла въ весьма широкихъ сапогахъ. Тамъ же видѣлъ *Кукъ* девять мужчинъ, кои къ кораблю прибѣжали въ однолучныхъ байдаркахъ. Въ чертахъ лица и въ ростѣ ихъ непримѣчено никакой опмѣны въ сравненіи съ жителями сосѣдственныхъ береговъ Америки (*Алеутовъ, Чугасей и Кенайцовъ*). Одежда ихъ состояла особенно изъ ланьей кожи, и была такого же покроя; они перекалываютъ также нижнюю губу, и носятъ въ ней украшенія. Судя по сообщенному *Кукомъ* собранію словъ (*Troisième Voyage de Cook, traduit de l'anglais par M. D**** tome 8 на самомъ концѣ*), нарѣчіе сихъ жителей сходствуетъ отъ части съ нарѣчіями *Коняговъ и Сидягихъ Чукчей*, чѣмъ доказывается сродство сихъ народовъ.

КОНЯГИ.

Сообщаемое здѣсь краткое описаніе сихъ Островианъ, составлено большею частью изъ слѣдующихъ сочиненій, а именно: изъ путешествія флота Капитана (нынѣ Вице-Адмирала) Г. А. *сарычева* часть II; изъ путешествія вокругъ свѣта флота Капитана Ю. Ф. *Лислихтго* часть II 1812 года; изъ *Bemerkungen auf einer Reise um die Welt von G. H. von Langsdorff 2 Band 1812*; и изъ двукратнаго путешествія въ Аме-

рику морскихъ офицеровъ Хвостова и Давыдова часть II 1812 года.

Жители оспрова *Кадьяка*, Шелиховымъ *Кыхтакъ* наименованнаго (которое слово на ихъ языкѣ означаетъ вообще большой оспровъ), и оспрововъ прилежащихъ называютъ себя *Конягами*. Они роста средняго, широкоплечи, но вообще довольно спатны; въ лицахъ ихъ нѣтъ ничего особеннаго, ибо есть лица круглыя, плоскія, и продолговатыя, но въ своихъ полахъ мало приятныя. Глаза, брови и волосы черные; послѣдніе завиваютъ мужчины нынѣ въ косу или распускаютъ, а иные спригнутъ ихъ съ переди, подражая Рускимъ и Англичанамъ. Прежде сего подрѣзывали мужчины волосы въ кружокъ, и намазывали жиромъ, сверхъ чего иные обсыпали еще ихъ краснымъ порошкомъ, и сверху облѣпляли бѣлымъ ппичьимъ пухомъ. Женщины же имѣютъ волосы весьма длинныя, и завязываютъ ихъ въ пучки у самаго запылка, а съ переди обрѣзываютъ на ровень съ глазами. Цвѣтъ кожи Оспровитянъ смугловаго мѣдный; но естъ между ими многія женщины весьма бѣлыя, вѣроятно отъ того, что меньше бываютъ на открытомъ воздухѣ. Мужчины имѣютъ небольшія бороды, которыя у нихъ позже расти начинаютъ, нежели у Европейцевъ.

Прежде сего украшали они себя, передѣвая чрезъ якошь подъ носовой хрищъ костяную спицу, длиною до пяти дюймовъ, или другія какія либо вещи, и прокалывая въ нижней губѣ дыры, вспавляли шуда каменя или длин-

ныя кости: но нынѣ уже оставляютъ сіи украшенія, довольствуясь ношеніемъ серегъ въ ушахъ, и украшая по большей части края ушей разноцвѣтнымъ бисеромъ. Женщины вставляютъ въ носовую мякоть подъ хрящомъ кости или бисеръ и корольки; подъ нижнюю губу вѣшаютъ, въ прокалываемыхъ отъ двухъ до шести дыркахъ, низанной бисеръ, или вкладываютъ бисеръ и небольшія бѣлыя косточки; сверхъ сего вышиваютъ себѣ по бородамъ черные рисунки, пропягивая позакожею нитку, намазанную сажею смѣшенною съ нѣкоторымъ чернымъ составомъ; когда же за мужъ выйдутъ, то вышиваютъ въ знакъ любви на тѣлѣ или только на рукахъ узоры, по своему вкусу. Уши у нихъ вокругъ проколошы, куда вѣшаютъ бисеръ, корольки и другія украшения, изъ коихъ яншаръ и особенный родъ раковинъ, *Цыкляли* называемыхъ, почищаются самыми драгоценными. На шеѣ, рукахъ и ногахъ носятъ низанный бисеръ разныхъ цвѣтовъ; а на пальцахъ столько колецъ и перстней, сколько у нихъ есть, или умѣститься можетъ. Однако нынѣ оставляютъ и женщины прокалывать себѣ нижнюю губу и мякоть подъ носовымъ хрящомъ, и не испещряютъ бороды вышиваемыми узорами; нѣкоторыя даже, подражая Рускимъ женщинамъ, начинаютъ носить косы вмѣсто пучковъ. Щеголихи моются не только водою, но часто и мочою, приписывая ей качество дѣлать лице бѣлымъ и чище; сіе дѣлаютъ также женщины Алеутскія и Гренландскія. При важныхъ предпріятіяхъ, каковыя суть промыслъ, пріемъ гостей,

или когда должно перегреть большое разстояніе, красятъ *Коняги* свои лица краснымъ карандашомъ.

Одежда обоого пола состоитъ изъ парокъ и камлеекъ. Парки шьются или изъ пшичьихъ кожъ: попорковыхъ, урильихъ, арьихъ и ипакковыхъ, или изъ еврашечьихъ кожъ; послѣднія бываютъ двойныя, шерстью вверхъ и внутрь. Еврашечьи парки употребляются больше женскимъ поломъ; рукава у нихъ очень короткіе, а подъ ними дыры, чрезъ которыя продѣваютъ руки, или въ противномъ случаѣ держатъ ихъ подъ паркою, но никогда въ рукавахъ. Нарядное женское платье, пшичья парка, изъ шеекъ уриловъ, на коихъ перья малыя и гладки, такъ что не скоро можно угадать, что сіе пшичьи шкуры. Оное платье украшается носиками попорковъ, изрѣзанными въ тонкіе ремешки, брововыми или горноспаевыми кожами, козьею шерстью, краснымъ и зеленымъ спамедомъ, раздерганнымъ въ нитки, орлиными перьями и другими вещами. Кромѣ сихъ парокъ носятъ также олени и шабарганьи парки; первая вымѣниваютъ отъ *Алексинцовъ*, а вторая отъ *Кенайцевъ* и *Чугасей*.

Камлеи дѣлаются изъ кишекъ сивучьихъ, пюленьихъ и медвѣжьихъ, и изъ горлъ сихъ звѣрей; шьютъ также оныя изъ кожи содранной съ языка кита, изъ коей выходитъ до осьми камлеекъ, и изъ кишокъ сего животнаго; но какъ сіи тяжелы и скоро ломающся, то камлеи изъ кишокъ или горлъ выше упомянутыхъ животныхъ имъ предпочитаются. Медвѣжьи кишочныя камлеи чище, тонѣе

и крѣпче прочихъ. Камлеи украшаются также ста-медовыми нитками и козьею шерстью. Выдѣлываютъ кишки, очищенныя отъ жиру, перемывая оныя въ мочѣ, послѣ того, сполоснувъ въ водѣ и высушивъ, мнутъ руками.

Голову покрываютъ мушины весьма искусно плетеными изъ еловыхъ корней шляпами, раскрашенными разными узорами; у сихъ шляпъ тулейки низки, нѣсколько острѣе къ верху, а поля широки; носятъ также шляпы похожія на Алеупскія. Многіе употребляютъ, на ловлѣ тюленей, выкрашенныя деревянныя шляпки, сдѣланныя на подобіе тюленьихъ головъ; надѣвъ такую шляпку на голову, ложатся на морскомъ берегѣ между камней и приманиваютъ къ себѣ тюленей, крича ихъ голосомъ.

Нынѣ же *Коняги*, такъ какъ *Камтадалы*, сдѣлались охотниками до суконнаго или Китайчапатаго платья, которое женщины для себя шьютъ по прежнему покрою, то есть паркою. Оныя привыкаютъ уже и къ рубахамъ; а тѣ, которыя имѣютъ мужей Рускихъ, носятъ иногда кофты и юбки, и даже длинное платье. Жены начальниковъ или *Тоюновъ* покупаютъ красной бархатъ или красное сукно на парки; но и въ семъ дорогомъ платьѣ садятся также на землю, и пачкаются въ жиру. Обуви почти всѣ не носятъ лѣшомъ и зимою; не многіе однако имѣютъ вмѣсто сапоговъ родъ мѣшковъ изъ тюленьихъ или сивучьихъ кожъ съ китовыми подош-

вами; у богатыхъ же особенно у женщинъ, есть теплыя сапги изъ еврашечныхъ и шабартанныхъ кожъ.

Коняги живутъ въ малыхъ углубленныхъ въ землю жилищахъ, отъ Россіянъ *жуланами* называемыхъ, которыя приспособлены по сторонамъ шалаша служащаго общею кухнею; въ оный входятъ чрезъ небольшое отверстіе, закрываемое тюленьею кожей. Шалашъ сей дѣлается изъ врытыхъ въ землю, наклонно къ внутренней сторонѣ, бревенъ; а крыша онаго бываетъ плоская или кругловатая, съ отверстіемъ для выходу дыма. Въ срединѣ шалаша разводятъ огонь, а по сторонамъ ставятъ домашнюю посуду; внутри онаго великая неопрятность, хотя и выстилаютъ землю сухою трэвою. Изъ сей кухни есть по сторонамъ небольшія круглыя отверстія, закрываемыя досками, чрезъ которыя входятъ ползкомъ въ выше упомянутыя жуланы, которые имѣютъ сверху земли въ крышѣ, или на сторонѣ, по окну, въ коемъ тонкія и прозрачныя кишки служатъ вмѣсто стекла; вдоль стѣнъ въ разстояніи отъ оныхъ на три фута кладутся не полстые брусья, отдѣляющіе мѣста для спанья и сидѣнія. Оныя жуланы содержатся чисто, и полъ въ нихъ выстилается или досками или же травяными рогожами. Въ каждомъ такомъ жуланѣ живетъ отъ одного до трехъ семействъ.

Главное пропитаніе имѣютъ Коняги отъ промысла рыбы и морскихъ зѣбрей. Киповой и всякой жиръ, почищаютъ лучшимъ бѣсшвомъ, и употребляютъ оный, подобно Камчадаламъ, въ такъ называемыя

шолкши, составляемые съ ягодами и шолчеными кореньями. Гнилая или такъ называемая кислая рыба, составляетъ на *Кадлякъ* также любимое кушанье, какъ и въ Камчаткѣ и Охотскѣ; особливо въ великой чести заквашенная икра и гнилыя или кислыя рыбы головы. Запасаютъ также ольховую кору, заквашенную въ жиру; кромѣ сего употребляютъ въ пищу разныя морскія раковины, черепокожыя живощныя и морскія произрастенія, особенно весною, когда зимній запасъ кончится; также ягоды, сладкую праву и коренья, особенно макарши и сарзны. Рыбу запасаютъ на зиму подъ названіемъ Юколы и Качемаса. Киповой жиръ и головы красной рыбы употребляются въ пищу всегда сырыя; прочее же мясо морскихъ звѣрей и рыбы, или варится въ глиняныхъ горшкахъ, или жарится на воткнутыхъ въ землю подлѣ огня палочкахъ. Коняги любятъ Европейскіе огородные овощи, и рѣдку почитаютъ лѣкарственною; а къ табаку чрезвычайно приспрасны, который рѣдкіе нюхаютъ, но держатъ оный, какъ мужчины такъ и женщины во рту; жуютъ также еловую сѣру. Въ пищу очень небрезгливы, и склонны къ обжорству. Къ горячимъ напиткамъ начинаютъ также чрезвычайное имѣть приспрасіе; однако и до прихода Рускихъ напиивались до пьяна, заквашеннымъ сокомъ малины и черники. Рускіе двоятъ изъ бочки ягодъ по ведру хорошей водки.

Домашнія упражненія Коняговъ состоятъ въ дѣланіи деревянной крашеной посуды, глиняныхъ плешекъ, разныхъ орудій и снарядовъ для промы-

сла служащихъ. Прежнія ихъ орудія для работъ состояли въ каменномъ попорѣ и острой раковинѣ, или заостренномъ желѣзѣ. Нынѣшніе желѣзные попоры дѣлаются для нихъ на подобіе прежнихъ каменныхъ, которые имѣли видъ шляхты, и привязывались къ кривой рукояткѣ. Женщины шьютъ всякія плащя, изъ коихъ иное дѣлаютъ съ довольнымъ вкусомъ; плетутъ весьма число снурки, рогожи, шляпы и прочее.

Байдары Конягами обыкновенно употребляемыя сунъ однолучныя, двоелучныя и проелучныя. Однолучныя ихъ байдарки шире и короче *Алеутскихъ*; гребутъ въ нихъ однолопастными веслами, и по большой части стоя на колѣнахъ; а во время бури принимаютъ тѣже предосторожности, о которыхъ упомянуто выше при описаніи Алеутовъ. Коняги ѣздятъ болѣе въ двоелучныхъ байдаркахъ; а проелучные употребляются только Начальниками селеній и Рускими. Есть также большія байдары, но въ оныхъ перевозятъ только съ мѣста на мѣсто Юколу или другіе припасы.

Оружіе Конягъ копыя, луки и стрѣлы; первыя бывають съ желѣзными, костяными или каменными заостренными концами; а луки ихъ весьма просты и слабы, и они стрѣляютъ изъ нихъ вообще худо. Прежде имѣли Коняги также большіе щиты, кои однако легко пробиваемы были пулями. Орудія же служація для промысла у нихъ тѣже, кои употребляются и у Алеутовъ.

Промыслѣ кишовъ занимаются у нихъ особыя семейства, въ коихъ переходитъ оный въ наслѣдство послѣ отца къ тому сыну, который оказалъ въ немъ больше искусства и разпорочности. Однако сей промыселъ еще не приведенъ до такого совершенства, въ какомъ оный находится у *Гренландцевъ* и другихъ народовъ. Напротивъ того Коняги весьма искусны въ промыслѣ морскихъ бобровъ, на копорый выѣзжаютъ въ море большими парціями. Сей промыселъ производится слѣдующимъ образомъ: когда промышленникъ увидитъ бобра, то подѣхавъ къ нему бросаетъ въ него посредствомъ дощечки стрѣлку, и гребетъ на мѣсто, гдѣ бобръ нырнулъ, тамъ становится и поднимаетъ весло. На сей знакъ, составляютъ въ сей часъ прочіе промышленники кругъ около сего мѣста, сажень до ста въ поперечникъ, и ожидаютъ, гдѣ бобръ опять вынырнетъ; лишь только его увидятъ, то бросаютъ ближніе промышленники въ него стрѣлки, и ближайшій изъ нихъ становится съ поднятымъ весломъ на томъ мѣстѣ, гдѣ бобръ во второй разъ нырнулъ, прочіе же становятся кругомъ какъ въ первомъ случаѣ; и такимъ образомъ продолжаютъ, пока не достанутъ своей добычи. Бобръ нырнувъ въ первой разъ остается въ водѣ обыкновенно болѣе четверти часа; въ послѣдующія же нырнія пребываетъ постепенно меньше времени подъ водою, пока наконецъ обезсиленный и совсемъ въ воду погружаться не можетъ. Нынѣ уже морскіе бобры по близости Кадыака не водятся; по сему

опправляются партіи на промыслѣ сихъ звѣрей весьма далеко къ Американскимъ берегамъ.

Для пріобрѣтенія щастія на промыслахъ, собираютъ промышленники весною по горамъ разные вещи, счастливыми знаками почиаемыя, какъ это: орлиныя перья, медвѣжью шерсть, разные необыкновенныя камешки, пшичьи носки и прочая. Китовые промышленники даже крадутъ изъ могилъ мертвыя шѣла людей, оказавшихъ особенное искусство и распорочность; держащъ оныя похаенно въ пещерахъ, носятъ имъ иногда пищу, и стараются умножить сіе сокровище. Отецъ при кончинѣ завѣщаетъ свою пещеру съ трупами, какъ драгоценное наследство, тому изъ сыновей, который болѣе оказалъ искусства въ китовомъ промыслѣ. Хотя Китовые промышленники пользуются у Коняговъ особеннымъ уваженіемъ, и называются ихъ прокормителями, но при всемъ томъ во время ловли почиаются они нечистыми, и имъ не дозволяется бѣсть вмѣстѣ съ прочими жителями, или прикасаться до какой нибудь вещи.

Коняги воевали между собою, до прихода Русскихъ, по большей части изъ непримиримой вражды, изъ рода въ родъ переходящей; но иногда побуждались также къ войнѣ голодомъ, или желаніемъ опнять женъ, и получить плѣнниковъ, платье, байдарки и другія вещи. Плѣнники, *Калгами* у нихъ называемые, оставались вѣчно невольниками. Войну же вели не открытымъ образомъ, но нападали на своихъ непріятелей въ располхъ, такъ какъ и

прочіе народы Сѣверо-западной Америки; впрочемъ они къ войнѣ менѣе способны, нежели сіи народы.

Селеніями ихъ, расположенными по морскому берегу вокругъ всего острова, управляли прежде, и нынѣ управляютъ Начальники, отъ Рускихъ *Тоіонами* называемые, коихъ званіе наследственное, переходило прежде по выбору рѣдко на ихъ сыновей, а по большей части на одного изъ племянниковъ. Нынѣ же назначаютъ иногда правители Американской Компаніи, на мѣсто сихъ родовыхъ Тоіоновъ другихъ, но сіи у Островитянъ въ меньшемъ бывають уваженіи. Власть Начальниковъ была до прихода Рускихъ весьма малая, ибо каждый Коняга имѣлъ участіе въ общественныхъ дѣлахъ того селенія, въ кошоромъ жилъ; а нынѣ и сами Начальники состоятъ съ своими селеніями подъ управленіемъ правителя Американской Компаніи.

Коняги въ домашней жизни весьма безпечны и лѣнны; но на промыслахъ трудолюбивы, и переносятъ голодъ и другія крайности терпѣливо. Иногда принуждаютъ ихъ буря просиживать по нѣсколько сутокъ въ байдаркѣ, въ открытомъ морѣ; но сіе почитаютъ они обыкновеннымъ происшествіемъ. Тѣло приучаютъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ къ терпѣнію холода и сырости; для сего и зимою, даже въ сильный морозъ, гоняють всѣхъ дѣтей въ море, и держатъ ихъ тамъ довольно долго; сіе морское купаніе употребляютъ и сами лѣтомъ и зимою послѣ бани, которая у нихъ еще до прихода Рускихъ извѣстна была, и нагрѣ-

ваются въ ихъ жилищахъ , такъ \ называемыхъ жупанахъ, посредствомъ наносныхъ каленыхъ камней. Многие приучаютъ себя также къ терпѣнію боли, разрѣзывая тѣло на рукахъ, груди и спинѣ до крови, острою раковиною; что дѣлаютъ даже и мальчики изъ хвастовства. Коняги одарены весьма хорошимъ зрѣніемъ, такъ что на морѣ узнаютъ въ довольномъ разстояніи подводные камни и въ самую бурную погоду; и даже въ густые туманы, въ довольно широкихъ проливахъ, находящъ прямо селеніе, въ которое прѣбхатъ желаютъ; ихъ память также весьма исправна, и по сему въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имъ случится разъ прѣбхатъ, знаютъ всѣ камни. По симъ качествамъ весьма они бывають полезны и на судахъ. Они стараются предузнавать погоду по возхожденію солнца, и для сего вспрѣчаютъ сіе свѣтило, съ полнымъ на него вниманіемъ, почти каждое ясное утро, сидя на своемъ шалашѣ. Воровства между ими не бываетъ, и можно имъ ввѣрить все, кромѣ табаку, къ которому сдѣлались очень пристрастны, такъ какъ вообще и другіе сосѣдственныя народы.

Къ жизни Коняги весьма равнодушны, и склонны къ самоубійству; тѣлесное наказаніе почитаютъ за великое безчестіе, во избѣжаніе коего иногда убиваютъ себя или топятся. Они также притворны и лукавы, умѣютъ скрывать сильнѣйшую страсть, и поступають съ своими непріятелями жестоко.

Коняги признавали прежде сего два существа, доброе и злое, и боясь послѣдняго, приносили оному жертвы. У нихъ, такъ какъ у Алеутовъ и народовъ обитающихъ по всему Сѣверо-западному берегу Америки, находятся въ уваженіи шаманы или колдуны, которые, будто бы по внушенію нечистаго духа, предсказываютъ будущее, наблюдая при семъ нѣкоторыя обряды, и исправляютъ также должность лѣкарей въ тяжкихъ болѣзняхъ. Послѣ шамановъ почитаются также *Касаты*, которые распоряжаются игрищами и увеселеніями, занимая на нихъ мѣсто надзирателей; они обучаютъ также дѣтей разнымъ пляскамъ.

Многоженство было прежде и на Кадьякѣ въ обыкновеніи; Начальники имѣли до осьми женъ, а шаманы по столько, сколько имъ позволяло, по ихъ увѣренію, сверхъ естественное существо. Но нынѣ, по воспріятіи православной Грекороссійской Вѣры, имѣютъ только по одной женѣ. При сватаніи и вступленіи въ бракъ нѣтъ никакихъ увеселеній. Мужъ служитъ по большей части у пестря въ работникахъ, или живетъ у женныхъ родственниковъ. Мужья рѣдко ревнуютъ къ женамъ, и нѣкоторые даже изъ нихъ, съ согласія жены, выбираютъ ей другаго мужа, Рускими *половинщикомъ* называемаго, который прислуживая и исправляя разныя работы, пользуется правомъ супружества, въ отсутствіи насупящаго мужа. Родильница почитается нечистою, и должна удалиться при приближеніи родовъ, въ нарочно для ней изъ прутьевъ сдѣланный весьма

малый шалашъ, покрытый землею. Въ семь заоченіи остаётся она съ ребенкомъ двадцать дней, въ продолженіи коего времени подаютъ ей пищу и пишіе не прямо изъ рукъ въ руки, но на палочкахъ. Мужъ удаляется въ сіе время въ другое селеніе, хотя не на долго. Послѣ сего срока омывается родильница съ ребенкомъ сперва на открытомъ воздухѣ, а потомъ въ банѣ. Такому карантину подвергаются также женщины и во время періодическихъ обспорятельствъ, оставаясь въ шалашѣ только до совершеннаго очищенія. Прежде прокалывали у новорожденнаго, при первомъ омываніи, мякоть подъ носовымъ хрящемъ, и всовывали туда кусокъ круглаго прутика; также дѣлали прорѣзъ или нѣсколько дыръ подъ нижнюю губу.

При похоронахъ оказываютъ привязанность къ покойнику, неушѣщнымъ воемъ; тѣло же его завернувъ въ звѣриныя кожи, и обшянувъ вмѣсто гроба лавтаками, похороняютъ въ нарочно вырытой могилѣ, копорю заваливаютъ камнями и огораживаютъ невысокими деревянными досками. Надъ могилою оставляютъ изломанную байдарку покойника; а съ ловцами кладутся въ могилѣ и ихъ оружія, ш. е. бобровыя, нерпичьи и кимовыя стрѣлы. Въ знакъ траура ближніе родственники покойника обрѣзываютъ на головѣ волосы, и мараютъ лице сажеею. Вдовецъ или вдова по совершеніи похоронъ, удаляется на нѣсколько времени изъ дому; а мать послѣ похоронъ дѣтей садится на 10 или на 20 дней въ особо построенный мадый шалашъ. Въ прежнія времена было у

Коняговъ въ обыкновеніи при похоронахъ знапныхъ жипелей убивать невольника или *Колгу*, и похороняпъ онаго вмѣстѣ съ господиномъ или госпожею; нынѣ же тѣла и самыхъ богатыхъ осыпаются только разавленнымъ бисеромъ или янпаремъ, что однакожъ случается весьма рѣдко. Память опличившихся на войнѣ и на промыслахъ весьма уважается; имъ въ честь говоряпъ рѣчи во время игрищъ.

Игрища отправляются въ поспроенномъ въ каждомъ селеніи большомъ кругломъ шалашѣ, *Кажыкы* называемомъ, который освѣщается днемъ съ верьху чрезъ большое окно въ крышкѣ, сдѣланное изъ сшитыхъ кишокъ; внутри *Кажыма* вокругъ лавки. Игрища начинаются съ Декабря мѣсяца, и продолжаются почти до тѣхъ поръ, пока достанетъ съѣстныхъ припасовъ, на подчиваніе гостей; оныя открываются нѣкоторымъ таинственнымъ обрядомъ, въ коемъ промышленники просяпъ духовъ, о посланіи имъ хорошей ловли звѣрей, и при коемъ женщины и дѣти присутствовать не могутъ. Въ сихъ игрищахъ бываюпъ мущины безъ платья, а многіе и совершенно нагіе, дабы не столько терпѣть ошъ жара. Предметомъ же игрищъ есть обыкновенно или представленіе звѣриныхъ промысловъ, или представленіе въ память какого либо извѣстнаго у нихъ человека, или же изображеніе разныхъ дѣяній нечистыхъ духовъ и прочая. Въ сихъ представленіяхъ употребляютъ дѣйствующія лица самыя уродливыя маски, или родъ шишаковъ изъ прутьевъ, украшенные перьями и папоротникомъ; они раскрашива-

юшѣ также тѣло краснымѣ карандашемѣ или угольемѣ; музыка же состоишѣ изѣ пѣнія зришелей, сопровождаемаго звукомѣ бубновѣ и шумомѣ побрякушекѣ, сдѣланныхѣ изѣ шопорковыхѣ носовѣ, навѣшанныхѣ около круглыхѣ двойныхѣ обручей. *Касатки*, родѣ Конягскихѣ мудрецовѣ, управляютѣ игрищами, и выдумываютѣ сами разныя представленія; они же выдаютѣ себя свѣдущими о произшествіи жипшелей Кадьяка и сосѣдственныхѣ острововѣ, о духахѣ и о прочихѣ предметахѣ суевѣрія, и сочиняютѣ также любовныя пѣсни. Пляска единообразна и безѣ большихѣ движеній; а пѣніе довольно пріятно, много имѣетѣ перемѣнѣ, но часно уныло. Коняги пристрастны къ мотовскимѣ играмѣ, коихѣ есть у нихѣ нѣсколько родовѣ; они однако никогда неспоряшѣ, хотя иногда проигрываютѣ и все свое имѣніе.

Наконецѣ должно здѣсь замѣнить, что нарѣчія: *Коняговѣ*, *Чугагей*, жипшелей *Нортоновой Губы*, *Сидягихѣ Чукгей*, *Ескимовѣ* и *Гренландцевѣ* между собою сродны. По сему судить можно, что оныя народы имѣютѣ одно происхождение, хотя нынѣ отдѣляются ихѣ мѣстопребыванія великимѣ пространствомѣ. Нарѣчія *Алеутовѣ* хотя содержатѣ также нѣкоторыя слова, похожія на тѣ, кои соотвѣтствуютѣ имѣ въ выше упомянутыхѣ нарѣчіяхѣ, но оныя въ столь маломѣ числѣ, и сверхѣ сего счисленіе Алеупское столь ошмѣнно, что въроятнѣе кажется, что оныя слова заняты Алеушами отѣ сосѣдственныхѣ народовѣ. Тоже должно сказать и о

	Сидячихъ Чукчей	Жителей Нортон- новой губы	Кояговъ	Чугачей	Эскимовъ	Гренландцевъ
Ошецъ . . .	Апта, аптака	. . . .	Апага, апаака	Апаака . . .	Апшатакъ . .	Апшата. . .
Мать . . .	Анакъ . . .	. . . .	Анага, анака	Ааннака . . .	Ананакъ . . .	Аннанакъ. . .
Голова . . .	Наскокъ, кашко	. . . .	Наскокъ, нацкукъ	Нашкока . . .	Ніякокъ . . .	Ніякокъ. . .
Волосы . . .	Нуякъ, нуешъ	Нуишъ . . .	Нюештъ, ногѣшъ	Нуештъ . . .	Мерко . . .	Ныакъ, Нынкешъ.
Брови . . .	Хаблушъ . . .	Кемелюкъ . .	Каблушъ . . .	. . . .	Коплушъ . . .	. . . .
Ухо . . .	Чувшукъ . . .	Шодекъ . . .	Чудикъ . . .	. . . .	Сеюшекъ . . .	. . . .
Ротъ . . .	Кандакъ . . .	. . . .	Ханыкъ, каннига	Канна . . .	Каннекъ . . .	Каннекъ. . .
Борода . . .	. . . .	Гемлюкъ . . .	Гамеклобъ . .	. . . .	. . . .	. . . .
Рука . . .	Мынгипшъ, шап- лихка	Эйшешъ . . .	Айха, шаплияка	Ташляка . . .	Алгипъ . . .	. . . .
Плечо . . .	Туижка . . .	Деллекъ . . .	Туикъ . . .	. . . .	Теллокъ . . .	. . . .
Байдарка . .	. . . .	Кэакъ . . .	Каякъ . . .	. . . .	. . . .	Каякъ. . .
Жельзо . . .	. . . .	Шавикъ . . .	Чавыкъ . . .	. . . .	. . . .	Шевекъ. . .
Солнце . . .	Шекюнакъ . .	Мэдше . . .	Чингухукъ, . .	Чингохокъ . .	Секкернекъ	Секкинекъ. .
	Мачакъ . . .	. . . .	Мачшакъ . . .	. . . .	. . . .	. . . .
Земля . . .	Нуна . . .	. . . .	Нуна . . .	Нуна . . .	Нуна . . .	Нуна. . .
Вода . . .	Мокъ, эмакъ	. . . .	Ганакъ, тангакъ	Ммакъ . . .	Иммекъ . . .	Иммекъ. . .
Ночь . . .	Уннокъ . . .	. . . .	Унукъ . . .	Унукъ . . .	Уннуакъ . . .	Уннуакъ. . .
Одинъ . . .	Апашецкъ . . .	Адауджекъ . .	Апшучикъ . . .	Апшучиъ . . .	Апшаусекъ . .	Апшаусекъ. .
Два . . .	Малгокъ . . .	Эба . . .	Маллокъ, алха	Апха . . .	Маррукъ . . .	Марлукъ. . .
Три . . .	Пингаю . . .	Пингэшукъ . .	Пингаинъ, дингаю	Пингаюа . . .	Пингасушъ . .	Пингасушъ. .
Четыре . . .	Ишпамашъ . . .	Шешэмикъ . . .	Шшамю . . .	Чашаами . . .	Ситшамашъ . .	Сиссамашъ. .
Пять . . .	Ташлишанъ . .	Деллэмикъ . . .	Тадлимю . . .	Таллими . . .	Теллишанъ . .	Теллишанъ. .
Десять . . .	Кулле . . .	. . . .	Коллинъ . . .	Колнъ . . .	. . . .	Коллишъ. . .

нарѣчіяхъ *Коложей* и *Кенайцовъ*. Мы помѣщаемъ здѣсь сравнительную таблицу нѣкоторыхъ словъ на шести вышеупомянутыхъ нарѣчіяхъ, составленную по большей части изъ подобной сравнительной таблицы, находящейся въ сочиненіи: *Mithridates oder allgemeine Sprachkunde von J. C. Adelung, fortgesetzt von Dr. J. S. Vater IV Theil pag. 251 Berlin 1817*, а отъ части также изъ Кукова путешествія (*Troisième voyage de Cook traduit de l'anglais par M. D *** Tome 8. на концѣ*), изъ коего взято нарѣчіе жителей *Нортоновой* губы, и изъ краткаго словаря двѣнадцати нарѣчій въ путешествіи *Биллингса*.

ЧУГАЧИ И КЕНАЙЦЫ.

Чугачи, по описанію Кука, роста средняго, но есть многіе изъ нихъ и роста малаго, плечисты и съ широкою грудью; шеи у нихъ короткія и толстыя, лица широкія и плоскія, головы большія въ отношенію къ туловищу; глаза малые по ихъ лицу, носы вверхъ задартые; зубы бѣлые широкіе; волосы черные, полстыя, лоснящіеся. Мущины имѣютъ мало волосовъ на бородахъ, или вовсе нѣтъ; выключая стариковъ, у коихъ бороды большія и густыя, но гладкія. Въ ихъ чертахъ примѣтно много различій, но мало есть пріятныхъ, выключая не многія женскія лица; впрочемъ черты ихъ лица обыкновенно обѣщаютъ много искренности, добродушія и живости. Цвѣтъ тѣла ихъ смуглый; хотя есть немногія женщины и дѣти бѣлыя, но онѣ не имѣютъ румянца въ щекахъ. Мущины подрѣ-

зываютъ волосы кругомъ, женщины же связываютъ ихъ съзади въ пучокъ. Оба пола носятъ украшенія въ носовой мякоти подъ христомъ, подъ нижней губою и въ ушахъ, подобнымъ образомъ, какъ сіе прежде у Коняговъ было въ общемъ употребленіи; мужчины испещряютъ часто лице красками, красною и черною, а иногда синею или сѣрою; а женщины, подражая имъ, мараютъ нѣкоторымъ чернымъ веществомъ бороду, протягивая сіе украшеніе по обѣимъ сторонамъ до щекъ.

Одежда мужеская не различается отъ женской; она состоитъ такъ какъ у Коняговъ и Алеуповъ изъ парокъ и камлестъ, которыя украшаются подобнымъ же образомъ. На рукахъ носятъ Чугачи рукавицы изъ медвѣжьихъ лапъ, но на ногахъ обыкновенно не бываетъ у нихъ никакой обуви; нѣкоторые носятъ родъ чулокъ изъ кожъ, которыя покрываютъ ноги до половины ладвей; шляпы ихъ соломенные или деревянные имѣютъ видъ усѣченного конуса. Оружіе ихъ и орудія для промысловъ такія же, какія у Эскимовъ и Гренландцевъ; они имѣютъ также родъ панцирей изъ легкихъ дощечекъ, связанныхъ вмѣстѣ звѣриными жилами, коими покрываютъ грудь и брюхо. Большія ихъ открытыя шляпки, обшитыя кожами морскихъ звѣрей, походять на шѣ, кои употребляются женщинами въ Гренландіи; а байдары двоелучныя нѣсколько пошире шѣхъ, кои въ употребленіи у Эскимовъ.

Упражненія Чугачей состоятъ, подобно какъ у сосѣдственныхъ имъ примерскихъ народовъ, въ про-

мысль рыбы, морскихъ и земныхъ звѣрей, отъ ко- его получаютъ одежду и пищу. Изъ инструментовъ для механическихъ работъ, видѣлъ *Кукъ* у Чугачей каменной топоръ, такого почти вида, какого бы- ваютъ оныя на всѣхъ островахъ Южнаго Океана, а именно на островѣ *отанги*; кромѣ сего было у нихъ уже тогда много желѣзныхъ ножей, изъ ко- ихъ иные были загнуты; особенный родъ большихъ ножей, длиною до двухъ фузовъ, похожихъ на кинжалы, носили они въ кожаныхъ ножнахъ, привѣ- шенныхъ къ шеѣ на ремнѣ.

Кенайцы, также по описанію Кука, похожи во всѣхъ отношеніяхъ на Чугачей, и одежда ихъ такая же какъ и у тѣхъ, только въ нѣкоторыхъ частяхъ болѣе украшена бѣлымъ и краснымъ шитьемъ. Впрочемъ языкъ сего народа различенъ отъ Чугачкаго, хо- тя *Кукъ* полагаетъ сему проотивное; образъ же жизни и обычаи не столь отличны. Въ путеше- ствіи Хвостова и Давыдова упоминается, что Ке- найцы презираютъ птичьи парки, и подобно *Коло- жамъ* носятъ шабарганьи накидки, имѣющія видъ че- твероугольнаго одѣяла, которыя накидываются на плеча, въ видѣ плаща, и завязываются на шеѣ. Они не имѣютъ теплыхъ жилищъ, но сидятъ зимою въ большихъ шалашахъ, у разведеннаго всегда по срединѣ огня; сіи шалаша перестраиваютъ они ежегодно, и перемѣняютъ часто и самыя мѣста жилищъ.

Бракъ заключается у нихъ подобно какъ у Ко- няговъ. Похороны же опмѣнны тѣмъ, что у нихъ,

такъ какъ у Тунгусовъ, кладутъ тѣла мертвыхъ на поспавленную на чetyрехъ столбахъ крышку, гдѣ оныя согниваютъ, тѣла же богатыхъ сожигаютъ съ частію платья; при чемъ поютъ сочиненныя въ похвалу покойника пѣсни и пляшутъ. О богѣ не имѣютъ никакого понятія, но боятся злыхъ духовъ; по ихъ сужденію, души утоншихъ, и умершихъ своею смертію, живутъ подъ землею, убитыхъ же на небѣ; но они не полагаютъ въ будущей жизни ни награжденія добрымъ, ни наказанія злымъ. Нынѣ однако начинаютъ воспринимать православную Грекоросійскую Вѣру. Кенайцы занимаются болѣе промысломъ земныхъ звѣрей, ибо къ морю не очень способны. Луки у нихъ такіе же, какъ у Аляксинцовъ, стрѣлы съ различными остріями, изъ оленьяго рогу, мѣдныя, желѣзныя или каменныя. Они отправляются ежегодно въ Іюнь мѣсяцъ внутрь Американскаго материка дней на 14 или 15 ходу, для ловли табаргановъ; тамъ встрѣчаются съ приходящими туда жителями Мѣдной рѣки, и производятъ съ ними торгъ, вымѣнивая у нихъ самородную мѣдь, и другіе товары.

КОЛЮЖЫ И УГАЛАХМЮТЫ.

Жишели Сѣверо-западнаго Американскаго берега, отъ Якутатской губы до 57° сѣверныя широты, именуются *Колужами* или *Колшалами*. Они говорятъ однимъ языкомъ, но раздѣляются на разныя поколѣнія, изъ коихъ главныя суть: медвѣжье, орлиное,

воронье, касаткино и волчье или Коквонстанское; послѣднее имѣетъ разныя преимущества передъ прочими, и почитается самымъ храбрымъ и искуснымъ въ военномъ дѣлѣ.

По описанію флота Капитана Ю. Ф. *Лислянского* и Академика *Лангсдорфа*, *Колосы* росту средняго и крѣпкаго сложенія, проворны и остроумны, но на взглядъ кажутся маловажны. Лице ихъ круглое съ широкими скулами, глаза по большей части великія и живыя, носъ малый плоскій широкій, губы нѣсколько полсловагы; волосы черные, жесткіе и прямые; на бородѣ у мужчинъ ихъ вовсе нѣтъ или очень мало, ибо вырываютъ ихъ съ корнями; тѣло смуглое, но многіе, особенно женщины, не уступаютъ цвѣтомъ лица и самымъ Европейскимъ. Мужчины во время посѣщеній украшаютъ свое лице, дѣлая многія правильныя фигуры уголемъ, мѣломъ, киноварью и охрами; а въ волосы насыпаютъ орлиного пуху. Женщины же вообще безобразятъ себя самымъ страннымъ образомъ: какъ скоро начнутся у нихъ мѣсячныя очищенія, то прорѣзывается подъ самую нижнюю губою, въ срединѣ малое отверстіе, въ которое вставляются съ начала толстая проволока, а послѣ деревянной цилиндръ, коего концы полще. Сіе отверстіе со временемъ дѣлается опъ сего больше, такъ что послѣ вставляется шуда овальная дощечка, которая нижнюю губу оптягиваетъ въ передъ, и даетъ ей видъ вросшей суповой лошки; постепенно дѣлаются вставляемыя дощечки больше, такъ

что нѣкоторыя женщины носятъ оныя въ нижней губѣ, величиною до пяти дюймовъ длины и до трехъ дюймовъ ширины, а въ половину дюйма толщины. Какъ сіе украшеніе находится въ большемъ уваженіи у всѣхъ приморскихъ народовъ Сѣверо-западной Америки, отъ 50° до 60° широты, но знатныя женщины стараются имѣть нижнюю губу сколько возможно болѣе и длиннѣе. Впрочемъ оное, Европейцамъ весьма опивратительное украшеніе, мѣшаетъ также симъ женщинамъ употреблять пищу.

Одежда сихъ народовъ весьма проста; мужская состоить, у достаточныхъ только изъ четверугольныхъ бѣлыхъ одѣялъ, дѣлаемыхъ изъ шерсти дикихъ барановъ; оныя обыкновенно вышиты четырёхугольными фигурами съ кистями вокругъ, чернаго и желтаго цвѣта; внутренняя часть бываетъ иногда украшена бобровымъ пухомъ. Иныя носятъ ковры или мѣховыя одѣяла, до пяти футъ ширины имѣющія, и двумя концами около шеи обвязываемыя. Прежде привозимы имъ были изъ Американскихъ Союзныхъ Штатовъ байковыя или фризовыя шенели и серпуки, изъ коихъ цвѣтомъ красныя и синія у нихъ предпочитались. Впрочемъ одежда употребляется только для наряда, или отъ большаго холода; а обыкновенно ходятъ нагіе. Женщины одѣваются также весьма просто, прикрывая все плѣчо и груди; многія носятъ длинныя рубахи. Оныя любятъ также украшать уши и шею бисеромъ и раковинами; и носятъ много колецъ стальныхъ на рукахъ около суславовъ. Къ оде-

ждѣ дѣтской пришиваютъ разныя побрякушки, Кишайскія мѣдныя деньги, а паче всего наперстки. Жилища ихъ обширны четверугольны, строятся изъ колодыхъ досокъ; крыши изъ досокъ же или коры, имѣютъ продолговатое отверстіе, фута на два шириною, для выхода дыма. Въ сихъ жилищахъ оконъ никакихъ нѣтъ, а двери низменны, въ которыя только нагнувшись пролѣзть можно; въ срединѣ раскладывается огонь въ выкопанной четверугольной ямѣ. По сторонамъ около сей ямы мѣсто для жилья, надъ которымъ не высокія нары или широкія полки, для поклажи разныхъ вещей. Внутри жилищъ большая неопрятность; дымъ и вонь отъ рыбы и жира; видѣ же вымаранныхъ красками лицъ и безобразныхъ большихъ нижнихъ губъ, производитъ отвращеніе.

Оружіе ихъ состояло прежде сего въ лукахъ со стрѣлами и въ копьяхъ; но нынѣ имѣютъ уже много ружей и пороха, и даже небольшія пушки, которыя вымѣнили отъ Американцевъ Союзныхъ Шпашовъ на мѣха морскихъ бобровъ и другія. Они имѣютъ также *Кукки* или полукафтанья съ желѣзными полосами, пришитыми одна подлѣ другой поперекъ груди; оныя привозились имъ также на судахъ Американскихъ Союзныхъ Штатовъ.

Пища Колюжей состоитъ лѣтомъ въ свѣжей рыбѣ, морскихъ звѣряхъ и ягодахъ разнаго рода; а зимою въ вяленой рыбѣ, въ икрѣ особенно изъ сельдей, заготовляемой въ большемъ количествѣ, въ жирѣ звѣрей морскихъ, въ морскихъ растеніяхъ и въ ков-

рижкахъ чепыреугольныхъ , полщиною около дюйма, приготавливаемыхъ изъ лиственичной перепонки, покрывающей дерево подъ корою. Киповый жиръ и мясо вовсе не употребляютъ. Пищу варятъ въ Европейскихъ кошлахъ ; у зажиточныхъ есть также много Европейской посуды, прочіе же довольствуются своими деревянными чашами или корытцами, и большими лошками, дѣлаемыми изъ дерева или рога дикихъ барановъ.

Главнымъ упражненіемъ Колюжей есть промыселъ рыбы , морскихъ и отъ части земныхъ звѣрей; но они въ промыслѣ морскихъ звѣрей не столь искусны какъ выше упомянутые народы; ибо бьютъ ихъ изъ ружей по большей части сонныхъ. Лодки свои дѣлаютъ изъ легкаго дерева, называемаго чагою. Онѣ бываютъ однодеревки, и разной величины; самыя большія длиною до 45 футовъ, вмѣщаютъ до 60 человекъ, и служатъ для переноса семействъ, или во время войны; самыя меньшія употребляются для промысловъ; весла же у нихъ невелики. Другія ихъ упражненія состоятъ, между прочимъ, въ дѣланіи удъ и деревянной посуды, въ плетеніи корзинокъ и веревокъ для уденія рыбы, и въ разной рѣзной работѣ, въ которой оказываютъ довольное искусство; разныя шкапулки и сундуки выкладываютъ зубами морскихъ бобровъ и малыми кусками раковинъ.

Обыкновенія Колюжей сходствуютъ во многомъ съ Конягскими; большая разность примѣчается однако при похоронахъ: ибо они иѣла мертвыхъ

сожигаютъ, и оставшіяся кости и пепелъ кладутъ въ ящики, которые спавятъ обыкновенно у берега на столбахъ, украшаемыхъ разными рѣзными фигурами. Тѣла же шамановъ почитаются незгораемыми, и потому онѣ предаются погребенію цѣлыя. Убіеннымъ на войнѣ отрубываютъ головы, и хранятъ оныя въ коробкахъ, а пѣла превращаютъ въ пепелъ. Говорятъ, что по смерти богатыхъ, сожигаютъ вмѣстѣ съ покойникомъ одного изъ его слугъ; при постройкѣ дома для знаменитой какой либо между ими особы, умерщвляютъ также слугъ, но зарываютъ ихъ просто въ землю.

Колюжи имѣютъ только по одной женѣ, исключая нѣкоторыхъ богатыхъ, у коихъ есть по двѣ жены, одна старая, а другая молодая. Женскій ихъ полъ весьма отличается отъ прочихъ выше упомянутыхъ свѣрхъе живущихъ народовъ, какъ цѣломудріемъ и стыдливостію, такъ и супружескою вѣрностію. Обрядовъ богослуженія у Колюжей нѣтъ никакихъ; однако признаютъ они на небѣ или другомъ свѣтѣ существо, создавшее все; у нихъ есть также шаманы, посредствомъ которыхъ, по ихъ мнѣнію, дьяволъ на землѣ дѣлаетъ разныя пакости. Наслѣдство переходитъ у нихъ отъ дяди къ племяннику.

Выше сказано, что Колюжи раздѣляются на разныя поколѣнія; здѣсь замѣтитъ однако должно, что оныя поколѣнія отъ части смѣшаны въ селеніяхъ, но живутъ въ особенныхъ домахъ, надъ которыми вмѣсто герба вырѣзано фамильное живописное, какъ по медвѣдь, волкъ и прочая. Начальники ихъ имѣютъ

власть ограниченную, и ихъ бываетъ иногда до пяти въ одномъ селеніи. Достоинство же сіе переходитъ къ сильнѣйшему, или къ имѣющему болѣе родственныхниковъ. Впрочемъ они очень привязаны къ своимъ начальникамъ, ибо отбиваютъ оныхъ изъ плѣна силою, или въ случаѣ неудачи, выкупаютъ ихъ не щадя своего имѣнія: чему примѣръ былъ въ 1801 году въ окрестностяхъ нынѣшней *Новоархангельской* крѣпости, когда взятъ былъ въ плѣнъ одинъ ихъ начальникъ Американцами Союзныхъ Штатовъ. Колюжи хотя храбры, но подобно прочимъ дикимъ народамъ, не сражаются открыто, а стараются больше напасть на непріятеля въ разплотъ. Они весьма хитры, и поступаютъ съ плѣнниками, особенно съ Европейцами жестоко, подвергая ихъ самой мучительной смерти; въ коемъ безчеловѣчномъ дѣлѣ участвуютъ самыя престарѣлые люди и дѣти. Шаманы обрѣзываютъ вокругъ черепа кожу у сихъ жертвъ, и взявъ за волосы, сдергиваютъ оную; сіи волосы служатъ послѣ украшеніемъ на игрищахъ.

Угилахмоты, (на ихъ языкѣ означаетъ сіе названіе восточное селеніе) живутъ между *Мѣднаго* рѣкою и *Якутатского* губою; о семъ народѣ еще несообщено путешественниками никакого описанія, хотя оный находится въ вѣдомствѣ Россійской Американской Компаніи. В.

ОПИСАНІЕ КАМЧАТКИ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

О ПОКОРЕНІИ КАМЧАТКИ, О БЫВШИХЪ ВЪ РАЗ-
НЫЯ ВРЕМЕНА БУНТАХЪ И ИЗМЪНАХЪ, И О
НЫНЬШНЕМЪ СОСТОЯНІИ РОССИЙСКИХЪ
ОСТРОГОВЪ.

Г Л А В А I.

*О первоу извѣстїи про Камчатку, о
походахъ Камчатскихъ, и о заведенїи
въ той странѣ Россійскаго поселенїя.*

По распространенїи Россійскаго владѣнїя
въ сѣверѣ, и по заведенїи селенїя по зна-
нѣйшимъ рѣкамъ впадающимъ въ Ледовитое
море, отъ Лены рѣки къ востоку до Ана-
дырска, часъ отъ часу болѣе спаранїя было
прилагаемо, чшобъ отъ Анадырска далѣе про-
вѣдывать земли, и живущихъ тамъ иновѣр-
цовъ приводить въ подданство; чего ради
всякому прикащику накрѣпко было подпвер-
ждаемо, чшобъ всѣми мѣрами домогаться

получить извѣстіе, гдѣ какой народъ живеть, сколь многолюденъ, какое имѣетъ оружіе, какое богатство и прочая. Такимъ образомъ не могла Камчатка не быть извѣстна еще въ то время, когда нѣсколько Коряковъ Пенжинскаго и Олюторскаго морей изъ Анадырска были объясачены, ибо имъ какъ сосѣдямъ Камчатскимъ, а паче Оленнымъ Корякамъ, которые часто кочуютъ внутри самой Камчатки, тамошній народъ довольно былъ знаемъ. Но кто первый изъ Россійскихъ людей былъ на Камчаткѣ, о томъ не имѣю достовернаго свидѣтельства; а по словеснымъ извѣстіямъ приписывается сіе нѣкакому порговому человѣку Федоту Алексѣеву, по котораго имени впадающая въ Камчатку Никулъ рѣчка Федотовщиною называется: будто онъ пошелъ изъ устья рѣки Ковымы Ледовымымъ моремъ въ семи кочахъ; будто погодою опнесенъ отъ другихъ кочей и занесенъ на Камчатку, гдѣ онъ и зимовалъ со своимъ кочемъ; а на другое лѣто обшедъ Курильскую Лопатку дошелъ Пенжинскимъ моремъ до рѣки Тигиля, и отъ тамошнихъ Коряковъ убитъ зимою со всѣми поварищи; къ которому убійству аки бы они причину сами подали, когда одинъ изъ нихъ другаго зарѣзалъ; ибо Коряки, которые по огненному ихъ оружію выше смертныхъ почитали,

видя, что и они умирать могутъ, не пожелали имѣть у себя гостей поль спрашныхъ. Извѣстіе въ разсужденіи морскаго его пути съ Ковымы рѣки подтверждается опискою служиваго Семена Дежнева; ибо Дежневъ объявляетъ, что морское ихъ путешествіе было неблагополучно; торговаго челоука Ѳедота Алексѣева разнесло съ нимъ погодою безъ вѣспи; его носило по морю долгое время, а на послѣдокъ выбросило на берегъ въ передней конецъ за Анадырь рѣку. Но въ разсужденіи бытности его на Камчаткѣ, и что Никулъ рѣчка Ѳедоповщиною по имени его называется, нѣсколько сумнительно: ибо въ той же его опискѣ показано, что въ 7162 (1654) году ходилъ онъ Дежневъ возлѣ моря въ походъ, и опбилъ у Коряковъ Якупскую бабу помянутаго Алексѣева, которая ему сказывала, что Ѳедотъ съ однимъ служивымъ цынгою умерли, а иные товарищи ихъ побиты, и остались не великіе люди, и побѣжали въ лодкахъ одною душою, а куды, невѣдомо. Чтожъ касается до построенныхъ на рѣкѣ Никулъ зимовей, то и опъ самихъ Камчадаловъ подтверждается, что оныя Россійскими людьми поставлены, а развалины ихъ до нашихъ временъ были видимы.

Но сія разность въ извѣстіяхъ кажется отвращена бытъ можетъ, ежели поло-

жить, что ведомъ съ товарищи не на Тигиль погибъ, но между Анадыремъ и Олюторскимъ; ибо такимъ образомъ не пропивно будеть извѣстіямъ, когда представимъ себѣ, что онъ и на Камчаткѣ зимовалъ съ кочемъ своимъ, и вокругъ Лопатки доходилъ до рѣки Тигиля, что опшуда обратно слѣдовалъ къ Анадырску или моремъ, или сухимъ путемъ по Олюторскому берегу, и на пупи умеръ, а прочіе его товарищи или побиты, или безвѣстно пропали, хотя опъ убійства избавиться. Но какъ бы то ни было, однако сей походъ и не великой былъ, и не великой важности; для того что не послѣдовало опъ него никакой пользы, не токмо въ разсужденіи Государственнаго интереса, но ниже въ разсужденіи надежнѣйшаго извѣстія о землѣ Камчаткѣ; ибо, какъ выше показано, никого изъ объявленнаго похода не явилось выходцовъ; чего ради первымъ походомъ на Камчатку можно почестъ походъ козачья пятидесятника Володимира Апласова.

Онъ Апласовъ въ 7203 (1605) году присланъ былъ изъ Якутска прикащикомъ въ Анадырской оспрогъ, и велѣно ему было, такъ какъ прочимъ прикащикамъ, ясакъ собирать съ присудныхъ къ Анадырску Коряковъ и Юкагирей, и стараться о приискѣ вновь людей, и о приведеніи ихъ подъ самодержавную Го-

судареву власть. Въ 7204 году посыланъ онъ него былъ къ Апушскимъ Корякамъ Лука Морозко въ 16 человекъ за ясачнымъ сборомъ, который по возвращеніи своемъ объявилъ, что онъ не только былъ у оныхъ Коряковъ, но и до Камчатки не доходилъ токмо за 4 дни, и въ томъ походѣ взялъ онъ Камчатской острожекъ, а на погромъ получилъ не вѣдомо какія письма, которыя объявилъ Апласову (1).

По сему извѣстію Апласовъ, взявъ съ собою 60 человекъ служивыхъ, да такоежъ число Юкагирей, а въ Анадырскомъ оставя 38 человекъ служивыхъ, отправился въ 7205 году послѣ ясачнаго сбора на Камчатку, и въ томъ походѣ склонилъ онъ ласкою къ ясачному платежу Акланской, Каменной и усть-Таловской острожки, да одинъ боемъ взялъ (2). Послѣ того, какъ сказываютъ, раздѣлилъ онъ партію свою на двое; поло-

---

(1) Сии письма были Японскія, дошедшія на Камчатку по случаю разбитія Японской бусы у береговъ Камчатскихъ. В.

(2) Апласовъ въ отпискѣ своей въ Якутскѣ о раздѣленіи партіи не упоминаетъ, но пишетъ, что по погрому острога пошелъ онъ въ Олюторскую землю Февраля 1 дня; однако словесное извѣстіе, что не самъ онъ туда ходилъ, но партія, ошъ достовѣрныхъ людей подтверждается.

вину послалъ на Воспочное море подѣ командою Луки Морозки, а съ другою самъ по Пенжинскому морю слѣдовалъ. На Палланѣ измѣнили ему союзники его Юкагиры, 3 человекъ служивыхъ убили, да 15 человекъ и его Апласова ранили, однакожъ намѣренія своего, чтобъ всѣхъ побить, не исполнили; ибо козаки справясь отбили прочь оныхъ злодѣевъ, и не взирая на то, что лишились ихъ помощи, предпріятія своего не оставили; но продолжали походъ свой къ югу. На Тигилѣ рѣкѣ соединились паки обѣ паршіи, и собрали ясакъ съ иноземцовъ живущихъ по Напанѣ, Кигилю, Ичѣ, Сіупчѣ и Харъузовой рѣкахъ, а до (1) Ка-

---

(1) Понсже нынѣ никакой рѣки на Камчаткѣ Каланкою не называютъ, чего ради заподлинно знать невозможно, до которыхъ мѣстъ доходилъ Апласовъ; а по словеснымъ извѣстіямъ Камчатскихъ старожилонъ, доходилъ онъ до рѣки Нынгычу, что нынѣ Голыгиною называется, по имени козака Голыгина, которой въ ономъ Апласова походъ пропалъ безвѣстно; чего ради думать должно, что Апласовъ подѣ именемъ Каланской рѣки разумѣлъ Игдыгъ или Озерную, на которую съ Голыгиной переѣзжаютъ въ третій день; а Каланскою назвалъ ее, можетъ быть, по бобрамъ морскимъ, которые тамъ промышляются, и прежде сего назывались Каланами.

ланской рѣки не дошли они шокмо за три дни. Будучи же на Ичѣ взялъ онѣ у Камчадаловѣ полоненика Узакинскаго (Японскаго) Государства.

Опшуда возвратился онѣ назадѣ, и шелѣ тоюже дорогою до рѣки Ичи, а съ Ичи перешелѣ на Камчатку рѣку, построилѣ верхній Камчатской острогѣ, и оставя въ немѣ служиваго Потана Серюкова въ 15 человекѣхъ, выѣхалѣ въ Якутскѣ 7208 году Юля 2 дня, и вывезѣ съ собою Японскаго плѣнника и ясачную Камчатскую казну, которая состояла въ 80 сорокахѣ соболей, въ собольей паркѣ, въ 10 бобрахѣ морскихѣ, въ 7 лоскушахѣ бобровыхѣ, въ 4 выдрахѣ, въ 10 лисицахѣ сиводущепыхѣ, въ 191 лисицѣ красныхѣ; да у него было собсвенныхѣ соболей на повары, какѣ пищепѣ, вымѣненныхѣ, 11 сороковѣ. А изѣ Якутска онѣ отправленѣ съ пою казною къ Москвѣ, гдѣ за помянутую свою службу пожалованѣ козачьимѣ головою по городу Якутску, и велѣно ему паки на Камчатку слѣдовать, набравѣ 100 человекѣ въ Тобольскѣ, въ Енисейскѣ и въ Якутскѣ изѣ тамошнихѣ козачьихѣ дѣпей въ козачью службу, и для того походу указано было снабдитѣ его какѣ въ Москвѣ, такѣ и въ Тобольскѣ небольшими пушками, пищалями, свинцомѣ и порохомѣ, и при томѣ

дашь ему изъ Тобольска полковое знамя, барабанщика и сиповщика. Но Апласовъ на Камчатку не отправленъ по 1706 годъ за бывшимъ надъ нимъ слѣдствиемъ: ибо онъ будучи изъ Тобольска судами въ 1701 году, разбилъ на рѣкѣ Тунгускѣ дощаникъ съ Кипайскими товарами гостя Логина Добрынина, въ чемъ на него прикащикъ того гостя въ Якутскѣ билчеломъ, и по тому челобитью онъ Апласовъ съ главными заводчики въ 10 человекъ посаженъ въ тюрьму, а на мѣсто его 1702 году отправленъ на Камчатку по выбору служивой Михайло Зиновьевъ, которой бывалъ на Камчаткѣ, какъ въ отпискѣ изъ Якутска объявлено, еще прежде Апласова, можетъ быть съ Морозкою.

Между шѣмъ оставленной на Камчаткѣ служивой Пошапъ Серюковъ жилъ въ верхнемъ Камчатскомъ острогѣ три года безъ всякаго успѣшенія опъ Камчадаловъ; ибо онъ за малолюдствомъ ясаку собирать не отважился, но подъ видомъ купца торговалъ съ ними. Наконецъ и топъ въ Анадырскѣ побхалъ, однакожъ Коряки не допусти его до Анадырска со всѣми товарищами убили. А выѣздъ его по видимому учинился, какъ сынъ боярской Тимошей Кобелевъ на Камчатку приѣхалъ, который почиается первымъ прикащикомъ оныхъ остроговъ.

Въ бытность свою перенесъ онъ жилье верхняго Камчатскаго оспрога на рѣку Кали-кыгъ, которая отъ прежняго оспрожнаго мѣста въ полуверстѣ, да вновь построилъ зимовье на рѣкѣ Еловкѣ; а ясакъ, какъ по рѣкѣ Камчаткѣ, такъ по Пенжинскому и Бобровому морю, собиралъ онъ повольной, и съ ясачною казною выѣхалъ въ Якутскъ въ 1704 году благополучно. Въ тожъ время паршія Анадырскихъ служивыхъ людей, подѣ командою служиваго Андрея Кушнина, построила шесть зимовей на впадающей въ Восточное море Укѣ рѣкѣ, и начала собирать ясакъ съ памошнихъ Коряковъ.

Кобелева смѣнилъ вышеписанной Михайло Зиновьевъ, которой отправленъ изъ Якутска вмѣсто Володимира Апласова, а правилъ онъ Камчатскими оспрогами до прибытія козачья пятидесятника Василья Колесова съ 1703 по 1704 годъ. Во время бытности своей первый онъ завелъ ясачныя книги, въ которыхъ Камчадаловъ поименно началъ вписывать. Нижнія Камчатскія зимовья за неспособностію мѣста перенесъ на ключи, и на Большой рѣкѣ оспрогъ построилъ. Онъ же перевелъ изъ Укинскихъ зимовей на Камчатку Анадырскихъ служивыхъ людей по прозьбѣ ихъ. Такимъ образомъ приведши Камчатскія дѣла въ нѣкоторой порядокъ, щасли-

ливо въ Якутскѣ возвращился съ ясачною казною.

Въ 1704 году подъ осень прибыхалъ изъ Якутска на мѣсто Михайла Зиновьева козацкій пятидесятникъ Василей Колесовъ, копорой сидѣлъ на приказѣ по Апрель мѣсяцъ 1706 году, для того что отправленные на смѣну ему Якутской сынъ боярской Василій Пропоповъ въ 1704, да служивой Василій Шелковниковъ въ 1705 году убиты на дорогѣ отъ Олюторовъ, а съ ними по десяти человекъ служивыхъ. Во время его правленія былъ первой походъ въ Курильскую землю, и человекъ съ 20 Курильцовъ объясачено, а прочіе Курильцы, которыхъ было немалое число, врознь разбѣжались.

И сей прикащикъ съ ясачною казною въ Якутскѣ прибыхалъ благополучно, хотя на него, Августа въ послѣднихъ числахъ помянушаго году, около Пенжины рѣки и было умышление отъ немирныхъ Сидячихъ Коряковъ Косухина оспрожка, копорый соспонтъ на успѣ-Таловкѣ; ибо онъ будучи о помѣ увѣдомленъ заблаговременно отъ Сидячихъ же Коряковъ Акланскаго оспрожка, копорый отъ Косухина верстахъ въ 15, слѣдовалъ съ надлежащею оспорожностію.

Въ Акланскомъ жилъ онъ 15 недѣль, ожидая пуши зимняго, въ копорое время Коря-

ки Косухина оспрожка, и нѣкопорые другіе покушались паки убить его со служивыми, токмо не допущены отъ Акланскихъ жителей. Колесовъ въ помянутомъ оспрогѣ засталъ семь человекъ служивыхъ оставшихся послѣ Шелковникова съ подарочною и пороховою казною, посланною въ Камчатскіе остроги, которыхъ онъ, вѣдая на Камчаткѣ скудость въ свинцѣ и порохѣ, отправилъ съ двадцатью однимъ человекомъ своей команды, а команду поручилъ надъ ними выборному служивому Семену Ломаеву, которому и ясакъ приказалъ собирать во всѣхъ прехъ Камчатскихъ острогахъ.

По отбѣздѣ Василья Колесова съ Камчатки не бывало у ясачныхъ иноземцовъ знашной измѣны, а послѣ его въ бытность закащиками въ Верхнемъ оспрогѣ Федора Анкудинова, въ Нижнемъ Федора Ярыгина, а въ Большерѣцкѣ Дмитрія Ярыгина, взбунтовали Большерѣцкіе Камчадалы; Большерѣцкой Россійской оспрогѣ сожгли, и бывшихъ въ немъ служивыхъ безъ остатку побили. Въ тоже время и на Бобровомъ морѣ убить ясачной зборщикъ въ 5 человекъ. Причина бунту ихъ была можетъ быть та, что имъ ясачной зборъ, которой уже былъ и съ принужденіемъ, показался пягоспенъ, тѣмъ наипаче, что у нихъ тогда прежнялъ воль-

ность изъ памяти еще не вышла, которую они надѣялись возвратишь убійствомъ Россійскихъ людей; ибо по объявленію тамошнихъ старожиловъ Камчадалы думали, что Россійскіе козаки какіе нибудь бѣглецы; для того что всегда почти одни къ нимъ приходили, а вновь не прибывало; чего ради не сумнѣвались они всѣхъ ихъ перевестъ безъ оспашку, а въ непроездъ вновь изъ Анадырска надѣялись на Коряковъ и Олюторовъ, будучи извѣстны, что они двухъ прикащиковъ Прошопопова и Шелковникова съ командами на дорогѣ побили. Однако они въ томъ весьма обманулись: ибо вмѣсто пріобрѣтенія прежней вольности многіе потеряли животовъ свой, отъ чего и число ихъ уменьлось прошивъ прежняго, какъ ниже сего пространнѣе будетъ объявлено.

Козаки за малолѣтствомъ своимъ принуждены тогда были жить съ крайнею оспорожностію, оставя до времени измѣнниковъ въ покоѣ. Между тѣмъ въ помянутомъ же 1706 году Атласовъ освобожденъ изъ подѣ караула, и отправленъ изъ Якутска на Камчатку прикащикомъ съ тѣми же преимуществами, которыя даны ему были въ 1701 году, чтобъ имѣть ему полную власть надъ служивыми, и винныхъ смотря по дѣлу бабогами и кнутомъ наказывать; а вѣрно

ему прежнюю свою вину, что учинилъ разбой, заслужить, и въ прискиваніи вновь земель и неясачныхъ людей оказати крайнюю ревность; обидѣ и налоговъ никому не чинить, и прошивъ иноземцевъ не упопрелять строгости, когда можно будетъ обойтись ласкою, въ прошивномъ случаѣ и смертная казнь ему предписана. Но Апласовъ отпра-вившись изъ Якутска съ немалымъ числомъ служивыхъ людей, и съ военными припасами, между которыми были и двѣ небольшія мѣд-ныя пушки, вскорѣ возвратился на прежнее; ибо не доѣхавъ еще до Анадырска безвинными побоями и другими предосудительными поступками привелъ служивыхъ въ такое огорченіе, что всѣ почти послали на него въ Якутскъ челобитныя. За всѣмъ однакожъ тѣмъ прибѣжалъ онъ на Камчатку щастливо въ 1707 году въ Іюль мѣсяцъ, и принялъ въ команду Верхній и Нижній Камчатскіе остроги у прежнихъ закащиковъ, купно съ собранною на поѣздъ годъ ясачною казною.

Въ Августѣ мѣсяцѣ тогожъ года отпра-вилъ онъ въ походъ на Бобровое море для усмиренія измѣнниковъ, которые ясачныхъ сборщиковъ побили, служиваго Ивана Тар-пина человекѣхъ въ 70, которые были на службѣ Ноября по 27 число тогоже года. По-мянутые походчики онъ самаго Верхняго

оспрога до Авачи не имѣли никакого сопривленія; но какъ они близъ Авачинской губы, что нынѣ гавань Пепра и Павла, ночевать спали, то служивые Камчадаловѣ, и Камчадалы служивыхъ усмопрѣли. А понеже измѣнниковъ было въ собраніи сотъ съ восемь, то уговорились они, чпобѣ служивыхъ не бить, но по рукамъ разбирашь и вязать; чего ради и каждой измѣнникъ по ремню при себѣ имѣлъ; такая была у нихъ надежда на великое свое множество.

Слѣдующаго дня Тарашинѣ пошелъ къ Авачинской губѣ, гдѣ измѣнничьи лодки и байдары спояли. Измѣнники между шѣмъ, скрывшись въ лѣсу по обѣ стороны дороги, ожидали его прибытія; и пропуспя нѣсколько переднихъ, на самую средину напали, и бились съ служивыми такъ долго, пока большая ихъ часть легла на мѣстѣ, а прочіе принуждены были спасаться бѣгствомъ. Служивыхъ при томъ убито 6 человекъ, да нѣсколько ранено. Камчадаловѣ взяли въ полонъ шокмо при человекѣ изъ лучшихъ людей, изъ за которыхъ собрано съ оставшихъ измѣнниковъ ясаку не болѣе какъ 10 соболей, 4 лисицы красныхъ, да 19 бобровъ морскихъ. Однако шѣмъ зная спрана совершенно не покорена; ибо до самаго главнаго Камчатскаго бунта, который учинился

въ 1731 году, тамошніе жители почти всегда въ измѣнѣ были. Опшуда походчики возвратились въ Верхній острогъ съ ясачною казною и съ помянутыми аманашами. Ноября 27 дня 1707 году, какъ выше показано. До сего времени правленіе въ Камчатскихъ острогахъ нѣсколько было порядочно, для того что подчиненные командировъ своихъ такъ, какъ надлежало, почитали, и повиновались имъ безъ всякаго сопротивленія; а потомъ начали у нихъ опшивать команды, обираать пожизки, сажать въ тюрьмы и убивать до смерти, какъ въ слѣдующей главѣ пространнѣе будетъ объявлено.

Г Л А В А II.

О бунтѣ Камчатскихъ козаковъ, о убійствѣ трехъ прикащиковъ, о бывшемъ по тому дѣлу слѣдствіи, и объ отправленіи служивыхъ для провѣдыванія острововъ и Ялоискаго Государства, для заслуженія винъ своихъ.

Коимъ образомъ служивые люди огорчены были на дорогѣ отъ Апласова, въ прежней главѣ упомянуто. Оное огорченіе, шакже нападки его, и собственное служивыхъ людей своевольство побудило ихъ къ умышленію, чшобъ Апласова лишитъ команды; чшо они въ декабрѣ мѣсяѣ того же 1707 года и учинили. А въ оправданіе свое писали въ Якутскъ, будшо Апласовъ не давалъ имъ сѣбспныхъ припасовъ, которые съ Камчадаловъ собираются; будшо самъ пользовался оными, а они прогулявъ рыбную пору претерпѣвали голодъ; будшо изъ корысти своей выпустилъ аманашовъ, и отъ того во всѣхъ ясачныхъ иноземцахъ учинилась шакая шатпость, чшо ясачные сборщики, посыланые на Пенжинское море, едва спаслися бѣгспвомъ;

будто кололъ онъ на смерть служиваго Данила Бѣляева, и когда ему опъ служивыхъ представлено было, чшобъ онъ безвинно палашемъ не кололъ, но наказывалъ бы ихъ за вины батогами или кнутомъ, какъ Государевы указы повелѣвають; а онъ на то въ отвѣтъ сказалъ, что Государь ему въ вину не поставитъ, хотя онъ ихъ и всѣхъ прирубитъ; будто онъ, желая мстить козакамъ за мнимыя грубыя ихъ рѣчи, призвалъ къ себѣ лучшаго Камчадала, и говорилъ ему, аки бы кололъ помянутаго служиваго за то, что служивые хопятъ всѣхъ Камчадаловъ прибить, а женъ ихъ, дѣтей и кормы по себѣ раздѣлить; будто по шой вѣдомости Камчадалы жилища свои оставили, и соединясь въ шѣсномъ мѣстѣ убили прехъ человекъ служивыхъ, и многихъ переранили; будто онъ посланную изъ Якутска подарочную казну почти всю упопрѣбилъ въ собственную пользу, такъ что на Камчаткѣ въ привозѣ явилось у него бисеру, а по тамошнему одекую, и олова небольше полупуда, а мѣдь всю передѣлалъ онъ въ винокуренную посуду; и будто у новокрещенаго Камчадала вымучилъ онъ нападками лисицу черную, которая въ казну была приготовлена.

Сие оправданіе ясно показываетъ преж-

нюю злобу служивыхъ людей на Апласова, хопя не можно сказаць, чпобѣ не больше правды писано на него было: ибо Апласовѣ могѣ не даваць имѣ сѣбѣспныхъ припасовѣ казенныхъ, могѣ заложниковѣ изѣ корысти выпустить, могѣ сѣ палашемѣ метаться пьяной и корысноваться ясачною казною, какѣ человекѣ лакомой, копорое лакомство видимо будетѣ изѣ обранныхъ его пожипковѣ, вѣ крапкое время приобрѣтенныхъ; но кто поному повѣритѣ, чпобѣ онѣ желалѣ возбудить иноземцовѣ къ бунту, вѣдая что по убіеніи козаковѣ и самому онѣ смерти не избавишься? Чпожѣ Камчадалы на Пенжинскомѣ морѣ ясачныхъ зборщиковѣ едва живопа не лишили, что вѣ другомѣ мѣстѣ прехѣ человекѣ убили, а иныхъ переранили, оное могло учинишься и безѣ Апласова возмущенія, шѣмѣ наипаче, что козаки, можетѣ быть, чемѣ огорчили ясачныхъ людей; ибо и на Пенжинскомѣ морѣ ясачнаго зборщика хопѣли убишь Камчадалы за то, что онѣ вмѣсто одного соболя, требовалѣ ясаку по два и по три сѣ человекѣ. Чпо до чернубурой лисицы касается, то при обыскѣ не явилось ее у Апласова.

По сверженіи Апласова сѣ приказу, выбрали служивые командиромѣ Верхняго оспирога прикащика Семена Ломаева, которому

по памяти бывшего прикащика Колесова верно было бысть при зборѣ ясака во всѣхъ острогахъ. Апласова посадили въ шюрьму, по ихъ въ казенку, а пожипки его въ казну обрали, которыя кромѣ множеснва мѣховъ собольихъ и лисьихъ, состояли въ 30 сорокахъ въ 34 соболяхъ, въ 400 лисицахъ красныхъ, въ 14 сиводущетыхъ, въ 75 бобрахъ морскихъ.

Но Апласовъ невѣдомо какимъ образомъ изъ шюрьмы ушелъ, и сбѣжалъ въ Нижній Камчатской острогъ, хотя тамъ принять команду; однако бывшій тогда въ помянутомъ острогѣ закащикомъ Федоръ Ярыгинъ команды ему не отдалъ; чего ради Апласовъ принужденъ былъ жить праздно до прибытія нижеписаннаго прикащика.

Между тѣмъ дошли въ Якутскъ посланныя на него опѣ служивыхъ людей съ дороги челобитныя, изъ которыхъ Якутская канцелярія тогда еще предвидѣла, что на Камчаткѣ между служивыми и Апласовымъ послѣдуетъ вѣщшее несогласіе; чего ради опасаясь вреда въ разсужденіи Государственной пользы, писала о всемъ въ Москву съ обстоятельствомъ, и въ 1707 году оправила на его мѣсто прикащикомъ сына боярскаго Петра Чирикова съ 1 пятидесятникомъ, съ чепырмя десятниками, съ плъню-

десять человеками рядовыхъ. А военного снаряду дано ему двѣ пушки мѣдныя, 100 ядеръ, пять пудъ свинцу, восемь пудъ пушечнаго пороху. Но какъ въ 1,09 году въ Январѣ мѣсяцѣ получены съ Камчатки въ домоспи о худыхъ поступкахъ Апласова, и объ опняши у него команды; то Якушская канцелярїя опправила въ слѣдѣ за Чириковымъ указную память, чтобъ ему по дѣлу Апласову учинить слѣдствие, и оное дѣло прислать на разсмотрѣніе въ Якушскую Воеводскую канцелярїю съ выборнымъ прикащикомъ Семеномъ Ломаевымъ, также зборную ясачную казну на 1707, 1708 и 1709 годы. Однако оная указная память Чирикова не заспала въ Анадырскѣ, и на Камчатку не опправлена за малолѣтствомъ служивыхъ людей въ Анадырскомъ опспрогѣ; ибо малочисленныхъ людей посылать въ топѣ путь было опасно, для того что по Слюторскому и по Пенжинскому морю дорога опѣ многихъ измѣнниковъ занята была, такъ что они въ 1709 году Юля 20 числа не взирая на знапную Чирикову команду, днемъ напасъ на него опважились; бывшего при казнѣ сына боярскаго Ивана Панюпина съ поварищи въ 10 человекъ убили, казну и военную аммуницію разграбили, а остальныхъ служивыхъ принудили сидѣть въ осадѣ на пустомъ мѣ-

ствѣ, откуда они 24 числа погожѣ мѣсяца учиня выласку и Олюпоровѣ щастливо опбивѣ свободились, потерявши двухѣ чело-вѣкѣ на сраженіи. Чего ради Чириковѣ при-бывѣ на Камчатку не производилѣ слѣдствія, довольствуюся одною командою.

Вѣ бытность его учинились два об-стоятельствва достойныя примѣчанія: 1) нещастливой походѣ на Большую рѣку козачья пятидесятника Ивана Харипонова, который посланѣ былѣ для усмиренія тамошнихѣ измѣнниковѣ въ 40 чело-вѣкахѣ; ибо измѣнники собравшись во многочислѣ 8 чело-вѣкѣ убили, а большую часть переранили; чего ради оставшіе принуждены были сидѣть въ осадѣ недѣли съ 4, и едва спаслися бѣгствомѣ; 2) разбиеніе на Бобровомѣ морѣ Японской бусы, къ которой Чириковѣ въ 50 чело-вѣкахѣ самѣ ходилѣ. И понеже Японцы полонены были немирными Камчадалами, которые близъ оной бусы жили, то Чириковѣ имѣлѣ случай чепырехѣ бывшихѣ у нихѣ Японцевѣ выручить; ибо измѣнники увидѣвъ служивыхѣ, въ бой съ ними вступитѣ не отважились; но остаея Японцевѣ разбѣжались по лѣсу. Въ томѣ же своемѣ походѣ усмирилѣ онѣ измѣнниковѣ онѣ Жупановой до самой Островной рѣки, и привелѣ въ ясачной платежѣ по прежнему.

Между тѣмъ какъ Чириковъ изъ походу своего въ Верхній Камчатской острогъ возвратился, прибхалъ въ Августѣ мѣсяцѣ погожъ года на смѣну къ нему козачій пятидесятникъ Осипъ Мироновъ, который отправленъ изъ Якутска по выбору 1709 года въ 40 человекъ. Такимъ образомъ собрались на Камчаткѣ при прикащика, Апласовъ, Чириковъ и помянутый Мироновъ, онъ же и Липинъ.

Чириковъ давъ Миронову острогъ, и все, что надлежало, въ Октябрѣ мѣсяцѣ поплылъ въ Нижній Камчатской острогъ батами со служивыми и съ казною своего сбора, чтобъ тамъ перезимовавъ, слѣдующаго году итти съ казною Пенжинскимъ моремъ. А Осипъ Мироновъ пробывъ въ Верхнемъ до зимы, Декабря 6 числа въ Нижній же острогъ отправился, для разряду служивыхъ людей къ судовому строению и къ превозвожденію ясачной казны, оставя закащикомъ въ томъ острогѣ Алексѣя Александровыхъ. Но какъ онъ исправя дѣла свои въ Нижнемъ, бхалъ обратно въ Верхній острогъ съ прежнимъ прикащикомъ Чириковымъ, но 20 человекъ служивыхъ, которые давно уже были въ злоумышленіи на прикащиковъ, не допусая до острога, зарѣзали его на дорогѣ. А происходило оное убійство 1711 года Генваря 23

числа. Послѣ того удумали они и Чирикова живота лишить; однакожъ по прозвѣбъ его дали ему время къ покаянію. Между тѣмъ сами въ 31 человекѣ побѣхали въ Нижній Камчатской острогъ, чѣмъ убить Апласова, и не доѣхавъ за полверсты до онаго острога спали они въ прикрытѣ, а въ острогъ послали прехъ человекѣ, и дали имъ составное письмо къ Апласову съ такимъ приказаніемъ, чѣмъ убить его въ ту пору, когда онъ письмо читать имѣетъ; но посланные вечеромъ застали его снящаго и зарѣзали. Тогда вся партія ихъ въ острогъ вступила, и спали десятками своими на при двора съ ружьями и съ копьями, а главные изъ нихъ были Данило Анцыфоровъ, да Иванъ Козыревской. Живучи въ острогѣ дѣлили они пожитки убитыхъ прикащиковъ, заводили козачьи круги, выносили знамя, призывали къ себѣ въ сообщеніе другихъ людей, и такимъ образомъ умножили до 75 человекѣ свою партію. Данила Анцыфорова назвали Ашаманомъ, Козыревскаго Ясауломъ, иныхъ верстали въ Ясаулыжъ и десяпники, и многія другія наглости дѣлали; перевезли съ Тигиля пожитки Апласова, копорыя отправилъ было онъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чѣмъ вестъ ему Пенжинскимъ моремъ; пограбили съвѣстные припасы слу-

живыхъ людей, которые на морской путь были заготовлены; раскинули парусы и снасти, которыя оставлены были отъ прикащика Осипа Миронова, для опсправленія Чирикова съ казною пѣмѣже Пенжинскимъ моремъ; а потомъ въ Верхній оспрогъ уѣхали, и Марта 20 числа Чирикова оковавъ въ воду бросили.

Того же 1711 года Апрѣля 17 дня подали они въ Верхнемъ оспрогъ для отсылки въ Якутскіѣ повинную челобитную, въ которой объявляющѣ причины, за что они побии двухъ прикащиковъ, Пепра Чирикова и Миронова, а объ Апласовѣ не упоминающѣ. Вся важность челобитья ихъ состояющѣ въ лакомствѣ прикащиковъ, коимъ образомъ корыстовались они Государевою казною, покупая на оную товары, и пѣмѣ получая себѣ непомѣрную прибыль, какъ упѣсняли служивыхъ и ясачныхъ людей, и вымучивали изъ за побоевъ и приспраспія пожипки ихъ, какъ жалованье денежное за себя переводили, а имѣ неволею давали товары по тамошней Камчатской цѣнѣ: за полной пѣшій козачій окладъ, за 9 рублей за 25 копѣекъ, по 12 аршинѣ холстины, или шабаку Китайскаго по 6 золотниковъ; да сверхъ того съ каждаго окладу брали себѣ скупу по два рубли, а они служивые въ расход-

ныхъ книгахъ расписывались не въ повахъ, но въ деньгахъ, и прочее по тому подобное. А такое дерзновеніе учинили они для того, что жалоба ихъ на прикащиковъ не дойдетъ за дальнимъ разстояніемъ, особливо же что прикащики челобитчиковъ до Якутска не допустилибъ. При томъ сообщили они и опись пограбленнымъ пожиткамъ Чирикова и Миронова, а по описи ихъ доспалось имъ на артель: пожитковъ Пепра Чирикова 15 сороковъ соболей, 500 лисицъ красныхъ, 20 бобровъ морскихъ; Осипа Миронова 20 сороковъ соболей, 400 лисицъ красныхъ, да 30 бобровъ морскихъ.

Изъ Верхняго острога пошли они весною того же года въ помянутомъ числѣ 75 человекъ на Большую рѣку, чтобъ тамошнихъ измѣнниковъ усмирить, Большерѣцкой острогъ построить, и шѣмъ заслужить вины свои. Въ первыхъ числахъ Апрѣля разбили они Камчатской острожекъ между впадающими въ Большую рѣку съ правой стороны Быспрою и Гольцовкою рѣками, гдѣ нынѣ Россійской Большерѣцкой острогъ; въ которомъ они засѣли, и жили по Май мѣсяцъ безъ всякаго нападенія отъ Камчадаловъ. А Маія 22 числа приплыло къ ихъ острожку, съ верху и съ низу Большой рѣки, великое множество Камчадаловъ и Курильцовъ,

для взяпья онаго оспрожка , и испребленія служивыхъ людей; кои обспуя оной всякимъ образомъ осажденныхъ спрашили , и похвалялись шапками ихъ замешать безъ оружія.

Маія 23 дня козакѣ опслужа молебень , ибо взяпъ ими былъ въ объявленной походѣ Архимандритъ Мартіанъ , который опъ Филоея Мипрополипа Тобольскаго и Сибирскаго въ 1705 году на Камчатку опправленъ для проповѣди слова Божія , выслали половину парпії своей на вылазку , которые выпая нѣсколько разъ по Камчадалахъ изъ винповокъ , бились съ ними на копьяхъ до самаго вечера ; наконецъ одержали побѣду. На сраженіи побито и перетонуло измѣнниковъ такое великое множество , что трупамѣ ихъ Большая рѣка запрудилась; а съ Россійской стороны при человѣка убито , да нѣсколько ранено. Сія побѣда тѣмъ наипаче важна была , что всѣ Большерѣцкіе оспрожки безъ бою покорились , и спали ясакъ давать по прежнему. Ходили же бунповщѣики и въ Курильскую землю , были за проливомъ на первомъ Курильскомъ оспровѣ , и жишелей тамошнихъ въ ясакъ обложили ; а до того времени никто не бывалъ на оспровѣ Курильскомъ.

Между тѣмъ въ 1711 году приѣхалъ на смѣну Осипу Миронову козачій десяпникъ

Василій Севастьяновъ, онъ же и Щепеткой, не вѣдая о убійствѣ прехъ прикащиковъ, ибо описки не дошли еще до Якутска при его отправленіи; и собиралъ ясакъ въ Верхнемъ и въ Нижнемъ острогахъ, а въ Большерѣцкомъ главной буншовщикъ Анцыфоровъ; который подъ видомъ должности своей самъ приближалъ въ Нижній острогъ съ Большерѣцкою ясачною казною, однако въ такомъ числѣ своей паршии, что могъ быть безопасенъ отъ пюрмы и отъ слѣдствія; чего ради и опущенъ отъ Щепеткаго на Большую рѣку паки зборщикомъ. На обратномъ пути по Пенжинскому морю привелъ онъ въ ясачной плашежъ Конпаковой и Воровской рѣки измѣнниковъ, которые опложились было за нѣсколько времени; но въ 1712 году въ Февралѣ мѣсяцѣ и самъ убилъ отъ Авачинскихъ измѣнниковъ обманомъ; ибо какъ онъ въ 25 человекъ на Авачу побѣхалъ, а иноземцы о томъ свѣдали, то сдѣлали они крѣпкой и пространной балаганъ съ пошайными подъемными дверьми для его принятія. Съ приѣзду приняли его честью, отвели въ помянутой балаганъ, дарили щедрою рукою, довольствовались, богатою ясакомъ плашежъ общались безъ прекословія, и дали нѣсколько человекъ въ аманашы изъ людей лучшихъ; но слѣдующей ночи сожгли ихъ

вѣ помянутомѣ балаганѣ купно съ своими аманашами. Злобу, каковую имѣли Камчадалы на служивыхъ людей, можно видѣть по рѣчамъ помянутыхъ аманашевъ ихъ; ибо сказывающъ, что при зажженіи балагана Камчадалы кричали имѣ поднимая двери, чѣлобъ они, какъ можно, вонъ выбросились; но аманашы отвѣтствовали, что они скованы, и приказывали жечь балаганъ не щадя себя, шокмо бы служивые сторѣли. Такимъ образомъ бунтовщикъ Апшаманъ Анцыфоровъ съ нѣкошорыми смертоубійцами предупредилъ казнь свою, доказавъ смертію своею истину пословицы, копорую бунтовщики обыкновенно употребляли: *это на Камчаткѣ можно прожить семь лѣтъ, это ни сдѣлаешь, а семь де лѣтъ прѣжить, ко му Богъ велитъ*. И правда что до провѣданія пупи Пенжинскимъ моремъ, за дальнимъ разспояніемъ, и труднымъ пробѣдомъ чрезъ землю немирныхъ Коряковъ, вѣ пересылкѣ рапортовъ вѣ Якутскѣ, и вѣ полученіи указовъ, проходило много времени; что бездѣльникамъ онымъ подавало немалой поводъ къ наглостямъ.

По смерти Данилы Анцыфорова, не такая уже, какъ видно, опасность была прикащикамъ отъ бунтовщиковъ; ибо Щепеткой нарочныхъ посылалъ вѣ Верхній острогъ,

чтобъ ловить убійцовъ, гдѣ попадутся, при которомъ случаѣ одинъ и поиманъ, и въ Нижнемъ острогѣ розыскиванъ, и во многихъ злоумышленіяхъ кромѣ убійства прехъ прикащиковъ винился, а именно: что намѣрены они были разбить Верхній и Нижній Камчатскіе остроги, прикащика Щепеткова убить, ясачную казну и многихъ зажиточныхъ служивыхъ людей пограбить, а потомъ уйти на острова и поселиться; чего ради и Анцыфоровъ прибѣжалъ къ Щепеткову не столько для опдачи ясачной казны, какъ для похищенія собранной, и для его убійства; однако за многолюдствомъ служивыхъ проливной стороны предпріятія своего въ дѣйство произвести не отважились.

Щепеткой оставя въ Верхнемъ прикащика Константина Козырева, а въ Нижнемъ Федора Ярыгина, отправился съ Камчатки въ 1712 году Іюня въ 8 день, и шелъ съ Камчатскою казною по Олюторскому морю до Олюторской рѣки, и вверхъ оной рѣки 4 дни, и не доходя за 2 днища до Глопова жилья остановился; для того что выше того, за мѣлю рѣки и за быстротою, судами идти не можно было. Для защищенія казны отъ Олюторовъ, отгородился онъ за оскуднѣемъ лѣса вмѣсто острога земляны-

ми юртами, ибо Олюпоры на дорогѣ съ ними бой имѣли, а тогда по всякой день приступѣ чинили. Въ оспрогѣ сидѣлъ онѣ съ 84 человекѣми команды своей Генваря до 9 числа 1713 года. Между шѣмѣ послалѣ онѣ нарочныхѣ въ Анадырскѣ съ пребываніемѣ помощи и подводѣ для перевоза ясачной казны, которая помощь въ 60 человекѣхѣ состоящая, и довольное число оленей подѣ казну ему и прислано. Такимѣ образомѣ ясачная казна едва спаслася отѣ немирныхѣ Коряковѣ; въ Якутскѣ дошла она въ Генварѣ мѣсяцѣ 1714 года, а въ вывозѣ не было ея, за объявленными бунтами и замѣшательствами, и за пруднымѣ отѣ Коряковѣ прѣздомѣ съ 1707 году по самое объявленное время; было же ея всякихѣ зборовѣ прежнихѣ прикащиковѣ 332 сорока соболей, 3289 лисицѣ красныхѣ, въ томѣ числѣ семь бурыхѣ, сорокѣ одна сиводущетыхѣ, да морскихѣ бобровѣ 259.

По выѣздѣ съ Камчапки Василья Щепкова взбунцовалѣ Верхняго Камчапскаго оспрога закащикѣ Кыргызовѣ, и собравшись со служивыми людьми того оспрога, приплылѣ бапами въ Нижній Камчапскій оспрогѣ, мучилѣ памошняго закащика Ярыгина свинцовыми киспенями, и клячемѣ вершѣлѣ ему голову, пожипки его разграбилѣ, и раздѣлилѣ

съ своими служивыми. Такоежъ несчастіе прешерпѣлъ памошній священникъ и нѣсколько козаковъ Нижношанпальскихъ, копорыхъ они били, и подѣвмали на дыбу; чего ради Ярыгинъ принужденъ былъ команду оставить, и въ монахи поспричься, а оспрогъ здаль служивому Богдану Канашеву, копорый правилъ онымъ до впоричнаго прибытія Василья Колесова, что прежде былъ козачьимъ пяпидесяпникомъ, но тогда уже былъ пожалованъ дворяниномъ по Московскому списку. А Кыргызовъ, подгово-ря къ себѣ въ злоумышленіе 18 человекъ Нижношанпальцовъ, возврапился въ Верхній Камчатской оспрогъ, и былъ спрашенъ Нижнему оспрогу долгое время, не покмо до приѣзда прикащика Колесова, но и въ быпность онаго.

Помянушый Колесовъ опправленъ изъ Якушка на смѣну Василью Севастьянову въ 1711 году, а въ Нижній Камчатской оспрогъ приѣхалъ Сентября 10 числа 1712 года, получа на дорогѣ указъ о розвискѣ бунтовщи-ковъ, кои убили трехъ прикащиковъ; по копорому указу два человекъ смертію каз-нены, инымъ вспавливаны клейма. Ясаулъ ихъ Иванъ Козыревской, копорый по смерти Апа-мана Данила Анцыфорова былъ въ Большо-рѣцкѣ прикащикомъ, съ большею частію еди-

номышленниковъ шпированы. Но послѣд- няго бунта начальникъ Кыргызовъ, не пок- мо не пошелъ подъ судъ къ Колесову, но и острога ему не отдалъ, а при томъ угро- жалъ быть въ Нижній острогъ, и взявъ пушки збить дворъ его; по которому обѣ- щанію и прибѣжалъ въ 30 человекъ своей партіи, въ то самое время, какъ Большерѣц- кіе козаки прибѣжали къ слѣдствію; однако не могъ совершенно исполнить своего пред- пріятія.

Колесовъ опасаясь обѣихъ партій, не приказалъ было вѣбжжать имъ въ острогъ многолюдствомъ; но Кыргызовъ не смотря на то спалъ на кварширу, и содержалъ у себя денно и ночью караулъ крѣпкой. Меж- ду тѣмъ подзывалъ Нижношанпальскихъ ко- заковъ въ сообщеніе, и съ угрозами пребо- валъ отъ прикащика указа, чтобъ ѣхать ему для провѣдыванія морскаго Карагинска- го острова. Однако и козаки къ нему не при- спали, и указу не дано; чего ради возвра- тился онъ въ Верхній острогъ безъ всяка- го успѣха, и вскорѣ по томъ опъ своихъ сообщниковъ лишенъ команды, и посаженъ въ казенку; ибо оныя видя постоянство Нижношанпальскихъ служивыхъ, и не имѣя никакой надежды, чтобъ сдѣлавъ суда, мимо Нижняго острога проплыть въ море, раздѣ-

лились на двѣ партіи, изъ копорыхъ одна держала Колесову сторону, а другая стояла за Кыргызова; но первая верхъ одержала. По сей причинѣ Колесовъ принялъ Верхній Камчатской острогъ въ команду уже въ 1713 году; бунповщиковъ, кого надлежало, шпrafoвалъ; Кыргызова съ главнымъ его сообщникомъ казнилъ смертію; и такимъ образомъ бунпы и розбискъ окончаны. Служивые, копорые къ прежнимъ бунповщикамъ не пристали, всѣ пожалованы въ конные козаки, а бывшіе тогда въ Верхнемъ и въ Нижнемъ острогахъ закащиками, въ дѣши Боярскіе.

Послѣ того въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1713 году отправилъ Колесовъ бывшего ясаула Козыревскаго съ 55 человекъ служивыхъ и промысленыхъ, да съ 11 человекъ Камчадаловъ на Большую рѣку, давъ имъ двѣ пушки и нѣсколько военнаго снаряду, и приказалъ на Большой рѣкѣ небольшія суда построить, и заслуживать вины свои въ приискваніи морскихъ острововъ и провѣданіи Японскаго Царства. Однако изъ онаго отправленія дальной пользы не учинилось, помянуто покорено и объясачено нѣсколько жителей Курильской Лопатки, и Курильцовъ перваго и втораго острововъ; да получены нѣкопорыя извѣстія о дальнихъ островахъ

Курильскихъ, что приѣзжаютъ какъ на дальніе оныя, такъ на второй и первой острова изъ города Магская съ поргомъ, и продаютъ имъ желѣзные и чугунные кошлы, всякую лаковую деревянную посуду, сабли, также бумажныя и шелковыя маперіи, копорыхъ товаровъ Козыревской нѣсколько привезъ съ собою.

ГЛАВА III.

О прикащикахъ, бывшихъ послѣ Василья Колесова до главнаго Камчатскаго бунта ; что при которомъ достойнаго примѣтанія сдѣлалось ; о приключеніяхъ при вывозѣ ясачной казны съ Камчатки, и о провѣданіи пути изъ Охотска на Камчатку чрезъ Пенжинское море.

Въ 1713 году въ Августѣ мѣсяцѣ прибжалъ на смѣну Колесову дворянинъ Иванъ Енисейской , который въ бытность свою , кромѣ правленія всякихъ дѣлъ и ясачнаго сбора , заложилъ на ключахъ церковь , съ тѣмъ намѣреніемъ , чтобъ со временемъ Нижнему Камчатскому острогу быть на ономъ мѣстѣ , что и воспослѣдовало ; ибо козаки не въ долгомъ времени переселились на новое , а прежнее мѣсто неспособно было къ спроенію попому , что около онаго болоша , и что оно водою понимается . И стоялъ Нижній Камчатской острогъ на томъ мѣстѣ до главнаго , въ 1731 году учинившагося Камчатскаго бунта ; а во время бунта сожженъ

купно съ церковью и со всемъ строеніемъ, какъ въ первой части сего описанія упомянуто.

При его же бытности былъ походъ на Авачинскихъ измѣнниковъ, копорые Данила Анцыфорова въ 25 человекъ убили; а было въ томъ походѣ служивыхъ 120, да Камчадаловъ 150 человекъ. Измѣнники сидѣли въ осадѣ въ такомъ крѣпкомъ острогѣ, что козаки недѣли съ двѣ стоявъ подъ нимъ принуждены были, и два раза приступали безъ всякаго успѣху; наконецъ огнемъ сожгли, и всѣхъ Камчадаловъ, копорые выбѣгали во время пожара, побили, оставя покломъ ихъ, копорые до зажженя къ нимъ вышли, и ясакъ платили общались. Тоже учили они и съ жителями Парашуна острожка, копорый приступомъ взяли. Съ того времени Авачинскіе Камчадалы начали ясакъ платили погодно, а прежде служивые довольны бывали шѣмъ, что Камчадалы имъ давали, и по не повсягодно; ибо они по большей части бывали въ измѣнѣ.

Енисейской собравъ ясакъ на 1714 годѣ, весною тогоже года на судахъ по Олюторскому морю отправился, купно съ преждебывшимъ прикащикомъ Васильемъ Колесовымъ, копорый въ 1713 году со зборомъ своимъ въ Якутскъ не побѣхалъ за малолюд-

ствомъ, опасаясь Коряковъ немирныхъ. И по-
гожъ 1714 года Августа въ послѣднихъ чис-
лахъ дошли они благополучно до рѣки Олю-
порской, и застали тамъ дворянина Ава-
нася Пепрова, который погромя Олюпоровъ
и разоря главной оспрогъ ихъ, Большой
посадъ называемый, строилъ Олюпорской
Россійской оспрогъ съ немалымъ числомъ
Анадырскихъ козаковъ и Юкагирей. Въ ономъ
оспрогъ жили они съ ясачною казною до
зимнаго пупи; а казны у обоихъ прикащи-
ковъ было 141 сорокъ и одинъ соболь, 751
лисица красныхъ, 10 сиводущетыхъ, 137
бобровъ морскихъ, 11 пластинъ лисьихъ, 2
выдры, 22 золошника золопа въ кускахъ и
въ плипкахъ съ Японскою надписью, копо-
рыя взяты прежде сего на разбитыхъ Япон-
скихъ бусахъ, да денегъ сорокъ рублей.

Какъ зимній путь насталь, то всѣ
шрое дворяне со служивыми и ясачною каз-
ною побхали въ Анадырскъ. Въ Олюпорскъ
оставлено служивыхъ 55 человекъ; а съ ни-
ми было козачьихъ сотниковъ 4, рядовыхъ
человекъ около пятидесяти, да два свя-
щенника.

Декабря 2 дня 1714 года, бывшіе съ
Аванасьемъ Пепровымъ Юкагиры, не доходя
до Акланскаго оспрожка, на Таловской вер-
шинѣ убили его Пепрова со служивыми, и

Камчатскую казну разграбили; а Камчатскіе прикащики Колесовъ и Енисейской въ 16 человекъ ушли въ Акланской острогъ, но и пѣмъ отъ смерпи не избавились: ибо Юкагиры обспуя помянутой острогъ, склонили памошнихъ Коряковъ угрозами къ измѣнѣ и убійству Камчатскихъ прикащиковъ. А учинилась помянутая измѣна, какъ послѣ сами Юкагиры и нѣкоторые козаки показывали, отъ несносныхъ обидъ и налоговъ Аванасья Пешрова; особливо же, что онъ будучи при осадѣ Олюторска, не оппускалъ ихъ по указу изъ Анадырска на промыслы, но взялъ подъ Камчатскую казну въ подводы, чего ему по тому указу дѣлать не надлежало, а должно было вестъ на Коряцкихъ подводахъ, которые были дѣйствительно уже сбираны.

Вышеписанная казна отъискивана была съ крайнимъ стараніемъ, однако она такъ была разбѣяна, что въ сыскѣ производили крайнія затрудненія; много ея досталось не токмо Корякамъ, но и Камчадаламъ, и Анадырскимъ служивымъ, бывшимъ въ новопостроенномъ Олюторскомъ острогѣ; ибо Юкагиры пришедъ послѣ измѣны подъ оный острогъ торговали со служивыми; однако такъ, что другъ къ другу не подходили на лучной выстрѣлъ: мѣняли шѣ соболи и ли-

сицы на табакъ Кипайской, и отдавали соболя по три и по чепыре прубки табаку, а прубокъ ихъ изъ одного золошника по малой мѣрѣ 50 будепѣ. Такимъ образомъ одинъ пядидесятникъ Алексѣй Пеприловской, который вскорѣ послѣ побѣхалъ на Камчатку прикащикомъ, намѣнялъ, кромѣ другой мягкой рухляди, соболей дваццать сороковъ, которые однакожъ послѣ на немъ въ казну доправлены. Нѣсколько соболей и лисицъ сами измѣнники приносили, иное отдавали посыланнымъ для уговору ихъ служивымъ людямъ; а сколько пойд казны сыскано и ушрапилось, того заподлинно мнѣ неизвѣстно. Впрочемъ Юкагиры и Коряки были въ измѣнѣ немалое время, какъ видно изъ Анадырскихъ описковъ въ Якутскѣ, по которымъ явствуетъ, что Коряки Пенжинскаго моря въ 1720 году уговорены, и въ ясакъ приведены по прежнему Якутскимъ дворяниномъ Степаномъ Трифоновымъ, который съ значнымъ числомъ служивыхъ нарочно для того присланъ былъ; а до того времени, особливо же въ первыхъ годахъ по убіеніи прикащиковъ, угрожали они нападеніемъ на Анадырской острогъ, и намѣрены были призвать къ себѣ на помощь Чукчей.

Послѣ объявленнаго убійства прикащиковъ, Камчатской казны чрезъ Анадырскѣ

больше уже не высылали; ибо между тѣмъ провѣданъ изъ Охотска на Камчатку морской путь, который по близости, способности и безопасности несравненное имѣетъ преимущество противъ прежняго; чего ради и путь изъ Якутска чрезъ Анадырскъ, кромѣ нужныхъ посылокъ съ письмами, почти со всемъ оставленъ. А погибло по той дорогѣ съ 1703 года до провѣданія морскаго пути человекъ съ 200; который уронъ по дальности мѣста, и по малолюдству козаковъ, можно почитать за весьма чувствительный. Объявленный морской путь провѣданъ въ 1715 году команды, отправленнаго для сысканія острововъ морскихъ, Полковника Якова Елчина, Якутскимъ служивымъ Козьмою Соколовымъ, въ бытность Камчатскимъ прикащикомъ козачьа пятидесятника Алексѣя Пеприловскаго (1).

---

(1) Въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ на 1758 годъ часть I стран. 318 упоминается: что оный путь открытъ въ 1716 году козакомъ *Козмою Соколовымъ*, который, въ слѣдствіе предписанія отъ Якутскаго Воеводы *Елчина*, отправился въ морской путь изъ Охотска въ Іюнь мѣсяцъ съ 20-ю козаками, и спалъ сперва на якорѣ у *Тигиля* рѣки, а послѣ вошелъ судномъ въ устье рѣки *Комлаковой*; гдѣ перезимовавъ, отправился въ обратный путь въ началѣ Маія 1717 года. В.

При семъ прикащикъ паки начались между козаками возмущенія; ибо, козаки по согласію съ Соколовымъ смѣнили его съ приказа, и посадили подъ караулъ, а пожипки его въ казну обрали. Причиною тому былъ самъ Пеприловской, который по ненасытному своему лакомству не имѣлъ уже мѣры въ грабленіи, хищеніи и мучительствѣ; рѣдкій заживочный человекъ могъ избѣжать разоренія по какимъ нибудь его нападкамъ, а одинъ служивой бѣдственнымъ образомъ въ вилахъ скончалъ и животъ свой. Такимъ образомъ нагребилъ онъ въ короткое время такое богатство, которое превосходило похищенную двугодовую ясачную казну со всей Камчатки, сбора убитыхъ двухъ прикащиковъ; ибо взято у него, кромѣ многого числа собольихъ и лисьихъ шубъ, одной мягкой рухляди болѣе 140 сороковъ соболей, около 2000 лисицъ, 207 бобровъ, да 169 выдеръ.

Что касается до тамошнихъ народовъ, то отъ нихъ не было большаго возмущенія, кромѣ что на Камчатской Лопаткѣ между самыми Курильцами учинилось несогласіе, по причинѣ котораго одинъ родъ Курильцовъ, который былъ начинателемъ несогласія и разоренія многимъ ясачнымъ иноземцамъ, не похотѣлъ ясаку плащить, и не

отдался на договорѣ служивымъ, опасаясь доспойнаго наказанія; да на Харіузовой рѣкѣ убишы 4 человекъ служивыхъ, которые посланы были съ казною къ морскому судну; однако всѣ помянутые мяшежники вскорѣ принуждены были покориться по прежнему. Впрочемъ поступки нѣкоторыхъ прикащиковъ и служивыхъ людей еще въ то время были споль предосудительны, что безъ сумнѣнія надлежало опасаться худыхъ слѣдствій отъ Камчадаловъ, которые шѣми ихъ поступками весьма недовольны были.

Послѣ Пеприловскаго былъ прикащикомъ Козьма Вѣжливцовъ; послѣ Вѣжливцова присланной изъ Анадырска служивый Григорей Камкинъ; а въ 1718 году прислано изъ Якупска уже при прикащика изъ дѣпей боярскихъ: Иванъ Уваровъ жой въ Нижній Камчатской оспрогъ, Иванъ Пороповъ въ Верхній, а въ Большерѣцкой Василій Кочановъ, котораго однакожъ козаки скоро команды лишили, и въ шюрму посадили по обыкновенію, гдѣ онъ болѣе полугода былъ мученъ, а наконецъ избавился бѣгствомъ. Но Кочановъ видно безъ довольной причины съ приказу сверженъ; ибо мяшежники взяты были въ Тобольскъ, и наказаны за своевольство. Между такими замѣшательствами сдѣлалась измѣна на Воровской рѣкѣ,

побишы ясачные сборщики, и ясачная казна разграблена; но оные измѣнники погожѣ года усмирены военною рукою.

1719 года присланъ былъ на смѣну пѣмѣ прикащикамъ дворянинъ Иванъ Харитоновъ, который ходилъ въ походъ прошивъ немирныхъ сидячихъ Коряковъ на Палланъ рѣку, и въ ономъ походѣ убитъ обманомъ; ибо Коряки сперва приняли его честно, дали ясакъ и аманатовъ; и такимъ образомъ исплоша, за ужиномъ сѣнѣскольکو человекѣми закололи; однако пошѣ подлогѣ не со всѣмъ имъ удался: ибо большая часпъ козаковъ справясь, имѣли щаспие изъ юрпы выпши, и измѣнниковъ сожечъ безъ остатку въ оспрогѣ.

Въ слѣдующіе годы до самаго главнаго Камчатскаго бунта, въ разсужденіи прикащиковъ и Камчатскихъ народовъ, ничего особливаго не происходило, кромѣ нѣкопрыхъ мѣлкихъ возмущеній въ Курилахъ и на Авачѣ; ибо прикащики ежегодно перемѣнялись по прежнему, и на другой годъ выѣжжали съ собранною казною, а Камчадалы временемъ били по два и по три человекѣ зборщиковъ; но въ разсужденіи экспедиціи достопамятны 1720, 1728 и 1729 годы. Въ 1720 году по имянному указу ѣздили для провѣданія и описанія Курильскихъ острововъ Навигаторы, Иванъ Евреиновъ, да

Федоръ Лузинъ, которые съ нарочитымъ плодомъ назадъ возвратились въ Якутскъ 1721 года; ибо они первые добъждали почти до Матсмая (1). Въ 1728 году первая Камчатская Экспедиція ходила въ море для провѣдыванія и описанія сѣверныхъ береговъ до 67° и 17' сѣверной широты, слѣдующаго года возвратилась въ Охотскъ, а 1730 года въ Санктпетербургъ (2). Въ 1729 году прибыла въ тамошнiя мѣста такъ называемая Партія, подѣ командою Капитана Дмитрія Павлуцкаго, да Якутскаго козачья головы Аѳанасья Шестакова, которой велѣно было всѣ берега сѣверные и южныя описать по всѣмъ обстоятельствомъ, всѣхъ тамошнихъ Коряковъ и Чукочь, кои въ яскъ не положены, привести въ подданство ласкою или оружіемъ, въ приспойныхъ мѣстахъ остроги построить, провѣдывать вновь земли, и стараться о заведеніи съ окрестными торговли. Однакожъ сего предпріятія не могла партія про-

---

(1) По другимъ же извѣстіямъ (въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ 1758 года часть I стран. 324) добъждали они только до пятого или шестаго Курильскаго острова. В.

(2) Какъ о сей, такъ и о послѣдовавшихъ другихъ морскихъ Экспедиціяхъ упомянуто будетъ на концѣ сего тома. В.

известъ въ дѣйство, такъ какъ надлежало, кромѣ того что нѣкоторые оспроги поспроила, нѣсколько немирныхъ Коряковъ покорила, описала берега къ Кипайскому владѣнію до рѣки Уди, и нѣсколько ходила въ Курильскую сторону; ибо Шестаковъ убитъ отъ Чукочь въ 1730 году, которые приходили громить во многолюдствѣ ясачныхъ Оленныхъ Коряковъ; а Капитанъ Павлуцкой, что послѣ Маіоромъ былъ, опредѣленъ къ слѣдствію Камчатскаго бунта къ Подполковнику Мерлину въ поварищи; въ томъ только онъ щасливѣе былъ Шестакова, что на многихъ сраженіяхъ перевелъ великое множество упорнаго Чукоцкаго народа, и на нѣсколько времени учинилъ безопасными Коряцкихъ и Анадырскихъ жителей.

Въ томъ же 1729 году лѣпшимъ временемъ принесло къ Камчатскимъ берегамъ между Курильскою Лопаткою и Авачею Японскую бусу (1), на которой было 17 чело-вѣкъ и нѣсколько поваровъ; но оныя несчастные люди побиты отъ случившагося

---

(1) Оное судно по Японски называлось *фаяликларъ*, было изъ города Сацмы, отправлено съ сорочинскимъ пшеномъ, съ камками, полотномъ, пищею бумагою, и другими вещами въ городъ Азаку; и слѣдую къ оному Океаномъ сперва бѣжали бывшіе на ономъ

въ шѣхъ мѣспахъ пятидесятника Шпинникова, кромѣ двухъ человѣкъ, копорые въ

суднѣ благополучнымъ въпромѣ, потомъ претерпѣли они противную жестокою погоду восемь дней, копорю отнесло ихъ въ открытое море, гдѣ уже лупи своего не узнали. Въ морѣ носило ихъ такъ какъ вѣяли вѣтры, шесѣ мѣсяцовъ и 8 дней, считая Ноября отъ 8 Юня по 7 число. Между шѣмъ принуждены они были выметашъ всѣ свои шовары, снасти, якори и срубилъ мачту, а руль отбило погодою, вмѣсто копорого употребляли они долгія бревна привязавъ ихъ за корму. Въ полъ бѣдспвенныхъ обстоятельстввахъ не оставили они просить помощи у боговъ своихъ, а особливо у морскаго, копорого называютъ *фидама*, однако не много успѣли своею молитвою. Наконецъ принесло ихъ къ Камчатскимъ берегамъ близъ Курильской Лопатки, гдѣ они отъ берегу версвахъ въ 5 брося оспальные свои якори, оспановились, и начали свозить нужныя вещи на берегъ. Потомъ и всѣ сбѣхали на землю, а числомъ было ихъ 17 человѣкъ; и поставя шатеръ 23 дни покой имѣли, не выдавъ никого изъ Камчатскихъ обывашелей, а между шѣмъ большее ихъ судно унесло погодою.

Послѣ шого нашелъ на нихъ Козачій пятидесятникъ Андрей Шпинниковъ съ Камчадалами. Японцы обрадовались людямъ, хошя языка ихъ не разумѣли. Начали имъ оказывать всякую склонность и привѣство, дарить плащемъ, и что у нихъ бы-

Санктпепербургъ высланы, и имбли безъ сумнѣнія случай къ удовольствію своему слы-

---

ло; напротивъ чего и съ другой стороны пріятствовали, токмо подъ видомъ, и Шпинниковъ стоялъ въ 10 саженьхъ отъ спану цѣлые два дни; наконецъ онъ съ Камчадалами скрылся отъ Японцовъ въ ночное время къ немалому ихъ сожалѣнію. Слѣдующаго дня собрались Японцы въ малое свое судно, погребли близъ берега съ тѣмъ чѣтобъ сыскать какое либо жилье, и отѣхавъ верстъ съ 30, нашли на берегу большее свое судно, которое Шпинниковъ ломалъ съ Камчадалами и обиралъ желѣзные припасы. Японцы не смотря на гибель своего судна, продолжали далѣе путь свой стороною; но какъ завидѣлъ ихъ Шпинниковъ, тотчасъ приказалъ Камчадаламъ перенять и побить ихъ. Японцы вида легкое судно за ними гонящее, и предвидя свою гибель, въ началъ спали ублажать и умилоствлять поклонами, но какъ вмѣсто склонности увидѣли пускаемая стрѣлы, то иные помешалиса въ воду, а остальные отчасти копьями переколошы, отчасти собственными своими саблями, которыя подарили Шпинникову въ знакъ своей покорности, перерублены и въ море помешаны; токмо въ живѣ оставлены двое, одинъ малолѣтній и дѣлѣтъ отъ роду, именемъ *Гонза*, которой былъ при отцѣ своемъ Штурманѣ, для обученія мореплаванію, но и тотъ въ руку раненой; а другой старой, именемъ *Соза*, который взятъ былъ отъ купечества

шать о казни сего злодѣя за невинное убіеніе земляковъ ихъ.

для провожанія помянутаго судна, и который было бросился въ море.

Шпинниковъ получа малое ихъ судно, все что на ономъ ни было себѣ взялъ, большее судно для желѣза сжегъ, Японцовъ захолопилъ, со всею пою корыстью въ Верхній острогъ поѣхалъ, надѣясь пользоваться варварствомъ приобретенною добычею, которою и пользовался до прибытія изъ Якутска прикащика, ибо отъ закащиковъ откупался онъ Японскими вещами. Но прикащикъ, какъ скоро услышалъ о помянутомъ приключеніи, приказалъ взять у Шпинникова Японцовъ; закащика, который бралъ подарки, предъ ними наказывалъ жестоко, Шпинникова посадилъ въ шюрму, и писалъ о немъ въ вышшую команду, а Японцевъ содержалъ до указа на казенномъ коштѣ.

По смѣнѣ съ приказу отвезъ онъ Японцевъ въ Нижній Камчатской острогъ, и отдалъ на руки Штурману Якову Генсу, а самъ поѣхалъ въ Анадырскъ, и донесъ о всемъ бывшему въ Анадырскъ тогдашнему главному командиру партіи господину Маіору Павлуцкому, отъ котораго къ Генсу немедленно присланъ былъ приказъ, чтобъ Японцевъ въ Якутскъ отправить, куда они 1-зі года и отправлены. Въ Якутскъ жили они недѣль съ пять на казенномъ же коштѣ, а потомъ отправлены въ Тобольскъ по указу присланному за рукою Губернато-

Въ 1730 году собиралъ Ясакъ на Камчаткѣ служивой Иванъ Новгородовъ, а на

ра Алексѣя Львовича Плещеева. Въ Тоболькѣ содержаны они были во всякомъ удовольствіи, а по прошествіи четырехъ недѣль посланы въ Москву съ нарочными провожатыми, которые ихъ въ Сибирскомъ приказѣ представили; а Сибирскій приказъ съ тѣми же провожатыми отправилъ ихъ въ Санктпетербургъ въ Правительствующій Сенатъ, который немедленно донесъ объ нихъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, и ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО указавъ представить ихъ въ Лѣтнемъ домѣ, САМА изволила спрашивать о ихъ приключеніяхъ, ибо младшій изъ нихъ не худо уже говорилъ по Россійску; и тогда же повѣла Своему Генералу Адъютанту Андрею Ивановичу Ушакову объявить въ Сенатъ указъ Свой, чшобъ ихъ деньгами и платьемъ довольствовать.

Въ 1734 году по указу ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА отданы они въ Кадетской Корпусъ Иеромонахамъ, для обученія Христіанскому закону, а потомъ сподоблены святаго крещенія Октября 20 дня объявленнаго года, въ церкви Воскресенія Господня, что въ Кадетскомъ Корпусѣ; и Соза нарѣченъ Козьмою, а Гонза Даміаномъ. Въ 1735 году Даміанъ отданъ въ Александровскую Семинарію для обученія Россійской грамотѣ, а вскорѣ потомъ оба присланы по указу въ Академію Наукъ для ученія по разсмотрѣнію Академіи. Въ 1736 году по

1731 годѣ Козачій пятидесятникѣ Михайло Шехурдинѣ, о которыхѣ надлежитѣ упомянуть для того, что они за главную причину Камчатскаго бунта почитаются, который вскорѣ по выѣздѣ Шехурдина и послѣдовалъ.

слѣдовалъ указѣ, чпобѣ Японцы не токмо Россійскому языку обучались, но и своего бы не забывали, и для того бы обучали своему языку малолѣтнихъ изѣ Россійскаго народа, которыхѣ къ нимѣ опредѣлишь велѣно. По которому указу помянутое ученіе до кончины ихѣ и происходило; а скончался Козма Сентября 18 дня 1736 года на 43 году отѣ рожденія, а Даміанѣ въ 1739 году Декабря 15 дня, и погребены первый у церкви Вознесенія Господня, что на Адмиралтейской сторонѣ, а другой въ Калинкиной. Для памяти сего случая, что изѣ поль отдаленнаго мѣста были люди въ Россіи, приказала Академія срисовать ихѣ, и снять съ лицѣ алебастровыя формы, которыя въ Императорской кунсткамерѣ понынѣ находятся.

ГЛАВА IV.

О измѣнѣ Камтадаловъ, о сожженіи Нижняго Камчатскаго острога, о покореніи ихъ, и о бывшемъ по тому дѣлу слѣдствіи и розыскѣ.

Хотя тамошніе народы давно намѣреніе имѣли искоренить всѣхъ Россійскихъ жителей на Камчаткѣ, чѣмъ получить прежнюю вольность; однако за многолюдствомъ ихъ, а особливо что по сысканіи морскаго пути чрезъ Пенжинское море, ежегодно суда приходили со служивыми, и что послѣдовали Экспедиціи, одна за другою въ скорости, не оказывали злобы своей до способнаго времени. Но какъ Капитанъ господинъ Берингъ и вся Камчатская Экспедиція отбыла въ Охотскъ, а партіи, которая жила на Камчаткѣ въ немаломъ числѣ, вѣрно слѣдовать на бортѣ Гавриль къ Анадырю, чѣмъ соединиться съ Капитаномъ Павлуцкимъ, который главную команду имѣлъ надъ партіею, и ипши бы съ нимъ вмѣстѣ прошивъ немирныхъ Чукочъ, то Камчадалы согласились произвестъ умышленіе свое въ дѣйство въ

по самое время, когда партія изъ устья Камчатскаго на суднѣ выдешъ; и сіе пѣмъ болѣе не сумнѣвались исполнить, что на Камчаткѣ оставалось Козаковъ весьма малолюдно. Чего ради Нижношанпальскіе, Ключевскіе и Еловскіе Камчадалы во всю зиму разбѣжжали, подѣ видомъ гощенія, по всей Камчаткѣ; дѣлали совѣшны между собою, уговаривали нежелавшихъ иппи къ нимъ въ согласіе, и угрожали погубленіемъ всего ихъ рода. Такимъ образомъ привели они всю Камчатку въ возмущеніе, а между пѣмъ вѣдая, что Шеспаковъ убилъ опѣ Чукочь, пустили слухъ, аки бы Чукчи на Камчатку войною идущъ: можетъ быть для того чтобъ въ случаѣ неудачи въ ихъ предпріятіи козаки не подумали, что они пому злу начальники, или что бы козаковъ привестъ въ такую робость, чтобъ они ихъ измѣнниковъ содержали при себѣ, какъ надежную помощь.

Правда, что изъ пѣхъ козаковъ, которые оставались на Камчаткѣ, не осталось бы ни одного человекъ, но всѣ бы побиты были, или поморены голодомъ, ешь ли бы не поспѣшествовало особенное къ народу нашему Божіе милосердіе; да и партіи бы надобно было много шрудиться и много потерять людей, чтобъ вновь покорить шаккой опдаленный народъ, пѣмъ наипаче, что

они вѣдая свое злодѣяніе могли жить всегда въ оспорожності, при томъ умѣли изъ ружья стрѣлять, имѣли винповокъ и пороху довольно, а многіе знали всѣ Россійскія шамошнія ополченія, и коимъ образомъ защищать себя, и по тому имѣли не варварскія уже предпріятія и совѣсны, по подлинно хитрыя; ибо хотѣли они стараться всѣми мѣрами, чѣтобъ не пропустишь вѣдомости до Анадырска; у морскихъ гаваней намѣрены были содержать многочисленныя караулы, и съ приходящихъ судовъ принимая служивыхъ раболѣпно, подъ видомъ перевоза въ остроги, а на дорогѣ побивая порознь всѣхъ безъ остатка; а главные того бунта начальники были Еловскій Тоіонъ Ѳедька Харчинъ, который часто при ясачныхъ зборахъ полмачемъ бывалъ, да дядя его Голгочъ, Ключевскій Тоіонъ.

Между тѣмъ послѣдній прикащикъ Шехурдинъ выѣхалъ съ Камчатскою казною благополучно; партія вся сбѣжала на устье Камчатки для походу къ Анадырю, со всѣмъ сгрузились на судно, и вышли въ море; однако близь самага устья на якорь спали, за нечаянно учинившимся пропивнымъ вѣпромъ. А Камчадалы, копорые у нихъ въ подводахъ были, и копорымъ велѣно было объ обытіи партіи дать вѣдомость бун-

повщичьимъ Тоюнамъ, которые на ключахъ ожидали оной въ собраніи и во всякой готовности къ нападенію на Нижній Камчатской острогъ; не дождавшись совершеннаго ихъ отбытія, и не чая ихъ возвращенія, Юля 20 дня 1731 года успремились въ батахъ своихъ вверхъ по Камчаткѣ, начали Козаковъ бить, кого ни встрѣпятъ, начали плѣнить и жечь ихъ лѣтовья, женъ и дѣшей брать въ холопство и въ наложницы, а съ вѣдомостью объ отбытіи судна, къ главнымъ своимъ опправили наскорѣ, которые погожъ вечера въ острогъ и приплыли, зажгли поповъ дворъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чпобъ козаковъ, какъ охотниковъ ходить на пожары, способнѣе побить и безопаснѣе; въ чемъ имъ такъ пощасливилось, что они безъ всякаго сопротивленія почти всѣхъ бывшихъ въ острогъ побили, не щадя и малыхъ дѣшей и женскаго пола, надъ которыми чинили до убійства всякія наругательства, и дворы всѣ пожгли кромѣ церкви и крѣпости, въ которой все имѣніе жителей лежало въ сохраненіи. Немногимъ удалось избавиться и приѣхать на устье съ извѣстіемъ. Такимъ образомъ морской путь къ Анадырю оспановился; ибо сперва надлежало свое удержать, нежели вновь покорять немирныхъ.

Между тѣмъ знапный измѣнникъ Ключ-

чевскій Есаулъ Чегечъ, который оставался у моря, слыша что Нижній Камчатской острогъ взятъ, побѣжалъ къ объявленному острогу, плѣня все что отъ переднихъ осталось, и побивая всѣхъ, которые попадались на встрѣчу. Наконецъ соединился съ Харчинымъ, и объявилъ, что партія на суднѣ стоитъ еще при успѣ Камчатки. Чего ради измѣнники предостерегая себя отъ оной, засѣли въ Нижнемъ Камчатскомъ острогѣ, вокругъ котораго изъ церковной прапезы здѣлали другую стѣну, а въ верхъ по Камчаткѣ послали ко всѣмъ Камчадаламъ вѣдомость о взятіи острога съ такимъ приказомъ, чтобъ всѣ сбѣжались въ завоенной острогъ Россійской.

На другой день разграбили они всѣ пожитки козачьи, нарядились въ самое ихъ лучшее платье, въ помѣ числѣ иные въ женское, а иные въ священническія ризы; опправляли великое поржество по обыкновенію въ обѣдѣннѣ, пляскѣ и шаманствѣ; а Оедька Харчинъ, какъ новокрещеной, призвавъ новокрещенагожъ умбющаго грамотѣ, приказалъ ему пѣть молебнѣ въ священномъ одѣяннѣ, и за томъ молебнѣ велѣлъ выдать ему 30 лисицъ, записавъ въ книгу такимъ образомъ: По приказу Комисара Оедора Харчина выдано за молебнѣ Савину, ибо такъ

оной новокрещеной назывался, 30 лисицъ красныхъ; чего ради послѣ до самаго выѣзда моего называли его попомъ поганымъ.

На другой день по взятіи оспрога, по естѣ Іюня 21 числа Командиръ партіи, штурманъ Яковъ Генсъ отправилъ для опшнятія у Камчадаловъ оспрога партію, въ 60 человекъ состоящую, которые пришедъ подъ острогъ уговаривали ихъ всѣми мѣрами, чтобъ они покорились, и обнадеживали ихъ Императорскою милостію и прощеніемъ; но они не хотѣли того и слышать; напротивъ того ругали ихъ, и укоряли, а особливо Харчинъ, который насмѣхаясь имъ со стѣны кричалъ: *за темъ вы пришли? развѣ не вѣдаете, что я Комисаромъ Камчатскимъ? я буду самъ ясакъ збирать, а вы козаки здѣсь въ землѣ не надобны.* Чего ради козаки принуждены были съ судна пребывать пушекъ, по полученіи которыхъ Іюля 26 дня погожь мѣсяца по острогу спрѣляшь начали, и пробили великіе проломы, такъ что плѣнныя женщины при робости осажденныхъ могли выбѣгать изъ острога.

Харчинъ видя, что ему въ острогъ не защититься, одѣвшись въ женское платье ушелъ изъ острога, и хотя за нимъ была погоня, однако не могли догнать; ибо онъ такъ рѣзво бѣжалъ, что могъ наспигать

дикихъ оленей, какъ о помѣ сказывающъ многие козаки и братъ его, котораго я заспалъ въ живѣ. Послѣ того человекъ 30 осажденныхъ здалися, прочіе въ острогѣ перестрѣлены. Одинъ Ключевскій Есаулъ Чегечъ съ малымъ числомъ подчиненныхъ даже до смерти оборонялся; при которомъ случаѣ отъ стрѣльбы загорѣлась пороховая казна, и крѣпость со всемъ бывшимъ въ ней богатствомъ обратилась въ пепелъ; одна уцѣлѣла церковь, но и та сожжена отъ Камчадаловъ по оплывшій козаковъ къ морю. На приступѣ козаковъ убито четыре человека, но много переранено; а сколько погибло Камчадаловъ, про то не извѣстно, для того что трупы ихъ погорѣли въ острогѣ. Не спаслись же и тѣ, которые здалися во время приступа; ибо козаки будучи огорчены насиліемъ женъ своихъ, и пратою имѣнія, перекололи ихъ безъ остатка.

Къ поль скорому разбитію бунтовщиковъ много способствовалъ неукоснительное управленіе паршіи, которая не допустила имъ въ острогѣ умножиться; ибо въ противномъ случаѣ соединились бы съ ними Камакова острога Камчадалы, которыхъ считалось человекъ до ста или болѣе, а малолюдные бы остроги и по неволѣ поспѣши-

ли въ сообщеніе, опасаясь бѣдствія; но тогда видя отправленіе партіи, принуждены были ждашь окончанія дѣла подѣ видомъ людей безпристрастныхъ и вѣрныхъ Россіи. За всѣмъ тѣмъ походомъ дѣло не приведено къ совершенству; ибо Харчинъ собравшись съ другими Тоіонами во многолюдствѣ, намѣренъ былъ плышь къ морю, и дасть бой со служивыми; токмо встрѣченъ отъ партіи при самомъ отправленіи въ путь свой, и по маломъ сраженіи принужденъ былъ опуступить на опѣемное высокое мѣсто, и укрѣпляясь по лѣвую сторону Ключевки рѣчки, гдѣ сраженіе происходило, а козаки спали по другую сторону той рѣчки.

И хотя Харчинъ всякіе способы употреблялъ, какъ бы усмрашилъ козаковъ, и принудилъ возвратиться къ морю; однако они вмѣсто робости не преснавали совѣщавать ему и сообщникамъ, что бы здалися; и наконецъ убѣдили, что Харчинъ съ другимъ Тоіономъ и съ брапомъ своимъ на переговоры вышелъ, и стоя при рѣчкѣ показывалъ свою охоту, что онъ желаетъ бысть въ стану козачьемъ, токмо пребывалъ за себя аманатомъ одного служиваго; что съ козачей стороны учинено безпрекословно. А Харчинъ будучи въ стану ихъ пребывалъ, чтобъ они Камчадаловъ не раззоряли, для

шого, что онъ болѣе воевать не хочетъ, и побѣдѣ уговаривать сродниковъ своихъ и подчиненныхъ; но будучи назадъ опущенъ прислалъ оповѣсть, что сродники его къ миру не склоняются, а братья его и Тоіонъ Тавачъ, которые приходили вмѣстѣ съ Харчинымъ, къ своимъ возвращаться не желали.

На другой день Харчинъ пришедъ на берегъ съ другими Тоіонами пребывалъ, чтобъ его козаки къ себѣ перевезли, а въ аманашы бы за него дали двухъ человекъ, въ чемъ ему козаки и впорично не отказали, однако умышленно; ибо какъ онъ къ нимъ переѣхалъ, то они взяли его подъ караулъ, а своимъ закричали, чтобъ въ рѣку бросались; для предосторожности же, чтобъ оставшіе на берегу ихъ не закололи, приложились на нихъ ружьями, чего Камчадалы успрашась разбѣжались. Такимъ образомъ главный измѣнникъ пойманъ, даванные въ аманашы спаслись, а остальные Тоіоны съ своими подчиненными по двоекрапномъ выспрѣлѣ изъ пушекъ разогнаны. Верхоеловскій Тоіонъ Тигиль со своимъ родомъ побѣжалъ въ Еловскія вершины, Ключевской Тоіонъ Голгочъ вверхъ по Камчаткѣ, а другіе по другимъ мѣстамъ, однако вскорѣ всѣ погибли; ибо козаки многими парціями

устремились въ слѣдъ за бѣгущими, и били, кого ни постигали. Тоюжъ Тигиль по долговременномъ сопротивленіи переколовъ женъ и дѣтей своихъ самъ себя живопа лишилъ. А Голгочъ по погромленіи Камчатскихъ острожковъ на рѣкѣ Козыревской и на Шапиной за то, что жители не хотѣли иппи къ нему въ сообщеніе, убилъ отъ нихъ при своемъ опшуда возвращеніи.

Между тѣмъ какъ слухъ прошелъ о раззореніи Нижняго Камчатскаго острога, то Камчадалы по большей части взбунтовали, всѣхъ, кто въ ихъ острожкахъ изъ козаковъ ни прилучился, убили, размуча пирански; начали соединяться вмѣстѣ, чтобъ иппи подъ оставшіе остроги подъ Верхній и Большерецкій, начали призывать къ себѣ въ сообщеніе всѣхъ своихъ сосѣдей угрозами и ласкою, при чемъ много изъ тѣхъ, которые къ нимъ не прислали, и побито. А козаки принуждены были жить въ великомъ страхѣ, пока не получили помощи изъ Нижняго; однако партіи изъ обоихъ остроговъ ходили въ походъ по Пенжинскому морю, и громили всѣхъ безъ пощады и милости. А когда прибыла команда изъ Нижняго, тогда они соединенными силами пошли на Авачинскихъ измѣнниковъ, которыхъ было болѣе 300, брали приступомъ крѣпкіе и на-

рочно сдѣланные оспрожки ихъ, побивали измѣнниковъ купно и съ невинными, женъ ихъ и дѣшей въ холопство брали, и такимъ образомъ погубя ихъ множество и успокоя, паки на Камчатку возвратились по своимъ мѣстамъ съ великою прибылью. И съ того времени не бывало уже убійства на Камчаткѣ по 1740 годъ, въ которомъ по разнымъ мѣстамъ человекъ съ семь отъ Коряковъ переколошы, въ томъ числѣ одинъ мапрѣзъ команды покойнаго Капитана Командора господина Беринга.

Послѣ того вскорѣ прибылъ на Камчатку для розыску Якутскаго полка Маіоръ, что потомъ былъ Подполковникъ, Василій Мерлинъ съ однимъ Офицеромъ, съ капральствомъ солдатъ и съ малымъ числомъ Иркутскихъ служивыхъ, а по немъ въ поварщи ему Маіоръ Павлуцкій; которыми велѣно было изслѣдовать о причинѣ бунта, о убійствѣ Японцевъ, и о другихъ тамошнихъ непорядкахъ; а изслѣдовавъ оное дѣло прислать съ подписаніемъ своего мнѣнія въ Иркутскъ для конфирмаціи, и при томъ новой острогѣ построить; которые и жили тамъ по Августъ мѣсяцъ 1739 года. Въ бытность свою построили они Нижній Камчатскій острогъ не много ниже устья Рашиги рѣчки, изслѣдовали о помянутомъ бун-

тѣ, и по полученіи конфирмаціи на слѣд-
ственнае дѣло казнены смертію шрое изъ
Россійскихъ, а именно: Комисаръ Иванъ Но-
вогородовъ, пятидесятникъ Андрей Шипин-
никовъ, который убилъ Японцевъ, и Михай-
ло Сапожниковъ, въ каждомъ острогѣ по
человѣку, да съ ними человѣка по два Кам-
чадаловъ изъ главныхъ бунтовщиковъ, въ
помѣ числѣ и Ѳедоръ Харчинъ; прочіе ко-
заки по соспоянію винъ штрафованы. Служители ихъ Камчадальскаго народа, кошо-
рыхъ они боемъ, куплею и за долги полу-
чали, и владѣли какъ крѣпостными, опу-
щены на волю, и впредь кабаилихъ ихъ за-
прещено накрѣпко. Безспрашіе, съ какимъ
тамошній народъ къ смерти ходилъ, мо-
жно всякому разсудилъ по одному примѣру,
что при помянутой казни одинъ смѣючись
жаловался на свое нещастіе, что ему на
висѣлицѣ послѣднему бытъ надлежало. По-
добно безспрашію жестокосердіе ихъ въ
перѣбніи тѣлеснаго наказанія. Какъ ихъ
ни мучь, болѣе не услышишь какъ, *ни ни*,
и то опѣ перваго удара, а потомъ какъ
безчувственныя молчалъ закуся языкъ, и
болѣе того допытаться у нихъ приспра-
спемъ не можно, какъ шокмо что въ до-
просѣ добровольно сказали.

Съ шого времени миръ, покой и шиши-

шина въ Камчаткѣ, да и впредь опасаться нѣчего; ибо по высокомастерному Всемило-спивѣйшія Государыни нашея Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ о подданныхъ Своихъ попеченію сдѣланы такія учрежденія, что тамошнимъ жишелямъ лучшаго удо-вольствія желать не возможно. Ясаку они плащятъ покмо по одному звѣрю съ чело-вѣка, какой гдѣ промышляется, по еспь по лисицѣ, бобру или соболю, а другихъ они сборовъ уже не знаютъ. Судъ и расправа, кромѣ уголовныхъ дѣлъ поручены Тою-намъ ихъ, а Комисарскому суду они не под-вержены. Старыхъ долговъ, которые ко-заки на нихъ почипали, править на нихъ подѣ жестокииъ наказаніемъ не велѣно; а что всего паче, всѣ почти они приведены въ Христіанскую вѣру чрезъ проповѣдь сло-ва Божія, къ чему способствовали опмѣн-ныя щедроты и милосердія Всеавгустѣйшія Монархини нашея, что новокрещеныиъ дана опѣ ясаку на 10 лѣтъ свобода. Для умно-женія же ихъ въ Православіи опредѣлены училищели, и во всѣхъ почти острогахъ за-ведены школы, въ которыхъ невозбранно обучаются какъ дѣтямъ козачьиимъ, такъ и Камчадальскимъ безъ всякой платы; и нынѣ Христіанская вѣра въ тамошней спо-ронѣ къ сѣверу до Коряковъ, а къ Югу до

прешьяго Курильскаго острова распростра-
 нилась; но можно пвердо надбѣяться, что
 вскорѣ и Коряки просвѣщены будутъ Свя-
 тымъ крещеніемъ, пѣмъ наипаче, что мно-
 гіе изъ нихъ приняли Христіанскую вѣру.
 Сіе же между славными и великими дѣлами
 Всепресвѣплѣйшія Самодержицы нашея по-
 чипать должно, что звѣрской оной народъ,
 изъ котораго до временъ щасливаго вла-
 дѣнія Ея ни спа человекъ крещеныхъ не
 было, въ краткое время познавъ истинну
 оставилъ свое заблужденіе такъ, что ка-
 ждой нынѣ съ сожалѣніемъ и съ смѣхомъ
 воспоминаетъ прежнее житіе свое.

Примѣчаніе. Здѣсь оканчивается Историческое
 повѣствованіе Крашенинникова относительно къ
 Камчаткѣ; мы присовокупляемъ къ оному слѣдую-
 щее краткое примѣчаніе, извлеченное изъ нѣкото-
 рыхъ достовѣрныхъ рукописей. „Послѣ усмиренія
 бунта Камчатскихъ жителей, произшедшаго отъ
 злоупотребленія власти и насилія управлявшихъ
 Камчаткою прикащиковъ, посылаемы были туда
 съ 1738 года начальники изъ чиновниковъ, которые
 управляли Камчаткою спокойно 50 лѣтъ. Камчат-
 скіе жители довольны были симъ Правленіемъ, вы-
 ключая безпокойныхъ Коряковъ, для содержанія
 коихъ въ повиновеніи, построена *Тигильская* крѣпость
 при рѣкѣ *Тигиль*. Однако народонаселеніе *Камчатки*

весьма уменьшилось въ 1767 году, по причинѣ принесенной изъ Охотска оспы, отъ которой опустошенъ весь восточный Камчатскій берегъ. По открытіи же Иркутскаго намѣстничества въ 1783 году, учрежденъ въ Нижне - Камчатскомъ острогѣ городъ и уѣздное правленіе, и симъ раздѣлена власть между чиновниками; отъ чего произошли между ними несогласія, возмущавшія спокойствіе Камчатки. Какъ Иркутское Правительство, по отдаленности того края, тщетно предпринимало разныя средства къ прекращенію оныхъ несогласій, по окончѣ въ 1803 году учреждено въ Нижне - Камчатскѣ Обласное правленіе, и для защиты того края, расположенъ въ гарнизонахъ одинъ баталіонъ войскъ. Но какъ Обласное правленіе, и столь великій гарнизонъ, сдѣлались шамошнему малолюдному краю тягостны, по для облегченія участи Камчатскихъ жителей, послѣдовало въ 1812 году преобразование воинской и гражданской части; по которому Обласное правленіе уничтожено, и баталіонъ Камчатскій разформированъ. На мѣсто же оныхъ образовано новое Правленіе, состоящее только изъ одного Начальника и его Помощника. Начальникъ Камчатки избирается изъ морскихъ чиновниковъ; ему велѣно быть также и Начальникомъ портовъ, и ротнымъ Командиромъ флотскаго экипажа въ Петропавловской гавани. Весь гражданской штабъ Камчатки состоитъ нынѣ только: изъ Начальника, его Помощника, Секретаря, объѣзднаго Комисара, трехъ писарей, двухъ лѣкарей и трехъ учениковъ; а главное

пребываніе онаго въ Петропавловской гавани. Какъ нынѣ Камчатской народѣ, чрезъ долговременное обращеніе съ Рускими, сдѣлался совершенно тихъ и миролюбивъ, по въ облегченіе сего края уменьшенъ также значительно и гарнизонъ; оный состоитъ нынѣ изъ флотской роты 122 человекъ, изъ конной козачей команды 56 человекъ, и изъ нѣкотораго числа пѣшихъ козаковъ, для исправленія полицейской должности.

ГЛАВА V.

О нынѣшнемъ состояніи Камчатскихъ остроговъ, о ихъ преимуществѣ и недостаткахъ въ сравненіи между собою.

Россійскихъ остроговъ на Камчаткѣ пять, какъ уже выше сказано: 1) Большерѣцкой, 2) Верхній Камчатской, 3) Нижне-Шанпальской, 4) при гавани Пепропавловской, а 5) при рѣкѣ Тигидѣ.

Большерѣцкой острогъ стоить на сѣверномъ берегу Большой рѣки, между впадающими въ оную посторонними рѣками Быстрою и Гольцовкою въ 33 верстахъ отъ Пенжинскаго моря (1). Крѣпость въ ономъ острогѣ четверугольная, во всѣ стороны

---

(1) Сей острогъ стоить на ровномъ низменномъ мѣстѣ, окруженномъ отовсюду протоками. Оный былъ прежде знаменитъ какъ пребываніемъ въ немъ Воеводской Канцеляріи и Управляющаго всею Камчаткою, такъ и главнымъ собраніемъ торгующихъ; но послѣ открытія въ 1783 году въ Нижне-Камчатскѣ города пришелъ въ упадокъ, а при новомъ преобразованіи на Камчаткѣ Гражданской и Военской части въ 1812 году и вовсе уничтоженъ, подобно какъ и ниже сего описываемые остроги

по 10 сажень, съ воспока и съвера огорожена палисадникомъ. Южную и западную стѣну составляетъ строеніе, а именно: ясачная изба, аманашская казенка, между коперыми сдѣланъ анбаръ для содержанія аманашской юколы, да двоежилей анбаръ, въ копоромъ ясачная казна хранился. Входъ въ острогъ съ западной стороны небольшими воротами. За острогомъ строенія: часовня, что нынѣ уже церковь, во имя Николая Чудотворца, съ колокольнею на столбахъ, а при ней церковной анбаръ; обывательскихъ домовъ по разнымъ островамъ придесть, кабакъ съ винокурнею, служивыхъ 45 человекъ, да козачьихъ дѣшей положенныхъ въ подушной окладъ, которые однакожъ служатъ въ рядъ съ козаками, 14 человекъ.

Въ разсужденіи крѣпости сей острогъ всѣхъ хуже, но и нужды нѣтъ въ укрѣпленіи, по тому что подвластные сему острогу Камчадалы издавна надежны и вѣрны. Въ разсужденіи же мѣстоположенія имѣетъ оный передъ другими великую выгоду: 1) что морскіе суда пристають на Большой рѣкѣ, чего ради жилиши всегда

Верхне и Нижне - Камчатской, и крѣпость Тигильская. В.

получаютъ привозные повары изъ первыхъ рукъ; 2) что жители содержатъ у себя приѣзжихъ на квартирахъ, и довольствуютъ споломъ изъ пламы, отъ чего получаютъ немалую прибыль; 3) что кладь опшуда въ другіе остроги поднимаютъ на своихъ сабахъ, а за перевозъ берутъ немалыя деньги; 4) что морскихъ бобровъ, которые нынѣ за главной Камчатской поваръ почтишаются, получаютъ они больше нежели жители другихъ остроговъ; 5) что въ лучшее время имѣютъ они рыбы со излишествомъ, и ловятъ съ малымъ трудомъ и изживеніемъ, ибо по состоянію рѣки не употребляютъ они сѣтей больше 20 сажень; чего ради и главной командиръ Камчатскихъ остроговъ по большей части живетъ въ Большерѣдкомъ, а въ другіе остроги посылаетъ отъ себя закащиковъ. Тѣмъ токмо сей острогъ недоспапочевъ, что въ лучшее время, когда рыба изъ моря идетъ, и оною запасается въ зиму, всегда бываетъ морская погода, отъ чего происходитъ въ приготовленіи кормовъ великое затрудненіе: ибо при несказанномъ множествѣ рыбы съ нуждою запасается столько, чтобъ на зиму спало, а по большей части къ веснѣ бываетъ великая дороговизна сѣтисныхъ припасовъ и голодъ. Если бы лѣсомъ сія рѣка была довольна,

по бы сей недостатковъ опсрашитъ можно было копченіемъ и сушеніемъ рыбы въ шалашахъ по примѣру Охотскихъ жишелей; но такой шалашъ здѣлашь не мало денегъ надобно, ибо лѣсъ къ спроеію годной издалека плавится съ великимъ трудомъ и опасностію. Къ каждой лодкѣ привязывается не болѣе десяти бревенъ, да и такимъ образомъ на быспрыхъ мѣспахъ часто разбиваетъ ихъ. Для большаго изясненія трудности въ плавленіи лѣсу довольно только то объявить, что опѣ моря не по лѣсъ годной, но по сухіе дрова, копорыя употребляютъ на вареніе соли и жиру, бздятъ по трои и по чепыре супки, а привозятъ только, что не сваритъ и пуда; опѣ чего шамъ и соли не споль довольно, какъ въ Нижнемъ Камчатскомъ оспрогѣ или на Авачѣ. У копораго козака одна лодка, попѣ мѣсяцъ и балаганъ спроитъ у моря, къ копораго спроеію токмо колье, права да 9 подставокъ поспребны.

Верхній Камчатской оспрогъ, копорый прежде всѣхъ поспроенъ, и былъ нѣскольکو лѣтъ главнымъ оспрогомъ, для того что Комисары въ немъ жили, а въ другіе оспроги посылали закашиковъ, спойтѣ на лѣвомъ берегу рѣки Камчатки при устьѣ рѣчки Кали, опѣ Камчатской вершины въ 69 вер-

спахъ, отъ Большерѣцка по прямой дорогѣ въ 242, а по дорогѣ чрезъ Оглукоминской хребетъ въ 436 верспахъ въ 50 саженьхъ. Крѣпость въ немъ четверугольная съ палисадникомъ во всѣ стороны по 17 сажень. Ворота съ рѣчной стороны сѣвны, а надъ воротами анбаръ, въ которомъ хранится ясачная казна. Внутри крѣпости строенія: ясачная изба съ каморкою, въ которой аманашы содержатся, два анбара двоежилые, въ которыхъ кладется жиръ на свѣтъ и аманашская юкола. За крѣпостью часовня, что нынѣ церковь, во имя Николая чудотворца, Государевъ домъ съ принадлежащимъ строеніемъ, кабакъ съ винокурнею, обывательскихъ домовъ 22, а служивыхъ и козачьихъ дѣшей 56 человекъ.

Сей острогъ въ разсужденіи погоды и лѣсу великое имѣетъ предъ Большерѣцкимъ преимущество, ибо тамъ всегда бываетъ изрядная погода, а лѣсъ хотя пополовой, однако толстой, и съ малымъ прудомъ получить можно, чего ради и хоромное строеніе въ ономъ острогѣ гораздо лучше Большерѣцкаго. Имѣетъ же помянутой острогъ и въ томъ преимущество, что земля тамъ способна къ плодородію, и паханныхъ мѣстъ больше и лучше тѣхъ нигдѣ не находится. Но въ разсужденіи рыбныхъ промысловъ бѣ-

день, для того что рыбы по дальности расстоянія его отъ моря, и не много шуда доходящъ и весьма поздно, такъ что Нижношанпальскіе жипели погда кормомъ со всѣмъ исправляющся, когда въ Верхнемъ начинаешся промыселъ. Чего ради жипели по всякую почпи весну прешерпѣвающъ голодъ, и принуждены бывающъ весною закупашъ рыбу по Пенжинскому и Бобровому морю. Соль и жиръ они покупающъ въ Нижнемъ Камчатскомъ оспрогѣ, или сами на устьѣ Камчатки для варенія ея бздящъ, не взирая на великое расстояние, ибо отъ Верхняго Камчатскаго оспрога до устья Камчатки болѣе 400 верстъ. Прежде сего помянутые недостатки награждаемы бывали морскими бобрами съ Боброваго моря, копорыхъ козакки получали довольно; но нынѣ и ша ихъ польза миновала, для того что на Бобровомъ морѣ мало приваловъ бываешъ, при копоромъ случаѣ самой лучшей того звѣря промыселъ (1). Ешпили же у помянутаго оспрога Бобровое море приписано по близости къ Авачинскому оспрогу, то жипелямъ сего оспрога вся надежда на земледѣліе ошпанешся, чѣмъ они, ежели не полбнящся, бо-

---

(1) Нынѣ уже не водящся морскіе бобры около Камчатки. В.

лѣе прибыли получать будущѣ нежели отъ торгу съ Камчадалами (1); въ прошивномъ случаѣ и жишь имъ шамъ почши не у чего будетъ.

Нижній Камчатской или Нижношанпальской острогъ отъ Верхняго Камчатскаго острога въ 397 верстахъ, стоишь на помъ же берегу рѣки Камчатки, не добъжая за 30 верстъ до ея устья. Крѣпость въ немъ чешвероугольная, огорожена палисадникомъ длиною 42, а шириною 40 сажень съ пробъжжею рубленою башнею, которая здѣлана посреди спѣсны западной. Внутрь крѣпости строенія: церковь во имя Успенія Пресвятыя Богородицы съ предѣломъ Николая Чудотворца, ясачная изба съ сѣньми и амункою, домъ Государевъ, въ копоромъ живутъ прикащики, два анбара кладовые, въ копорыхъ содержится ясачная казна и

---

(1) Отъ Верхне-Камчатска къ Сѣверу въ 6 верстахъ, на ровномъ мѣстѣ на берегу протока *Барлатанскаго*, заложена новая солдатская слобода; далѣе въ 3-хъ верстахъ слѣдуетъ заимка *Шигагикъ*, гдѣ пасся казенной скотъ, а отсюда въ 3-хъ же верстахъ деревня *Милкова*, въ коей живетъ 25 чело-вѣкъ пашенныхъ Рускихъ крестьянъ. Отъ самой *Барлатанки* до сей деревни поля воздѣлываются, и хлѣбъ родится съ избыткомъ. В.

военные припасы. Все строение въ разсужденіи другихъ оспроговъ изрядное и прочное, для того что все изъ лиственничнаго дерева. За крѣпостью строенія: обывательскихъ домовъ 39, да кабакъ съ винокурнею. Жителей всякаго чина 92 человекъ.

Сей оспрогъ въ разсужденіи вещей потребныхъ къ человѣческому содержанію по тамошнему обстоятельству, можно почестъ преизобильнымъ и преспособнымъ мѣстамъ: 1) что тамъ довольно преизрядной рыбы, копорой жипели и соляпъ и сушапъ со излишествомъ; 2) что въ лѣсѣ не токмо къ хорошему, но и къ судовому строенію годномъ изобиліе; 3) что въ разсужденіи состоянія рѣки плавиль его можно безъ всякой опасности; чего ради жиру и соли варится тамъ столь много, что и другіе оспроги оною снабждаются; 4) что около гѣхъ мѣстъ множество дичи промышляется, копорой жипели получаютъ ошъ Камчадаловъ такъ много, что нѣтъ такого бѣднаго козака, копорый бы нарядной обѣдъ здѣлалъ безъ лебедя, а о гусяхъ, ушкахъ и упоминать нѣчего; 5) что они получаютъ всегда свѣжую рыбу, которая на ключахъ и зимою ловится; 6) что родится тамъ много ягодъ морошки, брусницы и голубицы, копорыхъ прожипочные люди запасаютъ въ зиму ве-

ликія кади, а сіе составляетъ по рыбѣ главную часть свѣспныхъ припасовъ; 7) что могутъ они, сколько надобно, достать всякой домовой посуды, при томъ дешевою цѣною, которую въ Большерѣцкѣ едва можно получитьъ за великія деньги; 8) что имъ достаются самые лучшіе Камчатскіе соболи съ рѣки Тигиля; 9) что Коряцкіе повары, оленье плашье, камасы, постпели, пыжики, ровдуги и самыхъ оленей на пищу, безъ копорыхъ имъ меньше нежели безъ Россійскихъ и Кипайскихъ обойпись можно, получаютъ они дешевле другихъ и способнѣе; 10) что тамъ въ близости есть и мѣста плодородныя, гдѣ всякой хлѣбъ и овощи родятся. Одинъ недоспатоковъ состоитъ въ томъ, что Россійскіе и Кипайскіе товары дороже у нихъ продаются нежели въ другихъ острогахъ, для того что купцы должны провозъ на товары накладывать, котораго отъ Большерѣцка до сего острога не меньше чепырехъ рублей на пудъ приходитъ.

Четвертой острогъ заведенъ при Авачинской губѣ въ 1740 году, а жилиши переведены туда изъ Нижняго и Верхняго Камчатскимъ остроговъ. Тамъ построены преизрядные дома, особливо же великолѣпно по тамошнему соспояннію строение Камчатской Экспедиціи, которое состоитъ около

Петропавловской гавани. Вящее еще украшеніе придаетъ ему церковь съ пристойнымъ зданіемъ, что на изрядномъ мѣстѣ воздвигнута (1).

Преимущества и недостатки сего мѣста почти тѣже что и Большерѣцкаго острога; въ томъ токмо есть нѣкоторая ошмѣна, что на Авачѣ бобровые промыслы передъ руками, на прошивъ того вода не столь хороша и здорова, какъ въ Большой рѣкѣ. Многіе отъ ней хворали одышкою, чего ради знатнѣйшіе изъ Камчатской Экспедиціи не рѣдко за водою посылали принуждены бывали на рѣку Авачу, которая въ Авачинскую губу впадаетъ.

Въ какомъ состояніи пятой острога, что при рѣкѣ Тигилѣ, про то объявить не

---

(1) Петропавловская гавань можетъ почитаться самою превосходнѣйшею, отъ натуры произведенною, въ свѣтѣ гаванью; она одна только и есть по всемъ берегамъ Камчатскимъ и Охотскимъ, удобная и безопасная для всякаго рода судамъ пристань. По сему ея преимуществу и другимъ выгодамъ, положено, при новомъ преобразованіи Камчатскаго Правительствва въ 1812 году: быть въ сей гавани главному пребыванію Начальника Камчатки, и устроить тамъ всѣ нужныя казенныя заведенія, для помѣщенія гарнизона и флотскаго экипажа. В.

лзя ; ибо оной зачали спроишь уже по вывѣдѣ моемъ съ Камчатки ; шокмо то извѣстно, что отправлено въ оной 37 человекъ на поселение (1). Господинъ Спеллеръ пишетъ, что помянутой оспрогъ заблаго разсуждено спроишь для прехъ причинъ : 1) чтобъ бунтующихъ сидячихъ Коряковъ содержать въ послушаніи ; 2) чтобъ ошпуда проложитъ дорогу вкругъ Пенжинскаго моря до Охотска ; 3) чтобъ защищать въ нужномъ случаѣ Оленныхъ Коряковъ отъ Чукочь, которые ихъ всегда раззоряютъ. Жители сего оспрога могутъ много пользы ошнять у Нижношантальцовъ : 1) что имъ не столь способно будетъ получать соболей Тигильскихъ ; 2) что Коряцкіе повары прежде Тигильцамъ доставались имѣютъ ; 3) что ясачные Коряки Пенжинскаго моря, которые были подъ Нижнимъ, чаятельно къ Тигильскому оспрогу какъ къ ближайшему приписаны будутъ.

---

(1) *Тигильская* крѣпость построена на правомъ берегу рѣки *Тигиля* въ 35 верстахъ отъ устья ; она нынѣ уничтожена потому что Коряки стали обходительнѣе и послушнѣе , и что Чуки также живутъ мирнѣе. В.

Г Л А В А VI.

О житіи тамошнихъ козаковъ , о изобрѣтеніи травянаго и ягоднаго вина , о куреніи, о прежней винной продажѣ, и о доходахъ козацкихъ.

Козачье житіе на Камчаткѣ не разнспвуеть почти отъ Камчадалскаго ; ибо какъ пѣ, шакъ и другіе питаются кореньемъ и рыбою, и въ пѣхъ же трудахъ упражняются: лѣтомъ промысляютъ рыбу и запасаютъ въ зиму, осенью копаютъ коренье, дерутъ кропиву, а зимою вяжутъ изъ оной сѣпи. Вся разность состоитъ въ томъ: 1) что козаки живутъ въ избахъ, а Камчадалы по большей части въ земляныхъ юртахъ ; 2) что козаки ѣдятъ больше вареную нежели сухую рыбу, а Камчадалы больше сухую; 3) что козаки изъ рыбы дѣлаютъ различныя кушанья, какъ на примѣръ: шельныя, пироги, блины, оладьи, и прочее, чего Камчадалы до Россійскихъ людей не знали. Но понеже въ такомъ житіи безъ женскаго пола обойтись никакъ не возможно, для того что большая часть помянутыхъ трудовъ лежитъ на ономъ, какъ на примѣръ: чищеніе рыбы, ко-

паніе коренья, порпная и сапожничья работа, сученіе пряжи и прочая, а козаки поселились на Камчаткѣ безъ женскаго пола для того, что по трудности пуши и одни проходили съ нуждою; того ради сообщу я средства, которыя они употребляли.

Что козакамъ новое оное мѣсто не всегда ласкою, но иногда и силою покорять надлежало, о томъ всякому довольно разсудить можно. Изъ острожковъ покоренныхъ силою брали они довольно число въ полонъ женскаго пола и малолѣтнихъ, которыхъ раздѣляя по себѣ владѣли ими какъ холопами. Оные холопы должны были стараться о всемъ потребномъ къ содержанию, а они какъ господа довольствовались готовымъ ни за какіе труды не принимаясь. Для присмотра за холопами употребляли они наложницъ своихъ изъ числа же холопей, на которыхъ они по прижитіи дѣтей по большой части и женивались. А которые желали чрезъ супружество свойство имѣть съ вольными Камчадалами, тѣ давали имъ на себя записи, что они по прибытіи священника дочерей ихъ за себя возмуть. Такимъ образомъ случалось, что у козака крестины невѣсты, свадьба, молитва и крестины дѣтей оправалялись вмѣстѣ; ибо во всѣхъ острогахъ одинъ былъ священникъ, который жилъ въ

Нижнемъ острогѣ, а въ другіе приѣзжалъ чрезъ годъ или чрезъ два года; между тѣмъ многіе женившись по вышеписанному обыкновенію, давъ на себя запись дѣшей рождали, которыхъ дѣячку должно было крестить, а священнику приѣхавъ и родителей вѣнчать и совершать тайну крещенія.

Камчатское житіе козакамъ, какъ такимъ людямъ, которые не видали лучше, не непріятно казалось, тѣмъ наипаче, что жили они какъ дворяне за холопами. Соболей и другой мягкой рухляди получали довольно. Въ каршы, которая ихъ вящшая была забава, имѣли что проигрывать. Одно ихъ мучило, что вина достать имъ было не гдѣ, однако и топъ недоставокъ отъ охотниковъ награжденъ вскорѣ, какъ ниже сего объявлено будетъ; а здѣсь надобно упомянуть о карточномъ ихъ увеселеніи, какое они получали удовольствіе и прибыль. Прежде сего лучшее сходбище у нихъ было въ ясачной избѣ; тамъ были суды, совѣшы, споры и зерновое мѣсто, а когда завелись кабаки, тогда все помянутое въ нихъ производить начало. Игроки приходили туда съ соболями или лисицами, а когда того не доставало, приводили холопей. Лучшее у нихъ мѣсто на палатяхъ: игрывали въ великую сумму по тѣхъ поръ, пока оба оспавались наги, ибо соболи и ли-

сицы разходились на вино, на карпяное и на свѣповое; а кто въ выигрышѣ оспавался, тотъ доволенъ бывалъ мнимою прибылью, что биралъ письмо въ долгу, которое они кабалой называли. Почти повѣришь тому не лзя, какое при томъ бѣдные ихъ холопи шерпѣли мученіе; часто случалось, что въ одинъ день доспавалось имъ имѣть по двадцати хозяевъ, о чемъ и понынѣ многіе съ горестію воспоминаютъ.

Что касается до изобрѣшенія вина, то оное нашли козаки Большерѣцкіе такимъ образомъ: обычай у нихъ естъ всякія ягоды заготовлять въ зиму, какъ уже выше объявлено. Нѣкогда случилось, что ягоды къ веснѣ окисли, и ни въ какую пошребу кромѣ квасу не были годны; между тѣмъ нѣкоторые пьючи окислой цѣльной розсолъ почувствовали хмель въ себѣ, чего ради приготовя кошелъ перегонили оныя съ желаемымъ успѣхомъ къ великой радости всѣхъ жипелей. Съ тѣхъ поръ на Камчаткѣ безъ вина уже не было, а особливо когда провѣдано, что и изъ сладкой правы вино родится. Когда у нихъ недоспавало на вино ягодъ, тогда мочили они сладкую праву въ водѣ, и положи въ сусло полченыхъ кедровыхъ орѣховъ, и сквася пили вмѣсто меду. Но какъ и онѣ того почувствовали шумъ

въ головѣ, потчасѣ успремилсь на опыты. Въ началѣ квасили сладкую праву къ кипрейномѣ суслѣ, и по сусло перегоняли, но безѣ успѣха; по томѣ начали и самую праву въ коплы класць; тогда получили, чего искали. Но понеже сладкую праву въ кипрейномѣ суслѣ мочить убыточно было, по опивѣдывали они гнать вино и изѣ одной сладкой правы, въ чемѣ неменьшій успѣхѣ имѣли. И сей способѣ какѣ непропорной понынѣ въ употребленіи.

Какимѣ образомѣ сладкая права заготовляется, о томѣ во второй части сего описанія упомянуто, а здѣсь осталось объявить, какѣ изѣ заготовленной правы вино выгоняютѣ.

Сухую праву пластинами мочатѣ они въ теплой водѣ, наливѣ воды въ небольшое судно сполько, чтобѣ права могла погрузиться; и положи въ оную жимолостныхѣ ягодѣ или пьяницы, замазываютѣ крѣпко, и ставятѣ въ теплое мѣсто. И сіе называютѣ они приголовкомѣ, который киснетѣ съ превеликимѣ шумомѣ. Знакѣ его совершенства: какѣ переспаетѣ гремятъ; тогда мочатѣ они сладкой правы въ большихѣ кадяхѣ пуда по два и по три, и квасятѣ объявленнымѣ приголовкомѣ, и при всемѣ поступаютѣ, какѣ выше показано, а сіе называ-

юшѣ они брагою. Когда брага гремѣшѣ переспаенѣ, тогда кладушѣ оную въ чугунныя или мѣдныя кошлы, накрываюшѣ деревянною крышкою, въ которой вмѣсто прубы обыкновенно вмазывается ружейной своль, и гоняшѣ раку по шѣхѣ порѣ, пока въ ней естѣ оспроша. Сія рака крѣпоспію подобна хорошему вину, чего ради и пьюшѣ оную за вино, не переганивая въ другой разѣ. Дѣлаюшѣ же брагу и безѣ приголовка за квася водою, въ которой мочена негодная шрава, что по выгнаніи вина въ кошлахѣ остаешся. Изѣ шрехѣ пудѣ или и изѣ двухѣ сѣ половиною выходишѣ раки печатное ведро, которое изѣ казны по 20 рублей продавалось.

Естѣли кому неизвѣспны памошнія обстоятельспва, шотѣ въ разсужденіи помянушаго проспраннаго козачья жишья безѣ сумнѣніа пожелаешѣ вѣдать, откуда получаюшѣ шоль великіе доходы; чего ради сообщу я здѣсь для такихѣ любопытныхѣ крапкое о прибышкакѣ ихѣ извѣспіе. Сѣ начала завоеванія Камчанки имѣли они довольной случай богашпшся: 1) опѣ частыхѣ находѣ на немирныхѣ Камчадаловѣ, которыхѣ они покоряли военною рукою; 2) опѣ ясачнаго збора, при которомѣ каждому рядовому козаку по нѣскольку мягкой ружляди до-

спавалось на пай; ибо каждый Камчадалъ кромѣ ясаку долженъ былъ дать имъ чепыре лисицы или соболя, одного звѣря зборщигу, другаго подъячему, прешьяго полмачу, чепвертаго на рядовыхъ козаковъ: а такіе излишніе поборы назывались у нихъ *гашинами*, а въ Якутскѣ *бѣлякэмб*; 3) отъ торгу съ Камчадалами, которыхъ они при зборѣ всякіе мѣлочныя товары продавали, или въ долгъ отдавали дорогою цѣною. И хотя по бывшемъ слѣдствіи оныя излишніе зборы отвращены, однако торгъ съ Камчадалами повольной состоипѣ за козаками. Они снимаютъ товары у купцовъ, и развозя по Камчадаламъ продаютъ имъ двойною цѣною и выше, но не всѣ на мягкую ружлядь; ибо берутъ они по цѣнѣ и по потребное къ своему содержанию, какъ на примѣръ, лодки, сѣши, сѣбствныя припасы и прочая. И сіе есть одно средство, что козаки въ безхлѣбныхъ оныхъ и всѣмъ скудныхъ мѣстахъ могутъ содержать себя жалованьемъ пѣшихъ козаковъ; котораго денежной окладъ 5 рублей, да за хлѣбъ денегъ по Якутской цѣнѣ; а каждому исправному козаку кромѣ нужнаго къ пропитанію на одно платье лѣтнее и зимнее, на собакъ и на военные припасы надобно не меньше 40 рублей на годъ: ибо пара куклянокъ продается по 6, по 7 и

по 8 рублей, штаны теплые рубли по 2 и по 3, на торбасы зимніе и лѣпніе, на шапку и рукавицы не меньше чепырехъ рублей положишь должно, на чулки шерстяные рубль, на двѣ рубахи песпрединныя или холстинныя 4 рубли; ибо шамъ песпреди и холста по 4 аршина на рубль продается, на лѣпніе ровдужные штаны 2 рубли; нарту самыхъ плохихъ собакъ съ приборомъ ниже десяти рублей достать не можно; виншовка по тамошнему мѣсту не малой цѣны стоить, а пороху и свинцу и за великія деньги достать не безъ трудности.

Г Л А В А VII.

О подчиненныхъ каждому Россійскому острогу Камчатскихъ и Коряцкихъ острожкахъ, о посылаемыхъ къ нимъ сборщикахъ, и о другихъ казенныхъ Камчатскихъ доходахъ.

Понеже выше сего показано, что Россійскихъ остроговъ на Камчаткѣ нынѣ пять, а есть ли къ нимъ приписные Камчатскіе и Коряцкіе острожки или нѣтъ, про то неизвѣстно; того ради сообщу я здѣсь извѣстіе, какіе иноземческіе острожки въ бытность мою къ премъ стариннымъ острогамъ къ Большерѣцкому, Верхнему и Нижношаншальскому принадлежали; кто именно въ нихъ Тоіоны были, и сколько имѣли подчиненныхъ, и какихъ окладовъ; а наконецъ по скольку сборщиковъ изъ каждаго Россійскаго острога, и въ копорыя именно мѣспа опправлялись.

Большерѣцкой присудъ, какъ выше сего писано, по берегу Пенжинскаго моря отъ устья Большой рѣки къ югу до рѣки Опалы, къ сѣверу до Воровской, по берегу Восточнаго мора отъ Авачи до Налачевой рѣ-

ки проспирается, а всѣхъ острожковъ въ тѣхъ мѣстахъ по переписнымъ книгамъ считается осмнадцать, а именно:

На Большой рѣкѣ:

- 1) Кученичевъ острогъ; въ немъ Тоюнь Кученичъ, ясачныхъ
- 2) Сикушкинъ, Тоюнь Курух-пачъ, ясачныхъ - - -
- 3) Алачинъ, Тоюнь Алача, ясачныхъ - - - -
- 4) Начикинъ, Тоюнь Начика, ясачныхъ - - - -

Соболь- ники	Лисич- ники	Число людей
8	17	25
12	15	27
4	10	14
6	3	9
30	45	75

По рѣкѣ Быстрой:

- 5) Карымаевъ, Тоюнь Кары-май, ясачныхъ - - -

7	9	16
---	---	----

По Пенжинскому морю отъ рѣки Опалы до Воронской:

- 6) На рѣкѣ Опалѣ Тоюнь Хан-тай, ясачныхъ - - -
- 7) На Уткѣ рѣкѣ, Тоюнь Ке-люга, ясачныхъ - - -
- 8) На рѣкѣ Кыкчикѣ у Тоюна Шемкоя - - - -
- 9) На тойже рѣкѣ у подчиненнаго Тоюна Тавача - -
- 10) На рѣкѣ Немтикѣ у Тоюна Налача - - - -

5	9	14
4	10	14
13	29	42
10	20	30
5	5	10

	Соболей- липки	Лисичь- липки	Число людскъ
11) На рѣкѣ Корѣ у Тоюна Савачилки - - - - -	8	12	20
12) На Воровской рѣкѣ у То- юна Тонача - - - - -	27	55	80
По рѣкѣ Авачѣ и Авачин- ской губѣ, и опшуда на сѣверѣ дорѣки Налачевой:			
13) На Авачѣ у Тоюна Пинича	2	7	9
14) Въ Парасунѣ острожкѣ у Тоюна Карымчи, въ томъ числѣ одинъ кошлока пла- шпиль - - - - -	6	19	25
15) Въ Купкиномъ острожкѣ у Тоюна Тарей, да сверхъ по- го одинъ плашпиль бобра, дру- гой кошлока, и того - - -	17	37	56
16) Въ острожкѣ у Тоюна Ни- аки, двое плашпиль по кошлоку	6	12	20
17) Въ Колахтыряхъ у Тоюна Анауля, одинъ плашпиль бобра	3	8	12
18) На Налачевой у Тоюна Мгаша прое плашпиль по бобру, двое по кошлоку - - - - -	8	14	27
Да въ 1738 году по разнымъ рѣкамъ вновь объясачено, одинъ въ соболиной, 45 че- ловѣкъ въ лисичкой, да 1 въ окладъ лисицы своводуща- шой. - - - - -			47

	Соболь- никовъ	Лисицъ- никовъ	число людей
Итого Большерѣцкаго вѣденія въ 17 острожкахъ боброваго окладу - - 5			
кошпоковаго - 6			
собольниковъ 151			
лисицниковъ 288			
А всего съ новообъясаченными 47 человѣками - - - -			497

За зборомъ въ помянутыя мѣста присылается нынѣ изъ Охотска ежегодно Комисаръ изъ тамошнихъ служивыхъ людей, который на Авачу и по Пенжинскому морю самъ ѣздитъ, а съ Опалы и изъ другихъ постороннихъ острожковъ сами Камчадалы въ острогъ прибѣгаютъ. Сколько же ясаку Комисару добрать не случится, по возвращеніи въ острогъ посылаетъ онъ отъ себя служивыхъ за недоборомъ, одного по Пенжинскому морю, другаго на Авачу, претьяго на Опалу, а иныхъ къ тѣмъ Камчадаламъ, которые оставя прежнія жилища поселились въ вѣденіи другихъ Россійскихъ остроговъ.

Прежде сего и Курильцы состояли подъ Большерѣцкимъ острогомъ, и туда посылался изъ Большерѣцка зборщикъ, но нынѣ изъ Охотска нарочной присылается. При

каждомъ зборщикъ бываетъ пищикъ, полмачъ, цѣловальникъ, да нѣсколько человекъ служивыхъ людей, копорымъ казну караулить должно. Ясакъ принимаетъ Комисаръ при всѣхъ объявленныхъ людяхъ съ совѣту ихъ, который годенъ или негоденъ, при чемъ полмачъ переводитъ что надобно, пищикъ вписываетъ въ шнуrowыя книги, и даетъ описи. Ясакъ отдается на руки цѣловальнику, а хранился за егожъ и за Комисарскою печатьми. И сіе о всѣхъ Комисарахъ разумѣть должно.

Къ Верхнему Камчатскому острогу, котораго вѣдомство отъ вершины Камчатки до Высылгиной рѣчки, по берегу Пенжинскаго моря отъ Компаковой на сѣверъ до рѣчки Коврана, а по берегу Восточнаго моря отъ Кроноцкаго носа на югъ до Шипунскаго острожка простирается, принадлежатъ слѣдующіе острожки:

По рѣкѣ Камчаткѣ отъ вершины до Высылгиной рѣчки:	Соболь-никовъ	Лисич-никовъ	Число людей
1) Чаничевъ острогъ, Тоюнъ въ немъ Ганала, ясачныхъ	37	57	94
2) Ирюманиъ, Тоюнъ Шипкамъ, ясачныхъ - - -	19	24	43

	Собо- ль- никовъ	Личн- никовъ	Число людей
3) Машуринъ, Тоюнь Начка Машуринъ - - - -	84	70	153
4) Шанинъ или Шепень луч- ший мужикъ Начка, людей	8	5	13
6) Тулуачъ Тоюнь Каначъ Ку- кинъ, ясачныхъ - - - -	3	9	12
6) Козыревской, Тоюнь Накша, ясачныхъ - - - - -	5	9	14
7) Ышылгинской, лучший му- жикъ Быргачъ, ясачныхъ -	4	2	6
По Пенжинскому морю отъ Компаковой рѣки до Коврана			
8) Компаковской, Тоюнь Акеть, ясачныхъ - - - - -	11	42	53
9) Крушогоровской, Тоюнь но- вокрещень Иванъ Павлушской-	11	30	41
10) Оглукоминской, Тоюнь но- вокрещень Иванъ Апласовъ, ясачныхъ - - - - -	15	34	49
11) Ичинской, въ немъ Тоюнь Тынешка, ясачныхъ - - -	23	61	84
12) Солошной, Тоюнь Тѣначъ, ясачныхъ - - - - -	14	36	50
13) Морошечной, Тоюнь Вайхо, ясачныхъ - - - - -	3	10	13

	Вобров- щикн	Соболи- никн	Лисич- никн	Число людей
14) Бѣлоголовой, Тоі- онъ Тарей, ясачныхъ		11	33	44
15) Быстрой рѣки ос- прожекъ, Тоіонъ Хо- машъ, ясачныхъ -		10	26	36
16) Харіузовской, Тоі- іонъ Брюмча, яса- чныхъ - - -		16	34	50
17) Ковранской, Тоіонъ Игнѣякъ, ясачныхъ		6	20	26
По берегу Вобро- ваго моря,				
18) Кроноцкаго острож- ка, что въ губѣ, Тоі- іонъ Гашальча, ясач- ныхъ - - - -	6	8	30	44
19) Усть - Кроноцкаго острожка Тоіонъ Брючь, ясачныхъ -	1	2	6	9
20) Кемшча острожка у Тоіона Ижуры -	5		15	20
21) Шемячинскаго ос- прожка у Тоіона Те- инвы - - - -	1	1	12	14
22) Березовскаго ос- прожка у Тоіона Ту- кача - - - -	1	1	12	14
23) Жудановскаго				

	Бобров- пикн.	Соболь- пикн	Лесич- пикн	число людей
остржка у Тоіона Пишкаля - - - -	2	4	12	18
24) Калигарскаго ос- тржка у Тоіона Ку- жаки - - - -	1	2	8	11
25) Островной рѣки у Вахила въ острж- кѣ - - - -		9		9
26) Той же Островной рѣки на морскомъ острову у Тоіона Ала- чи - - - -	9	1	35	45
27) Шипунскаго ос- тржка у Тоіона Ку- шуги - - - -	1		10	11
Да сверхъ того ясачныхъ Коряковъ, которые живуть на Авачѣ		3	9	12
И того въ 27 острж- кахъ, подсудныхъ Верхнему Камчат- скому острогу -	27	302	651	982

За ясакомъ въ помянутые остржки обыкновенно посылавались по три зборщика, одинъ на Бобровое, другой на Пенжинское море, а третій по рѣкѣ Камчаткѣ; но нынѣ присылаемые изъ Охотска зборщики иногда по всѣмъ мѣстамъ сами ясакъ збирають, а опъ себя уже посылають шокмо за недоборомъ.

Къ Нижношантальскому оспрогу принадлежатъ слѣдующіе иноземческіе оспрожки :

По рѣкѣ Камчаткѣ.	Соболя- никовъ	Лисятъ- ники	Число людей
1) Усть - Камчатской, Тоіонъ Тавачъ, ясачныхъ - - - -	15	77	92
2) На озерѣ Колко-кро, Тоіонъ Намахаручъ, ясачныхъ -	2	12	14
3) Шантальской, Тоіонъ Тумучъ, ясачныхъ - - - -	5	26	31
4) Халичинской, Тоіонъ Лемшинга, ясачныхъ - - - -	9	23	32
5) Печевъ или Шваноломъ, Тоіонъ Камакъ, ясачныхъ -	17	85	102
6) Щеткинь, Тоіонъ щечка, ясачныхъ - - - - -	9	15	24
7) Каменной, Тоіонъ новокрещеной Иванъ Карбагановъ, ясачныхъ - - - - -	6	63	69
8) Ключевской, Тоіонъ Ликочъ, ясачныхъ - - - - -	11	34	45
9) Каначевъ, Тоіонъ Налачъ, ясачныхъ - - - - -	12	39	51
10) Ишателевъ, Тоіонъ Ишатель, ясачныхъ - - - - -	17	27	44
По рѣкѣ Еловкѣ.			
11) Усть-Еловской или Коанымъ, Тоіонъ Спенаиъ Харчинъ - - - - -	4	11	15

	Соболе- ники	Лисич- ники	Число людей
12) Верхо-Еловский, Тоюнь Та- вачь Тенивинь, ясачныхъ - По берегу Восточнаго моря.	40	77	77
13) Столбовской, Тоюнь Чегага, ясачныхъ - - - - -	4	19	23
14) Укинской, Тоюнь Коричь, ясачныхъ - - - - -	9	15	24
15) Пильченгыльшь, онъ же и Маимлянской, Тоюнь Начика, ясачныхъ - - - - -	8	24	32
16) Уакамелянь, онъ же и Ках- шанской, Тоюнь Холюли, ясачныхъ Коряковъ - -	4	5	9
17) Русаковъ, Тоюнь Куму -	2	21	23
18) Острожекъ на успь-губь, Тоюнь Камакъ, ясачныхъ -	2	28	30
19) Юмгинь, Тоюнь Умьеучкинъ, ясачныхъ - - - - -		25	25
20) Карагинской, Тоюнь Кумлю, ясачныхъ - - - - -		20	20
21) На Карагинскомъ морскомъ острову, Тоюнь Тапа, ясач- ныхъ - - - - -		30	30
И шого	176	636	812
По берегу Пенжинскаго моря.			
22) Тигильской, Тоюнь Пейвевъ, ясачныхъ - - - - -	31	61	92

	Собол- ники	Лисиц- ники	Число людей
23) Напанской, Тоюнь Хотка- макъ, ясачныхъ - - - -	8	26	34
24) Аманинской, Тоюнь Ляля, ясачныхъ - - - -	1	18	19
25) Улколопской, Тоюнь Ляля Камаковъ, ясачныхъ	5	22	27
26) Ваемпальской, Тоюнь Уне- лоха, ясачныхъ - - - -	21	59	80
27) Кахтанской, Тоюнь Кулу Нимгыишь, ясачныхъ - -	4	30	34
28) Верхній Палланской, Тоюнь Амгаль, ясачныхъ - - -	1	16	17
29) Средній Палланской, Тоюнь Амриль, ясачныхъ - - -	7	15	22
30) Нижній Палланской, Тоюнь Камакъ, ясачныхъ - - -	4	30	34
31) Львеной, Тоюнь Келляхъ, ясачныхъ - - - -	1	37	38
32) Подкагирной, Тоюнь Том- гиргинъ, ясачныхъ - - -	2	33	35
Всего Нижняго Камчатскаго ос- прога въ 32 подсудныхъ ос- прожкахъ - - - -	254	983	1237

За ясакомъ въ помянутые оспрожки посылаются по шрое зборщиковъ, одинъ на Тигиль, другой на Уку, шреший на Карагинской оспровъ: а живущіе по рѣкѣ Камчаткѣ, яко подгородные, сами съ ясакомъ въ

острогъ прибѣжжаютъ, который отъ Комисара принимается.

Всѣхъ Камчатскихъ остроговъ ясачной зборъ съ 2716 душъ состоитъ изъ 34 бобровъ и кошлоковъ, изъ 17 сороковъ 26 соболей, и изъ 1962 лисицъ; къ которому надлежитъ еще присовокупить до 100 напримѣръ бобровъ съ островныхъ и живущихъ на Лопаткѣ Курильцовъ, котораго збору по тамошней цѣнѣ можно положить на 10000 рублей, тѣмъ наипаче, что иногда вмѣсто красныхъ лисицъ приносятся въ ясакъ соболи, сиводушки, чернобурия, крестовки; а гдѣ бобры ловятся, тамъ и бобры или кошелоки; а по Иркутской цѣнѣ вдвое или выше.

По ясачномъ зборѣ главный казенный тамошній доходъ отъ винной продажи, котораго будетъ до трехъ или 4000. Подушнаго збору, съ козачьихъ дѣшей малое число, а другихъ казенныхъ доходовъ никакихъ при мнѣ не было, ибо съ купечества десятая выдѣляется въ Охотскомъ острогѣ. Но можетъ быть нынѣ казенные оные доходы умножились отдачею на откупъ Берингова и другихъ острововъ, гдѣ бобры промышляются.

Г Л А В А VIII.

О купечествѣ.

Каково было на Камчаткѣ купечество (1) съ начала ея покоренія, коимъ образомъ оно состояло за одними прикащиками и за служивыми, копорые изъ Якуска присылались за ясачнымъ зборомъ, и какъ у служивыхъ

---

(1) Нѣкоторые объявляютъ, яко бы торговля была и у Камчадаловъ съ Японцами еще ста за полтора лѣтъ, и будто Японцы мѣняли имъ на мягкую рухлядь всякіе желѣзные и мѣдные инструменты, особливо ножи и иглы. Но хотя бы то была и правда, однако сіе торговлею почестъ не можно: ибо при томъ сказываютъ, что Японцы токмо тогда съ ними торговали, когда ихъ заносило къ тѣмъ мѣсяцамъ погодою. Напротивъ того иные объявляютъ, якобы Японскія бусы два раза приходили съ торгомъ въ Большеребцкое устье, однако все сіе пребуенъ подтвержденія. Сіе можно сказать за истинну, что у Камчадаловъ ни между собою, ни съ сосѣдьми торгу не было. Чтожъ до Японцовъ касается, то оныя приѣзживали на острова Курильскіе, и на разныя вещи вымѣнивали у нихъ мягкую рухлядь, и орлиное перье, какъ выше о Курилахъ показано.

поргѣ бывалѣ съ Камчадалами, оное уже извѣ вышеписаннаго явствуетъ, а здѣсь должно объявить особливо о томѣ, съ котораго времени начали приѣзжать купцы настоящіе, какіе повары въ нѣхъ мѣстахъ похожи, и какова прибыль отъ тамошняго порга.

Хотя мѣлочники ѣзжали на Камчатку при сборщикахъ и съ самаго покоренія Камчатки, однако ихъ за купцовъ почитать не лзя, для того что они не столько пеклись о купечествѣ, сколько о службѣ, которую и на ряду съ Козаками исправляли, а часто и команду получали надъ ними отъ прикащиковъ; особливо же что никто почти изъ нихъ не желалъ козакомъ не быть, которое однакожъ щастіе случалось не всякому; ибо большая часть, не взирая на военную службу, остались подъ именемъ посадскихъ, и при первой ревизіи въ подушной окладъ положены, какъ тамошніе настоящіе жители. Уповательно, что тогда изъ столь отдаленнаго, новаго и малолюднаго мѣста, никого вывозить не велѣно было.

Настоящихъ купцовъ прикащики съ довольнымъ числомъ поваровъ начали приѣзжать сперва въ Охотскъ, а по томъ и на Камчатку, въ то время, какъ въоря Камчатская Экспедиція въ оныя мѣста перѣѣхала, при которой, въ разсужденіи много-

людства, былъ великой расходъ поварамъ, и споль съ великою ихъ прибылью, что нѣкопорые мѣлочники, копорые изъ Росси пришли на судахъ въ работъ, въ шесть или семь лѣтъ здѣлались такими купцами, у копорыхъ торгу до 15000 и болѣе. Напротивъ того нѣкопорые отъ чрезвычайной оной прибыли и свое поперяли, не хопя скоро выѣхашъ, и желая больше обогатиться. Между пѣмъ вдавшись въ роскоши, и не смѣя своимъ хозяевамъ явиться, шамъ было и поселились, упоая что и ихъ, такъ какъ вышепоказанныхъ защитилъ отъ вывоза въ свои мѣста дальнее разстояніе и малолюдство Камчатскихъ обывателей; однако въ томъ ошиблись къ немалой пользѣ купцовъ, копорые посылаютъ въ шѣ мѣста прикащиковъ.

Но съ Камчатскою Экспедиціею былъ у купечества весьма другой торгъ въ разсужденіи Камчатскаго: ибо всѣ бывшіе при оной, жалованные люди, покупали повары на наличныя деньги, а Камчатскимъ обывателямъ принуждены они все отдавать въ долгъ, и ждашь, пока они зимою изъ Орды возвращаются. Тогда берутъ у нихъ за повары свои мягкою рухлядью по шамошней цѣнѣ съ преизрядною прибылью, такъ что хопя почти всѣ купцы выѣжжаютъ изъ Кам-

чашки, оставя по нѣскольку сошѣ долгу безнадежнаго, однако барыша вывозяшѣ по самой малой мѣрѣ въ двое или въ шрое. Ежели же взять въ разсужденіе мѣну Камчатскихѣ поваровѣ на Кипайскіе, то за всѣми пропорыми, копорымѣ по дальности разстоянія, по трудности пробѣздовѣ, по дороговизнѣ найма подводѣ и своего содержанія весьма знашнымѣ бышѣ должно, безѣ ошибки можно положишѣ по чепыре пысячи на пысячу, какѣ изѣ нижеписаннаго можно будешѣ яснѣ видѣшѣ. Но такую прибыль по большой часпи получають купцы, которые не свыше года живутѣ въ Камчаткѣ; въ прошивномѣ случаѣ не малой ущербѣ претерпѣвають. Причина тому: 1) что они съ приѣзду распродаютѣ, какѣ можно, всѣ свои товары и вещи, не жалѣя и плашя, льстясь на дороговизну; а сами остаются ни съ чемѣ, упоая на скорой выѣздѣ. А когда остаются за какимѣ препяшствіемѣ въ другой годѣ, тогда нужные себѣ повары принуждены перекупашѣ между собою двойною цѣною; 2) что мягкая рухлядѣ чѣмѣ болѣе лежитѣ, тѣмѣ болѣе оцѣвѣшаетѣ, а слѣдовательно перяетѣ свою доброшу и цѣну; 3) что лежачіе товары никакой имѣ не приносятѣ прибыли; а о сукѣ не привычному къ тамошнимѣ мѣспамѣ, о бѣдномѣ, но доро-

гомъ пропитаніи, о наймѣ кварширѣ и кладовыхъ анбаровъ, и о другихъ тому подобныхъ обстоятельствахъ и упоминать нѣчего; что все въ случаѣ скорого выѣзда избѣгается.

Похожіе на Камчаткѣ товары отчасти Россійскіе или вообще Европейскіе, отчасти Сибирскіе, Бухарскіе и Калмыцкіе, а отчасти Коряцкіе изъ Анадырска. Изъ Европы идутъ туда сукна цвѣтныя недорогой цѣны, холстѣ, песпредѣ, спамедѣ, Усольскіе ножи, всякая обувь, которая въ Казанѣ или въ Тобольскѣ закупается, платки шелковые и бумажные, вино красное, шокмо помалу, сахарѣ леденецѣ и бѣлой, табакѣ листовой, всякія серебряныя мѣлочи и нѣсколько позументу, также зеркала, гребни, прониски и бисерѣ. Изъ Сибири желѣзная и мѣдная посуда, желѣзо полосное и дѣланное въ разные инструменты, какъ напримѣрѣ: ножи, попоры, клепешные зубки и огнива. Опшудажѣ возятѣ воскѣ, соль, пеньку и пряжу на сѣпи, припятнѣйшіе шамошніе товары; а сверхъ того лосину дѣланую, хрящѣ и сермяжныя сукна. Изъ Бухаріи и Калмыцкой земли выбойки, чалдары, зедени и другіе Еркецкіе товары. Изъ Кипая голи, полуголи и другія симѣ подобныя матеріи, фанзы, лензы, кипайка, шелкѣ, Кипайской табакѣ, Кипай-

скіе корольки, иглы, которыя Россійскимъ предпочитаютъ, и другія мѣлочи. Изъ Коряцкой земли гарно, по еспь всякія дѣланыя и недѣланыя оленьи кожи, которыя лучшей памошній поварѣ соспавляюшѣ, и копорымъ много расходу; ибо другихъ поваровъ надобно привозитѣ смотря по памошнему мѣсту умѣренно, ежели кто ихъ желаетѣ продать хорошею цѣною. Въ пропивномъ случаѣ не смотря на дешевизну поваровъ залежашься могутѣ, для того что купить будепѣ нѣкому; ибо памошніе посадскіе о торгѣ не стараются, и при отѣздахъ купцовъ остальныхъ поваровъ не скупаютѣ, чтобѣ со временемъ съ барышомъ продать, хопя могли бы отъ того получать и не мало прибыли. Для того что Камчатскіе жипели, будпобы послѣдую Камчадаламъ, по большой часпи такъ поступаютѣ, что ничего себѣ не покупаютѣ, въ чемъ не имѣютѣ нужды, какою бы дешевою цѣною товаръ отдаванъ ни былъ; а буде потѣже товаръ понадобится послѣ, то у своей братьи или покупаютѣ, или вымѣниваютѣ четверною или пятерною цѣною.

По какой цѣнѣ привозные товары продаются, онаго для вышепоказанной причины почно объявить не лъзя. Токмо можно вообще сказать, что поварѣ осенью всякой, когда купцы приѣзжаютѣ, и когда бываепѣ

какъ бы ярмонка, продается дешевле; а къ веснѣ, когда товары разходящяся, дороже. Но чшобѣ прибыль, которую купцы получаютѣ, извяснишь нѣкоторымѣ образомѣ, по сообщу я здѣсь роспись нѣкоторымѣ поварамѣ по цѣнѣ посредственной, какѣ покупной, такѣ и продажной:

	Цѣна покупная		Цѣна продажная на Камчаткѣ	
	рубли	коп.	рубли	коп.
Заморскаго полотна аршинъ - - -	1	—	2-3	—
Сермяжнаго сукна аршинъ	—	12	—	50-60
Чулки шерстяные синіе	—	25	1	—
— — — бѣлые	—	20	1	—
Рускаго холста аршинъ	—	4-5	—	25-30
Китайки конецъ - -	—	40-50	1½-2	—
Голи косякъ - - -	10	—	20-25	—
Полуголи - - -	5	—	10-12	—
Семиланной камки - -	3	—	5-6	—
Шелку гинъ - - -	3-4	—	10-12	—
Стамеду Китайскаго конца - - -	—	50	2	—
Фанзы конецъ - - -	3-4	—	8	—
Сапоги - - -	—	60-80	3-4	—
Бухарской выбойки конецъ	3	—	7-8	—
Калмыцкой выбойки - -	—	40	1-1½	—
Олова въ дѣлѣ фунтъ -	—	25	1	80
Мѣдь въ кошлахъ - -	—	35	1	20
Желѣзная сковорода -	—	15	1	—
Топоръ - - -	—	15-20	1	—

	Цѣна покуп- ная		Цѣна про- дажная	
	рубли	коп.	рубли	коп.
Усольской пожь - - -	—	12-15	1	—
Якутской пожь - - -	—	5	—	20-30
Огниво - - - - -	—	5	—	25
Мѣлкаго бисеру на - - -	—	15	1	—
Корольковъ сто - - -	—	25	1	—
Табаку Черкаскаго фунтъ	—	10	1-	80
Муки ржаной пудъ - - -	—	25	4-8	—
Сала поиленаго пудъ - - -	1	80	4-5	—
Масла коровья пудъ - - -	1	20	6-8	—
Воску пудъ - - - - -	—	—	20-60	—
Ровдуги у Коряковъ - - -	—	50	1-1½	50
Пыжики - - - - -	1	—	2	—

Всякаго шовару расходится на Камчаткѣ по привозной цѣнѣ тысячѣ на десять, по продажной тысячѣ на двадцать или на сорокѣ; а на Кяхтѣ получается по малой мѣрѣ двойная прибыль. И ежели которому купцу случится въ годѣ на Камчаткѣ и на Кяхтѣ, когда позволяется, или въ Иркутскѣ исторговаться, то сей торгѣ не можно почесать неприбыточнымѣ.

Вывозные съ Камчатки шовары состоятъ въ одной мягкой рухляди, а именно: въ морскихѣ бобрахѣ, соболяхѣ, лисицахѣ и маломѣ числѣ выдрѣ. И понеже прежде сего денегѣ на Камчаткѣ не бывало, но все покупали на мягкую рухлядь, а деньги всупили не весьма давно; того ради тамошнѣ

жители обыкновенно поргуютъ повары на лисицы, которыхъ у нихъ за рубль принимались; однако отдають деньгами или и лисицами, токмо уже не по рублю лисицу, но по чему тогда цѣна состоитъ. Съ вывозныхъ поваровъ въ Охотскъ берется десятая пошлина, да за провозъ по одному соболу съ сорока, и того по пяти звѣрей съ сорока.

ГЛАВА ІХ.

О разныхъ дорогахъ, которыя изъ Якутска на Камчатку ъздятъ.

Хотя о разныхъ дорогахъ на Камчатку писать и нѣтъ нужды, для того что инья нынѣ почти во все оставлены, но довольно объявить о пробѣжжихъ дорогахъ, которыми обыкновенно ъздятъ; однако любопытный читатель и того не посчитѣ за излишество, когда о всѣхъ порознь объявлено будетъ, тѣмъ наипаче, что такое описаніе имѣетъ служить къ извѣщенію, какія въ тѣхъ мѣстахъ Россійскія поселенія, сколько къ которому зимовью или острогу приписано ясачныхъ, и какого народа, сколько съ нихъ ясаку и аманатовъ биралось, и по скольку человѣкъ посылалось изъ Якутска служивыхъ; особливо же съ какою трудностію, и съ какимъ продолженіемъ времени ясачнымъ зборщикамъ на Камчатку ходить должно было, хотя бы и отъ непріятельскихъ людей не было имъ тогда въ дорогѣ опасности: ибо они и безъ того неизбѣжныхъ имѣли непріятелей голодъ и холодъ, которые ихъ часто губили. А что сіе прав-

да, оное всякому легко разсудить можно, что козаки хаживали пѣмѣ пупемѣ шокмо въ зимнее время. Скарбѣ, аммуницію и попребное къ пропитанію важивали на нарпахѣ чрезѣ знапное разспояніе, самими дикими, пуспыми и многимѣ ужаснымѣ вьюгамѣ подверженными мѣспами, отѣ которыхѣ по нѣскольку времени обыкновенно споятѣ на одномѣ мѣстѣ; въ такомѣ случаѣ не можно не изойти сѣбѣспнымѣ припасамѣ прежде времени. Тогда сыромятнымѣ сумамѣ, ремнямѣ, обуви, особливо же подошвамѣ разходѣ бываетѣ, копорыя они пожара на огнѣ употребляютѣ въ пищу. Повѣрить почти не можно, чтобѣ человекѣ дорожной могѣ снести голодѣ чрезѣ 10 или 11 дней; однако въ пѣхѣ мѣстахѣ никто тому не удивляется, ибо рѣдкой бывалой въ шой споронѣ, пупь свой безѣ оной нужды оканчивалѣ.

Изѣ Якутска на Камчатку бжжали: 1) по рѣкѣ Ленѣ внизѣ до ея успья, гдѣ она пала въ Ледовиное море; отѣ успья по Ледовиному морю до успья Индигирки и Колымы рѣки, съ Колымы сухимѣ пупемѣ чрезѣ Анадырскѣ до Пенжинскаго или до Олюторскаго моря, а опшуда или байдарами по онымѣ морямѣ, или и сухимѣ же пупемѣ. Токмо сія дорога была весьма продолжительна: ибо

въ благополучную погоду, когда на морѣ льдовъ не бывало, и при способныхъ въпрахъ претребовалось цѣлое лѣто; въ противномъ случаѣ кочи, на которыхъ они плавали, часто разбивало, и отъ того бывали они въ пущи года по два и по три. Расстоянія отъ Якутска до Усть-Яны 1960 верстѣ, а именно отъ Якутска до Усть-Вилчуйскаго Зимовья 351, отътуда до Жиганскаго 465, отъ Жиганскаго до Сикпанскаго 224, отъ Сикпанскаго зимовья до устья Лены рѣки 500, отъ устья Лены до Устьянскаго зимовья 419 верстѣ. Симъ путемъ отправлялись прежде сего изъ Якутска ясачные зборщики въ три зимовья Индигирскія, въ Алазейское и въ три зимовья Колымскія; токмо сей путь нынѣ вовсе оставленъ; а сколько съ Колымы рѣки до Камчатки расстоянія, сколько въ помянутыя зимовья посылалось служивыхъ, сколько къ нимъ ясачныхъ людей приписано было, о томъ ниже сего будетъ объявлено.

Другая дорога все сухимъ путемъ: отъ Якутска ѣздящъ на Алданскую заставу, съ Алданской заставы на Верхоянское зимовье, отътуда чрезъ Зашиверское, Уяндинское, Алазейское, Среднее и Нижнее Колымскія зимовья до Анадырскаго острога, изъ Анадырска въ Нижній Камчатской, а изъ Ниж-

няго Камчатскаго чрезъ Верхній въ Большо-рѣцкой острогъ.

Верхоянское зимовье отъ города Якутска въ 554 верстахъ, стоитъ надъ рѣкою Яною впадающею въ Ледовитое море, отъ успья въ 3:0 верстахъ, а конной ѣзды до оной со вьюками пять недѣль. Въ сіе зимовье отправлялось изъ Якутска по 6 человекъ служивыхъ. Ясачныхъ приписныхъ къ зимовью Якушовъ 195 человекъ, а ясаку съ нихъ збиралось по 10 сороковъ и по 22 соболя, да по 50 лисицъ красныхъ.

Зашиверское зимовье отъ Верхоянскаго въ 360 верстахъ, стоитъ по правую сторону рѣки Индигирки, которая впадаетъ въ Ледовитое море; а конной ѣзды отъ Верхоянска до сего зимовья скорою ѣздою двѣ, а тихою четыре недѣли. Юкагирей приписано къ нему 8 человекъ, а ясаку збиралось по 11 сороковъ соболей и по соболю.

Подшиверное или Среднее Индигирское зимовье, которое въ описаніи геодезистовъ не упоминается, стоитъ надъ Индигиркою же рѣкою, въ двухъ дняхъ нарпянаго ходу отъ Зашиверска. Ясачныхъ Юкагирей приписано къ нему 32 человека, а ясаку збиралось по шести сороковъ по 34 соболя.

Уядинское или Нижнее Индигирское зимовье стоитъ на успьѣ впадающей въ рѣ-

ку Индигирку съ лѣвой стороны Уяндины рѣки, отъ Зашиверска въ 220 верстахъ; а наршняго до него ходу пять дней. Ясачныхъ Юкагирей приписано къ нему 57 человекъ, а ясаку собирается 8 сороковъ 28 соболей.

Во всѣ помянутыя при зимовья посылался изъ Якушка одинъ прикащикъ съ 15 человекъ служивыхъ, которые должны были хранишь до нихъ Аманашовъ человекъ съ сорокъ.

Алазейское зимовье стоить при впадающей въ Ледовиное море рѣкѣ Алазеѣ, въ значномъ отъ устья разстояніи. Мѣрныхъ до онаго верстъ отъ Уяндинска 509, а наршняго ходу три недѣли. Ясаку собиралось шамъ съ Юкагирей по 8 сороковъ и по 1 соболю, да по 20 пластинъ собольихъ. Аманашовъ брано съ нихъ по 6 человекъ, а служивыхъ присылалось по 10 человекъ за сборомъ.

Среднее Колымское зимовье, стоить по лѣвую сторону Колымы рѣки, которая впадаетъ въ Ледовиное море. Мѣрныхъ верстъ отъ Алазейска до сего зимовья 103 версты, а ясаку шамъ собиралось съ 25 человекъ Юкагирей пять сороковъ и чешыре соболя.

Нижнее Колымское зимовье стоить по

правую сторону пойже рѣки, въ 442 верстахъ отъ Средняго, а нарпами доходящъ до него въ три недѣли. Ясаку збиралось тамъ съ 32 человекъ Юкагирей по 8 сороковъ по 17 соболей.

Есть еще и Верхнее Колымское зимовье, покмо въ споронѣ отъ Камчатской дороги. Оно споищъ выше Средняго зимовья въ 4 недѣляхъ нарпянаго ходу, а ясаку въ немъ сбиралось съ 43 человекъ Юкагирей по 5 сороковъ по 38 соболей.

Во всѣ помянутыя три зимовья посылался изъ Якутска одинъ прикащикъ въ 20 человекъ служивыхъ, копорые должны были содержать подъ охраненіемъ 25 человекъ аманашовъ.

Анадырской оспрогъ споищъ по лѣвую сторону рѣки Анадыря, въ 963 верстахъ отъ Нижняго Колымскаго зимовья, а нарпами доходящъ въ шесть недѣль. Ясаку збиралось тамъ съ 31 человекъ Юкагирей 78 соболей, да 19 пластинъ соболичь. А сколько Коряковъ оленныхъ и сидячихъ ему подсудно, про то извѣстія получить не могъ, покмо можно думать, что число немалое. Ибо плащящъ въ оной не покмо Якутскіе и Капырскіе Коряки, но и живущіе по Олюторскому и Пенжинскому морю до самаго Охотскаго уѣзда.

Отъ Анадырскаго оспрога до Нижняго Камчатскаго 1144 верспы, а ъзды на оленяхъ съ кладью, до Пенжины недѣли съ двѣ, а ошпуда по берегу Пенжинскаго моря, и отъ Тигиля черезъ хребетъ на Еловку, и по Еловкѣ до Нижняго Камчатскаго оспрога недѣли съ двѣ же, или не много больше.

Сею дорогою и понынѣ ъздытѣ во всѣ объявленные оспроги и зимовья до Анадырска, выключая Камчатку, куда оною, кромѣ курьеровъ съ нужными и время неперпящими дѣлами, никого не посылаютѣ.

Третья дорога по большей части водянымъ путемъ. Отъ Якуска внизъ по Ленѣ до успья рѣки Алдана, копорая впадаетъ въ Лену съ правой стороны по печенію. Алданомъ вверхъ до успья текущей въ оной съ правой же стороны рѣки Май; Маею вверхъ же до впадающей въ оную съ пойже стороны рѣки Юдомы; Юдомою вверхъ же до пакъ называемаго Юдомскаго креса; отъ креса сухимъ путемъ до Охотска, или шокмо до Урацкаго плотбища, а съ плотбища внизъ по Ураку до Охотскаго моря, моремъ до Охотскаго порша. Изъ Охотска на морскихъ судахъ моремъ до Большой рѣки, или сухимъ путемъ вокругъ губы Пенжинской; копорая однако дорога недавно проложена, и ради немирныхъ Коряковъ опасна, какъ

уже въ первой части упомянуто. Но отъ Якуиска до Юдомскаго креста, и по Ураку водою не бздяпъ памошніе обывашели, для того что пупъ оной труденъ и весьма продолжипеленъ. За щаспие почитается, еспьли суда однимъ лѣтомъ до Креста дойдутъ: и для того помянутыми рѣками, почти одна полько Камчатская Экспедиція перевозила на судахъ провіантъ и тяжести. А по Ураку никпожъ судами не плавалъ кромѣ объявленной Экспедиціи, для великихъ можетъ бытъ и опасныхъ пороговъ.

Четвертая, и какъ бы пробжжая дорога, которою въ лѣтнее время всякъ бздитъ, лежитъ чрезъ горы; и понеже мнѣ самому оною бхашъ случилось, шо я сообщу описание моего пупи, которое, въ разсужденіи пополненія нашихъ ландкартъ не бесполезно бытъ имѣетъ, пѣмъ наипаче, что въ нашихъ картахъ не токмо малыя рѣчки, но почти всѣ знашныя рѣки по шой дорогѣ опущены, каковы напрімѣръ Амга, Бѣлая, Юна, Юнаканъ и прочая.

Отъ города Якуиска плаваютъ судами до урочища называемаго Ярмонка, которое отъ города въ 10 верспахъ, прошивъ лежащаго на Ленѣ острова Медвѣжья, а по Якуиски Еселяла. Ярмонкою она можетъ бытъ для того называется, что лѣтнимъ време-

немъ случается шамъ не мало людей отпра-
вляющихся въ Охонскъ, которые шамъ сто-
япъ по нѣскольку днй и въ дорогу отпра-
вляются, по есть вывязываютъ лошадей,
гопояпъ въюки, и разравниваютъ побочни,
чтобъ каждой былъ въ полпретъя пуда: ибо
вьючная лошадь болѣе пяпи пудъ глухой кла-
ди рѣдко возитъ, выключая, что наверхъ
нѣсколько запасу или другой мѣлочи кладетъ-
ся, что называется *прикладкою*. Впрочемъ
помянутая Ярмонка пустое мѣсто.

Отъ Ярмонки первое значное урочище
Кумахпай Хорпыга, по есть Песчаной взвозъ
или вземъ, на верху котораго по де-
ревьямъ навѣшено отъ Якуповъ множество
волосовъ лошадиныхъ въ подарокъ мѣсту
оному, чтобъ имъ и подѣвимапъ и опу-
скапъ безопасно было; а разстоянiя отъ
Ярманки до сего мѣста версты съ при.
Между вземомъ и Ярмонкою по лѣвую спо-
рону дороги, есть озеро по Якутски Нам-
тага, которое въ округъ версты на двѣ.

По томъ слѣдуетъ Булгунняхтахъ при-
горокъ, Оліонгъ озерко, Букулугъ, Есѣ Ел-
бiотъ, Усунъ-Ерга и Сюбкюръ; длина пу-
стоши, между оными урочищами, не боль-
ше какъ по верстѣ разстоянiя. На послѣд-
ней пустоши имѣли мы первой свой ноч-
легъ побхавъ отъ Ярмонки.

Слѣдующаго дня переѣзжали рѣку Солу, которая въ верстѣ была отъ нашего стану. Вершины ея верспахъ во 100 изъ хребна, а устье, гдѣ пала въ Лену, верспахъ въ 6 отъ переѣзда. Лошадей кормили при Купнугуй Тылгыяхпакъ озеркѣ, между которыми и рѣчкою Солою нижеслѣдующія урочища: Купердякъ и Урасагагъ пустоши, Олбупъ озеро, Міогурпе пустошь, Кайгарамаръ и Улаханъ Тылгыяхпакъ озера. Всѣ помянутыя урочища почти въ равномъ между собою разстояніи, а всего отъ Сола до кормовища верстѣ съ 11.

Тогоже дня пробѣжали мы Барыніяктакъ, Сыгыннахъ, Коромокъ и Конмороръ пустоши, а ночевали при озерѣ Урюнъ - хамусъ (бѣлой камышъ) называемомъ, которое отъ кормовища верспахъ въ 13. Близъ помянутаго озера по лѣвую сторону дороги живущъ Якушы, которые поселены тамъ въ 1735 году для содержанія ямской станціи.

На другой день пробѣжавъ Хашыли и Чупчулагъ озера кормили лошадей при Арылакъ (оспировиспомъ) озерѣ, которое въ длину отъ запада къ востоку версты на три простирается, а въ ширину отъ одной версты до полуторы; а прешій ночлегъ имѣли при озеркѣ Талба, гдѣ Якушы содержатъ станцію. Между кормовищемъ и ночлегомъ были

урочища Кордюгенъ и Кучугуй Наарыганъ озера, первое по правую, а другое по лѣвую сторону дороги, одно противъ другаго; по помѣ Улаханъ Носраганъ немалое озеро, въ котораго верхній конецъ пала рѣчка Тангага пекущая изъ хребта верстъ за 40. Мы вверхъ по сей рѣчкѣ слѣдуя переѣзжали рѣчку Кулуджѹ, которая впала съ сѣверной стороны въ Тангагу близъ переѣзда, отъ устья ея въ 4 верстахъ, да пробѣжали Кыптагай, Сынгасалакъ и Бишпагай озера, изъ которыхъ первое отъ рѣчки Кулуджѹ верстахъ въ 4, второе отъ перваго въ 5, а третье отъ втораго верстахъ въ 4. За версту до Бишпагай озера переѣжали мы на другую сторону Тангаги рѣчки, а Талба озерко, гдѣ ночевали, отъ переѣзда въ полуторахъ, а отъ Бишпагай озера въ одной верстѣ. Всего объявленнаго дня переѣжали мы верстъ съ 30.

Отъ озерка Талбы слѣдуютъ озеркижъ Кыль - Сарынакъ въ 7 верстахъ, Кучугуй Бахалджима въ 3, Улаханъ Бахалджима въ 2 верстахъ, и всѣ осѣаются вправѣ. Отъ послѣдняго озерка верстъ въ полуторахъ поднимаются на хребетъ, а по другую его сторону пробѣгаютъ пустоши Кубалагъ, Кейнду, Намчаганъ, Курдюгенъ, да Сапгай озерко, при которомъ лошадей кормяшъ. Всего

отъ озера Талбы до Сапагая верстѣ съ 20. По полудни пробѣхали мы Чабыичай, при Бысыкшака, Хаңчалу и Ала - амбага (пѣгой лошади голова) озера, изъ которыхъ надѣ послѣднимъ учрежденъ ямской станокъ, который Якуты содержатъ. Тутъ мы ночлеги имѣли. Всѣ помянутыя озера были по правую сторону дороги, а разстоянія отъ коровища до сего станка съ 13 верстѣ.

Отъ Ала-амбаги верстахъ въ 2 слѣдующѣ два озера Буердапы, одно близь другаго, отъ нихъ въ верстѣ Егдэгась озеро, а верстѣ въ полшорѣ Кѳора рѣчка, которая отъ того мѣста, гдѣ мы къ ней приѣхали, въ 22 верстахъ въ рѣчку Тапшу впадала по печенію съ лѣвой стороны. Мы въ низѣ по ней ѣхали до ея устья, а на ономъ разстояніи нижеслѣдующія урочища: Огусъ баса (бычья голова озеро) Кыбычма пустошь, Купчугуй и Улаханъ Кылагы озера, Улусъ Исы и Кураннакъ-аласъ пустоши, Дешчимей, Лампарыкы; Урасалакъ, Куагалы и Чиранчи озера. За версту не доѣзжая до послѣдняго озера при помянутой Кѳорѣ рѣчкѣ есть Тапская станція, гдѣ обыкновенно лошадей берутъ, и отправляютъ на Бѣловскую переправу для перемѣны тѣхъ, которые везли отъ Якутска, да закупаютъ скотъ на пропитаніе въ пустыхъ мѣстахъ, который съ

собою гоняютъ, и когда нужда потребуешь, по убиваютъ оной поочередно, дѣлятъ на всѣхъ дорожныхъ по равнымъ частямъ, и запекши довольствуются, пока изойдетъ. Впрочемъ стараются, чтобъ скотъ былъ небольшой, чтобъ мяса доставалось не по многу на человѣка; въ прошивномъ случаѣ и на жареное нападаютъ черви. На помянутую станцію посылается изъ Якутска служивой, а разспояніемъ она отъ того мѣста, гдѣ мы къ Кóкорѣ прибѣжали, верстахъ въ 15.

Переночевавъ на объявленной станціи, пославъ въ передъ подводы на перемѣну Якутскимъ къ рѣкѣ Алдану, и исправя все потребное, отправились мы въ путь нашъ, и ѣхали мимо озеръ Имиштѣ и Талбакана, отъ котораго устье рѣчки Кокоры, гдѣ въ Ташпу пала, было въ виду, на примѣръ верстѣ въ полупреть по правую сторону дороги: мимо озера Менга-аласа и чрезъ пустоши Каракакъ, Типикшякъ, Туара-сысы Булгуннякшякъ, до пустоши Типшяка, на которой при озеркѣ и ночевали, всего разспоянія переѣхали того дня съ 15 верстѣ, а дорога отъ самаго Талбакана озера была въ низъ по рѣкѣ Таштѣ не подалеку отъ оной.

За Типшякомъ слѣдуютъ Чоараитта,

Менне, Куропшо́къ, Табала́къ и Сусу́нь-сысы́ пустоши, по помѣ Тоуля рѣчка, которая верстахъ въ 4 отъ переѣзда въ Тапшу пала, а разстоянія отъ ночлега до переѣзда сей рѣчки съ 12 верстѣ.

Въ 13 верстахъ отъ Тіоули впала въ Тапшу съ лѣвой же стороны, по печенію отъ переѣзда верстахъ въ 5, Намгара рѣчка, которая вершинами вышла изъ горъ верстахъ въ 60 отъ устья; между помянутыми рѣчками знашныя урочища Кунгай озеро, да при пустоши, изъ которыхъ первая Саадахта́къ, а двѣ ближайшія къ Намгарѣ однимъ именемъ Бипигипше называются.

Отъ Намгары слѣдуютъ Нирга́ озерко да пустоши Тююлюгупше́ Каялаху́, Булгуньякта́къ и Таалджиранъ, при которой не доѣзжая до рѣки Тапшы за двѣ версты есть Джоксогонская станція, на которую служивые изъ Якушка присылаются; помянутая станція отъ Намгары верстахъ въ 14. Здѣсь мы ночевали; а лошадей въ полдни кормили на Кунгай озерѣ, которое отъ Тіоули верстахъ въ 4½.

Отъѣхавъ отъ станціи вышеписанное разстояніе, переправлялись мы за рѣчку Тапшу, которой устье, гдѣ въ рѣку Алданъ пала, по объявленію тамошнихъ обывателей, около 160, а вершина около 150 верстѣ

отъ переправы. Близъ переправы есть два озерка называемыя Куллú, одно по правую, а другое по лѣвую сторону дороги.

Верстахъ въ 4 отъ переправы переѣзжали мы Леебаганю рѣчку, которая пала въ Тапшу съ правой стороны отъ переѣзда около 4 же верспъ; не доѣзжая до ней за верспу есть Елиегніокъ озерко по правую сторону дороги.

Въ полуверспъ отъ переѣзда Леебаганю переѣзжали мы Бесъ Урякъ (Сосновку рѣчку) которая впала въ оную съ правой стороны не подалеку отъ переѣзда, а верстахъ въ 5 отъ Сосновки Бадараннакъ, который близъ переѣзда палъ съ правой же стороны въ Сосновку рѣчку; отѣѣхавъ отъ него верспы съ 2 приѣхали къ вершинѣ Бесъ Уряка, отшуда переправясь за хребетъ на вершину рѣчки Тюгупше, которая отшуда верстахъ въ 30 пала въ Амгу рѣчку по печенію съ лѣвой стороны; а хребтомъ ѣзды было верспы съ 3.

Слѣдуя внизъ по рѣчкѣ Тюгупше по лѣвому ея берегу пробхали въ началѣ озерко Утя, по томъ переѣзжали впадающія въ Тюгупше рѣчки Кыртакъ, которая отъ вершины Тюгупше верстахъ въ 8, и Быелпыны, до которой отъ Кыртака съ полпретши верспы. Ночевали у озерка Бысыпшаки въ

3 верстахъ отъ Быелпылы рѣчки; а лошадей въ полдни кормили при озеркѣ Умя, которое между вершиною Тюгупше и Кыршакомъ рѣчкою на половинѣ.

Отъ Бысыпшаку въ двухъ верстахъ переѣжали мы небольшую рѣчку Бесъ Урѣкъ, которая пала въ Тюгупше съ лѣвой стороны, а въ двухъ же верстахъ отъ Бесъ Урѣку пробѣжали Майчарылакъ озерко, отъ котораго верстахъ въ 5 переѣхавъ рѣчку Тюгупше въ сторону отъ ней поворопили.

Отъ поворота въ верстѣ слѣдуетъ немалое озеро Тегупше, попомъ Тарага, Маралакъ, Тыгыпшы, другой Маралакъ и Мелкей, изъ которыхъ Тыгыпшы въ длину отъ S. къ N. верстѣ на 5, а шириною мѣстами на полторы версты, а прочія озерка небольшія. Въ полуверстѣ отъ Мелкея слѣдуетъ переправа Амгинская; а всего разстоянія отъ Бысыпшаку до Амгинской переправы съ 18 верстѣ; въ прочемъ Тыгыпшы озеро отъ рѣчки Амги не больше версты разстояніемъ, ибо мы отъ него до переправы вверхъ по Амгѣ ѣхали версты съ чепыре.

Амга рѣка шириною отъ 40 до 50 сажень, пала въ Алданъ верстахъ во стѣ отъ переправы. Между усшьемъ ея и вышенаписанной Тапы рѣчки считаютъ шамоніе Якушты верстѣ со'сто, а по журналу морскихъ

служителей, которые по Алдану на судахъ ходили, 119 верстъ. Сія рѣка особливаго примѣчанія достойна попому, что около ея мѣстъ издавна поселены пашенные крестьяне; токмо о успѣхѣ пахатнаго дѣла ничего нынѣ не извѣстно, для того что потомки поселенныхъ крестьянъ не токмо пашню, но и Россійской языкъ позабыли, а на противъ того и обычай и языкъ отъ Якушовъ приняли, такъ что ихъ отъ Якушовъ ни почему распознать не лзя, кромѣ того, что они Христиане. Здѣсь мы за проводниками и за переправою ночевать принуждены были.

Переправясь за Амгу ѣхали вверхъ по ней версты съ двѣ до впадающей въ оную меньшей рѣчки Оулбу́па, въ которую верстахъ въ двухъ же отъ устья пала съ правой стороны Аиспы́тъ рѣчка. Оулбутомъ ѣхали мы вверхъ до самой ея вершины, а съ вершины выѣхали на вершиныжъ Чіопчуню рѣчки, и слѣдовали внизъ по ней до рѣчки Ноху, въ которую она устьемъ впадаетъ съ лѣвой стороны; разстоянія отъ устья Оулбу́па до вершины верстъ съ 10, отъ вершины ея до вершиныжъ Чіопчуню верста, а отъ вершины Чіопчуню до устья, гдѣ въ рѣчку Ноху течетъ верстъ съ 15.

По рѣчкѣ Чіопчуню слѣдующія знашныя

урочища: Даркы́ озерко, сквозь которое она печешь, Ожнѣ́ озерко по лѣвую ея спорону, Хашѣ́ рѣчка пекущая въ нее съ лѣвой же стороны, Табхала́къ и Купала́къ озерка. Хашѣ́ рѣчка пала въ Чіопчуню́ верспы за при до ея устья.

Ноху́ рѣчка вышла изъ хребта, и пала въ Алданѣ́ рѣку. До вершины ея со 120, а до устья верствъ съ 40 полагается.

Отъ Ноху́ дорога лежишъ чрезъ хребешъ на 12 верствъ до рѣчки Соардана́ка (вороньей), которая печешь въ Ноху съ правой стороны, а устье ея ниже переѣзда чрезъ Ноху́ въ 8 верстахъ.

Верстахъ въ 2 отъ Соардана́ка печешь рѣчка Елгей, копорая верстахъ въ 10 отъ переѣзда въ помянушуюжѣ рѣчку Ноху́ впадаетъ, а до вершины ея считается 20 верствъ. Здѣсь мы ночлеги́ имѣли, а лошадей кормили у вышеписаннаго Даркы́ озерка, сквозь которое рѣчка Чіопчуню́ печешь.

Въ верствъ отъ ночлега пала въ Елгей съ правой стороны Акпахачи́ рѣчка, по которой мы верствъ съ 8 вверхъ ѣхали; послѣ поворотили къ рѣчкѣ Чипандѣ́, которая верстахъ въ 4 отъ поворота; Чипандою ѣхали до рѣки Алдана, въ которой она устьемъ впадаетъ съ лѣвой стороны по печенію, а ѣзды Чипандою до Алдана было 16

версиѣ , на которомъ разстояніи при озера Билирѣ , Дрюкѣ и Чипанда по тому значны , что сквозь нихъ печепѣ Чипанда рѣчка.

Алданѣ великая и судовая рѣка пала въ Лену съ правой стороны отъ Бѣльской переправы верстахъ въ 800 , а ниже города Якутска верстахъ въ 200 или болѣе.

Перевозятся за Алданѣ рѣку судами , и переправа она называется Бѣльскою , по тому что въ 24 верстахъ выше мѣста пала въ Алданѣ съ правой стороны рѣка Бѣлая , а устье помянутой Чипанды рѣчки ниже переправы въ 8 верстахъ ; ибо дорога отъ ея устья до переправы лежитъ вверхъ по Алдану на объявленное разстояніе.

Отъ Ярмонки до Бѣльской переправы ѣхали мы больше лѣсами , а лѣсъ лиственкѣ и березникѣ ; соснякѣ рѣдко попадается по Бесѣ Уряку и Амгѣ рѣкѣ , а осинникѣ примѣченъ токмо по рѣкѣ Елгею.

Переправясь за Алданѣ и слѣдуя къ рѣкѣ Бѣлой , пробѣхали слѣдующія урочища : Чичимыкѣ озеро длиною версты на двѣ а шириною на версту , Керѣашмѣ рѣчку , которая пала близь переѣзда въ протокѣ рѣки Алдана , Оулбушѣ рѣчку , которая въ потѣ же протокѣ Алдана пала , которою ѣхали вверхъ мимо Тубуляги озера до ея вершины , а отъ вершины выѣхали на Бѣлую рѣку , кото-

рая по Якушки Тайдага называется. Она печетъ изъ хребта, въ Алданъ пала отъ того мѣста, гдѣ мы къ ней прибѣжали, верстахъ въ 20. Отъ переправы до сего мѣста всего разстоянія верстѣ съ 30: а порознь отъ переправы до Чичимыка озера 15, отъ озера до рѣчки Керѣ-атмѣ 5, отъ Керѣ-атма до Оулбуша 1, Оулбушомъ вверхъ до Тюбыляги озера 4, отъ озера до вершины Оулбуша верста, а отъ вершины чрезъ хребетъ до рѣчки Бѣлой двѣ версты. Здѣсь ночевали, а лошадей кормили у Чичимыка озера.

Отъ ночлега путь нашъ былъ вверхъ по рѣкѣ Бѣлой, чрезъ впадающія въ оную съ правой стороны по теченію Сасыль, Улакъ и Лебини рѣчки, у которой мы и ночевали, а лошадей кормили не добъжая версты за 3 до рѣчки Улака. Разстоянія отъ ночлега до рѣчки Сасыла 6, отъ Сасыла до Улака 17, а отъ Улака до Лебини 3 версты.

Слѣдующаго дня переѣхали мы впадающую въ Бѣлую съ той же стороны Аргаджикѣ рѣчку, которая отъ Лебини около 7 верстѣ, а лошадей кормили у горы Тыллаѣ хая, по естѣ вѣтренной камень, который такъ названъ отъ безпрестанно вѣющаго вокругъ его вѣтра; а разстоянія до него отъ Аргаджикѣ верстѣ съ девять.

Верстахъ въ 5 отъ вѣтренаго камня начинается Черной лѣсѣ, который верстѣ на 10 простирается. Пробжавъ имъ версты съ три ночевали.

На другой день изѣбжавъ помянутой лѣсѣ ночевали, для того что за сильнымъ дождемъ до 4 часовъ по полудни съ ночлега бѣжать не можно было.

Хаджала рѣчка отъ конца Чернаго лѣса верстахъ въ 5, пала въ Бѣлую по теченію съ лѣвой стороны.

Въ 20 верстахъ отъ Хаджалы течетъ въ Бѣлую съ той же стороны Чагада рѣчка, по которой мы въ сторону отъ Бѣлой поѣхали.

Бдучи вверхъ по Бѣлой переѣзжали ее три раза: въ первой между рѣчками Улакомъ и Лебини, въ другой не доѣхавъ за двѣ версты до Аргаджикки рѣчки, а въ третій близъ вѣтренаго камня. И понеже тогда лѣтно было не весьма дождливое, по переѣзды были благополучны, для того что вода шокмо по череву была лошади; въ противномъ случаѣ по нѣсколькимъ днямъ бываетъ шамъ простою, ибо за чрезмѣрною быстриною рѣчки въ малолѣдствѣ и на плоскостяхъ переѣзжаться опасно, для того что стремленіемъ воды нѣсколькимъ верстамъ на низъ плыши уноситъ. Между тѣмъ можетъ посадить

плоты на каржу, или на камень, гдѣ и плотъ разнесетъ, и люди потонутъ, какія несчастія и при переборѣ на лошадахъ не однократно случались.

По Бѣлой рѣкѣ лѣсу весьма довольно, а лѣсъ еловой, сосновой, лиственничной и березовой. Много же по ней ерники, пальнику и смородины, а мѣстами и можжевельнику, особливо ревеня черенковаго такое изобиліе, будто бы оный нарочно былъ сѣянъ.

Слѣдуя вверхъ по Чагдалѣ 23 версты на 16 верстахъ надлежало намъ переправляться чрезъ рѣку семь разъ, и для того онаго дня ночевали мы у четвертаго переѣзда въ $8\frac{1}{2}$ верстахъ отъ устья Чагдалы рѣчки, а лошадей въ полдни кормили не доѣхавъ за 5 верстъ до Чагдалы рѣчки.

Отъ седьмаго переѣзда въ 15 верстахъ печетъ Юнаканъ рѣка, которая шириною около 30 сажень, а устьемъ пала въ Алданъ рѣку. По сей рѣкѣ ѣхали мы до самой вершины.

Въ 10 верстахъ отъ того мѣста, гдѣ мы къ рѣкѣ Юнакану приѣхали, печетъ въ оную съ лѣвой стороны небольшая рѣчка, кою Якушы имени не знали; а по ней въ полуверстѣ отъ устья есть Накипной ледъ Бусъ кіоль (льдяное озеро) называемый, ко-

порый ни въ какіе лѣтніе жары не таетъ. Оный ледъ находится между высокими каменными горами, которыя по памошнему Аранцы называются: въ длину простирается оный сажень на полпороспа, въ ширину на 80, толщиною четверти на три, а видомъ совсѣмъ походитъ на вешней ледъ, таковъ же синь, таковъ на поверхности шероховатъ, и таковъ пропореховатъ отъ солнечнаго зною. Въ пробѣдѣ мимо устья объявленной рѣчки въ самые жары бываетъ холодъ.

На объявленныхъ десяти верспахъ надлежитъ переѣзжать чрезъ Юнаканъ рѣку 8 разъ. Выше послѣдняго переѣзда въ верстѣ раздѣлилась она на двѣ росошины, изъ которыхъ одна съ южно-восточной стороны въ сѣверо-западную, а другая съ востока на западъ простирается. У соединенія росошинъ перебравшись за Юнаканъ въ девятой разѣ побѣхали мы по росошинѣ, которая къ западу имѣетъ теченіе, а до вершины ея только было восемь верстѣ, однако и на ономъ разстояніи надлежало переѣзжать чрезъ нее при раза.

Между устьями сей рѣчки и Бѣлой, гдѣ онъ въ Алданъ впадаютъ, по описанію морской команды, только придесть одна верста разстоянія.

На вершинахъ объявленной рѣки накормя лошадей, и ѣхавъ чрезъ горы верстѣ съ 20 увидѣли паки вышеписанную рѣку Бѣлую, чрезъ которую въ верстѣ отъ приѣзда и переправлялись; а по переправѣ доѣхавъ до рѣчки Букакана, которая отъ переправы въ 3 верстахъ течетъ въ Бѣлую съ правой стороны, ночевали.

Слѣдующаго дня отъѣхавъ по Букакану верстѣ съ 6, въ сторону отъ ней повернули, и выѣхали на вершину Акыру рѣчки, которая устьемъ впадаетъ въ Юну верстахъ въ 15, а отъ Букакану до вершины ея верстѣ съ 8. Отъѣхавши внизъ по ней верстѣ съ 7 поѣхали въ сторону, и въ 3 верстахъ лошадей кормили; по томъ слѣдуя вверхъ по Юнѣ не въ дальнемъ отъ нея разстояніи къ переправѣ приѣхали, и стояли тамъ для отдохну лошадей цѣлыя сутки, а переправа чрезъ Юну въ 18 верстахъ отъ Акыры. Устьемъ она пала въ Алданъ рѣку.

Тумусактакъ кіоль (мысовое озеро) по правую сторону дороги отъ Юнской переправы въ 3, а отъ берегу ея верстѣ въ полупорѣ. По томъ слѣдуетъ рѣка Анча, почти не меньше Юны, однако въ Юну впадаетъ; отъ того мѣста, гдѣ мы къ ней приѣхали верстахъ въ 5, а отъ Тумусактакъ кіоль 7 верстѣ до ней положить можно.

Опѣхавши вверхъ по ней верстѣ съ 8 ночевали. А на другой день, въ 13 верстахъ отъ спану, переѣхавъ Анчуръ прошивъ устья впадающей въ оную съ лѣвой спороны рѣчки Темень Юльбюнія (верблюжье падалище) называемой, слѣдовали вверхъ по Верблюжей рѣчкѣ, и опѣхавъ верстѣ 10 лошадей кормили; а ночевали на Кучугуй Тарынѣ, по естѣ малой наледи, которая поперекъ пади сажень на 200, а въ доль сажень на 50 простирается; толщина льда въ поларшина, видѣ шаковъ же какъ у Бусь Кюля, а разстоянія до ней отъ рѣчки Верблюжей верстѣ съ 10.

Въ 5 верстахъ отъ Кучугуй Тарына по тойже Верблюжей рѣчкѣ естѣ другая наледь длиною 7, шириною трехъ сажень, а въ 10 верстахъ отъ оной прешья наледь по тойже рѣчкѣ, отъ которой въ 5 верстахъ находятся вершины впадающей въ Юдому рѣчки Акачана.

Въ 18 верстахъ отъ вершины рѣчки Акачана по лѣвую ея спорону естѣ наледь, Капитанѣ Тарынѣ называемая, которая въ длину версты на три, а въ ширину на версту простирается. Здѣсь мы спояли цѣлыя супки.

Отъ Капитанѣ Тарына въ 50 верстахъ слѣдуемъ наледь же Кемь Тарынѣ, которая

и въ длину и въ ширину по одной верстѣ. Не добжжая за 20 верстѣ до сей наледи ночевали, а на другой день при наледи лошадей кормили, ночевали же верспахъ въ 8 отъ оной при озерѣ.

По помѣ слѣдующѣ такъ называемыя большія и малыя Гари, а по Якушки Кемъ-орпѣ, и Куичугуй-орпѣ. Большія Гари продолжаютъ верстѣ на 5, а малыя верстѣ чрезъ 15; разстоянія отъ озера до начала большихъ Гарей 12 верстѣ, а малыя по окончаніи большихъ начинаются. Между Гарями лошадей кормили, а ночевали избѣхавъ малыя Гари.

Въ 15 верспахъ отъ малыхъ Гарей печетъ рѣка Юдома, копорая успьемъ въ Маю рѣку впадаетъ. У переправы чрезъ оную рѣку поставленъ крестъ, по копорому мѣсто сіе подъ именемъ Юдомскаго Креста извѣстно. Спроенія по лѣвую сторону рѣки Юдомы: двѣ горницы, въ копорыхъ живали морскіе Офицеры, для приему и опправленія привозимаго изъ Якушка провіанша и для караулу, двѣ юрпы и одна казарма для служителей, 5 анбаровъ, въ копорыхъ провіаншъ Экспедиціи складывался; да въ верстѣ ниже Креста одна горница, зимовье, да одинъ анбаръ для поклажи провіанша Охотской команды.

Выше Юдомскаго Креста въ полуверстѣ печепѣ въ Юдому съ лѣвой стороны Ала-агусѣ рѣчка, по которой мы верстѣ съ 10 отбѣхавъ ночевали, а у Юдомскаго Креста въ близости корму лошадямъ не было.

Слѣдующаго дня поднялись со спану послѣ полудни, и пробѣжавъ озеро Сасѣ, которое отъ спану было верстахъ въ 10, оставили Ала-агусѣ рѣчку и верстахъ въ 3 отъ Сасѣ озера при маленькомъ озеркѣ ночевали.

На другой день прибѣхали мы къ знашней рѣкѣ Ураку, которая устьемъ пала въ Охотское море, въ 20 верстахъ отъ устья Охошы, какъ въ первой части объявлено, и слѣдовали внизъ по ней; а вѣды до ней отъ спану было съ 22 версты.

Въ 5 верстахъ отъ прибѣзда къ Ураку пала въ оную съ лѣвой стороны Коршуновка рѣчка, прошивъ устья которой учреждена отъ Охотска застава, гдѣ осматриваютъ всѣхъ въ Охотскѣ и изъ Охотска проѣзжающихъ. Здѣсь ночевали.

Отъ заставы въ 16 верстахъ на лѣвой сторонѣ Урака есть урочище, Шангина Гарь называемое, и зимовье тогожъ имени; откуда верстахъ въ 14 Урацкое плоскобье, гдѣ живали морскіе служители для строенія судовъ плоскодонныхъ, на которыхъ по рѣкѣ Ураку

сплавливають провіантъ Экспедиціи до Охотска. Того дня пробѣжавъ плотбище ночевали мы на Урочищѣ, Коновъ сполбѣ именуемомъ, отъ плотбища въ 5 верстахъ, а лошадей кормили въ 4 верстахъ отъ Шангиной Гари.

По помѣ слѣдуетъ Таланкино зимовье, которое сполбѣ на лѣвомъ берегу Урака, и Поперечная рѣчка, которая пала въ Уракъ съ лѣвой же стороны; а разстоянія отъ Конова сполба до зимовья 23, а отъ зимовья до Поперечной рѣчки 16 верстѣ. Здѣсь мы ночевали.

Въ 3 верстахъ ниже Поперечной есть на рѣкѣ Уракѣ порогъ, а въ 2 верстахъ ниже порога поворачиваютъ отъ рѣки Урака въ сторону.

Бдучи по сей рѣкѣ, пять разъ чрезъ оную переѣзжали. Первой бродъ у самаго приѣзда къ ней, другой верстахъ въ 6 ниже Коршуновской заставы, третій въ 4 верстахъ ниже Шангиной Гари, четвертой не доѣзжая версты за при до Таланкина зимовья, а пятой въ верстѣ ниже порога.

Отѣѣхавши горами отъ Урака рѣки верстѣ съ 13, приѣхали къ рѣкѣ Блудной, которая верстахъ въ 30 отъ того мѣста въ Уракъ пала, по теченію съ правой стороны. Здѣсь ночевали.

Лукшуръ рѣчка отъ спану верстахъ въ 16 пала въ Блудную, близъ переѣзда съ правой стороны по печенію.

Боброво поле отъ рѣчки Лукшура верстахъ въ 9, а отъ устья Блудной рѣчки, гдѣ въ Уракъ пала, верстахъ въ 2, длиною версты на двѣ, которое пробѣжавъ паки прибыли къ рѣкѣ Ураку, и въ пятой разѣ чрезъ оную перебирались, отъ Боброва поля въ 5 верстахъ; наконецъ въ 3 верстахъ отъ броду прочь отъ ней поворошили, и на поворошѣ ночлеги имѣли.

Въ 12 верстахъ отъ повороша слѣдуетъ рѣчка Поперечная, которая верстахъ въ 30 отъ переѣзда въ Джолоконъ пала.

Ночевавъ на Поперечной слѣдующаго дня переѣзжали рѣчку Мепу, которая близъ переѣзда въ рѣку Охоту пала, по печенію съ правой стороны. Опшуда бѣжали мы внизъ по Охотѣ до стараго Охотскаго острога, чрезъ Джолоконъ и Амунку рѣчку. Ночевали въ старомъ острогѣ, а лошадей кормили близъ рѣчки Мѣшы. Разстоянія отъ Поперечной до Мѣшы 10, отъ Мѣшы до Джолокону 15, отъ Джолокону до Амунки столько же, а отъ Амунки до Стараго острога одна верста.

Въ Старомъ острогѣ было въ то время строенія только при избы, а стоялъ

онѣ надѣ протокомѣ Амунки рѣчки, чрезѣ копорой шамѣ слѣдуя къ порту и перебираясь надобно, а оный пропокѣ верстахѣ въ 3 ниже оспрога впадаетѣ въ рѣку Охоту.

На другой день приѣхали мы въ Охотской портѣ по упру рано, ибо оный опѣ спараго оспрога не болѣе какѣ въ 6 верстахѣ. Спроенія тогда въ немѣ было, часовня во имя Спаса Всемилостиваго, канцелярія, управителевѣ домѣ, и 5 избѣ тамошнихѣ обывателей; да морской команды спроенія, чешыре дома, 6 избѣ и двѣ казармы. Впрочемѣ много спроенія вновь заводилось.

Опѣ Ярмонки поѣхали мы 9 числа Юля 1737 года, а въ Охотскѣ приѣхали Августа 19. Простою на дорогѣ было у насѣ на Бѣльской переправѣ три дни, на урочищѣ Хорамасѣ день, на Капитанѣ Тарынѣ два дни, да на малыхѣ Горяхѣ день; всего простою было 7, а ѣзды 34 дня.

Вообще о сей дорогѣ объявить можно, что она опѣ Якутска до Бѣльской переправы гораздо сносна, а оплуда до Охотска споль безпокойна, что пруднѣе пробѣжжей дороги представить не лзя: ибо она лежитѣ или по берегамѣ рѣкѣ, или по горамѣ лѣсиснымѣ. Берега обломками камней или круглымѣ сбровикомѣ шакѣ усыпаны, что тамошнимѣ

лошадямъ довольно надивиться не лзя, какъ онѣ съ камня на камень лбляются. Впрочемъ однакожъ ни одна съ цѣлыми копытами не приходипъ до мѣста. Горы чѣмъ выше, тѣмъ грязнѣе: на самыхъ верхахъ ужасныя болота и зыбуны, въ которыя ежели вьючная лошадь проломится, по свободипъ ее нѣтъ никакой надежды. Съ превеликимъ спрахомъ смотрѣть должно, коимъ образомъ земля въпереди сажень за 10 валами колеблется.

Лучшая бзда онымъ путемъ изъ Якутска съ весны до Юля мѣсяца; а ежели поднятись въ Августѣ, по надлежитъ опасаться, чшобъ сибги не захватили, которые весьма рано на горахъ выпадаютъ.

Въ Охотскѣ жили мы Октября по 4 число погожъ 1737 года, пока прибывшее съ Камчатки Августа 23 числа перевозное судно Форшуна сгружена, и починкою была исправлена.

Около Охотска живетъ пѣшихъ Ламушовъ, которые въ оный острогъ ясакъ платипъ, пять родовъ: Ивьянской, Адганской, Шолганской, Уяирской и Ньючинской.

Въ Ивьянскомъ родѣ Князецъ Чалыкъ, ясачныхъ Ламушовъ 4 человекъ. Въ Адгинскомъ Князецъ Унды Деяновичъ, ясачныхъ у него 12 человекъ.

Въ Шолганскомъ Князецѣ Курукѣ, ясачныхъ 4 человекѣ; въ Уйирскомъ Князецѣ Шарыганѣ, ясачныхъ при человекѣ.

Въ Нюньчинскомъ Князецѣ Джолдоикурѣ Буйнаковѣ, ясачныхъ девять человекѣ.

Всѣ помянутые роды живутѣ не подалеку отѣ Охотска, по рѣкамъ Охотѣ, Кухшюю и подѣ моря; питаются рыбою, а ясаку плащящѣ по соболу и по лисицѣ съ человекѣ.

Оленныхъ Ламуповѣ, которые съ яскомъ въ Охотскѣ приѣзжаютѣ, семь родовѣ, Уяганской, Горбиканской, Келарской, Еджганской, Долганской и Кукуирской; а кто именно въ тѣхъ родахъ Князцы, и сколько въ каждомъ родѣ ясачныхъ, о томъ узнать было не чрезѣ кого, попому что оленныхъ Ламуповѣ близъ Охотска не было.

Какъ судно перевозное со всѣмъ было исправлено, то Сентября 30 дня отѣ Охотскаго командира опданѣ приказѣ, чтобѣ грузиться на судно, а Октября 4 числа послѣдовало и опправление онаго.

Изѣ устья рѣки Охоты вышли мы часу во впоромѣ по полудни благополучно, и къ вечеру изѣ виду отѣ береговѣ отбѣжали. А въ 11 часу оказалась въ нашемъ суднѣ такая печь, что люди въ инпрюмѣ по колѣно въ водѣ ходили. И хошя въ двѣ помпы, въ кошлы, и что кому попало, вода выливана

была, однако не убывала. Судно наше такъ уже грузло, что вода заливалась въ Шпигаты. Другаго спасенія не было, какъ облегчипь его изверженіемъ клади: ибо тогда случилась на море совершенная пишина, (что не мало къ спасенію нашему способствовало), а въ Охотскѣ воропиться не можно было. Чего ради все что на верху ни лежало, и что около судна навѣшено ни было, побросано въ море, но какъ и отъ того не послѣдовало пользы, то изъ внутрь судна до чепырехъ сошъ пудовъ выброшено въ море безъ всякаго разбора. Нещасливы были, которыхъ кладъ на верху лежала. Наконецъ вода начала убавляться, а послѣ и вся вылипа, однако помпы изъ рукъ выпускать не можно было, ибо въ полуминушную спклянку по два дюйма воды прибывало въ суднѣ. Всѣ бывшіе на суднѣ, выключая больныхъ должны были смѣняться одинъ за другимъ, и качать спо разъ насосомъ.

Такимъ образомъ бѣжали мы до 14 числа Октября, прешерпывая сверхъ объявленнаго беспокойства спужу и слякошь ежедневную; а помянутаго числа около 9 часу по утру пришли къ Большерѣцкому устью, и пустились въ оное. Но и входъ нашъ неблагополучнѣе былъ пупи нашего. Мореходцы не узнали, убываетъ ли вода или прибываетъ: че-

го ради почитая опливѣ за приливѣ едва только вбѣжали вѣ бѣлые валы, которые вѣ началѣ прилива и оплива и вѣ самую пихую погоду на усшьѣ ходящѣ, а тогда онѣ великаго Сѣвернаго вѣтра были весьма велики, потчасѣ пришли вѣ отчаяніе, ибо валы ходили чрезѣ судно. Уплое судно вездѣ прещало; и никакой надежды не оставалось войти судномѣ вѣ усшье, опчаспи для боковаго вѣтра, а опчаспи для спремленія оплива. Многіе совѣшовали опойти вѣ море и ожидать прилива, и ежели бы по сему было поступлено, то бы судно наше совершенно погибло: для того что Сѣверной прешесткою вѣтрѣ продолжался больше недѣли, копорымѣ бы насѣ опнесло вѣ открытое море, а чрезѣ такое время не спасись бы было онѣ разбишя нашему судну. Однако другимѣ безопаснѣе показалось пустить судно на берегѣ, что и воспослѣдовало, и судно наше выкинуло саженьхѣ вѣ 100 кѣ Югу онѣ усшья Большой рѣки, копорое потѣ же часѣ и на сушь спало, ибо опливѣ еще продолжался.

Кѣ вечеру вѣ слѣдующій приливѣ выставило изѣ него мачту, а на другой день находили мы токмо обломки нашего судна, а прочее все унесло вѣ море; тогда могли мы видѣшь, сколь форшуна наша была не-

надежна, ибо доски внутри были все черны и гнилы, и можно было их ломать руками безъ трудности.

У моря жили мы по 21 число того мѣсяца, ожидая лодокъ изъ оспрога въ балаганахъ и барабарахъ, а въ то время производило безпрестанное почти земли трясение; но понеже оно шамъ легко было, по мы шатаясь въ ходу, причитали трясение нашей слабости, что отъ морскаго качанія ходишь не можемъ; однако вскорѣ узнали, что мы ошибались въ мнѣнїи: ибо прибывшіе изъ Курилъ, которые заспали насъ у моря, сказали, коимъ образомъ было въ пѣхъ мѣсяцахъ и ужасное трясение и странное наводненіе, о чемъ сообщено во второй части сего описанія.

Отъ моря поднялись мы Октября 21 числа, а въ Большерѣцкой оспрогъ прибхали на другой день подъ вечеръ.

Сколь труденъ и продолжителенъ путь отъ Якутска до Камчатки, столь напротивъ того способенъ и скоръ съ Камчатки обратно: 1) что судно всегда зимовало на Камчаткѣ, опшуда опправлялось въ Охотскъ въ такое время, въ которое больше прїятности, нежели опасности на морѣ; ибо тогда и дни ясны и погоды умбреныя; одна скука, что часпо не бываетъ вѣтра; 2)

что изъ Охотска можно плыть понизною водою до самой Бѣльской переправы, или и до Алдана, кто пожелаетъ, а опшуда до Якутска верхами; одна прудность переѣхавъ до Юдомскаго Креста.

Мы опъ Охотска къ помянутому Кресту приѣхали въ седьмой день, по Юдомъ съ простоемъ выплыли на Маю въ пятой день, а плыли днемъ; на успъ Маю приѣхали на другой день, въ Якутскъ опшуда въ пятой, всего и съ простобемъ въ двадцатой день. А вверхъ по объявленной Юдомъ, копорою мы плыли, не считая простобю, меньше прехъ дней. Судами ходятъ по пяти и по шести недѣль, изъ котораго одного примѣра о быспринѣ тамошнихъ рѣкъ, и о прудности хода по нимъ разсуждать можно.

П Р И Б А В Л Е Н І Е.

Послѣ провѣданія и покоренія Камчатки оставалось еще узнать, сколь далеко простирается Азія на Востокъ, и соединяется ли она съ Америкою или нѣтъ? Хотя рѣшеніе сего вопроса на первой взглядѣ никакой не обѣщало для Россіи выгоды, однако оно было нѣкоторымъ образомъ причиною важныхъ открытій, учиненныхъ въ послѣдующія времена Россіянами въ Восточномъ Океанѣ, и заведенія въ Сѣверо-западной Америкѣ богатыхъ звѣриныхъ промысловъ. Генію Императора ПЕТРА ВЕЛИКАГО обязана Россія и симъ, однимъ изъ первыхъ подвиговъ Россійскаго флота, на поприщѣ морскихъ открытій. Монархъ сей предпринялъ рѣшить оный вопросъ, тогда весьма важный для Географіи, и начерталъ Своеручно инспрукцію, для назначаемой Имъ по сему предмету Экспедиціи. Но сіе предначертаніе не могло быть исполнено еще въ Царствованіе сего Великаго Государя, по причинѣ скоро послѣдовавшей Его кончины; блаженной памяти Государынѣ Императрицѣ ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ предоставлено было судьбою, привести и сіе намѣреніе Ея Супруга въ дѣйство.

Однако здѣсь замѣнить должно, что оный вопросъ уже давно былъ рѣшенъ Россіянами; но о семъ тогда не было извѣстно ни Государю Императору, ни даже въ отдаленныхъ спранахъ

Сибири. Изъ Якутска предпринимаемы были уже съ 1636 года пушешествія на судахъ въ Ледовитое море, и рѣки *Яна*, *Индигирка*, *Алазея* и *Колыма*, одна за другою были открыты. Послѣ дѣланы были съ 1646 года покушенія, для открытія и далѣе на Воспокъ лежащихъ рѣкъ, въ Ледовитое же море впадающихъ. Достопамятное отправленіе по сему предмету, воспослѣдовало Іюня 20 дня 1648 года изъ рѣки *Колымы*, на семи судахъ, *Кочами* называемыхъ; на трехъ изъ нихъ были начальниками козаковъ: *Семенъ Дежневъ*, да *Герасимъ Анкудиновъ*, а промышленниками начальствовалъ *Федотъ Алексѣевъ*; о прочихъ же четырехъ судахъ ничего не извѣстно. Изъ отписки *Дежнева* въ Якутскъ о дѣлахъ его, отысканной Профессоромъ *Миллеромъ* въ Якутскомъ архивѣ въ 1736 году съ другими письменными извѣстіями, до открытій въ тамошнихъ спранахъ касающимися, явствуемъ, что оное отправленіе было весьма удачно, ибо не упоминается о препяшствіяхъ отъ льду, который въ другіе годы обыкновенно морскому пути дѣлаемъ непреодолимое затрудненіе. Три коча, коихъ начальники выше сего упомянуты, дошли изъ *Колымы* до самаго *Сѣвернаго Чукоцкаго Носа*, или *Восточнаго мыса* благополучно; но у сего мыса разбился кочъ *Анкудинова*, а бывшіе на немъ люди перебрались на остальные два коча. *Дежневъ* упоминаетъ, что противъ сего большаго Носа лежатъ два острова, на которыхъ живутъ люди Чукоцкаго народа, у коихъ губы прорѣзаны и продѣты чрезъ нихъ украшенія изъ моржовыхъ зубовъ; и что отъ помянута-

го Носа до рѣки *Анадыря*, можно послѣть способнымъ вѣтромъ на кочѣ въ прои сутки, да и сухимъ путемъ припши можно въ сполько же сутокъ потому, что рѣка *Анадырь* впала въ губу. Все сіе служитъ подтвержденіемъ, что *Дежневъ* дѣйствительно обошелъ изъ *Колымы* рѣки Сѣверный Чукоцкій Носъ; ибо положеніе сего Носа относительно къ рѣкѣ *Анадырю*, и близь онаго лежащіе *Гвоздевы* острова, изображаются на новыхъ Картахъ нѣсколько сходно съ симъ показаніемъ *Дежнева*. Послѣ того разнесло погодою и кочи *Дежнева* и *Алексѣева*. Кочѣ перваго носило по морю до Октября мѣсяца, и выбросило на берегъ, отъ рѣки *Анадыря* въ немаломъ разстояніи на полдень, чаятельно около рѣки *Олоторы*. Извѣстія же касающіяся до *Тедота Алексѣева* помѣщены уже въ первой главѣ сей части. *Дежневъ* съ 25 человекъ пошелъ отшуда сухимъ путемъ на рѣку *Анадырь*, и зимовалъ въ недалнемъ разстояніи отъ ея устья; а въ слѣдующее лѣто отправился вверхъ по *Анадырю*, и основалъ *Анадырской* острогъ. И такъ изъ описки *Дежнева* уже явствовало, что Азія отдѣляется моремъ отъ Америки; но сіе для Географіи тогда важное извѣстіе оставалось слишкомъ го лѣтъ въ забвеніи; и открыто Профессоромъ *Миллеромъ* въ *Якутскѣ* тогда, когда сей предметъ уже изслѣдованъ былъ первою Камчатскою Экспедиціею, отправленною по выше сего упомянутому начертанію Императора ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Сія Экспедиція препоручена была Императрицею

ЕКАТЕРИНОЮ АЛЕКСѢВНОЮ флота Капитану
Витесу Берингу, съ которымъ отправлены двое фло-
 та Лейтенантовъ *Мартынъ Шлангберъ* и *Алексѣй Чи-
 риковъ*. По поспроеніи въ Нижнемъ Камчатскѣ *Бота
 Гаврилла* въ 1728 году, отправилась она въ море изъ
 устья рѣки Камчатки, Іюня 20 дня того же года; и
 держала курсъ свой на Сѣверовостокъ, слѣдуя от-
 части въ виду Камчатскихъ береговъ, кои почно
 на картѣ означить спаралась. Августа 10 дня, прой-
 дя мимо большаго острова, назвала оный островомъ
св. Лаврентія; а 15 Августа находилась она подъ $67^{\circ} 18'$
 Сѣверныя широты, гдѣ усмотрѣла, что берегъ Азіи
 вдругъ тамъ поворотился на Западъ. Какъ симъ
 подтвердилось нѣкоторымъ образомъ показаніе Чук-
 чей, сдѣланное Капитану *Берингу*, по коему Сѣвер-
 ный берегъ Азіи поворачивается со всемъ на Западъ,
 то Экспедиціи уже не оставалось сумнѣнія въ томъ,
 что Азія отдѣлена моремъ отъ Америки; и такъ
 она исполнивъ данную ей ВЫСОЧАЩУЮ инструп-
 цію, предприняла обратный путь, и возвратилась
 къ рѣкѣ Камчаткѣ Сентября 20 дня, а зимовала
 въ Нижне Камчатскѣ. Капитанъ *Берингъ* слыша тамъ
 неоднократно отъ Камчатскихъ жителей, что
 примѣчаются въ морѣ противъ Камчатскаго Носа
 разные признаки о близости маперой земли, воз-
 намѣрился на возвратномъ пути изъ Камчатки
 въ Охотскъ сдѣлать изслѣдованія по сему предмету.
 Экспедиція вышла во второй морской путь въ 1729
 году Іюня 5 дня, но за жестокимъ Сѣверовосточ-
 нымъ вѣтромъ не могла удалиться отъ Камчат-

скихъ береговъ, какъ только на 200 верстѣ; и какъ на семь разстоянїи не нашла никакой земли, то предприняла обратный путь въ устье рѣки *Большой*, а оттуда въ *Охотскъ*, куда прибыла Іюля 23 дня.

Изъ сдѣланнаго Капитаномъ *Берингомъ*, о успѣхѣ ввѣренной ему Экспедиціи, донесенїя, удостовѣрилось Россійское Правительство, что Азія отдѣлена моремъ отъ Америки, и потому не почитало оно нужнымъ, дѣлать по сему предмету дальнихъ развѣсканій. Но какъ предстоялъ еще новый вопросъ, а именно: далеко ли Америка лежитъ отъ береговъ Камчатки на Востокъ? то для разрѣшенїя онаго, и для учиненїя прочихъ открытїй до наукъ касающихся, назначена такъ называемая *вторая Камчатская Экспедиція*. Первый Высочайшїй Указъ, сошлялся по сему предмету въ Правительствующій Сенатъ 1732 года Апрѣля 17 дня; въ слѣдствїе котораго Правительствующій Сенатъ, Государственнаѣ Адмиралтейская Коллегїя и Императорская Академія Наукъ, приняли въ учрежденїи сей Экспедиціи общее участїе. На требованїе Сената, внесена въ оный Академіею карта, по ея препорученїю Профессоромъ *Деллемъ* сочиненная, на которой представлены всѣ до тогдашняго времени сдѣланныя открытїя въ Восточномъ Океанѣ. Въ послѣдствїе сего по требованїю же Сената назначила Академія въ предпринимаемую сію Экспедицію Профессоровъ, Студентовъ, Землемѣровъ и другихъ чиновниковъ, кои упомянуты въ предисловіи къ сему Описанїю Камчатки.

Главное Начальство надъ второю морскою Экспедиціею препоручено было отъ Правительства бывшему Начальнику первой Экспедиціи, тогда уже Капитанъ-Командору, *вѣстесу Берингу*, которому приданы бывшіе съ нимъ въ оной Экспедиціи, Флота Капитаны *Шлангбергъ* и *Чириковъ*, и сверхъ оныхъ восемь флота Лейтенантовъ, да одинъ Мичманъ. Естли сія Экспедиція важнѣе была первой по числу составлявшихъ ее чиновниковъ, по не менѣе важенъ былъ и ея предметъ; ибо ей препоручено было при отправленіи: не только опыскать ближайшій отъ Камчатки берегъ Америки, но также описать рѣки *Обь*, *Енисей* и *Лену* и берега *Ледовитаго* моря отъ *Оби* рѣки до *Чукотскаго Носа*, а отшуда пройти до Камчатки; описать также *Курильскіе* острова до Японіи, и берега *Охотскаго* моря. Описание же морскихъ береговъ отъ города *Архангельска* до *Оби* рѣки, предоставила Адмиралтейская Коллегія своему непосредственному вѣденію. Чиновники отъ Академіи въ оную Экспедицію назначенные, должны были заняться, еще до отправленія въ море, описаніемъ Сибирскихъ народовъ и древностей, сочиненіемъ Сибирской Исторіи, дѣланіемъ астрономическихъ наблюденій, для опредѣленія Географическаго положенія достопримѣчательнѣйшихъ мѣстъ Сибири, описаніемъ всѣхъ предметовъ по части Естественной Исторіи и Физики, и прочая. Мы обратимся къ морскимъ отправленіямъ учиненнымъ изъ Охотска, замѣтя прежде здѣсь: что описанія береговъ *Ледовитаго* моря отъ *Лены* рѣки до *Чукотскаго Носа* нельзя было тогда ис-

полнить за многими льдами, хотя дѣланы были по сему предмету при опыта въ разныя лѣта, флота Лейтенантами *Ласеніусомъ* и *Лалтсвилдъ*; по сему, уже во время сей Экспедиціи, не было возможно пройти изъ *Лены* рѣки мимо *Чукоцкаго Носа* въ Камчатское море, хотя по выше сего приведеннымъ Историческимъ извѣстіямъ, оный морской путь изъ Колымы рѣки совершенъ былъ Россіянами въ половинѣ седмагонадесять столѣтія. Путь въ Японію препорученъ былъ Капитану *Шлангбергу*, который построивъ въ Охотскѣ два суда, отправился въ 1738 году съ оными и ботомъ *Гавриломъ*, оставшимся отъ первой Камчатской Экспедиціи, въ назначенный ему путь, въ половинѣ Іюня. Курсъ свой держалъ онъ впервыхъ на Камчатку, для сдѣланія тамъ приуготовленій къ предбудущему своему зимованію, и воспріялъ путь въ Японію, слѣдуя подлѣ Курильскихъ острововъ, до 48° Сѣверныя широты, а отсюда возвратился зимовать въ Камчаткѣ, за позднимъ осеннимъ временемъ. На другое лѣто началъ путь изъ устья *Большей* рѣки уже 22 Маія, на четырехъ судахъ, изъ коихъ одно гребное построено имъ въ *Большерѣцкѣ*. Жестокая буря съ густымъ туманомъ была причиною, что два суда, изъ коихъ на одномъ былъ Начальникомъ Лейтенантъ *Вальмонъ*, отдѣлились отъ прочихъ двухъ судовъ Капитана *Шлангберга*. По сему обстоятельству пристали *Шлангбергъ* и *Вальмонъ* къ Японскимъ берегамъ въ разныхъ мѣстахъ. Первой Іюня 18 дня пришелъ къ Японскимъ берегамъ подлѣ 38° 41' широты, а послѣ

чрезъ два дни подъ $38^{\circ} 25'$; въ семь послѣднемъ мѣсѣцѣ прибѣжали Японцы на его суда, какъ для удовольстворенія своего любопытства, такъ и для мѣны товаровъ; сіе подало *Шлангбергу* случай учинить нѣкоторыя замѣчанія, относительно къ сему народу. Исполнивъ такимъ образомъ сдѣланное ему препорученіе, касательно провѣданія положенія Японіи въ разсужденіи Камчатки, вступилъ онъ чрезъ нѣсколько дней въ обратный путь. Подъ $43^{\circ} 50'$ широты спалъ на якорѣ у большаго острова (*Маш-смая*), гдѣ удостовѣрился, что жили онаго *Курильцы*; продолжалъ потомъ путь на Югозападъ подлѣ сего острова, и дойдя до $41^{\circ} 22'$ широты, предпринялъ путь въ Камчатку, куда прибылъ 16 Августа на устьѣ *Большей рѣки*, а оттуда къ *Охотскѣ* 29 дня. Лейтенантъ *Вильмонъ* увидѣлъ Японскіе берега Іюня 16 дня подъ широтою $33^{\circ} 17'$ и слѣдовалъ далѣе на Югъ по большой части подлѣ береговъ до $33^{\circ} 48'$ широты. На семь пуги спановилъ онъ на якорѣ, и посылалъ команду на берегъ къ большому городу для провѣданія, которая была принята Японцами благосклонно; сіи посылки на берегъ дѣланы были и въ другихъ мѣсѣцахъ, при чемъ учинены нѣкоторыя замѣчанія. Обратно пришелъ онъ на *Большую рѣку* 23 Іюня, а въ *Охотскѣ* 21 Августа. *Шлангбергъ* и *Вильмонъ* сочинили своему пуги карпы, которыя употреблены были при составленіи Россійскаго Атласа. О второмъ отправленіи *Шлангберга* въ Японію, предпринятомъ въ 1741 и 1742 годахъ, упоминашь здѣсь не нужно, ибо оное было неудачно, по причинѣ

вѣхности судовъ. Впрочемъ оное отправленіе происходило для того, чтобы удостовериться въ томъ, что *Шлангбергъ* былъ дѣйствительно въ Японіи; ибо полагаясь на нѣкопоруую Карту, думали, что онъ заходилъ въ Корею.

Между тѣмъ построены въ Охотскѣ два пакетбота *Святый Петръ* и *Святый Павелъ*, для Экспедиціи въ Америку, на которыхъ отправился Капитанъ Командоръ *Берингъ* 1740 года Сентября 4 дня въ Камчатку, гдѣ пришелъ къ устью *Большой рѣки* Сентября 20 дня, а отсюда въ *Лаватискую* губу Октября 6 дня; и зимовалъ въ тамошней гавани, которую назвалъ *Петралагловскою*, по имени обоихъ пакетботовъ. На другой годъ Іюня 4 дня вышли оба пакетбота въ путь для открытія береговъ Америки, и держали курсъ на Юговостокъ къ Югу до 12 числа, гдѣ находясь подъ 46° Сѣверной широты, возвратились на Сѣверъ съ намѣреніемъ, чтобы слѣдовать отъ 50° широты далѣе на Востокъ. Во время густаго тумана и бури, оба пакетбота разлучились. Пакетботъ *Св. Петра*, коимъ командовалъ Капитанъ Командоръ *Берингъ*, и на коемъ былъ также посланной отъ Академіи Адъютантъ *стеллеръ*, часто упоминаемый *Крашенинниковымъ*, по трехдневному тщательному исканію другаго пакетбота, продолжалъ путь къ Востоку, и пришелъ Іюля 18 дня къ Американскому берегу подъ $58^{\circ} 28'$ Сѣверныхъ широты, по извѣстіямъ Профессора *Миллера*. Въ путешествіи же флота Капитана (нынѣ Вице-Адмирала) *Г. А. Сарычева*, Томъ II. стран. 60 упоминается, что

Берингъ, по веѣмъ обстоятельству, приставалъ у острова *Каяка*, который подъ $59^{\circ} 49'$ широты. Юля 20 дня приблизился *Берингъ* къ большому острову, у котораго спалъ на якорѣ, и выслалъ шлюпку за водою, и для провѣданія. На сей шлюпкѣ отправился также *Адъюнктъ Стеллеръ*, который найдя на острове погребъ съ разными Американскими припасами, учинилъ нѣкоторыя къ сему относящіяся замѣчанія, помѣщенныя Крашенинниковымъ въ главѣ XXIII сего тома, и собралъ много правъ, кои упошреблены Профессоромъ Гмелинымъ, при сочиненіи *флоры Сибирской*. На другой день предпринятъ былъ обратный путь подлѣ береговъ Американскихъ, на которомъ присталъ *Берингъ* къ одному изъ *Шуманскихъ* острововъ, для запаса воды. Здѣсь *Адъюнктъ Стеллеръ* имѣлъ случай видѣть Американцевъ (вѣроятно *Аляксинцовъ*) и сдѣлалъ имъ описаніе, которое сообщено Крашенинниковымъ въ упомянутой выше сего главѣ. По весьма трудномъ мореплаваніи, за частыми и продолжительными бурями, совершеномъ подлѣ многихъ острововъ, нынѣ *Лисьи*, *Андреевски* и *Алеутски* называемыхъ, пришелъ наконецъ *Берингъ* Ноября 4 дня къ землѣ, которую почиталъ Камчаткою; и какъ экипажъ и снасти находились въ самомъ худомъ положеніи, то осмался онъ тамъ зимовать. Сія земля была необитаемый островъ, послѣ того въ честь *Беринга*, названный *Беринговымъ*; на немъ скончался сей славный Россійскій мореплаватель съ большею частію экипажа, отъ цынготной болѣзни; и пакетботъ за-

несло на берегъ. Естли съ одной стороны часть сей морской Экспедиціи, такимъ образомъ претерпѣла величайшее несчастіе, то съ другой стороны оное награждено шѣмъ, что подало поводъ къ значительному распространенію звѣриныхъ промысловъ; ибо на ономъ острове найдено множество морскихъ бобровъ, и не малое число песцовъ голубыхъ и бѣлыхъ, а послѣ появились весною морскіе коты, сивучи, морскіе коровы, и бѣлуги. Оставшіеся отъ Экспедиціи люди, построивъ изъ обломковъ пакетбота малое судно, возвратились на Камчатку въ Авачинскую губу на другой, то есть 1742 годъ, Августа 27 дня; а въ Охотскъ въ 1743 году. Они привезли съ собою до 900 морскихъ бобровъ, чѣмъ возродили въ купечествѣ вниманіе на *Беринговъ* островъ, на который начались въ скоромъ времени первыя отправленія промышленниковъ.

Возвратимся теперъ къ другому пакетботу, *св. Павла*, на которомъ командовалъ флота Капитанъ *Чириковъ*. Послѣ разлуки съ *Берингомъ* продолжалъ *Чириковъ* путь къ Воспоку отъ 48° широты, и пришелъ Іюля 15 къ берегу Американскому подъ 56° широты; гдѣ оставаясь въ нѣкоторомъ отъ онаго разстояніи, послалъ для провѣданія и запаса воды свѣжей, штурмана *Деметтьева* съ 10 человекъ на большемъ ботѣ, который отшуда не возвратился, такъ какъ и посланной за нимъ въ 6 человекъ, ботсманъ *Савельевъ*, хотя пакетботъ ходилъ нѣсколько дней въ виду сего берега. По сему несчастному случаю предпринялъ *Чириковъ* обратный путь въ Камчатку Іюля 27 дня;

гдѣ, по прешерпѣннѣи многихъ злоключеній, возвра-
тился въ Пешропавловскую гавань, не прежде какъ
11 Октября. Симъ окончилась достопамятная *Вто-*
рая Камчатская Экспедиція, и начались съ 1745 года
дальнѣйшія разысканія оспрововъ, отъ купечества,
ради промысла морскихъ бобровъ и другихъ звѣрей.

Онѣя частныя отправленія распространились
поспешенно на всѣ острова, лежащіе между Сѣверо-
западною Америкою и Сѣверовосточною Азією. Спер-
ва отысканы были ближніе Алеутскіе острова въ 1745
году *Михайломъ Неводзиковымъ*; послѣ того въ 1762 году
Андряновскіе острова, *Андряномъ Толстикомъ*, а *Лисьи*
острова *Коровиннымъ*. Но важнѣе было отправленіе
Степана Глотова, который въ 1763 году простиралъ
свои промыслы даже до острова *Кадьяка*. Со вре-
менемъ сдѣлались сіи ежегодныя отправленія мно-
гочисленны; на примѣръ въ 1787 году вышло съ Кам-
чатки на промыселъ 25 судовъ съ 1000 промышлен-
ками, Рускими и Камчадалами, кои снаряжались бо-
гатымъ купечесствомъ Иркутскимъ, Тобольскимъ
и другихъ Россійскихъ городовъ. Правительство
съ своей стороны отправило также на *Лисьи* остро-
ва Экспедицію для описанія оныхъ, и покоренія жи-
телей подъ Россійскую державу; оная Экспедиція
совершена въ 1768 и 1769 годахъ на двухъ судахъ,
подъ начальствомъ Капитана *Креницына* и Лейте-
нанта *Левашева*, кои сочинили карту онымъ ос-
тровамъ, и исполнили сдѣланное имъ препоруче-
ніе съ большимъ щцаніемъ. Нѣсколько прежде, а
именно съ 1766 — 1769 годъ совершена также Эк-

спедиція Лейпенантомъ *синдомъ* въ *Беринговъ* проливъ, гдѣ открылъ имъ ближайшій къ Чукотской землѣ берегъ Американскій. Знаменитый Англинскій мореплаватель *Кукъ*, во время своей третьей морской Экспедиціи, отъ Англинскаго Правительства снаряженной, изслѣдовалъ берега Сѣверозападной Америки, и заходилъ чрезъ *Беринговъ* проливъ въ Ледовитое море въ 1778 году; а въ 1779 году преемникъ его, повторилъ путешествіе въ Ледовитое море, въ намѣреніи обойти Америку по Сѣверную ея сторону, но былъ принужденъ возвратиться отсюда безъ успѣха, и заходилъ два раза въ Петропавловскую гавань.

Въ 1785 году отправлена по повелѣнію блаженныя памяти Государыни Императрицы ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКІЯ, достопамятная Экспедиція въ *Восточный Океанъ* и *Беринговъ проливъ*, подъ начальствомъ флота Капитана *Билингса*, *Кукова* сопутника. Сія Экспедиція продолжалась по 1793 годъ, въ которое время предпринимаемо было плаваніе изъ устья *Колымы* рѣки, дабы отсюда пройти въ *Беринговъ* проливъ и Камчатское море, которое однако было безуспѣшно, по причинѣ многихъ льдовъ. Послѣ того на суднѣ *Слава Россіи* учинены разбисканія и описанія острововъ, между Сѣверозападною Америкою и Сѣверовосточною Азіею лежащихъ, также острова *Кадьяка* и дальнихъ береговъ Америки до острова *Калка*; а на Сѣверѣ заходила сія Экспедиція въ *Нортоновъ* заливъ и въ *Беринговъ* проливъ. Гдѣ Капитанъ *Билингсъ*, удостовѣряясь въ невозможности обойти Чукотскую землю по Сѣверную ея сторону, совершалъ путеше-

ствіе сухимъ путемъ чрезъ оную землю, для сочиненія карты, и описанія сей земли и Чукотскаго народа. Большая часть трудовъ и открытій сей Экспедиціи, принадлежитъ однако исключительно Вице-Адмиралу Г. А. *Сарычеву*, совершившему оную въ чинѣ флота Капитана. Какъ путешествіе и Апласъ сего знаменитаго Россійскаго мореплавателя довольно извѣстенъ читателямъ, то было бы излишне упоминать здѣсь пространнѣе о сей Экспедиціи.

Выше сего упомянуто, что съ 1745 года производились отъ частныхъ лицъ многочисленныя отправленія на острова, отъ Сѣверовосточной Азіи до Сѣверозападной Америки простирающіеся, для звѣриныхъ промысловъ; здѣсь замѣтить должно, что такія же отправленія дѣлаемы были и на острова Курильскіе. Сии острова начали быть извѣстными съ 1711 года, въ которомъ Камчатскіе козаки, учинившіе бунтъ, ходили на ближайшіе два Курильскіе острова для покоренія оныхъ, и для заслуженія имъ прощенія винъ своихъ. Получены также нѣкоторыя извѣстія о сихъ островахъ и о Японіи отъ Японгъ въ, занесенныхъ съ судномъ бурей къ Камчаткѣ берегамъ; а въ 1720 годѣ посылаемы были а Навигатора къ шестому Курильскому острову. Но карта симъ островамъ сочинена въ первый разъ Капитаномъ *Шлангбергомъ*, во время *Второй Камчатской* Экспедиціи. Достовернѣйшія же описанія сихъ острововъ, въ разсужденіи ихъ состоянія, получены чрезъ Сошника *Чернаго*, отправленнаго шуда съ

Камчатки въ 1766 и 1767 годахъ, для собранія Ясаку; оный Сопникъ доходилъ до острова *Итурла*, а подштурманъ *Огереди* даже до *Матсмай*. Въ 1777 — 1779 годъ посылаемо было судно, с. *Наталія*, снаряженное *Ластогкинымъ* и *Шелеховымъ*, на 18 Курильской островъ; отсюда ходила часть экипажа въ байдарахъ на островъ *Матсмай* въ портъ *Аткисъ*, для заведенія тамъ торговыхъ сношеній. Японцы хотя приняли оную благосклонно, однако въ торговые сношенія не вступили, утверждая, что у нихъ тогда не находилось товаровъ. А въ 1792 году снаряжена была въ Охотскъ отъ Правительствъ малая Экспедиція, подъ начальствомъ Лейтенанта *Лаксмана*, коея предметомъ было: Японскаго купца *Кодого*, занесеннаго погодою съ судномъ и людьми на островъ *Уналашку*, отвести въ его отечество. *Лаксманъ* зимовалъ въ Сѣверной части острова *Матсмай*, въ небольшой гавани *Немуро*, а въ слѣдующее лѣто перешелъ въ портъ *Хаходаде*, и ѣздилъ отсюда сухимъ путемъ въ городъ *Матсмай*. Тамъ имѣлъ онъ съ чиновниками, присланными изъ Японской столицы, переговоры, въ слѣдствіе которыхъ договоры касательно торговыхъ сношеній, ^{дѣ} заключенствовались производиться въ портъ *Нагасаки*. ^{изъ} Итого ради данъ *Лаксману* писменный видъ, для вѣ^{ста}ска одного Россійскаго корабля въ упомянутый портъ.

По 1785 годъ производились отправленія на острова, отъ Камчатки до Сѣверозападной Америки простирающіеся, разными лицами изъ купечества, кои между собою не состояли въ связи, и не дѣлали

никакихъ общихъ распоряженій въ пользу шамонскихъ промысловъ; отъ сего приходили оныя промыслы въ упадокъ. Для избѣжанія совершеннаго ихъ истребленія, старался Россійскій купецъ *Григорій Шелеховъ* образовать торговое общество, которое при производствѣ промысловъ, дѣлало бы нужныя распоряженія, для сохраненія общихъ выгодъ торговли. Наконецъ склонилъ онъ братьевъ *Голиковыхъ* къ вступленію съ нимъ въ общество. По соединенію своихъ капиталовъ снарядили они вмѣстѣ нѣсколько судовъ, съ которыми отправился *Шелеховъ* на островъ *Кадьякъ*, и завелъ тамъ Россійское селеніе, въ гавани *Трехъ святителей*; откуда производилъ промыслы нѣсколько лѣтъ сряду, съ весьма значительною выгодною. Счастливое положеніе дѣлъ *Шелехова* и *Голиковыхъ* было причиною, что нѣкоторые купцы соединились съ симъ обществомъ, которое приняло названіе *Американской Сѣверовосточной, Сѣверной и Курильской Компаніи*, и было основаніемъ нынѣшней Россійской Американской Компаніи. Въ 1788 году отправленъ былъ, отъ повѣреннаго Американской Компаніи на *Кадьякъ*, *Деларова*, *Галіотъ Трехъ святителей*, подъ предводительствомъ двухъ штурмановъ *Измаилова* и *Богарова*, кои изслѣдовали берегъ Американскій отъ *Чугачкой* губы на Воспокъ лежащій, и склонили нѣкоторыхъ *Чугачскихъ* и *Колужскихъ* тоіоновъ къ добровольному покоренію подъ Россійскую Державу. Въ слѣдствіе сего распространены поспешенно звѣриныя промыслы до *Ситкинскихъ* острововъ. Англинское Правительствово снарядило также въ 1790 году

морскую Экспедицію подъ Начальствомъ Капитана *Ванкувера*, во время которой по 1795 годъ, между прочимъ, описана тщательно часть Западнаго берега Американскаго, между губами, *Кенайскою* и сѣ. *Франциска* лежащая.

Въ 1798 году соединилась *Иркутская Коммерческая* Компания съ *Американскою* Компаніею; послѣдняя приняла тогда названіе *Соединенной Американской* Компаніи, и состояла уже изъ двадцати членовъ. Главнымъ предметомъ сей Компаніи было распространеніе торговли на берегахъ Сѣверозападной Америки, на Алеутскихъ, Курильскихъ и другихъ островахъ, а со временемъ и до Японіи и Кантона; припомъ намѣревалась оная дѣлать открытія новыхъ острововъ въ Океанъ, распространить Христіанскую Вѣру въ Америкъ и на островахъ, завести тамъ селенія, хлебопашество и скотоводство, и усовершить спроектъ судовъ въ *охотскъ*. Начальный капиталъ сей Компаніи состоялъ изъ 724000 рубли, раздѣленныхъ на 724 акцій, по одной тысячѣ рубли каждая; и находился на лицо частію въ наличныхъ деньгахъ, частію же въ векселяхъ, разныхъ заведеніяхъ въ Америкъ и на островахъ, въ судахъ, матеріалахъ и въ товарахъ.

Сія Компания удостоилась **ВЫСОЧАЙШАГО** утвержденія. Императоръ **ПАВЕЛЪ ПЕРВЫЙ** Манифестомъ отъ 27 Генваря 1799 года принялъ оную подъ Высочайшее Покровительство, и даровалъ ей важныя права на двадцать лѣтъ, изъ коихъ главнѣйшія суть слѣдующія: Компаніи **ВЫСОЧАЙШЕ** повелѣ-

но принять названіе Россійской Американской Компаніи; ей позволено заводитъ разные промыслы на берегахъ Сѣверовосточной Америки (1) до 55° Сѣверныхъ широты, и на островахъ, простирающихся отъ Камчатки къ Сѣверу до Америки, а къ Югу до Японіи; дѣлать новыя открытія земель, не только выше 55° широты но и далѣе къ Югу, и принять оныя въ Россійское владѣніе, есльи оныя не состоятъ уже во владѣніи другихъ Державъ; заводитъ тамъ селенія и укрѣпленія для защиты жителей, и отправляетъ суда корабли съ товарами и съ торгующими; имѣть торгъ со всѣми народами сосѣдственныхъ Державъ, съ ихъ согласіемъ и за Высочайшимъ утвержденіемъ.

Съ того времени приняли дѣла Американской Компаніи ходъ благонадежный. Главная контора перенесена изъ Иркутска въ Санктпетербургъ; другія же конторы состоятъ въ *Иркутскѣ*, *Охотскѣ*, на *Уналашкѣ*, *Кадьякѣ* и на 18 Курильскомъ острову *Уруль*. Звѣриныя промыслы разпространены значительнѣе заведеніемъ въ 1800 году перваго селенія въ *Ситкинскомъ* заливѣ; заведено также Россійское селеніе *Кирило - Россѣ*, на *Уруль*. Въ 1801 году къ 1 Января простирался собственный капиталъ Компаніи уже до 2, 747,004 рубли, слѣдственно въ при года увеличился въ 3½ разѣ, и каждая Акція, вмѣсто начальныхъ 1.000 рубли, имѣла уже цѣнности 3.727 рубли. По соизволенію Прави-

(1) Сѣверозападная Америка называется обыкновенно Сѣверовосточною потому, что отъ Камчатки лежитъ къ Востоку.

пельства уменьшена тогда цѣна Акціи до 500 рубли, и опредѣлено число оныхъ до 7350. Государь Императоръ **АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ**, по возшестьвіи на престолъ принялъ Американскую Компанію подѣ Высочайшее Свое Покровительство, и соизволилъ взять 20 Акцій въ пользу бѣдныхъ.

Снабженіе заведенныхъ въ Америкѣ селеній жизненными припасами и другими нужными вещами, подвержено было великимъ затрудненіямъ, по причинѣ отдаленности оныхъ селеній, и неспособности дорогъ отъ Якутска до Охотска. Наконецъ Директоры Американской Компаніи рѣшились посылать корабли съ нужными припасами въ Американскія селенія, изъ Балтійскаго моря около мыса Горна или Доброй Надежды. Сіе новое предпріятіе удостоено Монаршаго одобренія, и по повелѣнію ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА отправлены подѣ Начальствомъ извѣстнаго мореплавателя Капитана *И. Ф. Крузенштерна*, въ первый разъ кругомъ Свѣта два корабля, *Надежда* и *Нева*, первой въ Камчатку, а другой въ Америку. На *Надеждѣ* находился также дѣйствительный Спашскій Совѣтникъ *Резановъ*, которой назначенъ былъ отъ Правительства Посланикомъ въ Японію, для успановленія торговыхъ сношеній съ симъ богатымъ сосѣдственнымъ Государствомъ. Изъ путешествій Капитановъ *Крузенштерна*, *Лисянскаго* и Академика *Линдсдорфа* извѣстны чипапелямъ плоды сей важной Экспедиціи, касательно наукъ и доставленныхъ Американскимъ селеніямъ выгодъ. Съ того времени уже Американская Компанія

продолжаетъ посылать корабли изъ Балтійскаго моря въ свои Американскія селенія, съ великою пользою. Въ 1805 году построена на островѣ *Барановѣ*, крѣпость *Новоархангельская*, на мѣсто раззореннаго шамъ *Колтожами* въ 1802 году прежняго селенія, и перенесена шуда съ острова *Кадьяка* кантора главнаго управителя надъ селеніями Американской Компаніи, Коллежскаго Совѣтника *Баранова*. Чтобы отвратить также и недостатокъ въ сѣбствныхъ припасахъ, заведено въ 1806 году въ портѣ *Бодего*, что въ *Новомъ Либонѣ*, Россійское селеніе *Россъ*, въ которомъ можно надѣяться хорошихъ успѣховъ по части хлѣбопашества и скотоводства. Такимъ образомъ селенія Россійской Американской Компаніи приведены въ лучшее прежняго состояніе, и торговля приняла ходъ удобнѣйшій. В.

КОНЕЦЪ ТОМА ВТОРАГО.